

Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№ 3(4) 2023

Сентябрь 2023

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКСА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., заместитель начальника Управления Президента РФ по внешней политике
- Дацышен В.Г., профессор Кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., директор Первого департамента Азии МИД РФ, к.и.н.
- Карнеев А.Н., директор Школы востоковедения НИУ ВШЭ, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., и.о. научного руководителя ИКСА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД РФ, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Мясников В.С., главный научный сотрудник ИКСА РАН, академик РАН
- Панцов А.В., профессор Capitol University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Китайской Академии общественных наук, КНР
- Ли Чжицян, декан Школы международных отношений Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Юйцзюнь, заместитель директора Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР

Редакция:

А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), А.А. Перминова (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: <http://rusinology.ru>

Российское китаеведение
Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-75961 от 24.06.2019

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ICCA.2023.18.39.001

Подписано в печать 30.09.2023.

Содержание

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Игорь Моргулов: «Российско-китайские отношения отличает зрелый и стабильный характер»	7
---	---

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Зеленев Е.И.</i> Современное востоковедение, европоцентризм и «Восточный вопрос»	14
<i>Александрова М.В.</i> Моногорода ресурсного типа в КНР: исторический экскурс и актуальные проблемы	33
<i>Пятчкова А.С.</i> Китайская школа международных отношений в исследованиях российских ученых	53
<i>Труш С.М.</i> Политика Д. Трампа в отношении Китая: мотивация, эволюция, итоги	69

К 40-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ВЫХОДА БОЛЬШОГО КИТАЙСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ

<i>Стабурова Е.Ю.</i> Большой китайско-русский словарь: к 40-летней годовщине	93
<i>Черникова Л.И.</i> Илья Михайлович Ошанин: путь китаеведа	120

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

<i>Григорьева М.К.</i> О технической стороне оцифровки «Большого китайско-русского словаря» под редакцией И.М. Ошанина. Воспоминания участника	150
<i>Кварталова Н.Л.</i> Памяти И.М. Ошанина. Интервью с С.А. Серовой	156
<i>Лукин А.В.</i> Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет!	160

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

<i>До Лимэй.</i> Российские студенты в Китае и распространение китайского фарфора в России в XVIII веке	163
Об итогах совещания коммунистических и рабочих партий. (Проект доклада М.А. Сулова на Пленуме ЦК КПСС). Отрывки из документа	181

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Гаоянь Цююй, Новиков Д.П.</i> Российско-китайская чайная торговля в китайском преломлении: о книге Лю Цайци «Купечество Шаньси и Великий чайный путь»	212
<i>Исаев А.С.</i> Соотечественники в Восточной Азии: чтобы понять, надо знать и помнить. Читая Роман Якова Ловича «Шанхайцы»	222

Table of contents

SPOTLIGHT INTERVIEW

Igor Morgulov: Russian-Chinese Relations Are Mature and Stable	7
--	---

ACADEMIC PAPERS

<i>Zelenev E.I.</i> Contemporary Asian and African Studies, Eurocentrism and the “Eastern Question”	14
<i>Alexandrova M.V.</i> Resource-based Cities of the PRC: Historical Background, Present State and Issues	33
<i>Piatachkova A.S.</i> The Chinese School of International Relations in Russian Scholarship	53
<i>Trush S.M.</i> Trump’s China Policy: Motivation, Evolution, Outcomes	69

TO THE 40TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION OF THE BIG CHINESE-RUSSIAN DICTIONARY

<i>Staburova E.Yu.</i> Big Chinese-Russian Dictionary: on the 40th Anniversary	93
<i>Chernikova L.I.</i> Ilya Mikhailovich Oshanin: the Way of a Sinologist	120

REVIEWS, MESSAGES, NOTES

<i>Grigorieva M.K.</i> On the Technical Side of Digitizing the “Big Chinese-Russian Dictionary” edited by I.M. Oshanin. Memoirs of a participant	150
<i>Kvartalova N.L.</i> In memory of I.M. Oshanin. Interview with S.A. Serova	156
<i>Lukin A.V.</i> Artem Kobzev turns 70!	160

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

Duo Limei. Russian Students in China and the Spread of Chinese Porcelain
in Russia in the 18th Century 163

On the results of the meeting of communist and workers' parties.
(Draft report of M.A. Suslov at the Plenum of the CPSU Central Committee).
Excerpts from the document 181

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Gaoyan Qiuyu, *Novikov D.P.* Russian-Chinese tea trade in Chinese refraction:
about the book by Liu Zaiqi “The Merchants of Shanxi
and the Great Tea Road” 212

Expatriates in East Asia: in Order to Comprehend, One Needs to Remember.
Reading Yakov Lovich's novel “The Shanghainese” 222

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Игорь Моргулов: «Российско-китайские отношения отличает зрелый и стабильный характер»

Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в КНР И.В. Моргулова журналу «Российское китаеведение»

РК. Игорь Владимирович, спасибо за согласие дать интервью нашему журналу, в редакционный совет которого Вы входите с момента его основания. Как ведущий эксперт в области внешней политики Китая, как бы Вы оценили роль этой страны в современном мире в целом и, в частности для нашей страны?

ИМ. Основополагающей тенденцией современного мира являются тектонические сдвиги, происходящие в глобальном геополитическом ландшафте, глубокие и болезненные трансформации, связанные с переходом к новой модели мироустройства. В данном процессе Китай выступает как один из крупнейших акторов, непосредственно влияющих на формирование полицентричного миро-

порядка. КНР занимает эту позицию вполне закономерно, поскольку она отражает последовательный рост комплексной мощи китайского государства на протяжении последних четырех десятилетий, повышение профиля страны на международной арене, ее все более активное участие в решении проблем глобального управления. Не говорю уже о том, что реализуемая в Поднебесной модель развития стала ориентиром для многих развивающихся государств мира.

В последние годы в рамках продвижения концепции «международных отношений нового типа» Пекином был выдвинут целый ряд внешнеполитических инициатив — в области глобального развития, безопасности, а также межцивилизационного диалога. Концептуальные установки китайских друзей в целом созвучны российским подходам. Они вызвали позитивный отклик со стороны мирового большинства, но не всех членов международного сообщества. США и ведомый ими коллективный Запад практически не скрывают, что рассматривают подъем КНР как угрожающий их доминированию, и без малейшего стеснения предпринимают попытки сдержать экономическое и научно-технологическое развитие Китая. Следствием этого курса неизбежно становится нарастание нестабильности и конфронтационности в мировых делах. Более того, можно с уверенностью сказать, что в обозримой перспективе определяющим для международной политики будет противоборство, с одной стороны, общего для России и Китая видения более справедливого и демократического мироустройства, и с другой — западных, по своей сути неоколониальных подходов, гегемонистских устремлений и санкционного шантажа.

Такое развитие событий объективно повышает значимость уплотнения стратегической связки России и Китая как государств, обладающих подлинным суверенитетом, проводящих самостоятельную и независимую внешнюю политику. Тандем Москва—Пекин является важнейшим элементом поддержания глобальной стабильности. Совместно с китайскими партнерами мы выступаем за равноправие и взаимоуважение в международных делах, учет законных интересов всех без исключения государств, поиск решения актуальных мировых проблем на основе не придуманных неизвестно кем правил, а общепризнанных норм международного права при главенствующей роли ООН. Тем самым наши страны вносят определяющий вклад в формирование основ будущего миропорядка.

И, разумеется, совпадение либо близость подходов Москвы и Пекина к широкому спектру тем глобальной повестки дня — залог дальнейшего упрочения российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, приносящих реальную пользу народам наших стран.

РК. Каково современное состояние российско-китайских отношений, и в чем состоит роль российского посольства в их развитии?

ИМ. Российско-китайские отношения отличает зрелый и стабильный характер, двустороннее сотрудничество успешно развивается по самому широкому спектру направлений. На регулярной основе и на всех уровнях — от высшего до рабочего — ведется интенсивный политический диалог, позволяющий предметно обсуждать и эффективно решать возникающие в ходе повседневной работы практические вопросы, скоординировано реагировать на внешние вызовы, гене-

рируемые турбулентной международной обстановкой. Главное, пожалуй, то, что в плотной «ткани» отношений между нашими странами отсутствуют сколь-нибудь значимые проблемные «узлы», потенциально способные оказать негативное воздействие на общую атмосферу межгосударственных связей. Этим мы обязаны, в том числе, окончательному урегулированию в 2004 году так называемого пограничного вопроса по итогам длившихся четыре десятилетия переговоров.

Весьма показательным «стресс-тестом» для российско-китайских практических связей стали последние полтора года. На всем протяжении этого периода помимо беспрецедентного давления на нашу страну коллективный Запад, зачастую прибегая к языку ультиматумов, пытается принудить весь остальной мир, включая Китай, к сворачиванию взаимовыгодных обменов с Россией. Но эти попути были и остаются тщетными: в нынешних, действительно непростых условиях нам с китайскими друзьями не только удалось сохранить наработанный «багаж» практического взаимодействия, но и значительно его приумножить. Свидетельство тому — стабильный, выражаемый в десятках процентов рост объемов двустороннего товарооборота, существенное повышение доли взаиморасчетов в национальных валютах, наращивание мощностей трансграничной транспортной инфраструктуры, создание производственных альянсов в тех секторах российской экономики, которые западные компании покидают под нажимом правительств своих стран. Так что Россия и КНР, я бы сказал, умело оборачивают трудности в свою пользу, не только не поддаваясь внешнему прессингу, но и последовательно укрепляя свой финансово-экономический и научно-технологический суверенитет.

Что касается российского посольства, то оно по определению находится на «переднем крае» работы по развитию всего комплекса двусторонних связей, обеспечивая поддержание контактов по линии заинтересованных ведомств, причем зачастую в режиме 24/7. И это не преувеличение — задолго до взаимных визитов делегаций высшего и высокого уровней, которыми в течение года Россия и Китай обмениваются далеко не один раз, наши дипломаты нередко до глубокой ночи и по выходным дням ведут переговоры с китайскими коллегами, согласовывая детали совместных — как политических, так и «отраслевых» — документов, в которых фиксируются договоренности сторон на предмет дальнейшего продвижения сотрудничества. Традиционно через дипмиссии обсуждаются актуальные вопросы глобальной и региональной повестки дня, прорабатываются возможные совместные шаги Москвы и Пекина на мировой арене. Важной задачей посольства является представление интересов Российской Федерации в Секретариате Шанхайской организации сотрудничества, расположенном в столице КНР.

Отдельный блок нашей работы — здесь мы тесно взаимодействуем с Торгпредством России в КНР — оказание содействия регионам и представителям деловых кругов нашей страны в выходе на китайский рынок, налаживании контактов с местным бизнес-сообществом. Как нетрудно догадаться, объем задач на этом направлении в последнее время многократно возрос.

Не могу не упомянуть и о сопровождении посольством — в плотном контакте с Российским культурным центром в Пекине — двустороннего взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере. Нам здесь есть чем гордиться — отечест-

венные творческие коллективы первыми посетили Китай после пандемии. Причем сделано это было, как мы умеем, с размахом — летом этого года на специально сооруженной сцене у Великой Китайской стены выступили всемирно известные музыканты — симфонический оркестр Мариинского театра под управлением В. Гергиева и Большой симфонический оркестр имени П.И. Чайковского под управлением В. Федосеева.

В рамках проходящих сейчас российско-китайских Годов спортивных обменов оказываем помощь в организации совместных спортивных мероприятий, в том числе молодежных игр. Считаем эти усилия особенно важными в условиях бойкота наших атлетов со стороны контролируемых Западом международных спортивных организаций.

Наконец, не стоит забывать и о, казалось бы, «рутинной», но крайне востребованной функции посольства в плане визового обеспечения контактов граждан и организаций двух стран. Практика работы в этой сфере также постоянно совершенствуется: с августа текущего года, к примеру, в нашей стране введена единая электронная виза, удобство которой сразу оценили китайские путешественники — только за первый месяц с заявками на ее оформление к нам обратились почти 25 тыс. человек.

РК. Российское посольство стоит на земле, где раньше располагалась Русская духовная миссия в Пекине, частично выполнявшая и дипломатические функции, а затем — посольство СССР. Чувствуете ли Вы себя продолжателем их традиций?

ИМ. Все мы, работающие в посольстве в Пекине, образно говоря, стоим на плечах атлантов, которые упорным трудом на протяжении столетий создавали и укрепляли фундамент отечественной синологии и дипломатии на китайском направлении и в конечном счете современных российско-китайских отношений, достигших в наши дни наивысшего за всю историю уровня. Достаточно вспомнить, что на территории миссии жили и работали такие корифеи, как Н.Я. Бичурин, П.И. Кафаров, В.П. Васильев, да и многие другие подвижники, труды которых послужили становлению отечественного китаеведения, методики изучения и преподавания китайского языка в России. Думаю, не будет преувеличением сказать, что их присутствие до сих пор незримо ощущается на территории посольства, стоит лишь взглянуть на Красную фанзу, служившую архиерейскими покоем и домовою церковью, или на здание консульского отдела — бывшую ризницу и библиотеку миссии, восстановленную уже в наше время Успенскую церковь.

Достойными преемниками Русской духовной миссии, разумеется, в ее дипломатической и страноведческой «ипостасях» стали сначала Посольство Российской империи, затем — СССР и Российской Федерации в КНР. Диппредставительство нашей страны в Китае при всех драматических поворотах истории неизменно вносило важный вклад в формирование в Москве адекватного представления о происходящих событиях и тенденциях развития обстановки в Китае, помогало выработать оптимальный внешнеполитический курс на китайском направлении.

Так что сотрудники посольства, уверен, в полной мере ощущают эту преемственность и ответственность за право быть продолжателями традиций изучения и

глубокого понимания самобытной китайской цивилизации — и в исторической ретроспективе, и применительно к текущему моменту, и в проекции на будущее.

РК. Наш журнал читают китаеведы, а также те, кто хотел бы начать изучение Китая. Им было бы интересно узнать, как Вы начали заниматься Китаем, что повлияло на Ваш выбор этой страны и какую роль он сыграл в Вашей жизни.

ИМ. Скажу откровенно, мой выбор в пользу Китая был относительно случаен. С детства проявлял неподдельный интерес к изучению иностранных языков и мечтал поступить в Московский университет. Но так получилось, что к окончанию средней школы уже довольно прилично освоил азы английского и понял, что еще пять лет учебы на романо-германском отделении филфака МГУ могут оказаться весьма скучными. В связи с этим обратил взор на Институт стран Азии и Африки МГУ, где преподаются восточные языки, в те времена — а речь идет о конце семидесятых годов прошлого века — воспринимавшиеся как довольно экзотические.

Подал заявку на японский или персидский, но у деканата было иное мнение — определили в китайскую группу. Поначалу, по правде говоря, расстроился, поскольку связей с Китаем было совсем мало, и перспективы найти с китайским языком работу казались совсем не очевидными. Думал даже переводиться на филфак. Но помог случай — один мой родственник спросил совета у Е.М. Примакова, работавшего тогда директором Института востоковедения АН СССР. Его вердикт был однозначен: китайский обязательно надо учить, у этой страны огромное будущее, ей в перспективе суждено сыграть важную роль в глобальной политике и экономике, а наши связи с Пекином восстановятся и будут активно развиваться. Спустя годы лишний раз поражаюсь прозорливости Евгения Максимовича. Напомню, этот точный прогноз был сделан им еще до запуска политики реформ в Китае, в период, когда наши взаимные отношения, мягко говоря, были далеки от нормализации. По прошествии многих лет в бытность Е.М. Примакова министром иностранных дел Российской Федерации, находясь рядом с ним, хотел было напомнить ему об этом пророчестве, определившем в том числе мою личную судьбу, да повод так и не представился. Но всегда буду благодарен этому мудрому человеку.

Что же касается роли, которую Китай сыграл в моей жизни, то есть такая максима: начав изучать какую-либо страну и ее язык, ты определяешься с будущей профессией, посвятив же себя познанию Китая и его цивилизации — выбираешь ни много ни мало судьбу. Неоднократно на своем жизненном опыте и на примерах коллег-китаеведов убеждался в справедливости данного утверждения.

РК. И в царской России, и в СССР руководство всегда придавало большое значение научной экспертизе по Китаю. Известные китаеведы часто становились дипломатами, и наоборот, дипломаты работали как исследователи. Как Вы можете оценить современную научную экспертизу по Китаю и потребность в ней? На что нам, экспертам, с точки зрения практиков, необходимо обратить внимание?

ИМ. Прежде всего, верно подмеченная в вопросе необходимость для российских китаеведов в смене «амплуа» вытекала из объективной сложности китайско-

го языка, комплексного характера национальной проблематики, многоплановости задач на китайском направлении. Все эти факторы по-прежнему сохраняют свое действие. Если к этому добавить нынешнюю международную ситуацию — с учетом происходящих в мире перемен, ускорения разворота России на Восток, да и более «экстравертной» модели поведения Китая — значение научной экспертизы по этой стране невозможно переоценить.

Благодаря накопленному потенциалу отечественная китаеведческая школа достойно прошла весьма сложные для академического сообщества 90-е годы прошлого века. Видим в этом огромную заслугу старшего поколения исследователей, которое не только продолжает «высоко нести знамя», но и воспитывает молодую смену, готовую принять эстафету. Регулярно и с интересом знакомимся с публикациями в периодических изданиях бывшего ИДВ, а ныне — ИКСа РАН, МГИМО МИД России, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, ряда других аналитических центров. Убежден, что и «Российское китаеведение» попросту «обречено» занять видное место на книжной полке каждого серьезного китаиста.

Как практик рекомендовал бы принимать во внимание то обстоятельство, что Китай находится на переломном этапе своего развития, для которого характерны, с одной стороны — высочайшая степень внутривластной консолидации, с другой — обострение целого ряда вызовов в экономике, которые открыто признают и наши китайские партнеры. Это требует постоянно держать руку на пульсе событий, не ограничивать мысль привычными шаблонами, смотреть на происходящее в КНР беспристрастным взглядом, отличающимся как богатой нюансировкой, так и четкой аргументацией, выстроенной, прежде всего, через призму интересов нашей страны.

Отдельный призыв обращу к молодым ученым-синологам — сейчас от них нужна особая выдержка с тем, чтобы не идти на поводу у занимательной, но, по сути, маргинальной — насыщенной слухами и домыслами, а порой и преднамеренной дезинформацией — конспирологической «китаистики». К сожалению, в последнее время она иногда чересчур громко заявляет о себе в информационном пространстве.

Еще одно пожелание — к исследователям «дел давно минувших дней». Как известно, Компартией Китая провозглашен курс на сочетание марксистской науки с лучшими образцами традиционной культуры. В данном контексте было бы полезно проанализировать примеры использования соответствующих сюжетов или отсылок к ним, которые часто можно услышать в выступлениях руководителей КНР. Это очень помогло бы нам, практикам, не имеющим, скажу честно, достаточно времени для глубинного погружения в «первоисточники», гораздо лучше понимать всю палитру смыслов, закладываемых в звучащие здесь с высоких трибун политические установки.

РК. Ваш совет начинающим китаеведам и тем, кто раздумывает, не начать ли изучать этот сложнейший язык?

ИМ. Как человек, многие годы отдавший работе на китайском направлении, могу только поддержать настрой тех молодых людей, кто решил пополнить ряды китаеведов. Уверен, что в контексте динамично развивающихся двусторонних

связей специалисты, владеющие китайским языком, будут все более востребованы во многих сферах политики и экономики, научно-технического и гуманитарного сотрудничества. При этом речь идет не только о мастерах устного и письменного перевода — им, кстати, совсем скоро придется конкурировать с таким серьезным соперником, как искусственный интеллект. Думаю, что наиболее широкие перспективы открываются перед выпускниками вузов, которые не только обладают языковыми компетенциями, но и освоили одну из востребованных в наши дни прикладных специальностей.

Желающим посвятить жизнь научно-исследовательской деятельности необходимо принять во внимание то обстоятельство, что Китай прочно закрепился на позиции одного из мировых лидеров по количеству научных публикаций, проиндексированных в авторитетной международной библиографической базе данных Scopus. Китайский язык становится эффективным инструментом получения актуальной научной информации, приобщения к передовой академической мысли.

Тем смельчакам, кто решится изучать «китайскую грамоту», посоветовал бы также с самых первых лет обучения попробовать свои силы в тестированиях по китайскому языку различных уровней сложности, принимать активное участие в лингвистических и страноведческих конкурсах, таких, к примеру, как «Мост китайского языка». Российские студенты и школьники регулярно занимают на нем призовые места.

В лингвистическом плане рекомендовал бы отдельное внимание уделить китайским фразеологизмам, в том числе их семантическим «корням», уходящим вглубь многотысячелетней истории страны. Несмотря на кажущийся академизм, эти знания могут стать серьезным подспорьем в выстраивании повседневной коммуникации с китайскими партнерами.

И, разумеется, советую заранее набраться терпения и упорства — китайский язык требует серьезных вложений в плане времени и усилий. И если, следуя наказу из конфуцианского трактата «Ли цзи», не «бросать дело на полпути», то, смею заверить, все сопутствующие учебному процессу издержки в будущем окупятся сторицей.

Е.И. Зеленеv

Современное востоковедение, европоцентризм и «Восточный вопрос»

Аннотация. Современное китаеведение является составной частью востоковедения, представляющего собой самостоятельную область научного знания, требующего специальной подготовки на уровне бакалавриата, магистратуры, пятилетнего специалитета и аспирантуры.

В данной статье предпринимается попытка определить статус востоковедения в номенклатуре научных дисциплин современной России. Другая задача — проследить историческую логику развития востоковедения и связанной с ним африканистики в России и за рубежом, поместив рассуждения в контекст «Восточного вопроса». Наконец, решается задача определить и обосновать некоторые современные тенденции развития востоковедения и африканистики в российском образовательном и научном пространстве.

Ключевые слова: Востоковедение, западоцентризм, Восточный вопрос, российская система образования, номенклатура научных специальностей.

Автор: Зеленеv Евгений Ильич, директор, Институт востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург. E-mail: ezelenev@hse.ru

Evgeny I. Zelenev

Contemporary Asian and African Studies, Eurocentrism and the “Eastern Question”

Abstract. Contemporary Chinese studies, along with other regional directions of academic inquiry related to Asia and Africa, forms a multi-level array of modern Asian and African studies. The main task of it is to formulate a concept justifying that Asian and African studies in present-day Russia are an independent field of academic knowledge which corresponds to the educational model at a bachelor's, master's, five-year specialty and postgraduate level.

This article serves to achieve this goal. In it, the author makes an attempt to determine the status of Asian and African studies in the nomenclature of academic disciplines in

contemporary Russia. Another goal is to trace the historical logic of the development of Asian and African studies in Russia and abroad, placing the reasoning in the context of the “Eastern Question”. Finally, the author identifies and substantiates some current trends in the development of Asian and African studies in the Russian educational and academic space.

Keywords: Asian and African studies, Orientalism, Oriental studies in Russia, Oriental studies in the Soviet Union, The Eastern Question.

Author: *Zelenev Evgeny I.*, Director, of the Institute of Asian and African studies, the National Research University Higher School of Economics Higher School of Economics in Saint-Petersburg. E-mail: ezelenev@hse.ru

Российское востоковедение в исторической ретроспективе

Ручейки востоковедных знаний проникали в Россию из Европы в XVIII и XIX вв., особенно интенсивно это было в период просвещенного абсолютизма Екатерины II и позже, в период правления ее внуков, Александра I и Николая I [Бартольд, 1911].

Востоковедение, в первоначальном понимании — западная наука о Востоке, именуемая также ориенталистикой, возникло в России в XIX в. Имена востоковедов-европейцев, обретших в России вторую родину, широко известны: немцы Г.З. Байер (1694—1738), Г.Я. Кер (1692—1740), И. Иериг (1747—1795), Х.Д. Френ (1782—1851), Б.А. Дорн (1805—1881), французы Ф.Б. Шармуа (1792—1868) и Ж.Ф. Деманж (1789—1839), поляк О.И. Сенковский (1800—1858) и др. Они заложили фундамент классического востоковедного знания в России [Попова, 2015, с. 4—13]. Их дело продолжила блестящая плеяда дореволюционных российских востоковедов А.К. Казем-Бек (1802—1870), А.О. Мухлинский (1808—1877), В.Ф. Гиргас (1835—1887), В.П. Васильев (1818—1900), И.Н. Березин (1818—1896), В.В. Радлов (1837—1918), О.М. Ковалевский (1800—1878), В.В. Григорьев (1816—1881), В.Р. Розен (1849—1908), В.В. Бартольд (1869—1930), А.Е. Крымский (1871—1942) и многие другие [История..., 1997].

Накануне Первой мировой войны российская востоковедная школа получила международное научное признание, востоковедное образование в немногочисленных в то время российских востоковедных учебных центрах высоко котирировалось в Европе.

Европоцентристский характер российского востоковедения того времени не вызывает сомнения, однако уже тогда внутри российского востоковедения существовали две тенденции: первая, преобладающая, следовала в русле европейского востоковедения, изучая Восток с позиции наружного наблюдателя (этний подход); второе направление, важную роль в котором играли выходцы из восточных народов самой России, изучало Восток не только снаружи, по-европейски, но и изнутри, глазами инсайдера (эмный подход) [Pike, 1967, pp. 37—72; Елфимов, 2007, с. 449—450].

Сегодня нередко приходится слышать о так называемом мифическом историко-филологическом комплексе востоковедных знаний, который якобы имеет место в большинстве востоковедных программ российских университетов. Дей-

ствительно, данный комплекс существовал в российском и советском востоковедении с первой половины XIX в. до 30-х годов XX в.¹, полностью прекратив свое существование в СССР к началу Великой Отечественной войны.

В 1944 г. было принято решение восстановить востоковедное образование в Советском Союзе. Принципом нового советского востоковедного образования стало разделение как преподавателей, так и выпускников востоковедных учебных заведений исключительно на филологов и историков. Классической востоковедной историко-филологической, а правильнее было бы сказать, филолого-исторической амальгамы так и не возникло. Один год принимали абитуриентов на отделение истории, а другой — на филологическое отделение.

Послевоенные российские востоковеды, с огромным трудом добившиеся права находиться в зоне относительного комфорта в рамках научных парадигм филологии и истории, не решились идти трудным, да в то время еще и небезопасным путем воссоздания научного востоковедения как надотраслевой синтетической науки. Напомню, что речь идет о годах, когда надотраслевые науки, в числе которых было востоковедение и которые были призваны синтезировать новое научное знание на междисциплинарной основе, не пользовались официальной поддержкой. Вспомним печальную судьбу таких надотраслевых наук, как кибернетика, генетика, геополитика.

Сегодня в российском образовательном пространстве по-прежнему преобладает подготовка либо востоковедов-филологов, либо востоковедов-историков, хотя спрос на востоковедов-международников, политологов, социологов, экономистов, культурологов, вообще широко и междисциплинарно образованных специалистов со знанием восточных языков огромен.

Востоковедение в российской классификации наук

Считается, что первое в СССР официальное определение востоковедения было дано академиком Виктором Владимировичем Виноградовым, который определил его как устойчивый интерес в науке к глубокому познанию и пониманию культурных ценностей, главным образом, народов Востока. В этом определении совсем не говорится об образовательном содержании востоковедения, а научный смысл востоковедения сводится к «устойчивому интересу в науке».

Возрожденное после 1944 г. российское востоковедное образование не сопровождалось восстановлением научных позиций востоковедения, которое не было признано самостоятельной научной дисциплиной. Во втором издании Большой советской энциклопедии (1951) в пространной статье с названием «Востоковедение» говорится, что востоковедение — «исторически сложившаяся совокупность научных дисциплин, изучающих историю, экономику, языки, литературу, искусство, памятники материальной и духовной культуры Востока» [Востоковедение, 1951, с. 193]. Востоковедение не вошло и не входит в реестры

¹ В 1930 г. востоковедение было удалено из учебных программ советских университетов.

Минобрнауки как самостоятельная научная специальность. В то же время востоковедение утвердилось как образовательная модель в форме пятилетнего востоковедного специалитета, а в Российской Федерации в качестве востоковедной образовательной модели бакалавриата и магистратуры. Именно поэтому в современной России есть востоковеды-бакалавры и востоковеды-магистры, но нет ни одного востоковеда-кандидата или доктора наук по востоковедению. Парадоксально, но факт: 22 российских университета ведут подготовку тысяч востоковедов на уровне бакалавриата и магистратуры, которые после окончания не имеют возможности продолжить научную карьеру как востоковеды, поскольку такой научной специальности официально не существует.

Напомним, что согласно международной классификации, имеется три уровня наук. Первый — области науки, их шесть: естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, общественные, гуманитарные; второй уровень — отрасли науки, их десятки: филология, история, антропология, экономика, право и многие другие; наконец, научные специальности, которые исчисляются уже сотнями. Где в этом перечне могли бы найти свое место востоковедение и африканистика? К отраслевым научным дисциплинам современное научное востоковедение отнести сложно, поскольку на протяжении XIX и XX вв., когда возникало большинство современных отраслевых наук, востоковедение сохраняло надотраслевой характер, оставаясь комплексной научной и учебной дисциплиной. Научный продукт востоковедения, наряду с отраслевыми работами в русле научной эпистемы лингвистики, литературоведения и истории, в большинстве своем носил междисциплинарный и даже трансдисциплинарный характер [Аликберов, 2022]. Надотраслевой уровень имеет очень немногие области научного знания, например, в последнее время к ним относят нанотехнологии и генную инженерию. В этом ряду достойно стоять и востоковедению.

По существу, это означает, что современное российское востоковедение, коль скоро оно претендует на статус самостоятельного научного направления, должно обрести собственную парадигму научного знания, которая неизбежно может быть только надотраслевой.

Сегодня в России официально востоковедная образовательная модель причислена к укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «гуманитарные науки и языки», хотя очевидно, что в реальности многие востоковеды успешно реализуют себя также и в сфере социальных наук (укрупненная группа «науки об обществе и человеке»). Было бы справедливо признать востоковедение одновременно и гуманитарной, и социальной (включая политические) наукой, поместив его в ряд надотраслевых наук, выше отраслевых.

Схема классификации наук с включением в них востоковедения могла бы выглядеть следующим образом: области научного знания — социальные и гуманитарные науки. Строчка ниже — надотраслевые науки, где располагается Востоковедение и африканистика. Еще ниже находятся отраслевые науки — филология, история, антропология, культурология, экономика, социология, политология, этнология, правоведение, психология, управление, обществознание и другие.

Что такое востоковедение?

Востоковедение и тесно связанная с ним африканистика — комплексная надотраслевая научная дисциплина и соответствующая ей модель образования, объектом изучения которой выступает человек, общества и культуры азиатско-африканского ареала, а методологией — комплексное применение методов гуманитарных и социально-политических наук с целью получения качественно нового знания благодаря методологии междисциплинарного и трансдисциплинарного анализа.

Важнейшим объектом изучения востоковедения во все времена был человек с его многогранными отношениями с мирами, внутренним и внешним, его язык и в самом широком смысле культура. Сегодня этот объект научного изучения формально никак не связан с востоковедением, а принадлежит антропологии, хотя именно антропологический подход всегда занимал фундаментальное место в востоковедении, делая объект его изучения четким и понятным. Де-факто антропологический подход, наряду с филологическим, историческим и культурологическим аспектами обучения, остается краеугольным камнем востоковедного образования. Причем антропология как прикладная наука может дать востоковеду только базовые методики, а фундаментальный научный опыт он должен обрести сам в процессе междисциплинарного и трансдисциплинарного исследовательского синтеза, совмещая антропологический подход с филологическим, историческим и иными методами отраслевых гуманитарных и социально-политических наук. Поэтому весьма часто востоковедение именуют синтетической наукой.

Если отталкиваться от реалий современного востоковедного образования в России, то науками, которые составляют фундамент востоковедного образования, остаются филология, история, культурология и антропология. Они могут достраиваться сообразно способностям и желаниям студента комплексом других гуманитарных, политических и социальных отраслевых наук, в первую очередь, экономикой, политическими науками, теоретическими и историческими аспектами международных отношений, правоведением и т. д. и т. п.

От «Введения в востоковедение» к «Постижению образа мира»

Есть ли пределы или, как принято говорить, горизонты востоковедного образования? Можно ли на уровне образования рассуждать о некоей универсальности востоковедного знания? А как быть с таким казусом, когда ученый, изучающий китайскую прозу на китайском, гордо именуется востоковедом и при этом филологом-литературоведом, а его коллега, изучающий китайскую же прозу того же писателя, но на английском языке, уже просто филолог-литературовед? Специалисты в области европейских языков — лингвисты, а в области восточных — востоковеды-лингвисты. Весьма непросто найти объективное различие между востоковедом-историком и просто историком. Автор этих строк, востоковед-историк, искренне не понимает, какой смысл в среде коллег-историков имеет добавление слова «востоковед». Это означает, что это историк какого-то иного особого рода? Абсурд! Или другой пример: изучающий историю Крыма в составе Османской империи — востоковед-историк, а историю того же

Крыма в составе СССР, Украины или РФ изучает уже просто историк. Нелепость! А как быть со странами пограничного историко-культурного бытования? Например, грузиноведение, это область востоковедного знания или нет?

Именно эти размышления подтолкнули коллектив ученых Санкт-Петербургского и Московского университетов, НИУ «Высшая школа экономики», РУДН, МГИМО и некоторых других авторов в период между 2007 и 2012 гг., опираясь на грантовую поддержку, провести работу по созданию учебных пособий для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В итоге возникла трилогия учебников, из которой наибольшую известность приобрел первый том — «Введение в востоковедение», два же других, менее известных — это «Концепции современного востоковедения» и «Постижение образа мира». Каждый том трилогии был адресован определенной студенческой аудитории, представляя собой учебные, а отнюдь не научные издания. «Введение в востоковедение» предназначалось студентам первого курса востоковедного бакалавриата, которым читался одноименный учебный курс. Причем студентам-первокурсникам надлежало рекомендовать фрагменты книги в зависимости от модели востоковедного образования, принятой в вузе, и конкретной востоковедной специальности. Вторая книга трилогии «Концепции современного востоковедения» была адресована студентам завершающего четвертого или пятого года, в зависимости от модели обучения в бакалавриате, и должна была, прежде всего, пробудить у них интерес к комплексным методам востоковедного научного знания, привить им вкус к междисциплинарным исследованиям.

Финальный том — «Постижение образа мира», был адресован магистрантам-востоковедам первого или второго года обучения. В его подготовке участвовало более десяти известных ученых и педагогов, поименно названных в предисловии, но в итоге книга вышла за подписью одного человека: такова была воля участников проекта, полагавших, что их вклад в итоговый текст был незначительным. В третьем томе поднимался вопрос о задачах современного востоковедения, которое рассматривалось как надотраслевое научное знание, для которого отраслевые гуманитарные, социальные и политические науки создавали совокупный исследовательский инструментарий. В книге говорилось, что современные востоковедные исследования могут приобретать междисциплинарный характер, выходить за рамки отраслевых наук и рождают принципиально новое знание и новую междисциплинарную методологию, которые могли возникнуть только в трансдисциплинарной интеллектуальной среде надотраслевого научного знания. Целью востоковедного научного поиска объявлялось формирование целостного Гуманитарного научного образа мира, создать который методами отдельных отраслевых гуманитарных, социальных либо политических наук практически невозможно.

Эти книги вызвали дискуссии, была и критика, в том числе, и весьма острая. «Концепции современного востоковедения», например, критиковались в принципе, как поднимающие опасные для существования бинарной историко-филологической модели востоковедного образования вопросы о соотношении востоковедения и отраслевых наук. Говорилось, что вообще не стоит поднимать эту тему — пусть востоковедение остается «тайным знанием избранных».

На самом деле такая позиция имеет право на существование, поскольку до сих пор преобладает бинарная модель востоковедного образования, готовящая преимущественно только историков или филологов. Вопрос состоит в том, удастся ли защитить такую позицию сегодня в обстоятельствах, когда о сущности востоковедения спрашивают все настойчивее, а спектр требований к востоковедной подготовке становится все шире и универсальнее, но в то же время и конкретнее?

Научное востоковедение в XXI в.

Вопрос о праве востоковедения иметь статус научной дисциплины носит риторический характер. Дело в том, что западный аналог востоковедения, часто по традиции именуемый ориенталистикой, но гораздо шире известный как азиатско-африканские исследования (Asian and African studies) продолжает существовать в разных национальных образовательных школах. Некоторую одиозность понятию «ориентализм» придала дискуссия, порожденная в свое время работой американско-палестинского литературоведа и культуролога Эдварда Саида «Ориентализм» [Said, 1978]. Смысл критики Саида состоял в том, что европейские и, шире, западные востоковеды, стоя на позициях западоцентризма, порой неосознанно, но чаще осознанно искажали реалии Востока, фактически подменяя их собственными представлениями и оценками, рожденными уже упоминавшимся выше этным подходом, то есть позицией внешнего наблюдателя, да еще к тому же отягощенной колониальными и неоколониальными предрассудками о собственном культурно-историческом превосходстве над объектом изучения. Ориентализм был квалифицирован Саидом как разновидность интеллектуального расизма. Позиция Саида, хотя и не встретила единодушной поддержки, была услышана мировой научной общественностью, породив ощущение неприятия понятия *ориентализм* как скомпрометировавшего себя проколониальностью.

Несмотря на негативную коннотацию, это понятие не только не исчезло из обихода западноевропейского востоковедения, но даже сохранилось в названиях ряда признанных центров европейского востоковедения. Крупнейший центр британского востоковедного образования и науки преспокойно носит название Школы ориентальных и африканских исследований (School of Oriental and African studies, SOAS, London), а в университете Лейпцига действует Институт ориенталистики (Orientalistisches Institut).

Все же в большинстве современных западных востоковедных центров при университетах востоковедение чаще именуют азиатскими и африканскими исследованиями (Asian and African studies). По этому научному направлению проходят защиты докторских диссертаций (PhD), присуждаются ученые степени. Степень доктора по азиатским и африканским исследованиям можно сегодня получить в Канаде (Университет Британской Колумбии), в США (Гарвардский университет), в Италии, Австралии, Германии и многих других странах. В Лондонском университете вообще можно получить ученую степень по такой самостоятельной отрасли научного знания, как «Chinese and Inner Asian studies» (Исследования Китая и Внутренней Азии). В Российской Федерации, увы, ниче-

го подобного сделать невозможно, так как востоковедение и африканистика лишены статуса научной дисциплины, по которой ведутся научные изыскания. Речь здесь идет не о заимствовании пресловутого западного опыта, а о здравом смысле, который требует снять бюрократический блок с огромного направления востоковедных научных исследований.

Востоковедение в современной России, по примеру других стран, стремится обрести право производить такой вид научной продукции как диссертации на соискание степеней кандидата и доктора наук. Двигаясь в этом направлении, российскому востоковедению следует не изолировать себя от отраслевых наук, и не ограничиваться только освоением филологии или истории, а напротив, подчеркнуть собственный надотраслевой характер, заявить о праве на использование собственной комплексной трансдисциплинарной методологии, твердо сказать о синтетическом характере многих прорывных востоковедных исследований, имеющих междисциплинарный смысл. Речь идет как о самом научном тексте, так и о примененной при работе над ним методологии, не говоря уже о полученных вследствие ее использования результатах и выводах. Одним из стратегических направлений развития востоковедения в обозримой перспективе становятся кросс-культурные исследования, возникшие на почве психологии, а теперь стремительно распространяющиеся на многие гуманитарные и социальные науки.

Если вдуматься, то тезис о трансдисциплинарности востоковедения противоречит тому, что Томас Кун называл парадигмой научного знания — основы основ любой отраслевой научной дисциплины, границы которых новая востоковедная научная парадигма размывает. Те, кто внимательно читал этого романтика истории науки, помнит с каким творческим азартом Кун писал о «черных лебедях» в науке, об архаизации научных парадигм и их неизбежной модернизации, а то и полной замене, как средстве спасти саму науку. Возможно, в этом обновлении научных парадигм многих отраслевых наук и состоит подлинная миссия научного востоковедения!

Исторические аналогии и параллели

Обращение к истории науки необходимо, чтобы убедить научное сообщество в необходимости время от времени выходить из «зоны комфорта», которую создает уже сложившаяся парадигма научного знания. Корректировка имеющейся парадигмы научного знания — естественный процесс научного роста, признак качественного перехода научного знания на новый уровень. Она позволяет сформировать научную платформу, которую поддерживает влиятельная часть научного сообщества, готовая к поступательному развитию своей науки. Без этого единомыслия влиятельной части научного сообщества движение науки вперед невозможно.

В истории одной науки был весьма примечательный эпизод. В 1904 г. выдающийся английский географ и геополитик Хэлфорд Маккиндер на заседании Королевского географического общества произнес знаменитую речь «Географическая ось истории», в которой призывал сообщество географов признать очевид-

ное и принять в состав географических специальностей также и геополитику¹, область научного знания, рожденную на стыке географии и политической теории. Увы, его призыв не был услышан, а надотраслевая геополитика ушла в трудное, но самостоятельно плавание. Оставаясь важной отраслью практической политики и политологического теоретического знания, геополитика так и не стала признанной самостоятельной научной дисциплиной. Стремясь избежать повторения этого пути российским востоковедением, предлагаю ответить на ряд вопросов, которые были заданы более ста лет назад Маккиндером, но в нашем случае уже применительно к востоковедению.

Во-первых, что такое востоковедение? Кажется странным задавать такой вопрос, когда востоковедению уже более 200 лет, и оно занимает прочное место в системе российского образования. Тем не менее вопрос правомерен и актуален, поскольку именно сейчас логика исторического развития требует для востоковедения все более заметного места в учебных программах высшего и среднего образования, а от специалистов-востоковедов требуются все более широкие и одновременно специализированные знания для удовлетворения экспертных запросов в области политики, экономики, культуры, идеологии, социальной жизни народов Азии и Африки. Мир практической политики и образования, отдавая должное тому факту, что востоковедение и востоковеды проделали грандиозную работу по обобщению знаний о странах Азии и Африки, спрашивает: «Так что же такое востоковедение и что оно может?». Из этого вопроса вырастает другой — о предмете и методах востоковедения как науки.

Вышеприведенный абзац фактически близко к оригиналу повторяет текст, прочитанный Маккиндером в 1904 г., в котором слово «география» заменено на слово «востоковедение» и допущены незначительные смысловые изменения и дополнения [Маккиндер, 2021, с. 7]. Да простит меня мэтр геополитики за вольное обращение с его текстом, но великое потому и ценится, что легко осовременивается, стоит лишь немного поменять ракурс рассмотрения проблемы. Вопросы, заданные более ста лет назад Маккиндером применительно к географии, необычайно актуальны сегодня, но уже применительно к востоковедению.

Важнейший из этих вопросов — является ли востоковедение единой надотраслевой наукой, имеющей в качестве методологического инструмента трансдисциплинарный синтез, или оно включает в себя несколько отраслей научного знания, например филологию, историю и некоторые другие, применяемые востоковедами, но далеко не всегда в формате междисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза?

Чтобы парадигма научного знания пришла в движение, необходимо дать на эти вопросы такие ответы, с которыми бы согласилось научное сообщество востоковедов, что, увы, непросто. Декларативные заявления и лозунги здесь не помогут. Попробуем поискать ответы на поставленные вопросы в еще более глубоких исторических параллелях.

¹ Собственно название «геополитика» тогда не было произнесено, поскольку оно еще не существовало, но призыв к изменению научной парадигмы географии в пользу сближения ее с политической реальностью звучал.

Востоковедение в период 1773—1918 гг.

Не претендуя на оригинальность, тем более на знание истины, рискну выдвинуть гипотезу, имеющую историческое основание, но выводами устремленную в будущее. Речь идет о «Восточном вопросе», а именно об исторической концепции о колониальном разделе Османской империи. Не вдаваясь в детали и обходя дискуссии, упрощу: Восточный вопрос как исторический феномен возник в последней трети XVIII в. Его авторство следует искать в трудах английских историков. Со временем концепцию поддержали представители других европейских исторических школ, включая российскую [Восточный вопрос..., 1978]. Постановка вопроса о разделе Османской империи между европейскими империалистическими державами возникла благодаря европейской промышленной революции конца XVIII в., которая позволила ведущим странам Европы установить политико-экономический контроль над значительными пространствами Азии и Африки.

Европейский капитализм победил азиатские способы производства и установил колониальную зависимость над большинством стран Азии и Африки. По мнению ряда историков, знаковой вехой генезиса Восточного вопроса считается заключенный в 1773 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Османской империей, по которому важный геополитический субъект — Крым — перешел под патронаж Российской империи. Восточный вопрос как вопрос о судьбе Османской империи был разрешен в 1918 г. с окончанием Первой мировой войны. Османская империя была разгромлена и расчленена.

Именно в этот исторический период (конец XVIII в. — 1918 г.) сложилось имперское востоковедение, решавшее задачу изучения с позиции западоцентризма афро-азиатского региона, значительная часть которого стала объектом колонизации европейских держав. Одним из примеров такой взаимосвязи служит деятельность христианских духовных миссий в Китае и вызванное ею стремительное развитие китаеведения. Другой пример — поход Наполеона Бонапарта в Египет (1798—1801), давший стимул развитию египтологии. Аналогичные параллели прослеживаются в арабистике, индологии, тибетологии и других востоковедных областях знаний.

Напомним, что в российском востоковедении тогда преобладал комплексный подход, а прием абитуриентов осуществлялся на разряды, например китайско-маньчжурский, монголо-калмыцко-татарский, арабо-персидско-турецко-татарский и др. Разряды формировались по языковым и культурно-цивилизационным признакам — это был весьма прогрессивный для того времени метод, предвосхитивший развитие современных надотраслевых гуманитарных научных направлений.

В отличие от европейского и североамериканского российское востоковедение изначально имело двойственный характер. Наряду с привнесенным европейской традицией «европоцентризмом», существовала и восточная линия самопознания, так сказать, «евразийская», носителями которой были образованные представители Востока, но при этом подданные Российской империи. Фактор самопознания делал российское востоковедение наукой мировоззренческой, решавшей как научные проблемы, так и проблемы мироощущения и миропонима-

ния самих россиян [Van der Oye, 2010]. Между этими направлениями шла напряженная борьба, не дававшая, впрочем, победы ни одной из сторон, что до некоторой степени соответствовало двум течениям русской общественной мысли — славянофильству и западничеству. Политические коллизии отражались на востоковедении как на научном направлении и на востоковедном образовании.

Восточный вопрос — 2

Исторически Восточный вопрос исчерпал себя в 1918 г., однако его смысловое содержание не только не улетучилось с крахом Османской империи, но даже получило продолжение, которое мы определим понятием *Восточный вопрос — 2*.

Дело в том, что цели и средства решения первого Восточного вопроса были с незначительными уточнениями перенесены с Османской империи на Советскую Россию, а потом и на СССР. Восточный вопрос — 2, а именно задача колониального раздела СССР, решалась странами условного Запада с 1919 по 1991 г. — свыше 70 лет. Обратите внимание, что первый Восточный вопрос «решался» более 150 лет, то есть вдвое дольше, что свидетельствует об ускорении хода исторического времени.

В этот период (1919—1991) западное востоковедение продолжало развиваться в условиях невиданного по интенсивности возникновения отраслевых наук, которые отрывали от востоковедения целые отрасли гуманитарного и социального знания: социолингвистика ушла к филологам, обществоведение — к социологам, этнопсихология — к психологам, культурология и религиоведение — к философам. В итоге, доминантным признаком западного востоковедения как научной области стал акцент на изучении человека в разных средах — политической, экономической, культурной, социальной и др. Сегодня мы называем этот ракурс антропологическим (культурным и социальным).

В СССР имперское дореволюционное востоковедение, отделенное от своих западноевропейских «европоцентристских» корней, говоря народным языком, сошло на нет, растворилось к началу Второй мировой войны в отраслевых науках, прежде всего в филологической и исторической. Почему? Марксистская идеология играла в этом определенную роль, но не главную. Востоковедение подстроилось под марксизм, тем более что между мировыми войнами он еще был живым учением, чего не скажешь о позднем советском догматизме на почве марксизма. Востоковедение должно было и готово было служить мировой революции, но она не произошла. Концепция же строительства социализма в отдельно взятой стране (после 1925 г.) делала востоковедение ненужным, о чем было прямо написано в статье В.А. Гурко-Кряжина, помещенной в Большой советской энциклопедии 1929 г. [Гурко-Кряжин, 1929].

Возрожденное в 1944 г. советское востоковедение, прежде всего как образовательная модель, имело мало общего с имперским дореволюционным востоковедением. Поэтому, когда сегодня говорят о классическом востоковедении, то невольно возникает вопрос, что имеется в виду: царско-советское довоенное или советское послевоенное?

Выше уже говорилось, как возникло современное бинарное историческое и филологическое востоковедное образование и соответствующий ему бинарный продукт — научное востоковедение. Размышляя о причинах этого, невольно приходит на память множество примеров того, как прорывные перспективные идеи объявлялись ложными, а их авторы надолго лишались права их развивать, порой теряя свободу и гражданские права. Нет ничего удивительного в том, что стоявшие у истоков возрождаемого советского востоковедения ученые не решились воссоздать надотраслевое междисциплинарное востоковедение, придав ему синтетический филолого-исторический характер. Это была бы полумера, но все-таки шаг в нужном направлении. Этого не произошло, возможно потому, что, создав два направления востоковедения — историческое и филологическое, эти честные и образованные люди оказались в зоне относительного комфорта — не нужно было ничего изобретать или перестраивать, а можно было просто жить. Они так долго и трудно этого добивались! Справедливости ради отметим, что не все востоковеды смирились с тем, что многие междисциплинарные работы приходилось делать инициативно или вне официального научного пространства. Даже стала возникать какая-то междисциплинарность, но вернуться к тому надотраслевому востоковедению, которое требовало усилий, борьбы и риска, они уже не были готовы.

Восточный вопрос — 3, 4 и так далее

Восточный вопрос — 3 возник в 1991 г. По аналогии с двумя предыдущими его объектом стала часть евразийского пространства СССР, сохранившая свое политическое единство. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на мнение известного североамериканского политолога и политического футуролога Джорджа Фридмана, который утверждает, что стратегия фрагментации России рассчитана на 30—40 лет и укладывается во временные рамки 1991—2025—30 гг. Отметим, что эта работа была переведена на русский язык и издана в издательстве «Эксмо» [Фридман, 2010, с. 80, 133, 167—168]. Она не отнесена к числу экстремистских сочинений. Рискну предсказать, что при любом исходе Восточного вопроса — 3 за ним последует Восточный вопрос — 4. Кто или что будет его объектом, сейчас сказать трудно, но список кандидатов на эту незавидную роль весьма внушительный. В нем есть место и Китаю, и Индии, и Японии, не говоря уже о таких геополитических феноменах, как Саудовская Аравия, Иран или даже Турция.

Какова же судьба российского востоковедения в интервалах 1991—2025—30 гг.? Прежде всего, констатируем некоторые факты: во-первых, российское востоковедение после 1991 г. сблизилось с западноевропейскими и североамериканскими азиатско-африканскими исследованиями, восприняв их объективизм и деидеологизацию, но также и элементы неокOLONиальной имперскости и западоцентризма. Антиколониальная риторика советского периода была свернута. Ее место заняли безусловно «западоцентристские» концепции «коллективной безопасности», «борьбы с международным терроризмом», «защиты социальных прав и свобод», «гендерное равенство». Принципиально изменилась тематика восто-

коведных исследований, которые все больше стали соответствовать западноевропейской и североамериканской научной повестке, многократно возросло количество востоковедных исследований, издающихся на английском и других иностранных языках, в том числе и за рубежом. Так продолжалось до 2008 г., когда разразился глобальный финансовый кризис, затем, после 2014 г. расхождения в политике РФ со странами условного Запада, прежде всего с США, стали стремительно нарастать, достигнув максимума после февраля 2022 г., когда РФ начала специальную военную операцию на Украине. Последствием этого стал масштабный разрыв политических, экономических и культурных связей России со странами условного Запада и, напротив, активизация отношений со странами Азии и Африки. Существенно возросла субъектность России как самостоятельного актора на международной арене. Особое значение приобрели российско-китайские отношения. Уже свыше 10 лет в российском образовательном пространстве фиксируется настоящий бум изучения китайского языка. Количество дипломированных китаеведов, ежегодно выпускаемых российскими вузами, насчитывает уже не десятки, а сотни специалистов. В последние годы заметно возрос интерес и к другим отраслям востоковедения и африканистики.

На этом политическом фоне перед российским востоковедением вновь стал вопрос о предназначении, цели и методах востоковедного образования и научного знания. Такие понятия, как государственный суверенитет, неокOLONиализм, многополярный мир, мультилатерализм как противовес унитаризму, гражданское единство вернулись в качестве тем российского общественного дискурса, вновь став объектом востоковедных исследований.

Альтернативная модель востоковедения

Попытки двигаться в направлении создания альтернативной модели востоковедения и в научном, и в образовательном смысле сегодня делаются во многих востоковедных центрах. Уже несколько десятилетий в Институте стран Азии и Африки МГУ осуществляется прием на экономическую, а в последние годы и на политологическую специализации. Востоковедение в Новосибирском государственном университете, наряду с историко-филологическим профилем, ведет подготовку по специализации «Культурология и искусствоведение». Многопрофильная магистратура уже много лет существует на Восточном факультете СПбГУ. Имеются и другие примеры. Масштабный проект такого рода свыше 10 лет осуществляется в НИУ ВШЭ. Необходимость движения в этом направлении признается на многих научных форумах и общественных обсуждениях.

Что же касается научного востоковедения, то оно так и остается, причем с рядом принципиальных ограничений, в пределах трех отраслевых специальностей — лингвистика, литературоведение и история. Междисциплинарность и трансдисциплинарность, о которой так много говорят в востоковедной среде, увы, всего лишь несбыточная мечта немногих энтузиастов.

Поясню. Во-первых, нет и не может быть реальной междисциплинарности, если нет собственно научной дисциплины; во-вторых, востоковедной междис-

циплинарности и трансдисциплинарности не возникнет, пока востоковедение не будет признано надотраслевой наукой (как кибернетика, генетика, нанотехнологии или геновая инженерия).

Самое главное: востоковедение, лишенное научной вершины — собственных диссертационных советов и аспирантуры, с неизбежностью останется в состоянии маргинализации, с трудом подбирая аргументы, чтобы доказать право на свое существование наряду с историей и филологией и внутри них. Существует мнение, которое, в частности, высказывает известный российский Китаист А.В. Лукин, что предметом востоковедения может стать изучение вестернизации незападных обществ, «механизм взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия» [Лукин, 2023, с. 246]. Этот тезис, важный сам по себе, к сожалению, необоснованно сужает сферу востоковедных научных интересов. Подобные идеи, действительно, были актуальны в 80-е годы прошлого века. Разрушение биполярного мира, вызванное распадом СССР в 1991 г., лишило данное направление исследований актуальности, так как в постмодернистском мире модернизация, изводом которой была вестернизация, утратила прежний принципиальный смысл. СССР перестал быть объектом для подражания, а новому глобальному лидеру США не удалось монополично закрепить эту роль за собой. В итоге, мир вступил в стадию многовекторного развития, сегодня трудно сказать, кто на кого оказывает большее влияние: Запад на страны Азии или лидеры азиатского развития на западный мир. Большую актуальность приобрела дискуссия о взаимодействии глобальных Севера и Юга, однако и эта дихотомия с неизбежностью стремится к пусть относительному, но равновесию. Поэтому очень интересная, глубокая и фундаментальная статья А.В. Лукина, на наш взгляд, достойна более масштабного вывода, например, ставящего востоковедение в положение надотраслевой науки, что делает предмет и методологию востоковедного знания понятными и конкретными. Именно на этот новый статус востоковедения и его обновленную парадигму научного знания указывает опыт ряда ведущих университетов России, где на протяжении многих лет развиваются альтернативные модели российского востоковедного образования.

Альтернативная модель востоковедного образования в НИУ ВШЭ

Востоковедная образовательная программа открылась в Высшей школе экономики в Москве в 2010 г., а в Санкт-Петербурге — в 2014 г. Сегодня эти проекты развиваются в рамках двух организационных структур: Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики (Москва); Института востоковедения и африканистики (Санкт-Петербург)¹. У этих проектов много

¹ В 2018—19 гг. в НИУ ВШЭ из РГГУ перешла группа востоковедов, которая образовала ИКВИА (Институт классического Востока и античности), бурно развивающуюся востоковедную образовательную структуру, которая в целом сохранила приверженность историко-филологической бинарности и в образовании, и в научной деятельности.

общего, они представляют собой единую образовательную модель, но с некоторыми внутривидовыми различиями.

Поскольку автор этих строк лучше знаком с проектом НИУ ВШЭ в Петербурге, принимал участие в его развитии, то нижеследующий фрагмент будет посвящен описанию именно Санкт-Петербургской образовательной модели восточного бакалавриата, без акцентирования внимания на ее различиях с московским аналогом.

Итак, образование в Санкт-Петербургском восточном бакалавриате направлено на подготовку современных специалистов мультикультурального уровня. К базовому профессиональному образованию востоковеда, фундамент которого составляют филологические, исторические, культурологические и антропологические курсы, с третьего года обучения добавляются еще несколько профессиональных направлений, из которых учащийся выбирает одно, ему наиболее близкое.

Структура обучения востоковедов в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург выглядит следующим образом. Два первых года студенты восточного бакалавриата, распределенные по четырем принимающим кафедрам, проходят базовый курс первого восточного языка, начинают изучать второй восточный язык, а также проходят фундаментальную подготовку по базовым восточноведным дисциплинам филологического направления, истории, географии и социально-культурной антропологии. С третьего курса студенты распределяются на две новые кафедры, где им предлагается специализироваться в таких областях знания, как экономика, международные отношения, политология, социология, религиоведение и философия, культурология и искусствоведение, в перспективе и в некоторых других. Эти специализации строятся на восточноведном фундаменте, основанием которого является изучение политической, общественной и культурной жизни стран Азии и Африки. Студент сам выбирает специализацию. В этом ему помогают консультации со специалистами-востоковедами, посещение открытых лекций и мастер-классов.

Особую роль в индивидуализации образовательной траектории играет майнор — возможность заниматься онлайн на одном из восточноведных факультетов Петербургского или Московского кампусов Высшей школы экономики. Это дает студенту возможность углубить избранную отраслевую специализацию либо, напротив, дополнить ее какой-то новой специализацией.

В завершении описания этой восточноведной образовательной модели приведем инфосхему восточного бакалавриата, из которой ясно, какие объемы академических часов уделены восточным и европейским языкам, как распределены предметы по курсам и группам.

Согласно информации, приведенной в инфосхеме (табл. 1), образовательная программа восточного бакалавриата Института востоковедения и африканистики в Санкт-Петербурге, предусматривает:

- 1) 1580 аудиторных часов по основному восточному языку;
- 2) 420 аудиторных часов по второму восточному языку;
- 3) более 400 аудиторных часов по английскому и второму европейскому языкам — немецкому, французскому или испанскому;

Таблица 1. Инфосхема

Образовательная программа «Востоковедение» (бакалавриат) НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург					
	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс
Языковые дисциплины	Основной восточный язык (арабский, китайский, корейский, хинди и японский), 81 зачетная единица (з.е.) (1580 аудиторных часов)				
		Второй восточный язык (арабский, иврит, турецкий, персидский, хинди, корейский, вьетнамский, китайский и японский), 16 з.е. (420 аудиторных часов)	Второй европейский язык (немецкий, французский или испанский), 8 з.е. (200 аудиторных часов)	Продолжение изучения второго восточного языка на 4 курсе опционально, 8 з.е.	
120 з.е.	Английский язык (факультативы — 300 аудиторных часов) + предметы на английском языке				
Профессиональные базовые дисциплины (обязательные)	История стран изучаемого региона, 20 з.е. (260 аудиторных часов)			Мировоззренческие системы Востока	Актуальные проблемы современной Азии и Африки
	Введение в востоковедение	Россия и страны Востока	Политические системы и социально-политические процессы стран изучаемого региона	Теория и практика государственного управления	
	Социальная антропология стран Востока	Литература стран изучаемого региона			
	География стран Востока	Цифровая грамотность			
60 з.е.	Источниковедение стран изучаемого региона	Введение в экономику			
Блоки предметов по выбору			Майнор, 20 з.е.		
			1 из 2 Концентраций на выбор (в рамках концентраций предусмотрены специализации), 40 з.е.		
			«Общество и культура стран Востока» (возможные специализации: социология, культура и искусство, религиозная и общественная мысль, право)		
60 з.е.			«Политическое и экономическое развитие стран Востока» (возможные специализации: экономика, история международных отношений, политология, менеджмент)		
Практический блок (обязательный), 15 з.е.	Библиографическая практика				Научно-педагогическая практика
	НИС (лингвистика, литературоведение, история, социология, культурология и искусствоведение, право, психология, политология и международные отношения)				
Практический блок (по выбору), 45 з.е.		Курсовая работа по истории	Междисциплинарные курсовые работы		Выпускная квалификационная работа
				Проектная практика	

4) более 340 аудиторных часов по истории изучаемого региона в эпоху древности, в период средневековья, нового и новейшего времени.

На данный момент имеется 8 возможных отраслевых специализаций, построенных на фундаменте именно востоковедного образования. Насыщенность образовательной программы таким количеством разнообразных предметов возможна только при пятилетнем сроке обучения в востоковедном бакалавриате, на который востоковеды НИУ ВШЭ перешли шесть лет назад. Логическим продолжением развития востоковедного бакалавриата в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге стало открытие в 2023 году востоковедной мультидисциплинарной магистратуры «Кросс-культурные исследования Азии и Африки в контексте международных отношений».

Вместо выводов

Вместо выводов, которые по своей форме, скорее всего, напоминали бы трудно реализуемые директивы, утопические лозунги, или, того хуже, призывы к «революционному переустройству» имеющегося востоковедения, автор просто обращается к заинтересованным читателям с пожеланием. Не стоит ли, избегая поспешных оценок, остановиться и задуматься над тем, как сохранить бесценное научное и педагогическое наследие востоковедения, накопленное многими поколениями российских китаеведов, индологов, иранистов, японистов, арабистов, африканистов, тюркологов и т. д. и т. п.? Назрела насущная необходимость расширить спектр востоковедных образовательных и научных направлений. Логичнее всего начать с того, что уже имеется, а именно с востоковедного образования, увеличив количество отраслевых специализаций, по которым готовят российских востоковедов, сделав акцент на освоении методологии междисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза. Сегодня реально открыть аспирантуры по направлению «Востоковедение и африканистика» в тех университетах, которые имеют право на данный вид образовательной деятельности, подкрепив этот шаг созданием соответствующих диссертационных ученых советов по направлению «Востоковедение и африканистика». Параллельно с диссертационными советами по востоковедению и африканистике вполне могут действовать диссертационные советы по истории и филологическим наукам. Опасения, что новые формы востоковедного образования и научной деятельности нанесут вред традиционным отраслевым научным направлениям, едва ли обоснованы. Дело в том, что надотраслевой статус востоковедения и африканистики практически исключает столкновение его интересов с отраслевыми науками: кто-то найдет себя внутри отраслевой научной парадигмы, а кто-то воспользуется межотраслевым «окном возможностей».

Возможно также, что кому-то разнообразие востоковедного образовательно-го и научного ландшафтов может показаться слишком экзотичным, но современные вызовы, пользуясь терминологией А. Тойнби, столь нетривиальны, что ответить на них, действуя только традиционными методами, едва ли получится.

Наконец, завершающий тезис. Мы живем в эпоху невиданных хронокультурных трансформаций. Не только действия и идеи, но само время становится дея-

тельным фактором развития, трудно предсказуемым, неумолимо ускоряющимся и, увы, необратимым. Поэтому иногда полезнее попробовать действовать и подождать результатов, чем заранее, опасаясь провала, обрекать себя на бездействие и вероятную неудачу.

Вспомним крылатую фразу французского писателя Пьера Бомарше, которую он приписывает острому итальянскому уму: «Время — честный человек».

Библиографический список

Аликберов А.К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // *Ориенталистика*. 2022. № 5 (4). С. 722—733.

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Санкт-Петербург, 1911.

Большая советская энциклопедия. Т. 9 / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1951. 626 с.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XIX — начало XX в. М.: Наука, 1978.

Гурко-Кряжин В.А. Востоковедение // Большая советская энциклопедия. Т.13. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: 16-я типография «МОСПОЛИГРАФ», 1929. С. 289—293.

Елфимов А.Л. Эмическое-этическое // *Культурология. Энциклопедия*. Т. 2. М.: Росспэн, 2007. С. 449—450.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Восточная литература РАН, 1997. 536 с.

Лукин А.В. Востоковедение: предмет и перспективы развития в России // *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*. 2023. № 2 (15). С.234—252.

Маккиндер Х. Географическая ось истории / пер. В. Желнинов. АСТ, 2021. 288 с.

Попова И.Ф. Классическое Востоковедение на современном этапе: проблемы и перспективы // *Проблемы востоковедения (Уфа)*. 2015. № 4 (70). С.4—13.

Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. 336 с.

References

Alikberov, A.K. (2022). Kompleksnost vostokovedeniya, ego mezhdisciplinarnyye i multidisciplinarnyye perspektivy [The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives] // *Orientalistica*. No 5 (4). Pp. 722—733. (In Russian).

Bartold, V. (1911). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of the study of the Orient in Europe and in Russia]. Saint-Petersburg. (In Russian).

Big Soviet Encyclopedia [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol.9, editor-in-chief B.A. Vvedensky. Moscow: State Scientific Publishing House “The Great Soviet Encyclopedia”. Moscow: State Scientific Publishing House “The Great Soviet Encyclopedia”, 1951, 626 p. (In Russian).

Vostochniy vopros vo vneshnei politii Rossii. Konets XIX nachalo XX v. [The Eastern Question in Russian foreign policy. Late XIX — early XX century] (1978). Moscow: Nauka. (In Russian).

Elfimov A.L. (2007). Emicheskoe-eticheskoe [Emic-ethic] // *Culturology. Encyclopedia*. Vol.2. Pp. 449—450. (In Russian).

Fridman, J. (2010). Sleduyushchie 100 let. Prognoz sobytij XXI veka [The next 100 years. Forecast of events of the XXI century]. Moscow: Eksmo. 336 p. (In Russian).

Gurkho-Kryazhin, V.A. (1929). Vostokovedenie [Oriental studies] // Big Soviet Encyclopedia, ed. O.Yu.Schmidt. Vol.13, Moscow: The 16th printing house "MOSPOLIGRAF". Pp. 289—293. (In Russian).

Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda [The history of Russian oriental studies from Middle XIX century to 1917]. Moscow, Vostlit RAS, 1997. 536 p. (In Russian).

Lukin, A.V. (2023). Vostokovedenie: predmet i perspektivy razvitiya v Rossii [Oriental Studies as an Academic Field and Its Prospects in Russia] // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. No 2 (15), Pp. 234—252. (In Russian).

Mackinder, H.J. (2021). Geograficheskaya os' istorii [Geographical Pivot of History], translated by V. Zhelminov. AST. 288 p. (In Russian).

Popova, I.F. (2015). Klassicheskoe vostokovedenie na sovremennom etape: problemy i perspektivy [Modern Classical Oriental Studies: problems and perspectives] // Problems of Oriental studies (Ufa). No 4 (70). Pp. 4—13. (In Russian).

Vostochniy vopros vo vneshnei politiches Rossii. Konets XIX — nachalo XX v. [The Eastern Question in Russian foreign policy. Late XIX — early XX century]. Moscow: Nauka. 1978. (In Russian).

* * *

Pike, K.L. (1967). Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. Hague: Mouton & Co, 732 p.

Said, E.W. (1978). Orientalism. USA, Pantheon Books, 368 p.

Van der Oye, D.Sch. (2010). Russian Orientalism. Yale university press, London, 291 p.

Поступила в редакцию: 02.08.2023. Received: 2 August 2023.

Принята к публикации: 14.09.2023. Accepted: 14 September 2023.

М.В. Александрова

Моногорода ресурсного типа в КНР: исторический экскурс и актуальные проблемы

Аннотация. КНР как крупная индустриальная держава располагает большим количеством ресурсных городов, многие из которых были основаны и процветали в эпоху плановой экономики. Возникновение и развитие подобных центров внесло неоценимый вклад в создание независимой и целостной промышленной системы Китая и продвижение индустриализации страны. Однако экономическая модель ресурсных городов имеет и серьезные недостатки, в первую очередь такие, как моноструктура промышленности, высокая зависимость экономики от эксплуатации и переработки невозобновляемых ресурсов. С непрерывным истощением этих ресурсов у такого рода населенных пунктов появляются трудноразрешимые проблемы. Китай проводит активную государственную политику, направленную на трансформацию и реформирование сырьевых городов. Сегодня для них остро стоит задача срочного ускорения экономической трансформации, осуществления оптимизации и модернизации промышленной структуры.

Ключевые слова: угольные шахты, модернизация, индустриализация, 20-й съезд КПК, трансформация, инфраструктура.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Maria V. Alexandrova

Resource-based Cities of the PRC: Historical Background and Issues

Abstract. China as a major industrial power has a large number of resource cities, many of which were founded, developed and prospered in the era of the planned economy. The emergence and development of these cities have made an invaluable historical contribution to the establishment of an independent and integral industrial system in the country and to the promotion of China's industrialization. However, the economic model of resource cities has many disadvantages, such as monostructural industry, high dependence of the economy on exploitation and processing of non-renewable resources. With continuous depletion of non-renewable resources, intractable problems began to appear in resource cities. China is pursuing an active state policy towards the transformation and reform of resource cities. Today, China's resource cities urgently need to accelerate economic transformation, optimize and upgrade the industrial structure.

Keywords: coal mines, modernization, industrialization, congress of the CCP, transformation, infrastructure.

Author: Alexandrova Maria V., PhD (Economics), Leading Researcher, the Centre "Russia, China, the World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Природные ресурсы — важный материальный фактор экономической деятельности. Богатые ими регионы обычно обладают большим потенциалом развития, но чрезмерная зависимость от природных богатств приводит к нарастанию комплекса проблем, за которым закрепилось образное наименование «ресурсного проклятия».

Огромный спрос на ископаемые и лесные резервы и возможность создания крупномасштабных механизированных производств являются фундаментальными (ключевыми) причинами возникновения ресурсоориентированных городов как специфических продуктов индустриализации.

Такие города были крайне важны для развития Китая. Мощные сырьевые базы промышленности страны, в течение длительного периода они были ее своеобразными двигателями, но к концу XX в. в связи с исчерпанием ресурсов в условиях моноструктуры местной промышленности превратились в тяжелый балласт для экономики. Вступив в XXI в., КНР стала уделять все больше внимания трансформации и развитию моногородов. Аналогичный процесс во многих развитых странах идет уже в течение полувека и не завершен до сих пор.

На пути трансформации и модернизации подобных городов КНР добилась значительных успехов, но некоторые накопившиеся структурные и институциональные проблемы до конца не решены.

В докладе генерального секретаря ЦК КПК на XX съезде КПК (октябрь 2022 г.) было отмечено, что «высококачественное развитие является первостепенной задачей всестороннего строительства модернизированного социалистического государства» [Си Цзиньпин. Доклад... с. 26]. По мысли китайского лидера, экономика Китая в новую эпоху должна перейти от стадии быстрого роста к стадии качественного развития — высокоэффективного, справедливого, скоординированного и устойчивого. Подчеркивалась необходимость модернизации производственной структуры, перехода от модели масштабного расширения, основанной на капитальных вложениях, к модели высококачественного развития, базирующейся на использовании человеческого капитала и технологических инноваций, а также преодоления проблем циклического, структурного и нестабильного экономического развития. На этом новом пути проблемой для страны становятся города и уезды, которые тормозят ее развитие. К ним в современном Китае относят ресурсные (ресурсоориентированные) города или же города, ресурсы которых истощены [Tuijin ziyuan xing...].

На 20-м съезде партии была подчеркнута также необходимость «интенсивно осуществлять стратегию скоординированного развития регионов, важнейшие стратегии регионального развития... чтобы сформировать территориальную структуру экономики и систему территориальных пространств, характеризующиеся наличием взаимодополняющих преимуществ и высококачественным развитием» [Си Цзиньпин. Доклад... с. 29—30]. Содействие трансформации и модернизации ресурсных городов остается сложной задачей, которую считается необходимым решать при построении Китая качественной, скоординированной модели развития страны.

Являясь важными составляющими общей базы снабжения экономики энергетическими или иными природными ресурсами, моногорода внесли большой

вклад в индустриализацию Китая. Однако в связи с длительной чрезмерной эксплуатацией ресурсов последние истощались, и большое число подобных населенных пунктов и районов со временем приходило в упадок. Это приводило к разбалансированию промышленной структуры, нерациональному землепользованию, деградации окружающей среды, что сдерживало развитие таких территорий. Долгосрочная зависимость подобных городов от сырьевых отраслей привела к перекосам в распределении ресурсов в регионах и формированию промышленных структур, тормозящих развитие обрабатывающей промышленности и современных отраслей сферы услуг.

Степень изученности проблем моногородов ресурсного типа в КНР

Ученых многих стран привлекает изучение проблемы городов, основанных с целью использования природных запасов, которые, чаще всего в западных странах и постсоветском пространстве, именуются моногородами. В первой половине XX в. пионерами в изучении городов, ресурсная база которых близка к исчерпанию, стали североамериканские исследователи. В 1930—1980 гг. западные ученые применительно к этой проблеме в основном сосредоточивались на вопросах психологии, социологии, экономики и циклов городского развития. С середины 1980-х годов исследования моногородов, основанных в местах с большими запасами определенных природных ресурсов, стали диверсифицироваться, внимание концентрировалось теперь на структуре рынка труда, а также на трансформации подобных городских центров. Особое развитие эта тенденция получила среди североамериканских экспертов.

Важным этапом в исследовании монопрофильных районов стало введение Ричардом Аути (Великобритания) в 1993 г. упоминавшегося выше понятия «ресурсное проклятие». Оно подразумевает отрицательную корреляцию между обеспеченностью региона природными ресурсами и уровнем экономического развития. Местная экономика чрезмерно зависит от эксплуатации и продажи природных ресурсов, что приводит к замедлению экономического роста, низкой степени индустриализации и чрезмерной зависимости от единообразной экономической структуры [Auty, 1994, p. 23].

Китайские ученые активно исследуют проблему ресурсных городов, уделяя большое внимание таким ее аспектам, как история развития, территориальные и отраслевые особенности и возможности экономической трансформации. Так, исследованию истории и предпосылок возникновения ресурсных городов посвящены труды Лю Люйхуна [Liu Lühong, 2012; idem, 2014]. У Цисю создал систему оценки конкурентоспособности городов, основанных на эксплуатации природных ресурсов, и указал на три столпа систематической перестройки и повышения конкурентоспособности таких населенных пунктов — экономическое развитие, социальные преобразования и экологическую перестройку [Wu Qixiu, 2005]. Шэнь Лэй и другие исследователи указывали, что стратегия экономической трансформации городов, основанных на разработке ресурсов, заключается в том, чтобы в полной мере использовать собственные сравнительные преимущества,

перейти от «дифференциальной стратегии» в эпоху плановой экономики к «функциональной стратегии», а также создать и улучшить базовую рыночную систему [Shen Lei, Cheng Jing, 1998, p. 43].

Серьезный вклад в классификацию и типологизацию подобных городов внесли эконом-географы Сяо Цзинсун, Юй Цзяньхуэй, Ли Цзямин и Чжан Вэньчжун [Xiao Jinsong, Mao Feng, 2008; Yu Jianhui, Li Jiaming, Zhang Wenzhong, 2018].

Понятийный аппарат китайских исследователей и его интерпретации

В 2021 г. С.В. Шарганов детально рассмотрел варианты перевода и толкования терминов и понятий, введенных китайскими учеными для описания проблематики подобных моногородов [Шарганов, 2021]. И.В. Ставров, внесший существенные уточнения в определение специфики подобных городов КНР, предложил общий эквивалент их наименования — «моногорода ресурсного типа» [Ставров, 2022, с. 178]. В настоящей статье автор помимо словосочетания «моногорода ресурсного типа» будет употреблять следующие термины: «ресурсный», «ресурсоориентированный» (или «сырьевой») город, а также «ресурсоистощенный».

Ресурсный город или ресурсоориентированный (цзыюаньсин чэнши 资源型城市) — это город, в котором добыча и переработка природных ресурсов (минеральных, лесных и иных) является ведущей отраслью экономики [Quanguo ziyuan xing...].

Сырьевой город (куанье чэнши 矿业城市) — это ресурсный город, ориентированный преимущественно на добычу минерального сырья [Shen Lei, Cheng Jing, 1998, p. 42].

Ресурсоистощенный город (цзыляо куцзе син чэнши 资源枯竭型城市) — город, освоение природных ресурсов которого вступило в позднюю или конечную стадию, когда извлекаемые запасы этих ресурсов исчерпаны более чем на 70 % [Lu Wei, Li Xiaolin, 2022].

История формирования ресурсных городов Китая

В Китае намного раньше, чем в Европе, стали добывать, перерабатывать и активно использовать природные ресурсы. Еще во времена династии Шан (XVII—XI вв. до н.э.) появилась искусно обработанная бронза; в периоды Весен и Осеней (VIII—VI вв. до н.э.) и Воюющих царств (V—III вв.) преобладала выплавка железа. Во времена династий Тан (VII — начало X в.) и Сун (X—XIII вв.) для плавки и сжигания в печах широко использовался каменный уголь. В земледельческо-ремесленном обществе Китая уже существовали поселения, возникшие в связи с добычей минеральных ресурсов. Появились города, в которых осуществлялась переработка природных запасов, к примеру Цзиндэчжэнь, основанный на месторождениях каолиновой глины — сырья для производства фарфора и

фаянса, Исин — город, построенный на месте месторождений глины, богатой железом, кремнием, каолинитом — сырья для производства керамики [Xiao Jinsong, Mao Feng, 2008, p. 68].

Одними из первых ресурсоориентированных городов Китая были Цзыгун в Сычуани (основан на месте добычи соли в XVII в.) и Яньшэнь в Шаньдуне (ныне Бошань, возник в связи с освоением залежей угля в XIII—XIV вв.), Фошань в Гуандуне и Дайе в пров. Хубэй (в XVII и XIII вв. соответственно, основаны на местах добычи железной руды), в Цзянси — Тунгуань (ныне Тунлин, заложен в связи с освоением меднорудных ресурсов в X в.) и т. д. До династии Цин (1644—1912) города, основанные на местах добычи полезных ископаемых и других природных богатств, были распространены по всей стране [Liu Lühong, 2012, p. 35].

Однако вплоть до Нового времени в Китае был распространен экстенсивный, ручной труд в условиях низкой концентрации производства. Трудно создать крупномасштабную агломерацию населения, опираясь на экстенсивный труд ремесленников, осуществляющих добычу ресурсов примитивным способом, и еще труднее на этом фундаменте сформировать города. Отдельные населенные пункты, занимающиеся переработкой сырья, были лишь прототипами ресурсоориентированных городов [Xiao Jinsong, Mao Feng, 2008, p. 69].

Начавшийся в конце XVII в. процесс вестернизации чрезвычайно глубоко повлиял на весь мир, в том числе затронул и Китай. После опиумных войн XIX в. комплексное воздействие внешних и внутренних факторов способствовало развитию ресурсоориентированных городов. Во-первых, в Китай проникли новые западные экономические теории, технологии и оборудование, иностранные предприниматели стали массово осваивать местные природные ресурсы. Во-вторых, появилась национальная китайская буржуазия, которая стимулировала первый промышленный подъем страны и, как следствие, развивала ресурсные отрасли. В результате возникали современные промышленно-торговые города, торгово-портовые и ресурсные населенные пункты. В середине и конце XIX в. старые сырьевые города, такие как Цзыгун и Бошань, продолжали развиваться, возникли новые — Таншань (пров. Хэбэй), Гэцзю (пров. Юньнань), Мохэ (пров. Хэйлунцзян) и др. [Liu Lühong, 2014, p. 153].

Как было отмечено выше, на развитие ресурсных городов в Китае значительное влияние оказали западные технологии. К примеру, в Кайпине, где добыча угля велась на основе технологий, привнесенных с Запада, главной особенностью производственного процесса было глубокое бурение шахты, до нижнего слоя угольного пласта, при этом подъем, вентиляция и водоотвод осуществлялись механическим способом. В процессе разведки Кайпинских угольных месторождений использовались импортные буровые установки, а для добычи угля импортировались паровые лебедки, вентиляторы и водяные насосы [Liu Lühong, 2012, p. 66]. Использование специализированной техники позволило значительно нарастить добычу угля на Кайпинских шахтах, что способствовало быстрому росту и развитию Таншаня [Wu Kang, Zhang Wenzhong, Zhang Pingyu, 2023].

Помимо Таншаня, благодаря новым технологиям стали быстро расти моногорода Хэган в Хэйлунцзяне, Аньшань и Фусинь в Ляонине [Liu Lühong, 2012, p. 66].

Таблица 1. Месторождения, которые стимулировали развитие ресурсных городов в конце XIX — начале XX в.

Название месторождения	Полезное ископаемое	Начало освоения	Город	Провинция (в современных административных границах)
Кайлунь	Каменный уголь	1877 г.	Таншань	Хэбэй
Линьчэн	Каменный уголь	1907 г.	Уезд Линьчэн	Хэбэй
Цзинсин	Каменный уголь	1912 г.	Шицзячжуан	Хэбэй
Фушунь	Каменный уголь	1907 г.	Фушунь	Ляонин
Цзычуань	Каменный уголь. Свинцовые руды	Конец XIX в.	Цзыбо	Шаньдун
Бэньсиху	Каменный уголь. Железная руда. Известняк	С династии Ляо (X—XII вв.) — добыча железной руды, в промышленных масштабах с конца династии Цин (XIX в.)	Бэньси	Ляонин
Дайе	Железная руда	С эпохи Троецарствия (220—280 гг.), в промышленных масштабах с 1890 г.	Хуанши	Хубэй
Лунянь	Железная руда	Со времен Ляо и Цзинь (X—XIII вв.), в промышленных масштабах с 1917 г.	Чжанцзякоу	Хэбэй
Синьхуа	Сурьмяные руды	1897 г.	Лэншуйцзян	Хунань
Гэцзю	Серебро. Свинец. Олово	С XVII в. Олово в промышленных масштабах с 1907 г.	Гэцзю	Юньнань
Дунчуань	Медь	С эпохи Восточная Хань (25—220 гг.), в промышленных масштабах с конца XIX в.	Дунчуань	Юньнань
Яньчан	Нефть	Первая в мире нефтяная скважина (1303 г.) ¹ . Промышленное освоение с 1907 г.	Уезд Яньчан	Шэньси
Душаньцзы	Нефть	1909 г. — пробная добыча. Промышленное освоение — 1937 г. (усилиями советской стороны)	Душаньцзы	СУАР

Источник: сост. автором по: [Liu Lühong, 2014; idem, 2012; idem, 2012a; Meng Qi, 2022; Wu Kang, Zhang Wenzhong, Zhang Pingyu, 2023].

Согласно статистике, с начала опиумных войн (1839 г.) до основания КНР в Китае появилось 22 сырьевых города, специализирующихся как на добыче угля (Датун, Суйчжоу и др.), так и железной руды (Аньшань и др.) [Meng Qi, 2022].

После образования КНР в первую очередь были восстановлены и укреплены некоторые важные обрабатывающие и горнодобывающие базы страны, необхо-

¹ Данные приведены по «Да Юань и тун чжи» 大元一统志 («Единый свод трактатов Великой Юань») — энциклопедическому географическому сочинению XIV в. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BB%B6%E9%95%BF%E6%B2%B9%E7%9F%BF/10965561> (дата обращения: 28.08.2023).

димые для развития ресурсной промышленности молодой республики и восстановления ее народного хозяйства. После этого стало возможным начать процесс индустриализации. Китай выбрал стратегию догоняющей индустриализации, которая отдает приоритет развитию тяжелой промышленности. В период первой пятилетки с помощью СССР Китай вступил в стадию развития «сверхмощной» индустриальной базы с преобладанием черной металлургии. Для ее развития требовалось сырье, что привело к интенсивной разработке полезных ископаемых (угля, железной руды, леса и проч.) и зарождению новых ресурсоориентированных центров. Поскольку тяжелая промышленность была в основном капиталоемкой и высокотехнологичной отраслью, а капитал и технологии в КНР того периода были в дефиците, страна поставила на то, что имелось в изобилии — на «дешевые» природные запасы и рабочую силу. Это привело к высокому спросу на энергетические ресурсы и иное сырье, а также быстрому росту городских агломераций сырьевого типа.

Вблизи месторождений по всей стране начали возникать базы по добыче природных ресурсов. Используя советский опыт создания территориальных промышленных объединений, молодая республика делала упор на специализацию и комплексное развитие территорий. С одной стороны, большинство баз по добыче природных ресурсов постепенно отделялось от баз по их переработке, в результате чего промышленность ресурсодобывающего района становится моноструктурной. С другой стороны, как отметил китайский экономист Лю Голян, в базовом строительстве упор делался на принципы «полноты как в большом, так и в малом» (да эр цюань, сяо эр цюань 大而全, 小而全). На уровне регионов это проявлялось в стремлении к структурной полноте и самодостаточности производства, к уподоблению региональной экономики общенациональной без учета территориальных ресурсных и природных преимуществ, а на уровне предприятий — в тенденции к объединению производства, снабжения и маркетинга, что не давало возможности в полной мере использовать преимущества разделения труда. В таких условиях расширение освоенной площади месторождений постепенно приводило к возникновению городов с ресурсной специализацией [Liu Guoliang, 2003, p. 37].

В период восстановления народного хозяйства КНР (1950—1952) на базе ранее созданных горнодобывающих районов правительство учредило ряд новых шахтерских городов, таких как Хуайнань и др. Развитию новых ресурсоориентированных городов способствовало и то, что в ходе первых пятилеток при поддержке СССР был построен целый ряд объектов в разных отраслях тяжелой индустрии: 25 — в угольной, 25 — в электроэнергетике, 13 — в цветной металлургии, семь — в химической промышленности, семь — в черной металлургии, два — в нефтяной промышленности. В общей сложности из 156 промобъектов, построенных СССР в годы первых пятилеток, 79 в той или иной мере были связаны с добычей и освоением природных ресурсов, что также способствовало развитию ресурсоориентированных городов [Xiao Jinsong, Mao Feng, 2008, p. 69].

После образования КНР произошли существенные институциональные изменения, которые сыграли позитивную роль в развитии ресурсных городов.

Таблица 2. Крупные ресурсные города, созданные в период 1-й пятилетки (1953—1957)

Ископаемый ресурс	Город	Административные единицы (провинции, АР)
Каменный уголь	Фусинь, Фушунь, Бэньси	Ляонин
	Хэган, Цзиси, Шуаньяшань	Хэйлунцзян
	Ляоюань, Тунхуа	Цзилинь
	Пиндиншань, Цзяозуо	Хэнань
	Датун	Шаньси
	Тунчуань	Шэньси
	Хуайнань	Аньхой
Железная руда	Бэньси, Аньшань, Фушунь	Ляонин
	Чэндэ	Хэбэй
	Баотоу	АРВМ
Нефть	Ланьчжоу, Юмэнь	Ганьсу

Источник: сост. автором по: [Xiao Jinsong, Mao Feng, 2008, p. 69—70, Liu Lühong, 2014; idem, 2012; idem, 2012a].

Влияние этих преобразований на экономику страны в основном проявлялось в следующих аспектах:

- во-первых, благодаря переносу акцента партийной работы с деревни на города последние достигли значительного развития, особенно ресурсные;
- во-вторых, упор на развитие тяжелой промышленности стал основой стратегии осуществления индустриализации в КНР, в приоритете было развитие моногородов с ориентацией на добывающую промышленность и тяжелое машиностроение, что тоже способствовало быстрому развитию ресурсных городов;
- в-третьих, период 1956—1966 гг. в КНР был десятилетием поиска собственного пути социалистического развития и экспериментов — курса «Трех красных знамен» и «Большого скачка».

На фоне «Большого скачка» с его лозунгом «сталь в качестве ключевого звена» страна значительно увеличила инвестиции в добывающую промышленность. Ресурсные города КНР не только достигли беспрецедентного развития, но и стали более децентрализованными с точки зрения территориально-пространственного распределения. Успехи в разведке и освоении нефтяных ресурсов привели к возникновению городов, основанных на нефтяных месторождениях, таких как Юмэнь, Дацин, Карамай и Маомин [Liu Guoliang, 2003, p. 39].

В 1964 г. была принята концепция «строительства трех линий» обороны¹. В период ее осуществления развитие имеющихся сырьевых городов было замедлено, их инфраструктура деградировала, строительство новых ушло на второй

¹ Концепция «двух линий обороны» сложилась в 1950-е гг. «Первой линией» считалось морское побережье. В глубине территории страны, вдоль условной линии Пекин — Ухань — Гуанчжоу, была намечена «вторая линия», к западу от которой создавалась тыловая стратегическая база. Новая концепция «третьей линии» была разработана в русле выдвинутой Мао Цзэдуном и поддержанной Линь Бяо доктрины «народной войны», официально принятой в конце 50-х гг.

план, а экономика недавно возведенных пребывала в упадке. Лю Люйхун видит три основные причины этих процессов: 1) ошибки регионального смещения — новые ресурсные города в основном располагались на Западе, например Люпаньшуй (Гуйчжоу) и Паньжихуа (Сычуань), и частично в Центральном Китае; 2) неудобная логистика — освоение минеральных ресурсов происходило по принципу «приближать [вплотную к] горам, рассредоточивать и скрывать [в глубине] пещер» (каошань, фэнсянь, цзиньдун 靠山, 分散, 进洞) разработки месторождений; ресурсные города в основном стали развивать в удаленной горной местности, которая не обладала необходимой транспортной инфраструктурой, а строительство последней было не только сложным, но и дорогостоящим; 3) в соотношении затрат и выгод (себестоимости и рентабельности) был серьезный дисбаланс — строительство новых ресурсоориентированных городов требовало огромных финансовых вливаний как в добычу и переработку ресурсов, так и в организацию и набор персонала, а также технологического оснащения и строительства необходимой базовой инфраструктуры [Liu Lühong, 2014, p. 153].

В 1980-х гг. КНР перешла на новый этап развития — начались экономические реформы. Прибрежные районы страны начали активно реформироваться и открываться внешнему миру, период автаркии закончился, начался стремительный рост экономики, что привело к быстрому росту потребления энергетических и иных природных ресурсов. В самом начале реформ, в 80—90-е гг. XX в., Китай испытывал определенный дефицит сырья для промышленности. Именно поэтому богатые отдельными ресурсами провинции на Востоке активизировали усилия по освоению природных богатств. Центральный и западный регионы во главу угла поставили задачу укрепления и усиления трансформации имеющихся ресурсных баз, а также освоения новых месторождений, ресурсы которых были необходимы прибрежным районам страны. Одновременно менялась базовая модель экономического строительства, инвесторы диверсифицировали сферы приложения капитала, добывающая отрасль из статуса государственной перешла в сферу рыночных отношений, а негосударственный капитал постепенно стал активно участвовать в освоении природных ресурсов, делая их разработку все более ориентированной на рынок. В новых условиях ресурсодобывающие предприятия начали повышать эффективность производства и экономическую прибыль.

Как отмечалось в статье И.В. Ставрова, «второй пиковый период» расцвета ресурсоориентированных городов КНР пришелся на начало экономических ре-

В то же время концепция «третьей линии» фактически дезавуировала выдвинутый в 1962 г. Линь Бяо курс стратегической обороны «удерживать север, открыть юг», исходивший из того, что СССР не допустит развития агрессии США в союзе с Японией с севера, и придется оборонять (и отдавать противнику в случае его превосходства в силах) только территории на южном и юго-восточном направлениях. Новая концепция, главным, а скорее единственным автором которой был Мао Цзэдун, предполагала возможность захвата противником не только приморских районов, но и значительной части территории страны, и продолжение сопротивления вплоть до изгнания врага благодаря «опорным районам» в глубоком тылу. При этом хозяйственная замкнутость глубинных регионов, присущая им низкая товарность производства и полунатуральное хозяйство рассматривались как «преимущество» экономической организации страны, позволяющее создавать «опорные районы» собственными силами регионов (принцип «опоры на собственные силы») [История Китая с древнейших времен... с. 286—287].

форм [Ставров, 2022, с. 179]. Уже к началу 2000-х гг. две трети шахт и рудников КНР находились в стадии «зрелости» или «упадка», а почти четверть ресурсоориентированных городов КНР пребывала в затруднительном положении в связи с исчерпанием ресурсов [Liu Lühong, 2012a, с. 68].

Подобная ситуация с моногородами ресурсного типа требовала незамедлительных мер. В 2001 г. Госсовет КНР одобрил запуск первого пилотного проекта по преобразованию экономики ресурсоистощенного г. Фусинь пров. Ляонин. С 2008 по 2010 г. было выбрано 69 городов с истощенными ресурсами, уточнены рамки политики поддержки трансформация и развития подобных городов [Lu Wei, Li Xiaolin, 2022].

Начиная с 18-го съезда КПК (ноябрь 2012 г.), система государственной политики по поддержке преобразования и развития городов с истощенными природными ресурсами постоянно совершенствовалась. В 2013 г. был принят «План устойчивого развития ресурсных городов страны (2013—2020)» («Цюаньго цзыюаньсин чэнши кэ чисюй фачжань гуйхуа» 全国资源型城市可持续发展规划 (2013—2020年)), в котором было определено 262 ресурсных города (38 % общего числа городов КНР), более четверти которых уже находились в состоянии глубокой экономической депрессии [ibid].

Территориальные особенности размещения моногородов КНР

На основании данных, представленных в «Плане устойчивого развития ресурсных городов страны (2013—2020)», китайскими учеными была составлена карта-схема ресурсоориентированных районов, на которой были показаны основные ареалы их распространения.

Исходя из данных, представленных на рис. 1, становится очевидно, что сырьевые города в основном сосредоточены на северо-востоке, севере и юго-западе страны, что непосредственно связано с индустриализацией Китая в период первых пятилеток и «строительством трех линий». При этом лидерами по концентрации таких городов являются Сычуань и Хэйлунцзян.

Немаловажны для изучения ресурсных городов исследования их экономической резильентности, т. е. способности экономики полностью восстанавливаться после воздействия шоков различной природы за счет внутренних адаптивных свойств [Акбердина, 2021, с. 10].

В 2003 г. сырьевые города КНР демонстрировали невысокую экономическую резильентность, при этом большинство из них относились к диапазону низкого и относительно низкого уровня по этому показателю, в то время как те, что расположены на восточном побережье, находились в пределах среднего уровня. При этом высокую степень резильентности показывали всего три города страны: Карамай (СУАР), Дуньин (Шаньдун) и Дацин (Хэйлунцзян), 2,7 % от числа подобных населенных пунктов; 27 городов попадали в средний диапазон; 44 демонстрировали относительно низкий уровень, а 33, или 30 %, — низкий.

К 2020 г. ситуация улучшилась — уже 8,8 % ресурсных городов имели высокий уровень резильентности, хотя увеличилось количество городов с низким ее

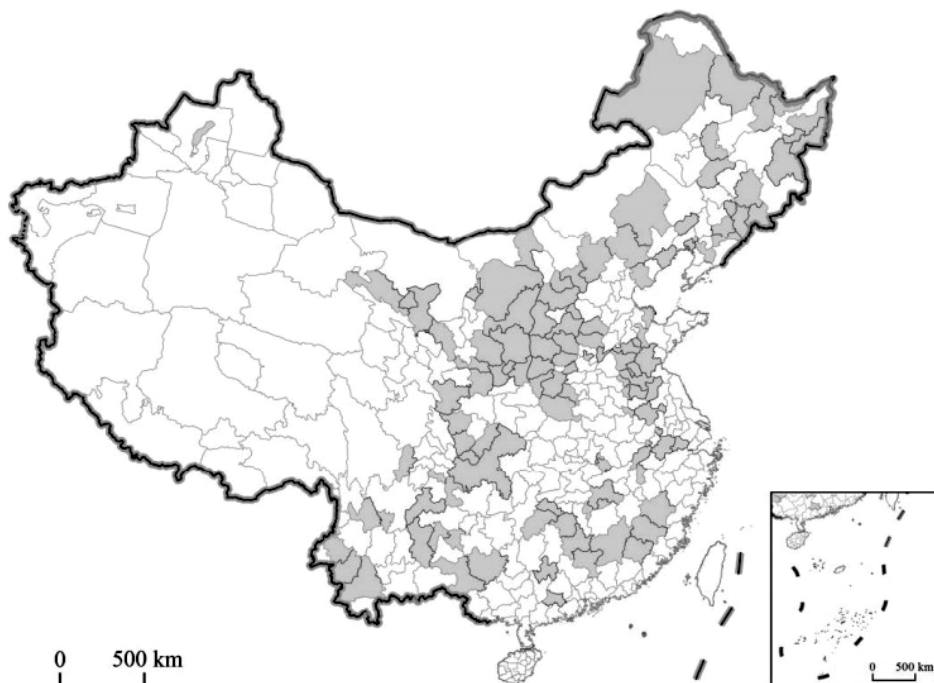

Рис. 1. Карта-схема ресурсоориентированных районов КНР.

Источник: [Cui Dan, Bu Xiaoyan, Xu Zhen, Li Guoping, Wu Dianting, 2021, p. 2495].

уровнем: их стало 42, или около 38 % от общего числа. Экономическая устойчивость сырьевых городов в центральных и восточных регионах страны укрепилась, на Западе наблюдался небольшой рост, в северных и северо-восточных регионах ситуация ухудшается [Su Zhixin, 2023, p. 23, 36—38].

В тесной связи со способностью экономики к полному восстановлению находится процесс модернизации промышленности. Группа китайских эконом-географов осуществила крайне важное исследование, в ходе которого регионы были распределены по индексу модернизации промышленной структуры сырьевых городов во временной ретроспективе. Данный индекс был рассчитан по формуле

$$st_{it} = \alpha_1 + \alpha_2 policy_{it} + \alpha_3 X_{it} + \mu_i + \nu_t + \varepsilon_{it},$$

где st — уровень модернизации промышленной структуры города i в год t ;

$policy$ — входит ли город i в рамки регионального интеграционного планирования в год t ;

X — управляющая переменная;

μ_i и ν_t — фиксированные эффекты города и времени соответственно;

ε — элемент случайного возмущения;

α_2 — основной оценочный параметр данной статьи, отражающий чистый эффект региональной интеграционной политики на модернизацию промышленной структуры сырьевых городов [Guo Yi, Zeng Gang, Wei Wendong, Wan Yuanyuan, Wang Shengpeng, 2023, p. 134].

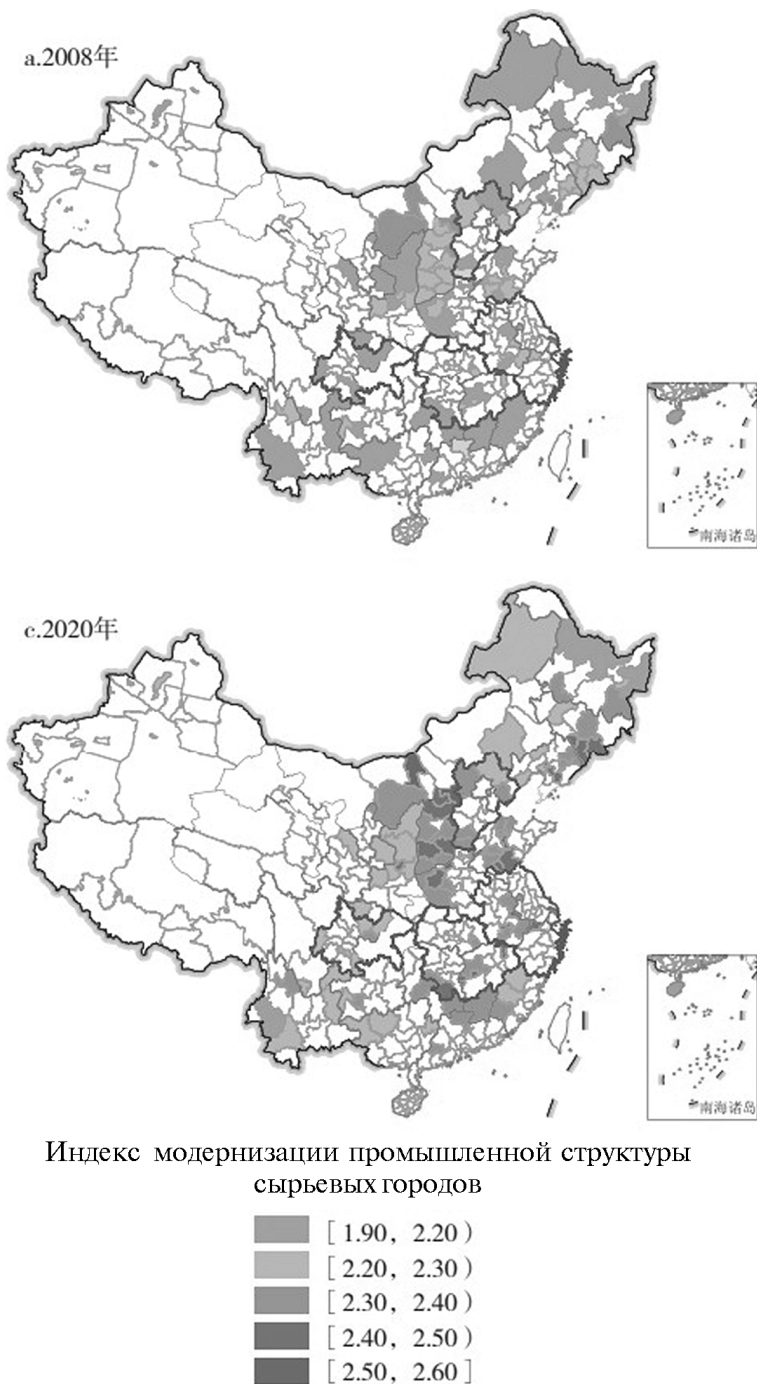

Рис. 2. Модернизации промышленной структуры сырьевых городов.

Источник: [Guo Yi, Zeng Gang, Wei Wendong, Wan Yuanyuan, Wang Shengpeng, 2023, p. 135].

Расчеты осуществлялись на базе статистических данных по 104 сырьевым городам КНР. В 2008 г. индекс модернизации промышленной структуры сырьевых городов Китая был в целом низким. У 59 городов этот показатель находился в диапазоне 1,90–2,20), в основном это были города, расположенные в северо-восточных, юго-западных и северо-западных регионах. В 2020 г. общий эффект модернизации промышленной структуры сырьевых городов стал очевиден, средний индекс достиг 2,33. Только Баошань, Линьцан, Хэган, Ичунь, Цзиси, Хэйхэ и Шуаньяшань в пров. Юньнань и практически все ресурсные города Хэйлунцзяна оставались в «красной зоне», т. е. имели индекс модернизации промышленной структуры менее 2,20. Индекс в рамках регионального интеграционного планирования в 2020 г. превысил 2,20, в основном держался между 2,30 и 2,50. В 76 % исследуемых городов была осуществлена та или иная модернизация, приведшая к улучшению их социально-экономического положения. Среди причин отставания ряда регионов КНР в модернизации сырьевых городов выделяется проблема транспортного обеспечения, и это подтверждает пример Хэйлунцзяна [Guo Yi, Zeng Gang, Wei Wendong, Wan Yuanyuan, Wang Shengpeng, 2023, p. 134–135].

Сложности трансформации ресурсных городов

Проиллюстрируем конкретным примером сложности осуществления перезагрузки экономики ранее крайне важного угольного города Хэган пров. Хэйлунцзян, который является типичным примером сложности осуществления экономической трансформации сырьевого города.

Хэган богат минеральными ресурсами, в городском районе и его окрестностях было обнаружено 30 видов полезных ископаемых, на его долю приходится 22,9 % разведанных полезных ископаемых в провинции [Meng de yanse]. Несмотря на видимое природное богатство, город испытывает ряд серьезных проблем.

Во-первых, на протяжении последних 20 лет финансовое положение Хэгана постепенно ухудшалось, в результате чего местное правительство накопило много долгов, которое оно не в состоянии погасить. Финансовый дефицит городского бюджета в 2001 г. составлял всего 180 млн юаней, а к 2020 г. вырос до 11,8 млрд юаней [Hegang zui xin...]. Доля долга Хэгана в какой-то момент достигла 460 % от валового регионального продукта. Статистические данные, поступавшие от местных органов власти, фальсифицировались до декабря 2021 г., когда местная экономика наконец «упала на дно» [Cheng Siwei, 2021]. Местным властям серьезно не хватает финансовых средств, а пров. Хэйлунцзян, где он расположен, не может обеспечить большую сумму дотаций для города из-за комплексных экономических проблем.

Во-вторых, местные органы власти глубоко коррумпированы, предоставляют ложные данные, накапливают большие суммы местных долгов и строят большое количество недвижимости для развлекательной и туристических отраслей, которые не могут принести экономической выгоды городу. Муниципальное правительство Хэгана когда-то хотело улучшить местное финансовое положение за

счет экономики недвижимости, однако по мере того как доходы местных потребителей снижались, желание покупать ее тоже уменьшалось, а сокращение и старение населения сужало группу потребителей. Рынок недвижимости в Хэгане рухнул. В марте 2019 г. средняя цена жилья в нем составляла 2177 юаней за квадратный метр, что вывело Хэган на последнее место среди 341 города, включенного в статистику [Mai fang zai Hegang].

Еще одним примером нерационального и крайне непонятного вложения средств местными чиновниками стал открытый в 2019 г. в пригороде Хэгана крупнейший в пров. Хэйлунцзян аквапарк. Однако из-за огромной убыли местного населения, низкого уровня потребления и почти полугодовой зимы в сочетании с расположением на окраине города и отсутствием экономического сотрудничества с городской территорией проект практически не приносил экономической выгоды.

В-третьих, из-за сложной экономической ситуации с 2013 г. начался процесс резкой убыли населения. По состоянию на 2011 г. в городе проживали 1,088 млн человек — это был максимальный показатель за последние годы, а уже в 2020 г. население насчитывало лишь 891,3 тыс. человек [2020 nian Hegang...].

Проблема занятости там стоит чрезвычайно остро, стремительно растет уровень безработицы, что является тяжелым испытанием для экономики. Рабочая сила и научно-технические кадры покидают Хэган угрожающими темпами, и их убыль каждый год растет. При этом старение населения усиливается, по состоянию на 2020 г. пожилое население города (старше 60 лет) составляло 24,32 %, из них доля населения в возрасте 65 лет и старше — 16,45 % [ibid.].

Все перечисленные выше проблемы связаны с моноструктурой экономики сырьевого города. Еще в 1987 г. в «Ежегоднике Хэгана» была опубликована статья Чжан Юбиня, тогдашнего секретаря муниципального парткома, где отмечалось, что для города характерно давление угледобывающей отрасли, которая слишком слаба, чтобы выстоять в случае возможных экономических потрясений. Статья была написана в период, когда угледобыча города была на подъеме и валовый региональный продукт рос высокими темпами. Но затем, в 1990-е гг., эффективность угольной отрасли снизилась, государственные предприятия было трудно реструктурировать, их сотрудники были уволены, а город понес финансовые убытки. Так, согласно отчету правительства Хэгана о работе за 2001 г., финансовая и налоговая ситуация была мрачной, некоторые предприятия несвоевременно выплачивали налоги, что приводило к затруднениям в финансовых операциях. В то же время имелось много уволенных работников, которых трудно было вновь трудоустроить, возникали ситуации, когда у пенсионеров появлялись задолженности по оплате жилья и коммунальных услуг. Все попытки удержать на плаву экономику не увенчались успехом. Согласно публичной информации, с 2000 по 2021 г. в Хэгане сменилось девять секретарей муниципальных партийных комитетов и семь мэров со средним сроком полномочий 2,4 года и 3,14 года соответственно, т. е. короче обычного срока полномочий, который составляет пять лет [Hegang zui xin...].

Согласно планам социально-экономического развития Хэгана на ближайшие годы, город должен сосредоточиться на развитии угольной и химической

промышленности, производстве новых графитовых материалов, сельскохозяйственной и побочной продукции, а также новых отраслей энергетики. Развитие альтернативных отраслей — непростая задача. Удаленное расположение города, высокие транспортные расходы, несовершенная инфраструктура и высокие инвестиционные затраты — все это неминуемо создаст сложности для частного бизнеса.

Несмотря на усилия, предпринятые центральными и местными властями в 12-й и 13-й пятилетках, в Китае сохраняются трудноразрешимые проблемы. В 14-й пятилетке КНР не остановилась на идее улучшения положения ресурсных городов. Государственный комитет по развитию и реформам, Министерство финансов и Министерство природных ресурсов выпустили «План реализации содействия качественному развитию в ресурсных районах в 14-ю пятилетку» («Гуйцзинь цзыюань син дицюй гаочжилян фачжань “шисыу” шиши фанъань» 推进资源型地区高质量发展“十四五”实施方案), в котором указано, что содействие высококачественному развитию ресурсных регионов является важной гарантией сохранения национальной ресурсной и энергетической безопасности, важной частью совершенствования системы и механизма регионального согласованного развития, а также важной мерой по ускорению устранения недостатков трансформации и развития [Tuijin ziyuan xing...].

Трансформация городов, основанных на ресурсах, является глобальной проблемой и требует много времени. На новом историческом этапе проблема несбалансированного и неадекватного развития сырьевых городов КНР по-прежнему актуальна. Среди ключевых проблем ресурсных городов КНР следует выделить следующие.

Ресурсозависимый путь развития, от которого экономика КНР до сих пор не может избавиться. Все факторы производства, такие как технологии, капитал и персонал для добычи ресурсов и их глубокой переработки, а также институциональные рамки, т. е. производство и управление, связаны с ресурсно-ориентированными отраслями. Таким образом, добывающая промышленность, электроэнергетика, углехимическая промышленность, металлургия и металлопереработка, производство цемента и строительных материалов являются промышленной основой и центральным фактором развития сырьевых городов. Промышленная структура, основанная на природных ресурсах и обусловленная зависимостью от «ресурсного» пути, уязвима перед циклическим воздействием внутренних и внешних цен на соответствующее сырье и спроса на него, а города недостаточно сильны, чтобы противостоять различным неопределенным рискам, рыночным колебаниям и экономическим циклическим корректировкам. Таким образом, ресурсные города демонстрируют волатильность, нестабильность и уязвимость в процессе развития, особенно в контексте сокращения мощностей и выбросов. Вновь созданные вторичные отрасли, отрасли с высоким энергопотреблением и высоким уровнем выбросов сталкиваются с риском вторичной трансформации и угрозой ликвидации.

Недостаток средств, сокращение бюджетных поступлений. Качественное развитие требует больших капиталовложений. При постоянном потреблении ресурсов темпы экономического роста городов, основанных на ресурсах, будут ста-

новиться все медленнее, что приведет к сокращению финансовых доходов и налоговых поступлений. Недостаток финансовых средств приводит к снижению уровня потребления, уменьшению налоговых поступлений, что в свою очередь замедляет экономическое развитие городских центров такого рода.

Отсутствие надежной инфраструктуры. Большинство ресурсных городов построены давно, их инфраструктура находится в плачевном состоянии. Эти населенные пункты испытывают недостаток финансирования, в результате чего денежных средств на обновление инфраструктуры не хватает.

Серьезный ущерб, наносимый окружающей среде. По мере истощения природных ресурсов в сырьевых городах и вокруг них ухудшается экологическая ситуация: гибнет растительность, усиливается загрязнение воздуха и воды, сокращается ареал обитания животных, происходит оседание грунтов, эрозия почвы и т. п. Ущерб, причиняемый этими факторами окружающей среде, трудно устранить. Очищающая способность самой среды ограничена, и предельные возможности этой очистки намного меньше, чем ущерб, наносимый окружающей среде при эксплуатации ресурсов. В 2020 г. ресурсные города КНР создавали 22 % ВВП страны, при этом на их долю приходилась треть общих выбросов углерода в Китае. Выбросы углерода на душу населения в сырьевых городах составляют 7,56 т/чел., что на 16,1 % выше, чем в несырьевых городах; выбросы углерода на 10 000 юаней ВВП доходят до 1,68 т, что в 1,6 раза выше, чем в несырьевых населенных пунктах [Zhang Wenzhong, 2022].

Слабая инновационная среда. Города, функционирование которых основано на эксплуатации природных ресурсов, имеют недостаточный потенциал для научных и технологических исследований и разработок, а также не обладают достаточным потенциалом для получения нового импульса к экономическому развитию. В 2020 г. расходы бюджетов более 80 % таких населенных пунктов уровня городов и уездов на научные исследования на душу населения не достигли среднего показателя по стране, а выдача патентов на изобретения на душу населения составляла всего 55,0 % среднего показателя по стране [idem].

Города малопривлекательны для иностранных инвесторов. Ресурсные города вследствие таких проблем, как истощение эксплуатируемых ресурсов, недостаток финансирования и ветхая инфраструктура, а также из-за местной протекционистской политики становятся непривлекательными для иностранных инвестиций. В 2020 г. объем импорта и экспорта ресурсных городов на городском и уездном уровне составлял менее 1/6 от среднего показателя по стране, а фактическое использование иностранного капитала — около 45 % [idem].

Экстенсивное развитие отраслей в ресурсных городах. Большинство предприятий ресурсных городов представляют экстенсивные отрасли, не имеющие высокотехнологичных производств. Отсутствие современных технологий и оборудования затрудняет преобразования.

Утечка мозгов и трудности с привлечением кадров. Моноструктура промышленности сырьевых городов, низкая зарплата, сложная экологическая ситуация отталкивают молодые профессиональные кадры. Многие выпускники вузов и колледжей предпочитают работать в других городах с большими перспективами развития. Молодые люди после окончания школы массово покидают подобные на-

селенные пункты. Потеря кадров и трудности с их адаптацией приводят к старению населения городов и оставляют мало шансов для их перехода на качественную иную путь развития [Wu Kang, Zhang Wenzhong, Zhang Pingyu, 2023, p. 12].

* * *

За прошедшее десятилетие проделана серьезная работа в направлении трансформации моногородов ресурсного типа.

Китайские эксперты считают, что после 18-го съезда КПК усилия, направленные на преобразование и развитие городов, базирующихся на эксплуатации природных ресурсов, дали хорошие результаты. Региональный ВВП 262 сырьевых городов страны увеличился с 15,7 трлн юаней в 2012 г. до 26,8 трлн в 2020 г., среднегодовые темпы роста составили 6 %. При этом в среднем доля добавленной стоимости горнодобывающей промышленности в ВВП городских районов снизилась с 12,8 % в 2012 г. до 5,5 % в 2020 г., а доля добавленной стоимости сферы услуг в ВВП увеличилась на 32 % в рассматриваемый период. В ходе 12-й (2011—2015) и 13-й (2016—2020) пятилеток в китайских моногородах ресурсного типа, полагает Чжан Вэньчжун, в основном были осуществлены четыре трансформации: совершился переход от моноструктуры промышленности к множественности отраслей; внешний вид городов изменился, прежние «пыльно-серые города» выглядят «экологически пригодными и комфортными для жизни»; произошла трансформация городского развития от ситуации «функционального дефицита» (дисфункционального состояния) к «комплексному развитию»; в социальной сфере жизнь людей меняется от состояния постоянного «решения проблем» до «совместного наслаждения всеобщим благом» [Zhang Wenzhong, 2022].

В 14-й пятилетке (2021—2025) предстоит решить еще немало вопросов. Так, 30 ноября 2021 г. был опубликован «План реализации высококачественного развития демонстрационных зон индустриальной трансформации старопромышленных и ресурсных городов в рамках 14-й пятилетки» («Шисыу чжичи лаогунье чэнши хэ цзыюань син чэнши чанье чжуаньсин шэнцзи шифань цюй гао чжилян фачжань шиши фаньань» 十四五”支持老工业城市和资源型城市产业转型升级示范区高质量发展实施方案). В этом документе значительное место отведено преобразованию ресурсоориентированных городов на новом этапе развития. Действие Плана рассчитано на период до 2035 г. Документ указывает на важность содействия качественному развитию городов, основанных на ресурсах. Отмечается, что нацеленность на «зеленое» производство и соответствующий образ жизни, а также на коренное улучшение состояния окружающей среды обеспечивает твердую и мощную политическую поддержку ускорению «реализации [идеала] экологичной цивилизации» и строительства «прекрасного Китая». Содействие устойчивому развитию сырьевых городов, констатируется в Плане, это «не только требование ускорения трансформации методов экономического развития и всесторонней реализации целей построения благополучного общества, но и задача содействия согласованному региональному развитию, необходимой координации продвижения “новой индустриализации и новой урбанизации”, поддержанию “социальной дружбы” и стабильности, построению “экологичной цивилизации”» [Shisiwu» zhichi lao gongye...].

Библиографический список

Акбердина В.В. Резильентность экономики: факторы устойчивости к шокам // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий»: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 8—15.

Го Минь, Сиднев А.В. Нефтегазовые месторождения бассейна Джунгария и проблемы их поиска на северо-западе Китая // Нефтегазовое дело. 2015. № 3. С. 20—30.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949—1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука — Восточная литература, 2017. 863 с.

Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 2022-10-26. URL: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJltd23-20221025.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

Ставров И.В. Политика КНР в отношении устойчивого развития моногородов на рубеже XX—XXI вв. // Россия и АТР. 2022. № 4. С.175—186. DOI: 10.24412/1026-8804-2022-4-175-186.

Шарганов С.В. Определение и типологизация моногородов в историографии КНР // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 506—515.

References

Akberdina, V.V. (2021). Economic Resilience: shock resistance factors. Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy [Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories]. Proceedings of the 7th International Conference. Vol. 1. Yekaterinburg. 19—20 April, 2010. Yekaterinburg, Ural State University. Pp. 8—15. (In Russian).

Guo Min, Sidnev, A.V. (2015). Neftegazovye mestorozhdeniya bassejna Dzhungariya i problemy ih poiska na severo-zapade Kitaya [Oil and gas fields in Zhungeer basin and the problems of their exploration in the Northwest of China]. Oil and gas business, No. 3. Pp. 20—30. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneishikh времен do nachala XXI veka: V 10 t. T. VIII: Kitayskaya Narodnaya Respublika (1949—1976). Otv. red. Yu.M. Galenovich [The History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 vols. Vol. VIII: People's Republic of China (1949—1976). Ed. by Yu.M. Galenovich.]. M.: Nauka — Vostochnaya literatura, 2017. 863 p.: ill. (In Russian).

Sharganov, S.V. (2021). Opredelenie i tipologizatsiya monogorodov v istoriografii KNR [Definition and Typology of Monocities in PRC Historiography]. Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii (Desyatye Krushanovskie chteniya, 2021 g.) [Results and Prospects of the Development of Historical Science in the Russian Far East (the Tenth Krushanov Readings, 2021)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ. Pp. 506—515. (In Russian).

Stavrov, I.V. (2022). Politika KNR v otnoshenii ustojchivogo razvitiya monogorodov na rubezhe XX—XXI vv. [China's policy towards the sustainable development of single-industry towns at the turn of the 20th — 21st centuries]. Russia and the Pacific, No. 4, Pp. 175—186. DOI: 10.24412/1026-8804-2022-4-175-186. (In Russian).

Xi Jinping. Doklad na XX Vsekitajskom s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya 16 oktyabrya 2022 goda [Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China on October 16, 2022]. URL:<https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJltd23-20221025.pdf> (accessed: 11.04.2023). (In Russian).

* * *

Auty, R.M. (1994). Industrial policy reform in six large newly industrializing countries: The resource curse thesis. World Development, No. 22(1). Pp. 11—26.

Cheng Siwei 程思炜. (2021). Hegang xuanbu shishi caizhengchongzheng caili buzu yi changfu dao qi zhengfu zhaiwu benxi 鹤岗宣布实施财政重整财力不足以偿付到期政府债务本息 [Hegang announced the implementation of fiscal restructuring and financial resources are not enough to repay the principal and interest of due government debts]. Caixin 财新. 28.12. URL: <https://economy.caixin.com/2021-12-28/101822863.html> (accessed: 25.07.2023). (In Chinese).

Cui Dan, Bu Xiaoyan, Xu Zhen, Li Guoping, Wu Dianting 崔丹, 卜晓燕, 徐祯, 李国平, 吴殿廷 (2021). Zhongguo ziyuan xing chengshi gao zhiliang fazhan zonghe pinggu ji yingxiang jili 中国资源型城市高质量发展综合评估及影响机理 [Comprehensive evaluation and impact mechanism of high-quality development of China's resource-based cities]. Dili xuebao 地理学报. Vol. 76, No. 10. Pp. 2489—2503. (In Chinese).

2020 nian Hegang shi renkou shuliang, renkou nianling goucheng ji chengxiang renkou jiegou tongji fenxi 2020年鹤岗市人口数量, 人口年龄构成及城乡人口结构统计分析 [Statistical Analysis of Population Size, Population Age Composition and Urban and Rural Population Structure in Hegang City in 2020]. Hua jing qing bao wang 华经情报网. 20.07.2021. URL: <https://m.huaon.com/detail/732979.html> (accessed: 23.07.2023). (In Chinese).

Guo Yi, Zeng Gang, Wei Wendong, Wan Yuanyuan, Wang Shengpeng 郭艺, 曾刚, 魏文栋, 万媛媛, 王胜鹏 (2023). Quyu yitihua dui ziyuan xing chengshi chanye jiegou shengji de yingxiang 区域一体化对资源型城市产业结构升级的影响 [Impact of Regional Integration on the Industrial Structure Upgrading in Resource-based Cities]. Jingji dili 经济地理. Vol. 43, No. 3. Pp. 131—139. (In Chinese).

Hao Fei 郝飞 (2007). Jin shiwu nianlai jindai Kailuan kuangwuju yanjiu zongshu 近十五年来近代开滦矿务局研究综述 [The Summary of the Research of Modern Kailuan Mining Administration in Recent 15 Years]. Tangshan shifan xueyuan xuebao 唐山师范学院学报, No. 3. Pp. 8—10, 33. (In Chinese).

Hegang zui xin baogao xia demohuan xianshi: fuzhai 257 yi, yanglaojin que cong wei tuoqianguo 鹤岗最新报告下的魔幻现实: 负债257亿, 养老金却从未拖欠过 [The magic reality under Hegang's latest report: debts of 25.7 billion, but pensions have never been in arrears]. Tengxunwang 腾讯网. 21.01.2022. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20220121A0518100> (accessed: 25.07.2023). (In Chinese).

Li Chenlu, Liu Sheng 李晨璐, 刘生. (2022). Ziyuan xing chengshi gao zhiliang fazhan mianlin de wenti ji duice jianyi 资源型城市高质量发展面临的问题及对策建议 [Problems, countermeasures and suggestions for the high-quality development of resource-based cities]. Jingji guancha bao 经济观察报, No. 11, Pp. 60—62. (In Chinese).

Liu Guoliang 刘国良. (2003). Zhongguo gongye shi. Xiandai juan. 中国工业史. 现代卷. Nanjing, Jiangsu Science and Technology Press. Pp. 25—42. (In Chinese).

Liu Luhong 刘吕红. (2012). Zhongguo ziyuan xing chengshi fazhan yingxiang yinzi de lishi kaocha 中国资源型城市发展影响因子的历史考察 [Historical investigation of factors affecting the development of resource-based cities in China]. Chengdu xingzheng xueyuan xuebao 成都行政学院学报, No. 2. Pp. 34—37. (In Chinese).

Liu Luhong 刘吕红. (2012a). Zhongguo ziyuan xing chengshi fazhan zhong zhidu yingxiang de lishi fenxi 中国资源型城市发展中制度影响的历史分析 [A Historical Analysis of Institutional Influence in the Development of China's Resource-Based Cities]. Qinghai shehui kexue zazhi 青海社会科学杂志, No. 6. Pp. 65—69. (In Chinese).

Liu Luhong 刘吕红. (2014). Zhongguo ziyuan xing chengshi de lishi fazhan yu zhuanxing 中国资源型城市的历史发展与转型 [The historical development and transformation of resource-based cities in China]. Xinan minzu daxue xuebao (Renwen sheke ban) 西南民族大学学报(人文社科版), No. 10. Pp. 151—155. (In Chinese).

Lu Wei, Li Xiaolin 卢伟, 李晓琳. (2022). Ziyuan kujie xing chengshi ruhe ying lai xinsheng 资源枯竭型城市如何迎来新生 [How to usher in a new life for resource-exhausted cities]. Liaowang 瞭望. 第 18 期 (05.06). URL: http://lw.news.cn/2022-05/06/c_1310585479.htm (accessed: 16.04.2023). (In Chinese).

Mai fang zai Hegang 买房在鹤岗 [Buy a house in Hegang]. Zhong qing zai xian 中青在线. China Youth Online. 08.09.2021. URL: http://zqb.cyol.com/html/2021-09/08/nw.D110000zgqnb_20210908_1-08.htm (accessed: 30.07.2023). (In Chinese).

Meng de yanse 梦的颜色 [Dream color]. 黑龙江省地质矿产局 [Heilongjiang Bureau of Geology & Mineral Resources]. 21.01.2023. URL: <http://dkj.hlj.gov.cn/ReadNews.asp?NewsID=17591> (accessed: 10.07.2023). (In Chinese).

Meng Qi 孟奇. (2022). Luo «di» sheng «gen»: Zhongguo jindai gongye chuang cheng zhong de chuantong zhili celüe yi qing Guangxu nianjian Hubei kuangwu wei li 孟奇. 落“地”生“根”: 中国近代工业创成中的传统治理策略以清光绪年间湖北矿务为例 [The Influence of Governance Structure on the Formation of China's Early Modern Industrial Organization]. Shehui 社会, No. 1. Pp. 1—30. (In Chinese).

Quanguo ziyuan xing chengshi ke chixu fazhan guihua 全国资源型城市可持续发展规划 (2013–2020年). URL: https://www.gov.cn/zwgk/2013-12/03/content_2540070.htm (accessed: 05.04.2023). (In Chinese).

Shen Lei, Cheng Jing 沈镛, 程静. (1998). Lun kuangye chengshi jingji fazhanzhong de youshi zhuanhuan zhanlue 论矿业城市经济发展中的优势转换战略 [On the strategy of transformation of the dominant economic development of raw cities]. Jingji dili 经济地理, No. 18(2). Pp. 41—45. (In Chinese).

“Shisiwu” zhichi lao gongye chengshi he ziyuan xing chengshi chanye zhuanxing shengji shifan gu gao zhiliang fazhan shishi fangan “十四五”支持老工业城市和资源型城市产业转型升级示范区高质量发展实施方案 [“14th Five-Year Plan” to support the implementation plan for high-quality development of industrial transformation and upgrading demonstration zones in old industrial cities and resource-based cities]. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tzgg/202111/P020211130562942478902.pdf> (accessed: 05.05.2023). (In Chinese).

Su Zhixin 苏志新. (2023). Ziyuan xing chengshi jingji renxing ceduo ji qi tisheng de zu tai lujing yanjiu 资源型城市经济韧性测度及其提升的组态路径研究 [Study on the economic resilience measure of resource-based cities and the grouping path of its enhancement]. Shuoshi yanjiusheng xuewei lunwen. Nei Menggu caijing da xue 硕士研究生学位论文. 内蒙古财经大学. Pp. 1—57 (29—30). (In Chinese).

Tuijin ziyuan xing diqu gao zhiliang fazhan “shisiwu” shishi fangan 推进资源型地区高质量发展“十四五”实施方案 [The “14th Five-Year Plan” implementation plan for promoting high-quality development in resource-based areas]. URL: <http://data.mofcom.gov.cn/upload/file/11.pdf> (accessed: 05.05.2023). (In Chinese).

Wu Kang, Zhang Wenzhong, Zhang Pingyu, etc. 吴康, 张文忠, 张平宇等. (2023). Zhongguo ziyuan xing chengshi de gao zhiliang fazhan: kunjing yu tupo 中国资源型城市的高质量发展: 困境与突破 [High-quality development of resource-based cities in China: Dilemmas and breakthroughs]. Ziran ziyuan xuebao 自然资源学报, No 38(1). Pp. 1—21. (In Chinese).

Wu Qixiu 吴奇修. (2005). Ziyuan xing chengshi chanye zhuanxing yanjiu 资源型城市产业转型研究 [J]. Qiu suo 求索. Quest Magazine, No. 6. Pp. 49—53. (In Chinese).

Xiao Jinsong, Mao Feng 肖劲松, 毛锋. (2008). Zhongguo ziyuan xing chengshi de yanhua tezheng yu qushi tanxi 中国资源型城市的演化特征与趋势探析 [Analysis on the evolutionary characteristics and development trend of resource-based cities in China]. Renwen dili 人文地理, Vol. 23, No. 2. Pp. 67—72. (In Chinese).

Yu Jianhui, Li Jiaming, Zhang Wenzhong 余建辉, 李佳铭, 张文忠. (2018). Zhongguo ziyuan xing chengshi shibie yu zonghe leixing huafen 中国资源型城市识别与综合类型划分 [Identification and classification of resource-based cities in China]. Dili xuebao 地理学报, Vol. 73, No. 4. Pp. 677—687. (In Chinese).

Zhang Wenzhong 张文忠. (2022). Ziyuan xing chengshi zhuanxing fazhan de zhongdian he zhengce daoxiang 资源型城市转型发展的重点和政策导向 [Key Points and Policy Orientation of Transformation and Development of Resource-Based City]. Renmin luntan wang 人民论坛网. 28.01. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2022/0128/638958.shtml> (accessed: 18.07.2023). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 10.07.2023. Received: 10 July 2023.

Принята к публикации: 20.09.2023. Accepted: 20 September 2023.

А.С. Пятчкова

Китайская школа международных отношений в исследованиях российских ученых

Аннотация. В статье анализируется вклад российских исследователей в изучение китайской школы международных отношений (МО) в контексте усиления дискурсивной силы КНР и продвижения китайских внешнеполитических концепций, ряд из которых имеет корни в академических исследованиях китайских ученых.

Основной акцент сделан на монографии Е.Н. Грачикова «Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям», вышедшей в 2021 г. Данная работа на текущий момент является наиболее комплексным и полным российским исследованием по становлению и развитию китайской школы международных отношений. В книге освещаются четыре основных направления: эволюция и становление школы международных отношений в КНР в разные исторические периоды, развитие теории международных отношений (ТМО) как дисциплины, основные идеи китайской школы ТМО и особенности китайской культуры.

Даже через несколько лет после публикации монографии по-прежнему можно увидеть подтверждение основных тезисов Е.Н. Грачикова и появление новых идей в китайской школе международных отношений, усиливающих ее самостоятельность и самобытность (в частности, в 2023 г. была опубликована книга о «позиционном реализме»). Помимо этого, растущее внимание к идеям Си Цзиньпина и сохранение в политическом дискурсе идеи китаизации марксизма помимо обращений к традиционной культуре в ближайшем будущем могут создать дополнительный контекст для развития китайской школы международных отношений.

Ключевые слова: китайская школа международных отношений, моральный реализм, реляционная теория мировой политики, Тянься, теория «международно-го симбиоза».

Автор: Пятчкова Анастасия Сергеевна, научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: apyatachkova@hse.ru

Anastasiia S. Piatachkova

The Chinese School of International Relations in Russian Scholarship*

Abstract. The article analyzes the contribution of Russian scholars to the studies of the Chinese School of International Relations in the context of Chinese discourse power and Chinese foreign policy concepts development (a number of these concepts are based on the academic research). The main focus is on the book “The Chinese School of International Relations: on the way to Big Theories” published in 2021.

This work is currently the most comprehensive Russian study on Chinese School of international relations. The book highlights four main directions: the evolution and formation of the school of international relations in China in different historical periods, the development of international relations theory as a discipline, the main ideas of the Chinese school of IR School and the peculiarities of Chinese culture.

Even a few years after the publication of the book, one can still see the confirmation of the main theses of E.N. Grachikov and the emergence of new ideas in the Chinese school of international relations that strengthen its independence and identity (in particular, a book on positional realism was published in 2023). In addition, the growing attention to the ideas of Xi Jinping and the preservation in political discourse of the idea of the Sinification of Marxism as well as the traditional culture heritage in the near future may create an additional context for the development of the Chinese school of international relations.

Keywords: Chinese school of International Relations, moral realism, relational theory of world politics, Tianxia, theory of “international symbiosis”.

Author: Piatachkova Anastasiia S., Researcher, International Laboratory for Research on World Order and New Regionalism, the National Research University Higher School of Economics. E-mail: apyatachkova@hse.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21-514-93002 «Сравнительный анализ концептуальных школ внешнеполитической мысли России и КНР».

Актуальность изучения китайской школы МО

Дискурс об изучении теоретических наработок западных авторов в области международных отношений тесно связан с развитием стран «глобального юга» и в особенности Китая, который стоит в авангарде этой тенденции [Каткова, 2021, с. 847]. Актуальность темы подтверждается тем, что китайская школа МО не только является одной из самых успешных и заметных среди новых направлений, но и продолжает заявлять о себе, предлагая миру новые идеи: так, в 2023 г. в издательстве Springer вышла книга исследователя из Народного университета Китая Вэй Суна о «позиционном реализме» (с предисловием известного китайского теоретика Цинь Яцина) [Wei Song, 2023].

Одновременно с общемировыми трендами нельзя не учитывать и внутрикитайские реалии. В китайских исследованиях можно найти мысль о том, что развитие собственной теории международных отношений будет способствовать «великому возрождению китайской нации» [Wang Yiwei, 2022]. Кроме того, при Си Цзиньпине развитие исследований в области международных отношений и аналитических центров приобрело стратегическое значение и ассоциируется с внешнеполитической стратегией Си Цзиньпина после XVIII съезда КПК и продвижением дискурсивной силы КНР [Денисов, Зуенко, 2022]. Новацией эпохи Си Цзиньпина также стало создание «мозговых центров с китайской спецификой» (при этом центры специализируются на различных направлениях китайской политики и призваны решать как внутренние задачи страны и партии, так и

обеспечивать конкурентоспособность КНР на международном уровне) [He Qiaoyuan, 2022]¹.

С 2017 г. после XIX съезда КПК появилась еще одна актуальная тенденция — создание аналитических центров, изучающих идеи Си Цзиньпина. При этом можно отметить, что они отличаются по профилю: например, 30 ноября 2021 г.

Таблица 1. Модели взаимодействия китайских ученых в сфере внешней политики

Название модели	Суть
Эпистемологическое сообщество (epistemic community)	«Ученые могут иметь прямое влияние на формирование китайской внешней политики через общие убеждения внутри эпистемологического сообщества» (примеры: Цинь Яцин, Ши Иньхун, У Синьбо, Ван Цзисы)
«Свободный рынок» (free market)	«Ученые производят знания и дают политические рекомендации для политиков (потребителей) для принятия (покупки) на свободном рынке идей» (пример: Янь Сюэтун)
Подача сигналов по поводу политики (policy signaling)	«Ученые могут помочь политикам протестировать некоторые смелые и противоречивые политические идеи и предложения и донести их до внутренней и международной аудитории»
Отзеркаливание политики (policy mirroring)	«Дебаты ученых могут отражать обсуждения политики Китая в правительстве, а также внутреннюю политическую динамику широкой части китайского общества»

Источник: Feng, Huiyun, Kai, He (2020). The study of Chinese Scholars in Foreign Policy Analysis: an Emerging Research Program // The Pacific Review. Vol. 33. No. 3—4. P. 12.

Таблица 2. Примеры участия ведущих китайских ученых-международников в концептуальном оформлении внешнеполитического курса КНР

Ученый	Вклад
Идеи ученых, которые нашли воплощение во внешней политике КНР	
Янь Сюэтун	«Моральный реализм» считается главной теоретической основой для трансформации внешней политики при Си Цзиньпине. Также известность получил его тезис о том, что «Китаю нужны альянсы» и военном союзе с Россией (на данный момент не реализован)
Ван Ичжоу	“Creative involvement” theory — отход от политики невмешательства для преодоления новых вызовов глобализации (считается, что это повлияло на более проактивный подход в отношении участия КНР в миротворческих операциях)
Ван Цзисы	Предложил стратегию «движения на Запад», с которой во многом связывается последующая реализация инициативы «Пояса и пути»
Шэнь Динли	Опубликовал статью о необходимости строительства китайских военных баз за рубежом. На момент публикации идея противоречила военной доктрине КНР, однако военная база в Джибути была построена в 2015 г. (сам автор связывает воплощение КНР в жизнь этого решения с недостатком международной реакции на его статью, которая была опубликована на английском языке)
Чжэн Бицзян	«Мирное возвышение» (эпоха Ху Цзиньтао)

Источник: [Feng, Huiyun, Kai, He, 2020; Литвак, Помозова, 2022].

¹ В монографии Е.Н. Грачкова 2021г. также проводится анализ представленных в КНР научных и аналитических центров в сфере международных отношений (с. 33—34).

был учрежден Центр изучения экономических идей Си Цзиньпина (习近平经济思想研究中心) [Xi Jinping jing ji si xiang], Центр изучения идей Си Цзиньпина о дипломатии на базе Китайской академии международных проблем (中国国际问题研究院) [Xi Jinping waijiao sixiang].

Значимость изучения теоретических подходов китайских ученых объясняется и особой динамикой отношений между китайскими аналитическими центрами и правительством. Так, в 2019 г. в издательстве Routledge вышла монография, посвященная китайским ученым и аналитическим центрам, где предлагается четыре основные модели взаимодействия китайских ученых в сфере внешней политики: 1) эпистемиологическое сообщество; 2 «свободный рынок»; 3) подача сигналов по поводу политики (policy signaling); 4) отзеркаливание политики.

Таким образом, хотя влияние теоретических разработок китайских ученых не всегда можно отследить напрямую, иногда о таком влиянии говорится достаточно открыто.

Указанные факторы подчеркивают важность изучения теоретических основ становления китайской школы международных отношений не только с точки зрения академического вклада, но и понимания современной китайской политики.

Китайская школа международных отношений в российских исследованиях

В российских исследованиях китайская школа международных отношений изучается уже не менее 10 лет¹, хотя эта тема и уступает по популярности и количеству публикаций объему научных дискуссий об официальных китайских политических концепциях. За это время вышли в свет работы таких авторов, как А.Д. Воскресенский [Воскресенский, 2013], А.М. Кузнецов, А.И. Козинец [Козинец, 2016], А. Королев² и ряда других.

Задачи упомянутых выше исследований, как правило, предполагают анализ представленных в КНР идей, ввод новых источников и понятий в научный оборот на русском языке, анализ интерпретаций китайских теоретических подходов, иногда — попытку связать теоретические наработки с реальными изменениями в

¹ В данной статье, главным образом, будет отражен вклад Е.Н. Грачикова и других российских исследователей, вместе с тем нельзя не учитывать и работы иностранных авторов, в том числе китайских: Acharya A., Buzan B. (2009). Non-Western International relations theory: perspectives on and beyond Asia; Qin, Yaqing. (2010). Development of International Relations Theory on China. Vol 46, issue 1—2. URL: <https://doi.org/10.1177/002088171004600212>; Song, Xinning. (2001). Building International Relations Theory with Chinese Characteristics. Journal of Contemporary China. Vol.10, issue 26. Pp. 61—74 и др. Также анализ вклада ученых в развитие этой темы приводится в рассматриваемой монографии Е.Н. Грачикова 2021 г. на с. 76—80, где авторы сгруппированы по различным направлениям и подходам.

² Примечание: А. Королев — исследователь российского происхождения, в настоящее время работающий в Австралии. На момент написания статьи — студент Китайского университета в Гонконге. Статья написана в соавторстве с профессором Нанькайского университета (КНР) Чжан Жуйчжуаном. См.: Чжан Ж. Королев А. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3, С. 96—110.

китайской политике. По сравнению с внутрикитайской дискуссией можно отметить меньшее количество публикаций по данной теме и некоторое запаздывание на старте изучения (в Китае тема самостоятельной школы МО обсуждается с конца 1990-х и начала 2000-гг., в России публикации по китайской школе МО становятся заметными как отдельное явление, скорее, в 2010-е гг.). Частично это объясняется широким разбросом в подходах китайских исследователей по вопросу необходимости создания китайской школы МО, о чем пишут как сами китайские авторы, и так и все изучающие данную тему иностранные исследователи (подробнее это рассмотрено ниже в контексте монографии Е.Н. Грачикова).

Тем не менее российские исследователи проявили достаточно детальное внимание к формированию китайской школы МО, при этом интерес к этой теме даже на самых ранних этапах отмечается не только в крупных столичных научных учреждениях (например, МГИМО), но и в региональных вузах, особенно на Дальнем Востоке. Так, А.И. Козинец из Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) посвятил свою кандидатскую диссертацию сравнительному анализу китайского и индийского опыта в выстраивании собственных подходов к международным отношениям [Козинец, 2018]. защите упомянутого диссертационного исследования предшествовала апробация результатов в серии тематических статей, где изучались факторы формирования китайской школы международных отношений (например, [Козинец, 2016]). Среди других авторов можно также отметить исследования профессора ДВФУ А.М. Кузнецова, который изучал не только незападные ТМО в динамике «от маргинальности к признанию» (в соавторстве с А.И. Козинцом [Кузнецов, Козинец, 2016]), но и официальные китайские внешнеполитические концепции («мирное развитие») в контексте вопроса о формировании собственной школы международных отношений в КНР (Кузнецов, 2015).

По мере роста внимания к теоретическому осмыслению МО в Китае и появления в дискурсе новых оригинальных китайских теорий росло и количество российских публикаций по этой теме. Появлялись труды, направленные на изучение отдельных концепций (например, статья С.В. Кривохиж и Е.Д. Соболевой о моральном реализме [Кривохиж, Соболева, 2019] или С.Г. Лузянина об особенностях понимания китайскими учеными концепции «глобального управления» [Лузянин, 2018]). Кроме того, российский дискурс о китайской школе МО содержательно дополняли исследования, которые развивались на стыке анализа официальных китайских политических концепций и изучения теоретической основы китайских исследований (например, помимо указанной выше концепции «мирного развития» можно отметить работы, посвященные «мягкой силе» [Васецова, Чжао На, 2022] или дискуссиям китайских исследователей и вкладу аналитических центров в наполнение и осмысление инициативы «Пояса и пути» [Китайский глобальный проект для Евразии, с. 14—19]). Кроме исследований, которые непосредственно относятся к изучению китайской школы международных отношений, существует и ряд работ по анализу деятельности китайских аналитических центров (см. [Журбей, 2011; Комиссина, 2017]).

Также можно выделить отдельные проекты, которые способствовали привлечению внимания экспертного сообщества к тематике китайской школы МО.

На базе НИУ ВШЭ под руководством А.В. Лукина в 2020—2021 гг. проводился научно-исследовательский семинар «Незападные теории международных отношений в полицентрическом мире», в рамках которого состоялись тематические выступления Е.Н. Грачикова о китайской школе международных отношений, А.С. Пятчковой о развитии теории международных отношений в КНР, а также Е.В. Журавлевой о Шанхайской школе международных отношений [НИС «Незападные теории международных отношений...»]. В 2021 г. группой молодых исследователей НИУ ВШЭ совместно с Российским советом по международным делам был опубликован обзорный доклад по основным западным теориям международных отношений [Пятчкова, Новиков и др., 2021]. В качестве важной детали можно отметить, что изучение западных теорий международных отношений уже интегрировано в образовательный процесс во многих российских университетах, включая МГИМО, НИУ ВШЭ, ДВФУ и ряд других вузов (в РУДН даже был разработан самостоятельный отдельный курс по западным теориям международных отношений).

Таким образом, даже этот далеко не полный обзор российских работ демонстрирует серьезный интерес отечественных ученых к данной теме. Вместе с тем приведенные примеры показывают, что тематика западных подходов раскрывается, главным образом, в статьях, иногда распространяется на тематические сборники и отдельные проекты, однако, как правило, не трансформируется в комплексные объемные работы (монографии, диссертационные исследования).

Важным исключением из этой тенденции является монография Е.Н. Грачикова «Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям», которая на текущий момент является наиболее полным, всесторонним и качественным современным исследованием китайской школы международных отношений. До публикации монографии Е.Н. Грачиков несколько лет проводил тщательное изучение данной темы. Это нашло отражение в таких статьях, как «Международные отношения в Китае: институционализация национальной школы» [Грачиков, 2014], «Китайская теория международных отношений: становление национальной школы» [Грачиков, 2016], «Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание» [Грачиков, 2017] «Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований» [Грачиков, 2019], «China in Global Governance: Ideology, Theory, and Instrumentation» [Грачиков, 2020] и др.

Еще одной заслугой Е.Н. Грачикова стало то, что на базе его основного места работы — РУДН — сформировалась устойчивая традиция изучения западных теорий международных отношений. Регулярно стали проводиться мероприятия по данной тематике, а сам Евгений Николаевич выступил руководителем семинара, при этом в мероприятиях принимали участие коллеги из МГИМО, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН (*прим.*: сегодня — ИКСА РАН), НИУ ВШЭ и других площадок [Незападные теории международных отношений. Формирование национальных школ МО...]. Далее в статье будут рассмотрены основные идеи его монографии.

Основные идеи книги «Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям»

Исследование Е.Н. Грачикова структурно разделено на четыре блока и состоит из 13 глав. В первой части раскрываются особенности становления собственной школы международных отношений в КНР. Второй раздел посвящен пониманию особенностей «теории международных отношений» как отдельной дисциплины. В третьей части раскрывается спектр идей, которые на данный момент ассоциируются с китайской школой международных отношений (например, «реляционная теория мировой политики» Цинь Яцина, концепция «Тянься» Чжао Тинъяна, моральный реализм Янь Сюэтуна, теория «международного симбиоза»). В заключительном блоке основное внимание сосредоточено на понимании и восприятии китайской традиционной культуры, которая зачастую и становится основой китайских теорий международных отношений.

Сильной стороной монографии Е.Н. Грачикова является то, что автор обращается к большому количеству первоисточников на китайском языке. Е.Н. Грачиков определяет две цели монографии: исследовать генезис становления китайской школы международных отношений в двух аспектах — с точки зрения развития академической дисциплины, а также продуцирования собственных идей (с. 10).

Е.Н. Грачиков пишет, что формирование дисциплины «Международные отношения» в Китае тесно связано с изменением оценки КПК своей внешней политики. Он отмечает принципиальное значение эпохи Дэн Сяопина в формировании нового подхода к осмыслению внешней политики КНР (с. 110—111). В дальнейшем особенности китайской школы международных отношений стали проявляться все ярче.

Обращаясь к классификации подходов, Е.Н. Грачиков, в частности, приводит классификацию Цинь Яцина: классический, традиционный и интегративный. Первый предполагает опору на идеи марксизма, второй вносит элементы китайских традиционных ценностей в анализ международных отношений, третий направлен на сочетание классических западных и традиционных китайских подходов для теоретического осмысления международных отношений (с. 30). Чжан Жуйчжуан и А. Королев строят другую классификацию, деля исследователей по их отношению к китайской школе международных отношений на ее сторонников, скептиков и приверженцев кумулятивного подхода [Чжан, Королев, 2010, с. 96—110].

Скепсис в отношении новизны китайских идей часто можно встретить в работах западных авторов. Например, У. Кэллахан писал, что идея «Поднебесной» — это всего лишь китайский вариант гегемонии [Callahan, 2008]. Отчасти такие оценки являются продолжением критики политического курса КНР, иллюстрацией тезиса о том, что «Китай в качестве великой державы в своем поведении будет отличаться от других — это попытка выдать желаемое за действительное» [Hwang, 2021].

В противоположность этому на протяжении всей книги Е.Н. Грачиков отстаивает позицию, согласно которой китайская школа международных отношений является самостоятельным теоретическим направлением с присущей ему

уникальной спецификой, а не простым «подражанием» западным идеям или их творческой адаптацией. Вместе с тем автор остается объективным и приводит весь спектр мнений китайских ученых на этот счет. С отсылкой к Цинь Яцину он отмечает, что в течение 30 лет с 1978 г. по 2007 г. только 5 % исследований касалось осмысления китайских теоретических подходов в международных отношениях; при этом консенсус о необходимости развития собственных теоретических подходов был достигнут в 1990-е гг., а начиная с 2000-х гг. перед учеными встали уже прикладные задачи непосредственно по построению теории (с. 33). Завершение процесса формирования китайской школы международных отношений Е.Н. Грачиков связывает с публикацией в конце второго десятилетия XXI в. серии работ китайских авторов (Цинь Яцина, Чжао Тинъяна, Янь Сюэтуна) на английском языке в издательствах ведущих международных университетов — Принстона, Оксфорда, Кембриджа, а также с тем, что китайские исследователи становятся редакторами подобных тематических изданий (с. 10).

Вместе с тем Е.Н. Грачиков пишет, что иногда оригинальность китайских подходов ставится под сомнение даже самими китайскими учеными. Так, Янь Сюэтун, который сам стал автором одной из самых популярных китайских теорий (моральный реализм), выступал против того, чтобы называть свои исследовательские наработки отдельной китайской школой международных отношений (с. 33), а также предлагал идею унифицированного подхода к международным отношениям как к законам физики или химии (с. 188).

Е.Н. Грачиков отмечает, что в рамках осмысления китайской школы международных отношений было предложено несколько названий, в частности, «теория международных отношений с китайской спецификой», «китайские исследования международной политической теории», «китайская школа» и ряд других (с. 31). Он проводит аналогию со становлением английской школы теории международных отношений, где как раз не было вопросов к содержательным аспектам теории, в то время как в КНР шли дискуссии помимо названия школы также и о ее наполнении (с. 33). Кроме того, по сравнению с английской школой международных отношений особенность китайской школы выражается в том, что институционально она, по сути, не является четко оформленной (в отличие от английской школы, которая поддерживается Британским советом по международным отношениям, с. 34—35). Крупнейшие теоретические наработки по-прежнему ассоциируются с двумя крупнейшими центрами КНР — Пекином и Шанхаем (с. 34—35).

В плане содержательного наполнения Е.Н. Грачиков отмечает роль истории в теоретическом осмыслении международных отношений, выделяя три вида исторических подходов (с. 77—79), которые сформировались в литературе и связаны с даннической системой (Дж.Фэрбэнк), сравнением традиционных китайских подходов с западными (например, Е Цзычэн, Ван Чжэньи, Ху Бо) и изучением древней китайской истории или истории отдельных династий для применения в современной китайской дипломатии (Чжан Сяомина, Чэнь Вэйфан, Чэнь Шаншэн и Гао Вэйнун).

В продолжение темы исторических реалий в качестве конкретного примера хотелось бы отметить интерпретацию, которая используется в отношении экспе-

диции Чжэн Хэ (морские походы Чжэн Хэ не рассматриваются подробно в монографии Е.Н. Грачикова, однако, в частности, он приводит суждение Дж. Фэрбэнка о том, что «наиболее успешная политика КНР была ненасильственной», а дипломатические маневры часто использовались вместо прямого принуждения (с. 272), таким образом, на примере экспедиции можно увидеть, что упоминаемые Е.Н. Грачиковым идеи реализованы в работах многих исследователей в отношении различных исторических событий). Экспедиция Чжэн Хэ используется для демонстрации мирных намерений Поднебесной: Китай «не оккупировал ни пяди чужой земли», принес «африканскому народу послание мира и доброй воли, а не мечи, ружья, грабежи или рабство» [Ванг, 2011]. Вместе с тем подобные положительные оценки китайской внешней политики могут давать неполную картину происходящего и не учитывать критику в адрес КНР. Так, войска под командованием Чжэн Хэ часто выступали в поддержку сил послушных Китаю «варваров» против враждебных в рамках распространения традиционного китайского миропорядка на новые территории [Бокщанин, 1968]. В связи с этим стоит иметь в виду, что опора только на китайских авторов и комплиментарные оценки китайской политики при анализе в ряде случаев могут давать искаженную или неполную интерпретацию.

Е.Н. Грачиков в своих исследованиях уделяет внимание попыткам КНР отреагировать на западные концепции. Например, еще до публикации монографии одна из его статей посвящена взглядам КНР на проблему «глобального управления» [Грачиков, 2020]. Эту проблему также изучал С.Г. Лузянин, отмечая, что в китайском экспертном сообществе существовало достаточно критичное отношение к этой концепции как к достаточно «хрупкой» и нереалистичной; в основном китайские авторы оперировали терминами о праве сильного, а также возможном снижении роли государств в решении международных вопросов [Лузянин, 2018].

Е.Н. Грачиков уверен, что мировой порядок и концепции глобального управления станут перспективными направлениями исследований в китайской теории международных отношений (с. 68—69). Это в целом подтверждается новыми китайскими теоретическими разработками: например, упоминавшейся выше теорией «позиционного реализма» [Wei Song, 2023].

В монографии Е.Н. Грачикова отмечено, что исследования, основанные на традиционной марксистской методологии, по-прежнему продолжают свои традиции в КНР (среди авторов фигурируют Ван Цуньган, Ли Айхуа и др.), но сегодня они вытеснены на периферию, в самой монографии рассмотрению результатов их исследований уделяется довольно мало внимания (только на уровне общих тенденций без уточнения конкретных идей — см., например, с. 35).

То же самое касается наработок Шанхайской школы международных отношений: сама теория «международного симбиоза»¹ также упоминается, равно как

¹ Теория «международного симбиоза» возникла на базе междисциплинарного подхода, который помимо международных отношений также учитывает социологию, политологию и философию (например, теория симбиоза была обозначена в работе «Теория социального симбиоза» (социолог Ху Шоуцзюнь, 2006 г.). Изучаются вопросы совместного сосуществования и совместного роста, во многом эта теория считается китайским видением развития международного общества и глобальной взаимосвязанности [Жэнь Сяо, 2005; Юань Шэнью, 2018].

и присутствуют ссылки на некоторых основных представителей (например, Жэнь Сяо), при этом суть идеи детально не раскрывается. Хотя, например, можно отметить некоторые недавние исследования китайских авторов, где именно идея «международного симбиоза» используется среди трех ключевых китайских теоретических концепций, а, скажем, идея «Тянься» среди них вообще не упоминается [Lin Xiaojiao, 2022]. В то же время основные китайские идеи в работе Е.Н. Грачикова рассмотрены достаточно подробно (например, «Тянься», «моральный реализм» и «реляционная теория мировой политики»).

Так, в книге отмечается, что концепция «Тянься» связана с историческими реалиями КНР и базируется на практиках, существовавших в эпоху династии Чжоу. Система «Тянься» предполагала, что: 1) решение проблем должно исходить от легитимной мировой системы, а не решаться силой принуждения; 2) данная система политически легитимна за счет существующих в ней институциональных механизмов; 3) такая система может работать, если создает гармонию между всеми ее участниками (с. 179). Важную роль в данной концепции также играют международные институты и идея создания «мирового правительства» (с. 166—167). Отмечается иерархичность данной концепции и ее связь с традиционной культурой.

Здесь следует сказать, что в исследовании Е.Н. Грачикова присутствует не критическое принятие некоторых оценок китайских авторов. Например, он не указывает, что традиционная китайская концепция мироустройства, доминировавшая в стране до 1911 г., откуда, собственно, и пришло понятие Тянься (Поднебесной), вообще не предусматривала наличия международных отношений, так как она признавала существование лишь одного государства, находившегося в центре мира — Китая (中国). Все же остальные считались различными варварскими образованиями, находившимися от Китая в вассальной (даннической) зависимости [Fairbank, 1968].

В монографии Е.Н. Грачикова анализируется теория «морального реализма», которую развивает известный китайский исследователь Янь Сюэтун. Янь выделяет «стратегию скромных претензий» и «стратегию достижения результатов», при этом первая сосредоточена на получении экономических выгод, а вторая — на получении политической поддержки (с. 192). Он считает, что соблюдение определенных моральных принципов может увеличить политическую легитимность КНР (с. 192). Моральный реализм охватывает широкий круг вопросов, начиная от политического лидерства до вопросов сотрудничества в сфере безопасности (с. 211). Е.Н. Грачиков, анализируя Янь Сюэтуна, прямо пишет, что «в процессе формирования биполярности для восходящей державы невозможно скрывать свои возможности» и не может снизить давление на КНР по вопросам международной ответственности (с. 212). Помимо этого, Янь Сюэтун приводит свою типологию лидерства среди великих держав.

При анализе теории, продвигаемой Цинь Яцином, Е.Н. Грачиков обращает внимание именно на процесс формирования социальных практик. Таким образом, именно отношения (а не отдельные государства и структуры — как в основных западных теориях) становятся «первичной единицей анализа» (с. 222). Отдельное внимание в работе Цинь Яцина уделяется «диалектике Чжунюн [中庸]» —

«срединного пути» (в переводе Е.Н. Грачикова — взаимодополняющий/взаимовключающий путь, с. 224—225). Данный подход предполагает, что в отличие от гегелевской диалектики, противоречия могут быть преодолены, более того, доступен модус, где появляется новая форма, в которой оба полюса могут сосуществовать и составляют гармонию жизни (с. 224—225). Еще один важный элемент теории — связанность различных авторов: Цинь Яцин называет это «мета-отношениями» или «отношениями отношений» (с. 223—224). В диалектике «инь-ян» отношения рассматриваются как «фундаментально гармоничные», а процесс взаимодействия — как процесс гармонизации и взаимного включения через Чжунюн (с. 223—224).

В дополнение к современным концепциям в заключительной части исследования проводится анализ специфических особенностей китайской культуры, которые определяют как теоретические, так и прикладные черты внешней политики КНР (процессуальность, корреляционность, необходимость «сохранения лица», гуаньси и др). Е.Н. Грачиков пишет о том, что ключевые китайские понятия интегрированы в теоретическое осмысление международных отношений (например, понятие «единства противоположностей», или «гармонии», соотносится не только с фундаментальными принципами китайской философии, но и отражает официальную риторику КНР, ранее в работе такой пример был приведен на с. 178). В целом, похожие попытки анализа китайской культуры и влияния традиционных терминов на китайские официальные концепции: например, А.В. Ломанов пишет о том, что конфуцианская идея создания общества «малого благосостояния» (сяокан) стала одной из центральных идей во время проведения рыночных реформ Дэн Сяопином [Zhong hua ren min gong he guo]. Кроме того, в 2023 г. была опубликована новая работа Цинь Яцина, где теория международных отношений рассматривается в контексте теории воспроизводства социальных знаний и открытости между различными культурами [Qin Yaqing, 2023].

Выводы

Из российских исследователей Е.Н. Грачикову лучше всего удалось провести комплексный анализ китайской школы международных отношений с учетом множества параметров и факторов, которые влияют на ее развитие. Минус работы в том, что недостаточное внимание уделено идеям марксистского направления и Шанхайской школе, хотя она упоминается наряду с другими теориями. В работе нет подробного анализа некоторых значимых авторов (например, работ Шэнь Сяо в части понимания идеи «международного симбиоза»). Вместе с тем указанные особенности не оказывают влияния на обоснованность выводов монографии и полноту раскрытия темы. На современном этапе можно увидеть подтверждение ряда основных тезисов Е.Н. Грачикова, частности, о том, что осмысление мирового порядка может служить одним из ключевых направлений развития теоретической мысли о международных отношениях в КНР.

Растущее внимание к идеям Си Цзиньпина и сохранение в политическом дискурсе идеи китаизации марксизма помимо обращений к традиционной куль-

туре могут создать дополнительный контекст для развития китайской школы международных отношений. Вместе с тем большинство работ китайских исследователей по-прежнему базируется на классических западных подходах, а появление новых теорий сопровождается подробными отсылками к этим работам. Это может вызывать некоторый закономерный скепсис в отношении самостоятельности китайской школы. Однако усиливающийся запрос на независимость китайской внешней политики в свете текущих международных изменений создает прочную основу для поддержки собственных исследований в области теории международных отношений в КНР. Вероятно, часть идей навсегда останется в сугубо академическом поле, но, учитывая тесное сотрудничество китайских аналитических центров с правительственными структурами, нельзя исключать и возможности постепенной имплементации наиболее перспективных теоретических наработок в политическую практику. Совокупность этих факторов создает предпосылки для дальнейшего развития китайской школы международных отношений и появления новых концепций, а также подчеркивает важность их изучения в России для понимания возможных направлений развития китайской внешней политики.

Библиографический список

Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1968. С. 63–97.

В РФ создана первая за пределами Китая лаборатория по изучению идей Си Цзиньпина // Коммерсантъ. 22.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6056326> (дата обращения: 17.09.2023).

Васецова Е.С., Чжао На. Оценка «мягкой силы» КНР в работах российских и китайских ученых: сравнительный анализ // Международная жизнь. 2022. № 5. С. 90–97

Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С.82–96.

Грачиков Е.Н. Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 68–80. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.5.

Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.

Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // Мировая политика. 2017. № 1.

Грачиков Е.Н. Международные отношения в Китае: институционализация национальной школы // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 49–65.

Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР // Москва, 2022. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujwus4tsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

Журбей Е.В. Аналитические центры и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса // Ойкумена. 2011. № 2.

Каткова Е.Ю. Рецензия на книгу: Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С.847.

Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад) / [А.В. Лукин и др.]; под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт, 2016. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

Козинец А.И. Незападные подходы в теории международных отношений: сравнительный анализ китайского и индийского опыта (диссертация) // РГБ. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008717179>

Козинец А.И. Факторы развития современных китайских подходов в теории международных отношений // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 1. С. 66—77.

Комиссина И.Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6.

Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Теория морального реализма Янь Сюэтуна // в кн. Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства. М.: Аспект-пресс, 2019.

Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, 2015. URL: https://www.perspektivy.info/history/mirnoje_razvitije_kitaja_i_nekotoryje_problemy_sovremennoj_teorii_mezhdunarodnyh_otnoshenij_2015-03-23.htm (дата обращения: 27.09.2023).

Кузнецов А.М., Козинец А.И. Незападные теории международных отношений — от маргинальности к признанию // Ойкумена. 2016. № 4.

Литвак Н.В., Помозова Н.Б., 2022. Эволюция концепции глобальной внешней политики Китая в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2022. № 20(4). С. 43—63. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-43-63. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/evolution-of-chinas-global-policy/> (дата обращения: 17.09.2023).

Лузянин С.Г. Россия—Китай: формирование обновленного мира. М.: Весь мир, 2018.

Незападные теории международных отношений. Формирование национальных школ МО в странах Азии, Африки и Лат. Америки. Год 1. Азия // Экспертный портал РУДН по международным отношениям. URL: <https://ir.rudn.ru/ru/seminars/seminar01> (дата обращения: 17.09.2023).

НИС «Незападные теории международных отношений в полицентрическом мире». URL: <https://we.hse.ru/ml/seminartmo> (дата обращения: 17.09.2023).

Пятачкова А.С., Новиков Д.П. и др. Незападные теории международных отношений // Российский совет по международным делам, 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/nezapadnye-teorii-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 17.09.2023).

Чжан Ж., Королев А. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96—110.

References

Bokshchanin, A.A. (1968). *Kitaj i strany yuzhnyh morej v XIV—XVI vv.* [China and the Countries of the Southern Seas in the XIV—XVI centuries]. M: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. Pp. 63—97. (In Russian).

Callahan, W.A. (2008). 'Chinese visions of world order: Post-hegemonic or a new hegemony?', *International Studies Review*, Volume 10, Issue 4, 2008. Pp. 749—61.

Denisov, I.E., Zuenko, I.Yu. (2022). *Ot myagkoj sily k diskursivnoj sile: novye ideologemy vneshnej politiki KNR* [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologems of China's Foreign

Policy]. M. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-for-eign-policy-new-ideologemes.pdf> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).

Grachikov, E.N. (2014). *Mezhdunarodnye otnosheniya v Kitae: institutsionalizatsiya natsional'noi shkoly* [International Relations in China: Institutionalization of the National School]. *Mezhdunarodnye protsessy*, Vol. 12, No. 4. Pp. 49–65. (In Russian).

Grachikov, E.N. (2016). *Kitaiskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: stanovlenie natsional'noi shkoly* [Chinese Theory of International Relations: the Formation of a National School]. *Mezhdunarodnye protsessy*, Vol. 14, No. 3. Pp. 68–80. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.5

Grachikov, E.N. (2017). *Kitaiskaya shkola mezhdunarodnykh otnoshenii: pravo na metodologicheskoe samosoznanie* [Chinese School of International Relations: the Right to Methodological Self-awareness]. *Mirovaya politika*, No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-shkola-mezhdunarodnyh-otnosheniy-pravo-na-metodologicheskoe-samosoznanie/viewer> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).

Grachikov, E.N. (2019). *Stanovlenie kitaiskoi shkoly mezhdunarodnykh otnoshenii: analiticheskie podkhody i metody issledovaniy* [Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, Vol. 19, No. 2. Pp. 187–200. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Grachikov, E.N. (2020). *China in Global Governance: Ideology, Theory, and Instrumentation. Russia in Global Affairs, 2020*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/china-in-global-governance/> (accessed: 17.09.2023).

Grachikov E.N. (2021). *Kitayskaya shkola mezhdunarodnykh otnosheniy: na puti k bol'shim teoriyam* [Chinese School of International Relations: on the Way to Big Theories]. M.: Aspekt Press, 2021. 304 p.

Katkova, E.Yu. (2021). *Retsenziya na knigu: Grachikov E.N. Kitaiskaya shkola mezhdunarodnykh otnoshenii: na puti k bol'shim teoriyam* [Book review: Grachikov E.N. Chinese School of International Relations: on the Way to Big Theories]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, Vol. 21, No.4. P. 847. (In Russian).

Kitajskij global'nyj proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskij doklad) A.V. Lukin i dr. [Chinese Global Project for Eurasia: Problem Statement (analytical report) A.V. Lukin et al.]. (2016). Moscow: Nauchnyj ekspert, 2016. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtor-logo-CHI NA2-01.pdf> (accessed: 27.09.2023). (In Russian).

Komissina, I. N. (2017). *Novye “mozgovye centry” s kitajskoj specifikoj: problemy i perspektivy razvitiya* [New “Think Tanks” with Chinese Characteristics: Problems and Development Prospects]. *Problemy Nacional'noj Strategii*, No. 6. (In Russian).

Kozinec, A.I. (2018). *Nezapadnye podhody v teorii mezhdunarodnykh otnoshenij: sravnitel'nyj analiz kitajskogo i indijskogo opyta* (thesis) [Non-Western Approaches to International Relations: the Comparative Analysis of Chinese and Indian Experience]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008717179> (accessed: 27.09.2023). (In Russian).

Krivokhizh, S.V., Soboleva, E.D. (2019). *Teoriya moral'nogo realizma Yan' Syuetuna* [Yan Xuetong's Theory of Moral Realism]. V. kn. *Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Aziatskie, afrikanские i latinoamerikanske konceptsii miroistroistva*. Aspekt-press. (In Russian).

Kuznecov, A.M. (2015). *“Mirnoe razvitie Kitaya” i nekotorye problemy sovremennoj teorii mezhdunarodnykh otnoshenij* [“China’s Peaceful Development” and Some Problems of Modern International Relations Theory]. URL: https://www.perspektivy.info/history/mirnoje_razvitije_kitaja_i_nekotoryje_problemy_sovremennoj_teorii_mezhdunarodnyh_otnoshenij_2015-03-23.htm (accessed: 27.09.2023). (In Russian).

Kuznecov, A.M., Kozinec, A.I. (2016). *Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenij — ot marginal'nosti k priznaniyu* [Non-Western Theories of International Relations — from Outsiders to Recognition]. *Ojkumena*, No. 4. (In Russian).

Litvak, N. V., Pomozova, N. B. (2022). Evolution of China's Global Foreign Policy Conception in the 21st Century. *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/evolution-of-chinas-global-policy/> (accessed: 27.09.2023). (In Russian).

Luzyanin, S.G. (2018). *Rossiya-Kitai: formirovanie obnovlennogo mira [Russia-China: the Formation of a Renewed World]*. Izdatel'stvo "Ves' mir". Pp. 33—39. (In Russian).

Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Formirovanie natsional'nykh shkol MO v stranakh Azii, Afriki i Lat. Ameriki. God 1. Aziya [Not Western Theories of International Relations. Formation of National Schools of International Relations in Asia, Africa and Latin America. America. Year 1. Asia]. *Ekspertnyi portal RUDN po mezhdunarodnym otnosheniyam*. URL: <https://ir.rudn.ru/seminars/seminar01> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).

NIS "Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii v polittsentricheskom mire" [NIS "Non-Western Theories of International Relations in a Polycentric World"]. URL: <https://we.hse.ru/ml/seminartmo> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).

Pyatachkova, A.S. and the others. (2021). *Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Non-Western Theories of International Relations]*. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/nezapadnye-teorii-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).

V RF sozdana pervaya za predelami Kitaya laboratoriya po izucheniyu idei Si Tszin'pina [Russia has Created the First Laboratory outside China to Study Xi Jinping's Ideas]. *Kommersant*. 22.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6056326> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).

Vasecova, E.S., Zhao, Na. (2022). Ocenka "myagkoj sily" KNR v rabotah rossijskih i kitajskih uchenyh: sravnitel'nyj analiz [The Assessment of the PRC's "Soft Power" in the Works of Russian and Chinese Scientists: a Comparative Analysis]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, No. 5. Pp. 90—97. (In Russian).

Voskresenskii, A.D. (2013). *Mirovye kompleksnoe regionovedenie i perspektivy postroeniya nezapadnoi (kitaizirovannoi) teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [World Complex Regional Studies and Prospects for Building a Non-Western (Sinized) Theory of International Relations]*. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, No.6. Pp. 82—96. (In Russian).

Zhan, Zh., Korolev, A. (2010). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii s kitaiskoi spetsifikoi: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya [Theory of International Relations with Chinese Specifics: Current State and Development Trends]*. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. Pp. 96—110. (In Russian).

Zhurbej, E.V. (2011). *Analiticheskie centry i vneshnyaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki: istoriya voprosa [Analytical Centers and the People's Republic of China's Foreign Policy: History of the Issue]*. *Ojkumena*, No.2. (In Russian).

* * *

Acharya, A., Buzan, B. (ed.). (2009). *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*. Routledge.

Barr, M. (2011). *Who's Afraid of China? The Challenge of Chinese Soft Power*. Zed Books, London&New York. P.84, 86.

Chen, Dingding. (2016). *The 10 Young Chinese Foreign Policy Scholars You Should Know*. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2016/01/the-10-young-chinese-foreign-policy-scholars-you-should-know/> (accessed: 17.09.2023).

Fairbank, J. K. (ed.). (1968). *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 2.

Feng, Huiyun, Kai, He. (2020). *The study of Chinese Scholars in Foreign Policy Analysis: an Emerging Research Program*. *The Pacific Review*, Vol. 33, No. 3—4.

Gongsheng: Shanghai xuepai de xingqi 共生:上海学派的兴起 [Symbiosis: the rise of the Shanghai School]. (2005). 任晓编 [Ed. by Ren Xiao]. Shanghai: Shanghai yiwen chubanshe 上海: 上海译文出版社. P. 5. (In Chinese).

He, Qiaoyuan. (2022). Zhongguo tese xinxing zhiku yanjiu quan jing—yi 2013-2021 nian CSSCI de lunwen wei li 何始源. 何巧源. 中国特色新型智库研究全景—以 2013—2021年CSSCI 的论文为例 [He Qiaoyuan. An Overview of New Analytical Centers 'with Chinese Characteristics' on the Basis of CSSCI Articles from 2013 to 2021]. Hubei xin xing zhiku pingtai 湖北新型智库平台. URL: <http://www.hbxxzkt.com/zw/article/6067> (accessed: 27.09.2023). (In Chinese).

Hwang, Yih-Jye. (2021). Reappraising the Chinese school of international relations: a postcolonial perspective. *Review of International Studies*, Vol. 47, No. 3. Pp. 311—330.

Wong, Ka-Ho. (2018). Analysis of Chinese narrative of world order and foreign policy: is China a revisionist or reformist power? *Comparative Politics*, Vol. 9, No. 3. Pp. 154—161.

Lin, Xiaojiao 林小娇. (2022). 中国国际关系理论的发展与特色辨析 决策与信息 [Analysis of the Development and Characteristics of China's International Relations Theory Decision-making and Information]. 35 p. (In Chinese).

Lin, Xiaojiao 林小娇. (2022). Zhong guo guo ji guan xi li lun de fa zhan yu te se bian xi juece yu xinxi 中国国际关系理论的发展与特色辨析 决策与信息 [Analysis of the Development and Characteristics of Chinese International Relations Theory, Decision-making and Information]. 35 p. (In Chinese).

Qin, Yaqing. (2009). Development of international relations theory in China. *International Studies*, Vol. 46, No. 1—2. Pp. 185—201. DOI: <https://doi.org/10.1177/002088171004600212>.

Qin, Yaqing 秦亚青. (2023). Zhi shi han hua yu she hui zhi shi zai sheng chan — yi zhong guo guo ji guan xi li lun fa zhan lu jing wei li 知识涵化与社会知识再生产—以中国国际关系理论发展路径为例 [Knowledge Cultivation and Social Knowledge Reproduction—Taking the Development Path of Chinese International Relations Theory as an Example]. *World economy and politics*, No. 1. Pp. 3—5. (In Chinese).

Qing Yaqing's Foreword. (2023). Wei Song. *Positional Realism. A Theory of Foreign Policy. Contributions to International Relations*. Springer. P. 7.

Shannon, Tiezzi. (2015). China's Quest for Global Influence — Through Think Tanks. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2015/01/chinas-quest-for-global-influence-through-think-tanks/> (accessed: 17.09.2023).

Wang, Yiwei 王义桅. (2022). Zhongguo guoji guanxi lilun de san da mi si 中国国际关系理论的三大迷思 [Three Major Myths about China's International Relations Theory], No. 4. P. 9. (In Chinese).

Wei, Song. (2023). *Positional Realism. A Theory of Foreign Policy. Contributions to International Relations*. Springer.

Xi Jinping jing ji si xiang yan jiu zhong xin 2022 nian mian xiang ying jie bi ye sheng gong kai zhao pin gong zuo ren yuen gong gao 习近平经济思想研究中心2022年面向应届毕业生公开招聘工作人员公告 [Announcement of Open Recruitment for Staff for the Xi Jinping Economic Thought Research Center in 2022 for Recent Graduates]. 18.03.2022. URL: http://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyshshzbz/fwyd/SYkaoshizhaopin/zyhgijgsydwgkzp/zpgg/202203/t20220318_439661.html (accessed: 17.09.2023) (In Chinese).

Xi Jinping waijiao sixiang yanjiu zhongxin 习近平外交思想研究中心 [Xi Jinping Thought on Diplomacy Research Center]. URL: <https://www.ciis.org.cn/gyygk/zzjg/wjsxyjzx/> (accessed: 15.09.2023). (In Chinese).

Xinning, Song. (2001). Building International Relations Theory with Chinese Characteristics. *Journal of Contemporary China*, Vol. 10, No. 26. Pp. 61—74.

Yuan Shengyu: gongsheng xing guoji tixi: lilun yu tiaozhan 袁胜育.共生型国际体系: 理论与挑战 [Symbiotic International System: Theory and Challenges]. (2014). *Shehui kexue 社会科学*. URL: <http://study.ccln.gov.cn/fenke/shehuixue/shxxlj/shxxff/366828-1.shtml> (accessed: 29.09.2023). (In Chinese).

Zhong hua ren min gong he guo zhu e luo si lian bang da shi guan 中华人民共和国驻俄罗斯联邦大使馆 [Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm> (accessed: 17.09.2023).

Поступила в редакцию: 22.09.2023. Received: 22 September 2023.

Принята к публикации: 06.10.2023. Accepted: 6 October 2023.

С.М. Труш

Политика Д. Трампа в отношении Китая: мотивация, эволюция, итоги

Аннотация. В статье рассматриваются базовые мотивы, эволюция подходов и итоги политики администрации Д. Трампа в отношении КНР (2017—2020). Особое внимание уделяется внутриамериканскому политическому контексту, группам давления и позициям некоторых членов республиканской администрации в ходе «торговой войны». В китайской политике Д. Трампа важную роль сыграло сочетание двух основополагающих обстоятельств. Первое — необходимость ответить на «китайский вызов», успехи китайской модели развития и политическую эволюцию КНР при Си Цзиньпине. Второе — феномен Д. Трампа как внеистеблишментного «игрока», свободного от многих идеологических постулатов и установок американского политического класса. Пришедшая ему на смену демократическая администрация Д. Байдена, опираясь в основном на концептуальный каркас политики Д. Трампа в отношении Пекина, модифицировала эту линию и расставила в ней свои акценты. Это проявилось в четырех основных аспектах: усиление технологической конкуренции, стремление укрепить союзнические и партнерские связи США для противостояния с Китаем, подход к проблеме Тайваня и роль «украинского кризиса» в китайско-американских противоречиях.

Ключевые слова: Китайско-американские отношения, администрация Трампа, торговая война, глобальные цепочки стоимости.

Автор: Труш Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). ORCID: 0000-0001-7275-001X; E-mail: zebra758@gmail.com

Sergey M. Trush

Trump's China Policy: Motivation, Evolution, Outcomes

Abstract. The article examines the fundamental motives, evolution of approaches, and outcomes of the Trump administration's policy towards China (2017—2020). Special attention is given to the domestic American political context, pressure groups, and the positions of certain members of the Republican administration during the “trade war”. Two fundamental circumstances played an important role in Trump's China policy. First, the need to respond to the “Chinese challenge”, the successes of the Chinese development model, and the political evolution of China under Xi Jinping. Second, the phenomenon of Trump as an “outsider” player, free from many ideological postulates and settings of the American political class. The subsequent Democratic administration of Joe Biden, relying primarily on the conceptual framework of Trump's policy towards Beijing, modified this line and made its own emphasis on it. This is manifested in four main aspects: strengthening technological competition, seeking to fortify U.S.

alliances and partnerships to counter China, the approach to the Taiwan issue, and the role of the “Ukrainian crisis” in Sino-American contradictions.

Keywords: US — China relations, Trump administration, trade war, global supply chains.

Author: *Trush Sergey M.*, Leading Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7275-001X; E-mail: zebra758@gmail.com

Торговая война и резкое сползание к обострению американо-китайских отношений характеризуют и феномен Дональда Трампа как политика, и суть тех изменений, с которыми столкнулись Соединенные Штаты внутри страны и за рубежом в период администрации 45-го президента.

Хотя ростки антикитайского поворота США проявлялись задолго до Трампа, мощный толчок и движение латентного конфликта к острой фазе произошло именно в «трамповские годы». Нынешняя линия Д. Байдена в отношении КНР в принципиальных моментах — в области безопасности, торговли и экономики, в идеологической сфере — в основном сохранила ориентиры, заложенные его республиканским «антагонистом», хотя и была модифицирована сообразно внутренним и внешним стимулам.

Генезис конфликта Д. Трампа с КНР, хронология «торговой войны», мотивы и ключевые действия сторон, интерпретация этих действий находились в фокусе мировой и российской политической аналитики на протяжении всего срока трамповской администрации. Вряд ли есть смысл повторять уже написанное [Новоселова, 2020; Салицкий А., Салицкая Е., 2020; Труш, 2018; Труш, 2019]. В рамках настоящего исследования хотелось бы обратиться к анализу тех сторон и событий двусторонних отношений, которые были менее акцентированы ранее.

Представляется оправданным итоговый, сфокусированный взгляд на то, чем мотивировалась, из каких фактов и событий складывалась и как эволюционировала китайская политика «нестандартного» республиканского президента Д. Трампа, заложившая основу нынешнего — конфронтационного — этапа американо-китайских отношений.

Генезис и логика конфликта

Если вычленять базовые, системные, а не личностные, субъективные факторы, предопределившие данный этап, следует обратить внимание на следующее. Условно, в течение последнего десятилетия (определенным водоразделом здесь стал мировой финансовый кризис 2008—2009 гг.) с убедительной очевидностью была продемонстрирована успешность, динамизм и устойчивость китайской модели роста и развития по сравнению со «слабеющей» американской моделью. Даже несмотря на естественное замедление темпов роста китайской экономики в эти годы, связанное с постепенным отходом от капиталоемкого, экстенсивного роста к акценту на его качественных параметрах: усилении техноёмкости и нау-

коемкости производства, развитии внутреннего потребления, поиске более продуктивных ниш для китайских компаний в глобальных цепочках стоимости, зеленой экономике, — китайская модель давала темпы роста не ниже 6—7 %, в то время как американская «выжимала» лишь 2—3 % в среднем за последнее десятилетие. Не решались, а скорее усугубились хронические узкие места экономики США — гиперпотребление за счет роста госдолга, торгового и бюджетного дефицитов. Раздувалась роль «финансомики» в ущерб реальному производству, нарастала острота социальных дисбалансов и разрывов в потреблении. Америка-но-китайская конкуренция ко второй половине второго десятилетия века сместилась из сферы производства и торговли в сферу высоких и прикладных технологий.

Другим важным фактором нарастания противоречий следует назвать политическую динамику самого Китая. Эта динамика, прежде всего проявилась в «реидеологизации» левого толка внутри КНР, в усилении этатистских тенденций в эволюции китайского режима, в росте централизации власти при Си Цзиньпине с особой ролью лидера, в снятии ограничений на егохождение у власти, в «зачистке» внутривластной оппозиции, в акценте на крупных госкомпаниях в экономическом строительстве. Другим измерением этой динамики стал переход к более артикулированной и уверенной внешнеполитической стратегии КНР — выдвижение ряда геоэкономических инициатив типа «Один пояс, один путь» направленных на укрепление статуса КНР как активного глобального оппонента США [Денисов, 2020, с. 44—45; Барановский и др., 2018; Воробьев и др., 2018].

Еще одним системным фактором, стимулировавшим нарастание и манифестацию китайско-американских противоречий, следует назвать некое торможение, усложнение либо новую фазу глобализационного развития мира. Центробежные тенденции проявились как внутри западного мира — политико-социальный раскол в США, Брекзит, дезинтеграция ЕС, нарастание миграционных и социально-политических противоречий в Старом и Новом свете и вне его: усиление и автономизация незападных ареалов глобализации — Китая, России, Индии, Ирана, Турции, стран АСЕАН. Для Запада, в первую очередь для США, актуальным пунктом внешнеполитической повестки стал поиск ответа на эти вызовы деглобализации.

Как отмечалось выше, общее нагнетание противоречий в китайско-американском взаимодействии наблюдалось как набирающая вес тенденция и при предшествующих Д. Трампу администрациях, будь то республиканская администрация Д. Буша-младшего или демократическая Б. Обамы.

Д. Буш-младший начал свою деятельность в Белом доме достаточно воинственно и наступательно в отношении КНР, делая жесткие заявления по поводу «пороков коммунистического режима» и решимости защитить Тайвань «чего бы это ни стоило» США. Однако последовавшие вскоре после этого события 11 сентября 2001 г. перепределили основной вызов внешней политике США как исламистский, а не китайский. Этому способствовала как разумная установка Белого дома, направленная на избежание войны на два фронта, так и более осторожная и компромиссная линия тогдашнего руководства КНР, следовавшего стратегаеме

Дэн Сяопина «скрывать свои возможности и держаться в тени». Как известно, китайское руководство в тот период, во многом солидаризировалось с американцами в их ответных антиисламских операциях в Афганистане и Ираке, да и ресурсы китайцев в экономической военной конкуренции с США были существенно ниже.

Б. Обама, будучи глобалистски ориентированным президентом-демократом, являлся сторонником экономического и многостороннего ответа на китайский вызов, приверженцем обволакивания, вовлечения и конкурентного давления на Китай на базе создаваемых матричных интеграционных структур, в которых США были бы способны максимально капитализировать свои глобализационные и технологические преимущества, опираясь на сильные стороны американской экономической модели. Центральным инструментом такого «обволакивания» Китая Б. Обама видел свои концепты прежде всего Транстихоокеанского, но также и Трансатлантического партнерств, принципы и критерии которого были бы «заточены» под американскую экономическую модель — в частности, по вопросам прозрачности финансирования производства и экспорта, охраны интеллектуальной собственности, условий труда и занятости, равного доступа к госзакупкам, экологическим требованиям и т. д.

Тем не менее, реагируя на растущую боеспособность китайской армии сообразно расширившимся ресурсам китайской экономики, Б. Обама объявил о «переносе центра тяжести» стратегии США на регион АТР. В конце своего второго срока Б. Обама остро поставил перед китайцами вопросы кибербезопасности, предвидя их приоритетное значение в будущей конкуренции с Китаем.

Фактор Д. Трампа

Почему с конца 1980-х гг., после тяньаньмэньского кризиса, когда в основном стала ясна траектория развития китайской модели и ее нарастающий риск для американцев, именно Д. Трамп, из всей линейки республиканских и демократических лидеров круто повернул штурвал в сторону сначала тарифной и экономической войны, а затем и системной конфронтации?

Приход такой фигуры, как Д. Трамп, в Белый дом, с его, мягко говоря, нестандартной стратегией, был обусловлен многими факторами внутренней эволюции США. Это, прежде всего, утрата консенсуса, эрозия центристских политических установок и идеологии, в рамках и республиканской, и демократической партии по ключевым социально-политическим вопросам развития США — роли государства в экономике, объемам налогообложения, масштабу социальных гарантий населению, доступности образования, реформе избирательной системы, рациональности двухпартийной системы, иммиграционной политике. Был разрушен достаточно стойкий двухпартийный консенсус, который держал американскую политическую систему «на плаву», а заодно с этим и ценности, традиции, приоритеты внешней политики. В условиях размывания центристского консенсуса, усиления левых настроений в демократической партии в ходе выборного цикла 2016 г. республиканцы фактически сделали ставку не на привер-

женца республиканской «идеологии», а на популярного, амбициозного и харизматичного правого аутсайдера, политика со стороны. Это был политический риск, на который они пошли, чтобы противостоять превалирующим шансам демократов в конкретный момент американской политической истории. В результате в Белый дом пришел человек, сильно не связанный ценностями и «священными коровами» республиканской политической идеологии, в том числе и в вопросах внешней политики.

Надо сказать, что стратегия в отношении Китая оказалась одной из наиболее уязвимых, подвижных и подверженных пересмотру компонентов республиканской и, в целом, американской внешнеполитической идеологии. Другие блоки и региональные направления внешней стратегии США — контроль над вооружениями, североатлантический альянс, отношения с Россией, ближневосточное, латиноамериканское, африканское направление, хотя и подверглись «эрозии» при Трампе, но в гораздо меньшей степени. В отличие от отношений с Пекином, эти «блоки» опирались на неоспоримые константы американских внешнеполитических интересов. К тому же традиционная дихотомия — «сдерживание» и «вовлечение» КНР — уже явно и очевидно не удовлетворяла американский политический класс. Сдерживание удавалось слабо и в военном, и в идеологическом, и особенно в экономическом плане, а «вовлечение», изначально подразумевавшееся как «перемалывание» Китая со стороны либерального глобализованного мирового порядка, проходило, скорее, с обратным знаком. Пекин был уверен в своей модели развития, которая демонстрировала большую живучесть и адаптивность в условиях глобализации. Китайские компании в большей степени проникали на внутренний рынок, в инвестиционные потоки, технологические компании и в университеты США, чем американский бизнес трансформировал правила игры в китайской экономике и китайском обществе.

Таким образом, сочетание двух этих ключевых обстоятельств: Д. Трампа как внеистеблишментного «игрока», свободного от многих идеологических постулатов американского политического класса, с одной стороны, и острой необходимости отвечать на «китайский» вызов, с другой, — сыграли важную детонирующую роль в китайской политике Д. Трампа.

Китайская политика администрации Д. Трампа с самого начала весьма гармонично вписывалась в общий формат инициатив во внутривнутриполитической и внешнеполитической сфере под общим лозунгом *Make America Great Again* (MAGA), с которым Д. Трамп пришел в Белый дом. Практически все основные постулаты и конкретные направления этой стратегии: деглобализация, возрождение реального производства в Америке, налоговая реформа, стимулирование сланцевой энергетики, возобновление «достойного» финансирования армии и военных программ, иммиграционная политика, — были прямо или косвенно связаны с Китаем, то есть с китайской политикой администрации. Эта внутренняя взаимозависимость была важным фактором, призванным убеждать американского обывателя в том, что резкие изменения американского подхода к Китаю, меры, направленные на прекращение «китайского обмана» [Лукин, 2023, с. 121], необходимы и естественны для оздоровления внутреннего развития США.

Деглобализация, пересмотр правил игры и поведения в мировой торговле, выдвинутые Д. Трампом во главу угла своих реформ в рамках политики *MAGA*, самым непосредственным образом затрагивали КНР. Китай за последние три-четыре десятилетия стал одним из главных бенефициаров глобализации. Его экспортоориентированная модель экономики, линия на открытость внешнему миру, привлечение иностранного капитала и технологий, дешевизна рабочей силы, рациональная тактика создания «специальных экономических зон» сыграли решающую роль во впечатляющем экономическом росте КНР последних десятилетий. Однако не меньший положительный эффект китайская встроенность в глобализацию давала и для США. Китай долгий период в 2000-х гг. являлся третьим для США экспортным рынком, после Канады и Мексики. США обеспечивали приток на внутренний рынок дешевых китайских товаров и услуг, и в силу этого потребительская корзина средней американской семьи была ощутимо вместительней. Благодаря Китаю и глобальному разделению труда американские компании занимали приоритетные ниши в мировых цепочках стоимости, получая максимальные выгоды от такого взаимодействия. По имеющимся оценкам, в рамках таких цепочек стоимости и совместных предприятий с китайскими партнерами корпорации США ежегодно генерировали от 200 до 500 млрд долл. чистой прибыли [U.S.-China Relations].

Эскалация «торговой войны»

Избирательная кампания Д. Трампа 2016 г. сопровождалась сильнейшей антикитайской риторикой. В ней впервые появился центральный антикитайский слоган Трампа «Остановить китайский обман» (*Make China stop cheating*), обнародована интенция наложить 45 % тарифы на китайские товары, заметный акцент сделан на традиционных «грехах» и претензиях американцев к Китаю — практике демпинга на внутреннем американском рынке, валютном манипулировании, зажиме американского бизнеса внутри КНР, технологическом шпионаже, краже интеллектуальной собственности. По накалу этой риторики Д. Трамп, пожалуй, превзошел своих наиболее антикитайски настроенных республиканских предшественников из числа и президентов, и кандидатов в президенты — Р. Рейгана, М. Ромни, Р. Маккейна, а уж их-то в симпатиях к Китаю и коммунистической идеологии было трудно заподозрить.

Однако в первый год после инаугурации практическая линия администрации Д. Трампа в отношении КНР была заметно менее агрессивной, чем это представлялось по его предвыборной кампании. Судя по всему, это было связано как с затянувшейся комплектацией команды (ее не было у президента — «аутсайдера»), так и с резонансными внутренними инициативами администрации — иммиграционный закон, строительство «мексиканской стены», подготовка налоговой реформы. Но в большей степени эту «паузу» предопределили громкие внешнеполитические шаги новой администрации — выход из Транстихоокеанского партнерства и Парижского соглашения по климату, и, наконец, центральная дипломатическая инициатива Д. Трампа первого года — переговоры с Ким Чен Ыном

по корейской ядерной проблеме, в которых Китай, по сути, выступал в качестве особой «третьей» стороны. Все эти инициативы администрации, как внешние, так и внутренние, носили очевидный новаторский, если не «революционный» характер. Они требовали определенного политического ресурса нового президента, особенно с учетом его растущего противостояния с Вашингтонским истеблишментом, на волне которого Д. Трамп и пришел в Белый Дом. В таком общеполитическом и конъюнктурно-политическом контексте поспешная, резкая и острая манифестация и практическое воплощение всех тех инвектив и риторических наездов на Китай, прозвучавших в ходе предвыборной кампании, были тактически и дипломатически неуместны.

В первый год администрации Д. Трампа произошла первая личная встреча президента Д. Трампа и председателя КНР Си Цзиньпина, состоявшаяся в частном доме президента в Мар-а-Лаго в мае 2017 г., и первый и единственный официальный визит Д. Трампа в Пекин, которыми, по оценкам, были весьма удовлетворены оба лидера. В ходе официального визита в Пекин китайская сторона особую ставку сделала на благотворный психологический эффект «почтительности» к президенту США в ходе его пребывания в КНР. Трампу были оказаны как никогда акцентированные знаки внимания и расположенности, выходящие за рамки традиционного протокола. Они включали в себя, в частности, торжественный прием в Запретном городе (Императорском дворце) в Пекине — что никогда ранее не практиковалось в истории КНР в отношении какого-либо главы иностранного государства. Одним из центральных событий визита явилось заявление Д. Трампа о том, что он не винит Китай и его руководителей за состояние и перекося в торговых отношениях с США. Вина за это, по мнению Д. Трампа, должна лежать на предыдущих администрациях США. Обе стороны — китайская и американская — настаивали на установлении хороших и продуктивных личных отношений Д. Трампа и Си Цзиньпина по итогам этих встреч.

Тем не менее уже на начальной фазе своего срока администрация Д. Трампа предприняла знаковые действия, имевшие далеко идущие последствия для американо-китайских отношений. В выпущенной новой администрацией в 2017 г. «Стратегии национальной безопасности США» и других концептуальных документах Вашингтон впервые определил Китай, а также Россию в качестве «главного соперника» Америки (strategic competitor). Китай больше не рассматривался Вашингтоном в качестве государства, которое необходимо эволюционно трансформировать изнутри, возвращая в лоно мирового (читай «либерального», «прозападного») сообщества. Такая жесткая и безапелляционная квалификация КНР в системообразующих доктринальных установках США давалась впервые и имела принципиальное значение [National Security Strategy].

В августе 2017 г. торговый представитель США Р. Лайтхайзер объявил о начале расследования в отношении Китая в соответствии со статьей 301 Закона США о торговле 1974 г., касающейся передачи технологий, защиты интеллектуальной собственности и инноваций. Этот механизм был специально запущен как «пролог» для реализации обвинений Китая в нечестной конкуренции, прозвучавших в ходе предвыборной кампании. В заявлении на этот счет также отмечалось, что государственная китайская программа «Сделано в Китае 2025», ориентированная

на самообеспечение КНР критическими технологиями, дискриминирует американскую торговлю [Труш, 2017]. Инициирование подобного расследования явилось первым симптомом грядущего обострения экономических отношений и тарифной войны, которая развернулась в последующие годы администрацией Д. Трампа.

Активная фаза эскалации противоречий в экономической сфере началась с июля 2018 г., когда американская сторона, неудовлетворенная китайской несговорчивостью по всему спектру противоречий, «заматыванием» данных экономических обещаний и вялым посредничеством в переговорах с Ким Чен Ыном, перешла к тарифным инструментам давления. В качестве стартовой меры Вашингтон объявил о введении заградительных 25-процентных тарифов сначала на группу китайских товаров на 34 млрд долл., а вскоре после этого — в августе 2018 г. — дополнительно еще на 16 млрд долл. Китайская сторона ответила зеркально — также повысив со своей стороны тарифы на американский экспорт на 34, а затем на 16 млрд долл.. Торговой войне был дан старт. Неудовлетворенная китайским ответом американская сторона в сентябре этого же года объявила о введении 10 % пошлин на 200 млрд долл. и предупредила о том, что при «несговорчивости» китайцев эти 10 % будут впоследствии увеличены до 25 %. Отвечая на это, китайская сторона ввела пошлины в диапазоне от 5 до 10 % на новый объем американского экспорта в 60 млрд долл. Обмен тарифными ударами нарастал. В результате этого к 1 ноября 2018 г. стороны находились в положении обоюдного повышения тарифов на следующие суммы: США — на 250 млрд долл., КНР — на 110 млрд долл. Повышенные тарифы от 5 % до 25 % уже реально применялись практически ко всем товарным группам экспорта обеих стран. США, таким образом, взимали повышенные тарифы к половине объема китайского экспорта (по уровню 2017 г.)¹, практически ко всем основным товарным группам, за исключением наиболее популярной и стоимостной ее части — мобильных телефонов и сопутствующих электронных гаджетов. Китай, со своей стороны, «обложил» повышенными тарифами почти всю номенклатуру американского экспорта, за исключением нефтепродуктов и больших самолетов.

Параллельно с повышением таможенных пошлин стороны находились в активном диалоге по экономическим и иным вопросам. Этот диалог со стороны Д. Трампа часто велся посредством социальной сети Твиттер², что являлось новаторской особенностью его дипломатического и политического стиля. Такая форма взаимодействия имела свои плюсы и минусы, хотя аппарат президента в основном жаловался на последнее. В декабре 2018 г. неровная и нервная траектория этих переговоров вывела партнеров в примирительную фазу. На личной встрече в ходе саммита G20 в Буэнос-Айресе лидеры условились провести переговоры для достижения всеобъемлющего соглашения. В связи с этим США в знак компромисса отказались от объявленного повышения тарифов (на 200 млрд), а КНР, со своей стороны, взяла на себя обязательство существенно

¹ В 2017 г. китайский экспорт в США составил 505 млрд долл., американский в КНР — 129 млрд долл.

² Социальная сеть Твиттер (ныне — X) заблокирована на территории РФ.

увеличить закупки сельскохозяйственных товаров и продукции энергетики в США. Стороны вошли в цикл более регулярных, фокусированных и интенсивных раундов переговоров, которые продолжались несколько месяцев.

В ходе этих переговоров американская сторона не ограничивалась требованием увеличить объем американского импорта в Китай, а выдвигала более системные и комплексные требования. Администрация Д. Трампа рассчитывала «надавить» на Китай, вынудить его пойти на серьезные уступки, в том числе и в сфере базовых принципов и установок китайской экономической модели, и одновременно с этим добиться роста китайского импорта из США. При этом Д. Трамп был крайне мотивирован на заключение «большой сделки» с Китаем, во многом связывая с ней перспективы своего переизбрания на второй срок.

В ходе переговоров по «большой сделке» американцы выдвигали требования снизить внешнеторговый дефицит США с КНР на 200 млрд долл. (с 375 млрд в 2017 г.), по максимуму снять ограничения для деятельности, сбыта и инвестирования американских компаний на внутреннем рынке КНР, приблизить средний тарифный уровень при экспорте в КНР к уровню американских тарифов, прекратить практику «выдавливания» технологий у американских компаний, ведущих бизнес в Китае. В эпицентре американских претензий, о чем особенно остро сетовали китайские переговорщики, стояла программа «Сделано в Китае 2025». Американская сторона настаивала на прекращении государственного субсидирования частных технологических компаний, работающих в рамках этой программы. Вашингтон мотивировал свою позицию тем, что это вытекает из условий ВТО, которые Китай, как известно, принял в 2001 г. По мнению китайской стороны, подобные требования США означали не что иное, как линию на ослабление конкурентных преимуществ Китая на мировом рынке, на торможение его научно-технологического роста.

По некоторым просочившимся в прессу данным, американская администрация уже на начальной фазе диалога с Пекином выдвинула около 140 конкретных предложений и претензий в основном по либерализации внутреннего рынка КНР. Большую часть этих предложений Китай был готов обсуждать, другая часть была отвергнута как нарушающая экономический и политический суверенитет страны. В числе обсуждаемых тем, в частности, были вопрос о допущении Visa и MasterCard к рынку электронных платежей КНР, допуск JPMorgan Chase к операциям с гособлигациями и ценными бумагами в КНР, разрешение американским компаниям участвовать в бизнес-проектах в КНР в области «облачного интернета» и другие сюжеты [US and China to attempt].

Внутренний консенсус и его нюансы

Китайская политика Д. Трампа явилась важным направлением внешней политики США, в отношении которой у политического класса Америки сформировался относительный консенсус, если говорить об основном критическом векторе, а не практическом наполнении и тактике действий администрации. Этот консенсус исходил из широко разделяемого убеждения — в бизнесе, бюрократии

и массовом сознании США — о том, что в конфликте с Китаем главное — это не внешнеторговый дефицит и кража интеллектуальной собственности, а битва за военное, экономическое и технологическое первенство. Даже в кругах «враждебной» Д. Трампу Демократической партии его линия в отношении КНР пользовалась в целом большей степенью поддержки, чем по другим ключевым региональным направлениям и «горячим точкам».

Вместе с тем, если говорить не об общем критическом векторе, не об определении Китая в качестве системного врага, а о практическом наполнении политики в адрес КНР, ее инструментарии и тактике, то в сложном и сегментированном американском политическом истеблишменте и бизнесе существовали естественные различия в подходах.

Если анализировать эти различия, то можно выделить три наиболее влиятельные группы интересов и влияния на Д. Трампа в его в китайской политике. 1. Политическая и военно-силовая бюрократия США, Министерство обороны, разведывательное сообщество, военно-промышленный комплекс. 2. Крупный, финансовый и иной глобализированный бизнес, высокотехнологические компании, ориентированные на мировые цепочки стоимости. 3. «Традиционный» средне- или малоглобализированный бизнес (сталелитейная, химическая, электротехническая и другие «традиционные» отрасли), сельское хозяйство США, а также разноотраслевой средний и мелкий бизнес.

Разумеется, наиболее твердым и последовательным сторонником жесткого подхода Д. Трампа к Пекину и торговой войны стала военно-силовая бюрократия США. Аргументы этой группировки предельно ясны: Китай — системный и растущий антагонист, причем антагонист долгосрочный (в отличие от России, с которой возможны тактические, временные компромиссы). По мнению силовой бюрократии, неоспоримыми «уликами» против КНР являются стремительно растущий, составляющий почти четверть триллиона военный бюджет КНР, явный прогресс по всем компонентам военного потенциала — ракеты средней дальности, высокоточное оружие, крылатые ракеты, космическая программа, самые активные в мире морские программы, авианосцы, лунная и марсианская космическая программа, база в Джибути, амбициозная инициатива «Один пояс, один путь» с явными геополитическими последствиями. В последнее время Китай проявляет большое внимание к альтернативной Тихому и Индийскому океанам геополитической и транспортной траектории — Северному морскому пути в Арктике.

Именно военно-силовая бюрократия США, являясь основным бенефициаром жесткой линии в адрес КНР, продавала квалификацию Китая в качестве стратегического противника № 1 в доктринальных документах США с приходом Д. Трампа в Белый дом. В контексте такой оценки вполне логичными стали рекордные и все четыре года существенно увеличивавшиеся военные бюджеты США; уже в первый год администрации этот бюджет перевалил рубеж в 700 млрд долл. К удовлетворению основных потребителей этого бюджета ни о каком секвестре военных расходов, как это было в бытность президента Б. Обамы, речи уже быть не могло.

Если говорить о второй группе интересов, то мотивация крупного финансового и глобализированного бизнеса США: ведущих банковско-финансовых структур и таких компаний, как Google, Apple, CISCO Systems, Micron Technology, Qualcomm, Microsoft, — исходит прежде всего из перспективности Китая как зоны приложения инвестиций и емкого рынка сбыта, а также благоприятных характеристик КНР с точки зрения международного разделения труда. Современный Китай — самая горячая и перспективная глобальная зона экономического роста, развития и растущего потребления. Быть изолированным от этой зоны или находиться в ней в дискриминационном положении по сравнению с мировыми конкурентами — западноевропейскими, японскими и любыми иными компаниями мира — неразумно и недальновидно.

В силу этого крупный финансовый и глобализированный бизнес США, опасаясь потерять инвестиционный рынок КНР целиком, не одобрял прямой «большевистский» напор администрации США на Китай с его попытками действовать исключительно протекционистскими, и даже санкционными методами.

С другой стороны, в условиях бурного экономического и технологического восхождения КНР в последние десятилетия, неуклонного роста стоимости рабочей силы, китайские компании серьезно теснят американцев и занимают все более выгодные и приоритетные ниши в глобальных цепочках стоимости. Китайские компании теперь уже в состоянии брать на себя не только сборку и локальное производство, но и НИОКР, дизайн, логистику, маркетинг, послепродажное обслуживание конечного продукта. Компания Huawei — главный соперник американских компаний в разработке технологий 5G — уже владеет около 40 % существующей патентной базы по данным технологиям. В таком контексте Уолл-стрит и крупные американские ТНК были прямо заинтересованы в давлении на Пекин с целью либерализации китайского внутреннего рынка, противодействия технологическому шпионажу, субсидированию китайского экспорта, чтобы конкурировать на равных с китайскими госкомпаниями, как внутри КНР, так и на мировых рынках.

Наконец, третий кластер интересов в торговой войне с КНР — интересы неглобализированного или малоглобализированного бизнеса США — представляют, главным образом, предприятия среднего и малого бизнеса, не участвующие, либо мало вовлеченные в устойчивые хозяйственные связи в рамках глобальных цепочек стоимости. Этот сегмент американской экономики, ориентированный в равной степени как на внутренний рынок США, так и на экспортные рынки других стран, испытывал наибольшее давление китайских предприятий. Предприятия, представленные в этом сегменте, в наибольшей степени пострадали от растущей эффективности и масштабов китайского производства. Они больше всего проигрывали от технологического шпионажа, государственного субсидирования, защиты внутреннего китайского рынка и других нарушений правил ВТО. Главным для этого сегмента американской экономики (за исключением сельского хозяйства) являлась растущая конкурентоспособность аналогичных китайских отраслей, китайской модели экономики в целом и желание защитить себя в этой конкуренции за счет классических протекционистских барьеров. Понятно, что

именно в этом сегменте американской экономики и общества торговая война с КНР пользовалась наибольшей поддержкой.

Многоступенчатые переговоры по торговой сделке с Китаем шли трудно, хотя на первоначальном этапе ощущалось обоюдное желание сторон прийти к компромиссу. Что касается китайских мотиваций, это диктовалось рядом факторов как объективного, общеэкономического, так и субъективного, конъюнктурно-политического порядка. К первым следует отнести сохраняющийся, в значительной степени экспортоориентированный тип китайской экономики, с относительно высокой долей США в общем экспорте КНР (19 % при суммарной глобальном экспорте КНР около 2,5 трлн долл. в 2018 г.) [The CIA. World factbook], серьезная зависимость экспортоориентированных отраслей КНР от поставок американских высокотехнологичных и наукоемких продуктов, в частности, полупроводников, болезненное воздействие протекционистских ограничений США на рынок труда в КНР, что является традиционной головной болью Пекина в плане поддержания социальной стабильности полуторамиллиардного социума. В субъективном плане на очевидный компромиссный настрой Пекина сильно влияло закрепление личного лидерства и доминирования Си Цзиньпина в политической системе КНР, его нежелание связывать этот процесс с обострением и ухудшением экономической ситуации в стране. Си Цзиньпин, несмотря на свои укрепившиеся позиции и большой политический ресурс, не хотел бы выслушивать появившиеся в КНР мнения, согласно которым обострение отношений с США явилось следствием более активной и наступательной дипломатии и отходом от «скромной» внешней политики Дэн Сяопина [Лукин, 2019, с. 71—89]. В Китае также резонно опасались, что эскалация торговой войны с США, с учетом объемов китайско-американского экономического взаимодействия вызовет серьезное торможение в глобальной экономике, падение экспортного спроса, что бумерангом ударило бы по Китаю.

Расклад внутри кабинета

На позиции американской администрации в переговорах с КНР в существенной степени воздействовал ряд обстоятельств. Это и разброс мнений внутри американской бюрократии относительно стратегии китайской политики США, и бюрократическая непоследовательность и хаотичность принятия принципиальных внешнеполитических решений, присущая кабинету Д. Трампа. Автор интересных мемуаров и сам участник этих переговоров, помощник президента по нацбезопасности Д. Болтон приводит ряд откровенных свидетельств на этот счет.

В ходе переговоров с КНР проявлялись существенные разногласия между ключевыми членами администрации. Как фиксирует Д. Болтон, основными переговорщиками по «большой сделке» с Китаем с американской стороны являлись торговый представитель США Р. Лайтхайзер, министр финансов С. Мнучин и сам Д. Болтон. При этом наиболее жесткие требования в адрес КНР выдвигал Р. Лайтхайзер. С. Мнучин был сторонником более компромиссного подхода к КНР, находясь под влиянием финансовых кругов Уолл-стрит, кото-

рые, в свою очередь, были заинтересованы в том, чтобы не потерять китайский финансовый и инвестиционный рынок. Д. Болтон, по должности и по убеждениям (будучи известным «ястребом») в ходе переговоров стоял на страже военных и стратегических приоритетов США.

По свидетельству Д. Болтона, Д. Трамп на разных этапах переговоров был под влиянием разных настроений, но в целом был более близок к жесткости Р. Лайтхайзера, чем к компромиссной позиции С. Мнучина. Последнего Д. Трамп неоднократно упрекал за мягкотелость и податливость. Автор мемуаров часто и нелестно критикует Д. Трампа за бюрократическую неразбериху, слабую аналитическую проработанность, спонтанность и непоследовательность решений на китайском направлении [Bolton, 2020, p. 264—265, 268, 275, 277]. Особо критическую оценку Д. Болтон дает тому факту, что Д. Трамп, по его мнению, манипулировал определенными моментами и позициями в переговорах с китайцами в собственных электоральных интересах. Так, по свидетельству автора мемуаров, Трамп, в частности, негласно просил Си Цзиньпина в 2018 г. закупить существенно больший объем продукции у американских фермеров, с тем чтобы заручиться поддержкой последних на промежуточных и президентских выборах США [Bolton, 2020, p. 273]. Д. Болтон также подвергает критике Д. Трампа за беспринципность в связи с позициями, которые последний занимал после волнений в Гонконге и при отстаивании интересов американских граждан, арестованных в КНР. В качестве примера беспринципного подхода Д. Болтон также фиксирует, что, будучи сильно замотивирован на заключение «большой сделки» и не желая злить китайцев, Д. Трамп в 2019 г. отказался делать традиционное критическое заявление в адрес КНР в годовщину событий на Тяньаньмэнь [Bolton, 2020, p. 270, p. 280—281].

Американские горки переговоров

В результате трудных, многоступенчатых переговоров, ключевым участником которых с китайской стороны выступал вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ — протеже и близкое доверенное лицо Си Цзиньпина, к маю 2019 г. был согласован в принципе проект комплексного соглашения с КНР.

Это соглашение помимо конкретных договоренностей по объему двусторонней торговли содержало ряд положений, касающихся «промышленной политики» КНР — допуска иностранных компаний в определенные сферы бизнеса КНР, в частности финансовую, страховую, информационную. Китайская сторона брала на себя достаточно серьезные обязательства в вопросах технологического обмена, финансовой прозрачности в промышленности и в экспортной сфере. Ряд этих положений предусматривали изменения в законодательстве КНР.

Однако в мае 2019 г. китайская сторона объявила, что согласованный к этому времени проект соглашения не получил «визы» высшего политического руководства КНР. При отсутствии внятных разъяснений со стороны китайских переговорщиков в мировом экспертном сообществе данный факт объясняли следую-

шим образом: масштаб и глубина китайских уступок по соглашению неприемлемы с точки зрения целостности и суверенности экономической модели КНР. Заключив подобное соглашение, Си Цзиньпин «потерял бы лицо» внутри страны и подорвал бы основы своего политического доминирования. Внутри трамповской команды переговорщиков данную метаморфозу расценивали как «утрату контроля над ситуацией» со стороны главного китайского переговорщика Лю Хэ [Bolton, 2020, p. 272].

Переговорный процесс зашел в тупик. Администрация Д. Трампа, поставившая слишком много на карту «большой сделки», не могла похоронить эту сделку полностью, и продолжала оказывать давление на Китай. Вашингтон объявил о том, что он все же повысит до уровня 20—25 % тарифы на объем экспорта КНР в 200 млрд долл., от чего ранее воздерживался. Китайская сторона ответила на это своим повышением тарифов до 20—25 % на ранее обозначенный объем в 60 млрд долл.

Дальнейшие действия сторон по переговорам приобрели характер «американских горок» — быстро перемежающихся фаз «компромисс — обострение». Американская сторона манипулировала новыми объемами китайского экспорта и размерами тарифов, то увеличивая, то замораживая или уменьшая эти цифры, сообразно степени податливости китайских контрагентов. В результате в течение 2019 г. объем реальных и потенциальных (объявленных, но не введенных) со стороны США повышенных тарифов «накрыл» практически весь объем китайского экспорта в исчислении 2017 г. — последнего года «нормальной» торговли до начала торговой войны.

Китайская сторона, в свою очередь, отвечала также манипулированием «тарифным» оружием, оставляя в начале незатронутыми лишь критически важные для себя товарные позиции, в частности сложные микрочипы и гражданские самолеты. Но впоследствии и с этих позиций ограничения были сняты и ответными тарифами очень скоро было затронут весь американский экспорт, почти вчетверо меньше китайского. Другой ответной и весьма чувствительной китайской мерой в торговой войне явилось намеренное снижение курса юаня к доллару (ниже соотношения 7:1), произведенное Народным Банком Китая в августе 2019 г. Данная мера сильно благоприятствовала китайским экспортерам. Вашингтон отреагировал на это официальным признанием КНР валютным манипулятором.

На этом этапе переговоров США также усилили нажим на китайские высокотехнологические компании, ставшие серьезными конкурентами американским в области ИКТ. Компания Huawei была внесена в «черный список» Министерства торговли США, что практически закрывало ей доступ к закупкам микрочипов и другой высокотехнологичной американской продукции. Для Huawei также был закрыт доступ к продукции других мировых производителей, которые применяли лицензированные американские технологии (это касалось и изделий, произведенных на Тайване).

Аналогичный запрет ранее был наложен на другую китайскую технологическую кампанию ZTE, а впоследствии также на Xiaomi и HTC. В данных запретах проявилось противоборство двух тенденций в американской администрации.

Согласно первой — более компромиссной, китайские технологические гиганты рассматривались как обычные рыночные конкуренты американских компаний. Такой трактовки придерживался министр финансов С. Мнучин. Согласно второй точке зрения, эти компании трактовались как мощные государственные ветви оборонного комплекса КНР, представляющие существенную угрозу американской безопасности. Эту точку зрения продавливал Д. Болтон. Д. Трамп, крайне мотивированный в спасении «торговой сделки века», проявлял колебания между этими двумя линиями. Он неоднократно выказывал податливость к стремлению китайской стороны снять полное эмбарго для Huawei и ZTE. Однако в результате более жесткий подход Д. Болтона и американского силового блока одержал верх [Bolton, 2020, p. 276, p. 279—280].

Трудные и неоднократно заходившие в тупик переговоры 15 января 2021 г. завершились заключением «первой фазы соглашения». Его главным осязаемым итогом стало обязательство КНР в течение ближайших двух лет нарастить импорт из США суммарно на 200 млрд долл. В рамках этой суммы были определены контрольные цифры такого прироста по четырем основным экспортным группам: промышленные и сельскохозяйственные товары, энергетическое сырье и услуги. Также в рамках соглашения Китай брал на себя существенные обязательства по контролю над интеллектуальной собственностью и трансфером технологий. Многие моменты этого плана требовали изменения законодательства КНР и брали за основу американские законы, регламенты и стандарты.

В соглашении закреплялся доступ на финансовый рынок КНР американских брокерских, трастовых и страховых компаний, рейтинговых агентств и компаний-операторов платежных систем. Им разрешалось создавать совместные компании в КНР с долей в капитале свыше 50 %; упрощалась процедура выдачи им лицензий, снимались другие ограничения для такого бизнеса.

Со ссылкой на Устав МВФ в соглашении были закреплены обязательства сторон придерживаться рыночных курсовых соотношений валют и не допускать недобросовестного манипулирования валютными курсами. Этой договоренностью США фактически снимали квалификацию Китая как «валютного манипулятора», введенную ими всего тремя месяцами ранее.

США также полностью отказывались от введения 15 % пошлины на 156 млрд долл. китайского импорта, объявленного ранее, и обязались снизить вдвое, до 7,5 %, уже введенные подобные же пошлины на иные закупаемые товары объемом в 120 млрд долл. При этом оставались в силе введенные еще ранее 25-процентные пошлины на объем экспорта КНР в 250 млрд долл. Не были отменены также и ограничительные меры против всех крупных технологических компаний КНР (Huawei, ZTE, Xiaomi и HTC). Американская сторона объявила, что она будет готова вернуться к обсуждению всех этих «замороженных» вопросов через десять месяцев в переговорах по второй фазе соглашения.

В рамках соглашения «первой фазы» сторонам также не удалось прийти к каким-либо договоренностям по ключевым вопросам «промышленной политики» КНР, в частности, по государственному субсидированию экспорта и другим вопросам госрегулирования. Судя по всему, эти проблемы составили камень преткновения на переговорах, и они были отложены на «вторую фазу» или на неоп-

ределенный срок. Вряд ли китайская сторона собиралась двигаться здесь навстречу американцам. Понимая это, американская сторона, вероятно, и оставила в своем переговорном активе серьезные заградительные тарифы в 25 % на товары в 250 млрд долл. и ряд других тарифов в качестве платы за китайскую неуступчивость.

Может показаться, что соглашение «первой фазы» содержит гораздо больше обязательств, уступок и встречного движения с китайской стороны, чем наоборот. Американская сторона в основном отказывалась не от уже сделанных шагов, а от намерения сделать их в будущем. Все это позволяло многим комментаторам этой сделки говорить о суммарном выигрыше американцев. Однако вопросы реальной имплементации данного соглашения, особенно в условиях существующих реальных «правил игры» в китайской экономике, возможность возникновения серьезных «дополнительных», ситуативных и форс-мажорных обстоятельств, а также известная способность китайского центра «заматывать» и «класть под сукно» достигнутые на бумаге обязательства, ставили под серьезное сомнение «профицит» американцев в «первой фазе».

Политический шлейф COVID-19

Заключая «первую фазу соглашения», стороны не могли догадываться, что именно форс-мажорные обстоятельства в виде глобальной пандемии COVID-19 существенным образом переформатируют повестку двусторонних отношений и приведут их к еще большему обострению.

Вспышка COVID-19 в Китае в январе 2020 г., его распространение на весь мир, включая США, произошла достаточно скоротечно, в считанные недели. В отличие от жестких карантинных мер и фактической блокады инфицированных местностей в КНР (в первую очередь, Уханя и пров. Хубэй), жестких противоинфекционных мер в условиях авторитарного китайского социума, борьба с пандемией в США была организована менее эффективно. Недооценка серьезности угрозы, первоначально допущенная администрацией Д. Трампа, граничившая на первых порах с халатностью, отсутствие авторитарных рычагов управления, политизация проблемы коронавируса в условиях внутрисоциального и внутриэлитного раскола в США привели к высокому для развитой и крупной страны уровню смертности. Ситуацию с COVID-19 в США долго не удалось взять под контроль. Это вылилось в острую проблему для всего американского общества и в проблему политической выживаемости администрации в электоральный год.

Наращение смертности начиная уже с марта 2020 г., усиливающийся экономический спад, обострение трений в обществе на фоне пандемии привели к резкой вспышке социальных и расовых конфликтов в мае—июне 2020 г. Массовые волнения, сопровождавшиеся погромами, грабежами и актами вандализма, приняли беспрецедентный характер в ряде городов США, включая столичный округ, потребовали вмешательства Национальной гвардии. В некоторых вопиющих случаях в условиях неопределенности и дисфункции властей полиция либо без-

действовала, либо действовала нерешительно. Волнения приняли острый расовый характер и затронули все слои американского социума и государственных институтов. Возникло радикальное протестное политико-идеологическое движение Black Lives Matter (BLM).

Внутренний социально-политический кризис в США очень скоро получил и китайское измерение. Нарастающий обвал экономики и растущая критика администрации по вопросам антиковидной стратегии, социально-психологический стресс и уходящая из-под ног почва, резкий набор очков лагерем демократов, воспользовавшихся трудностями и просчетами администрации в электоральный год, вызвал ее желание хотя бы частично «перевести стрелки» на Китай. К тому же у Белого дома крепло понимание того, что «первая фаза соглашения» с Китаем не оправдала ожиданий. Соглашение не стало «делкой века», результаты которой, вкупе с экономическим ростом, гарантировали бы Д. Трампу переизбрание. Эта сделка, скорее всего, представляла собой трудно реализуемый «протокол о намерениях», и больше устраивала Пекин. Последний был склонен достигнуть временного перемирия и сделать ставку на уход Д. Трампа из Белого дома, чтобы потом строить отношения с более покладистыми и менее эксцентричными демократами. Администрация Д. Трампа получала достаточно свидетельств, что Пекин стремился добиться поражения Трампа в выборах 2020 г. и активно работал над этим внутри американского политического социума.

Данные тенденции в США были созвучны некоторым политическим настроениям внутри КНР. Относительный успех противокоронавирусной стратегии в КНР на фоне роста смертей и нарастания системного политического кризиса в США придавали уверенности и напора Пекину. Этому способствовал вывод, правильно или ошибочно сделанный китайским руководством, о том, что с пандемическими вызовами такого рода авторитарные режимы справляются эффективнее, чем демократии, тем более находящиеся во внутреннем кризисе.

Успехи Китая в купировании пандемии, несмотря на ряд несомненных упущений, стимулировали желание КНР получить на этом глобальные политико-пропагандистские дивиденды. Это стремление материализовалось в «масочной» дипломатии — поставках, порой на безвозмездных и льготных условиях, медицинского оборудования, медикаментов и индивидуальных средств защиты многим странам. В этом плане промышленная и фармацевтическая база КНР давала фору и США, и странам Евросоюза.

В результате администрация Д. Трампа решила разыграть тему COVID-19 в своих внутри- и внешнеполитических интересах. Китай, в поведении которого в плане открытости и своевременности информирования внешнего мира о пандемии имелись определенные проблемы, был обвинен в злонамеренном сокрытии информации и чуть ли не искусственном создании и распространении вируса. Вирус COVID-19 в медийном дискурсе Белого дома получил наименование «китайского вируса». США по решению Д. Трампа демонстративно покинули ВОЗ. Тема «китайской вины» активно муссировалась Д. Трампом в ходе предвыборной кампании 2020 г., подавалась как форс-мажорный вызов, на который можно было списать и экономический спад, и ошибки противокоронавирусной стратегии.

Китайское руководство, приняв установку на «потопление» Д. Трампа в ходе избирательной кампании, со своей стороны наносило пропагандистские контрудары, вбросив тему американского происхождения вируса. Китай также активно муссировал тему организационной беспомощности и несостоятельности западной демократии в борьбе с глобальными вызовами подобного рода.

В итоге последний год администрации Д. Трампа ознаменовался резкой деградацией доверия и ростом напряженности по всему спектру отношений. Под предлогом «незаконной деятельности» было объявлено о закрытии генерального консульства КНР в Хьюстоне, то есть речь уже пошла об инфраструктуре и организационной стороне двусторонних связей.

Существенные ограничения были введены для аккредитации средств массовой информации и выдаче виз для журналистов КНР. За ними последовали новые визовые ограничения, а потом и полный запрет на визиты граждан КНР в связи с пандемией. Были введены серьезные ужесточения для академических и научно-технологических обменов с Китаем. Принимались дополнительные меры контроля над китайскими инвестициями в США, направленные на предотвращение нежелательных поглощений американских компаний и доступ к технологическим секретам. Общее количество двусторонних диалоговых форматов и межгосударственных комиссий между США и КНР сократилось со 108 в период администрации Б. Обамы до 4 в последний год администрации Д. Трампа.

Если ранее китайская сторона относилась сдержанно к американским ограничительным мерам, то начиная со второй половины 2020 г. на шаги США (в той мере, в которой это представлялось возможным) Пекин давал практически зеркальный ответ. Было закрыто консульство США в Чэнду, ограничена деятельность американских СМИ, журналистов и университетов в КНР. Произошло общее ужесточение визового режима, прекращена выдача китайских виз ряду категорий граждан США, были наложены ответные санкции на ряд американских компаний.

Как бы подводя итог взаимным мерам эскалации, в ноябре 2020 г. было принято решение американских властей о запрете выдачи виз членам КПК. Это идеологизированное и эмоциональное решение стало весьма показательным последним шагом администрации Д. Трампа на китайском направлении.

Вместо заключения

Фиксируя состояние китайско-американских отношений на этапе перехода власти от Трампа к Байдену, можно сказать, что для них был характерен как определенный набор констант, так и будущих неопределенностей. Системное противостояние, имеющее под собой глубокую и непреходящую основу, бесспорно относилось к разряду констант, причем констант долгосрочных. Тенденции сползания к полномасштабной конкуренции, существующие в отношениях уже не первое десятилетие, наиболее остро манифестировались в курсе администрации Д. Трампа во многом благодаря тому, что для этого политического лидера, в

его картине мира Китай был «неоправданным бенефициаром» в том глобальном порядке вещей, который Д. Трамп поставил себе целью разрушить.

Президент Д. Трамп оставил своему демократическому преемнику и противнику Д. Байдену тяжелое наследство. Китай был закреплен — доктринально и на практике — в качестве главного военно-стратегического противника США. Первостепенной целью военного строительства и военных программ США стало противостояние растущему военному потенциалу Пекина. Сравнение военных бюджетов сторон к концу администрации Д. Трампа (2020) выражалось в суммах 778 (США) и 252 (КНР) млрд долл. [SIPRI Yearbook 2021, p. 237]. Особое беспокойство Вашингтона вызывал прогресс морских военных программ КНР, заметно опережающих американские и по темпам, и по ресурсам, прогресс в освоении космоса со стороны КНР, в частности в освоении Луны и Марса. Китай заметно прогрессировал в освоении перспективных «новых» типов высокоточных и гиперзвуковых вооружений, принципиальным образом, революционизирующим военный баланс. Военные контакты сторон, и без того ограниченные, в результате деятельности администрации Д. Трампа были фактически сведены к нулю. Попытки США при Д. Трампе вовлечь КНР в глобальный и региональный режим контроля вооружений оказались тщетными [Кашин, Лукин, 2021, с. 790—794].

Экономические отношения сторон, подвергшиеся наиболее негативному воздействию торговой войны, находились в состоянии не меньшей неопределенности и напряженности. Хотя физические объемы импорта, экспорта и торговый дефицит США в результате действий администрации Д. Трампа изменились относительно несущественно, главные вопросы для их дальнейшей динамики оставались открытыми. Наиболее существенные из этих открытых вопросов для новой администрации касались того, будут ли сохранены тарифные меры со стороны США, в каком объеме, по каким номенклатурным позициям; как они скажутся на дальнейшей атмосфере и условиях экономического взаимодействия; будут ли стороны выполнять принятые на себя обязательства по «первой фазе» торгового соглашения, либо кризисные события 2020 г. «обнулили» эти договоренности; как США будут отвечать на очевидное продвижение Китая в поиске геоэкономических и геополитических союзников и партнеров в лице России, ЕС и стран АСЕАН; возможны ли в будущем расширение участия американских компаний и либерализация их доступа на бизнес-площадки КНР; какова будущая конкретика ограничений для китайского бизнеса в технологическом сотрудничестве с США; как скажутся эти ограничения на глобальных цепочках стоимости с участием китайских и американских компаний, на степени китайско-американской экономической взаимозависимости.

Отвечая на эти вопросы, администрация Д. Байдена, опираясь в основном на концептуальный и практический каркас линии Д. Трампа, расставила в ней свои акценты и приоритеты. Это проявилось в четырех основных аспектах.

1. Во-первых, был сделан преимущественный акцент на технологических и наукоемких направлениях в американско-китайской конкуренции. Предшественника Д. Байдена «задевали» множественные составляющие экономического противостояния США с Китаем — несправедливая структура цен, свободный доступ к американскому рынку и закрытость рынка КНР, перенос производств

и деиндустриализация Америки, несовершенная практика лицензирования бизнеса на территории США, «антиамериканская» тарифная политика, субсидирование китайского экспорта, закрытость и непрозрачность финансовых показателей китайских корпораций и другие аспекты, дававшие преимущества Китаю. В отличие от него Д. Байден в ряду экономических проблем поставил во главу угла высокотехнологическое соперничество с КНР, рассматривая его в качестве основного поля конкуренции и в полной мере мобилизуя существующие у США преимущества. При администрации Д. Байдена был принят пакет мер и законопроектов, стимулирующих конкурентоспособность американских высокотехнологических компаний в области полупроводников, искусственного интеллекта, информационных технологий, квантовых вычислений, биотехнологии и биоинженерии, фармации, новых материалов. Для отрасли высоких технологий обеспечивался доступ к приоритетному финансированию и льготным грантам. Общая «стоимость» законопроектов и мер стимулирования конкурентоспособности выражается во внушительных суммах в триллионы долларов.

Параллельно с этим при Д. Байдене был существенно ограничен доступ КНР к целому ряду чувствительных позиций китайского высокотехнологического импорта из США, в первую очередь полупроводникам и телекоммуникационному оборудованию. Были приняты меры для ограничения доступа КНР к закупкам аналогичной продукции у других глобальных компаний — тайваньских, корейских, японских и западноевропейских.

2. Вторым направлением корректировки китайской линии Д. Трампа стало усиление координации, а по некоторым направлениям и возобновление партнерских и союзнических отношений США со странами НАТО и тихоокеанского региона, направленных на противодействие КНР. Если Д. Трамп подходил к этим отношениям, исходя в первую очередь из приоритета экономических и прагматических интересов Вашингтона как торгового партнера и с точки зрения инвестиционной привлекательности США, то Д. Байден приложил немало усилий к консолидации связей с союзниками по НАТО, с Японией, Южной Кореей, Австралией и другими странами тихоокеанского периметра КНР по проблематике сдерживания Китая. Страны НАТО, несмотря на фокусировку на украинском кризисе, теперь четко обозначают в своих доктринальных документах Китай как стратегическую угрозу, все больше включают в планы своей военной активности и подготовки тихоокеанский регион. Развитие проекта AUKUS при Д. Байдене привело к прорывным решениям. Весной 2023 г. США, Великобритания и Австралия обнародовали конкретную дорожную карту по проекту, которая включает в себя три взаимозависимых элемента: решение США о продаже Австралии трех ударных подводных лодок класса Virginia (класс SSN) до 2032 г.; решение Великобритании и Австралии о совместном производстве нового типа подлодки (класс AUKUS) до 2040 г.; договоренность о совместном трехстороннем финансировании расширения индустриальной базы для производства новых подлодок. [The AUKUS Submarine Deal].

При правлении Д. Байдена наметилась тенденция усиления военно-политического компонента в конфигурации QUAD. В традиционных двусторонних Малабарских военно-морских маневрах США и Индии с 2020 г. принимает уча-

стие Австралия; таким образом к ним подключены все четыре члена объединения¹. В период нынешней администрации проведено уже три саммита QUAD. Третий состоялся в мае 2023 г. в Сиднее. США поощряют двустороннее военное сотрудничество участников группировки. В 2023 г. в дополнение к японо-индийским морским маневрам впервые состоялись двусторонние учения ВВС двух стран. К этому следует добавить, что, будучи союзниками США, Австралия и Япония принимают участие в регулярных двусторонних военных учениях совместно с армией США [The “Quad”: Cooperation]. Параллельно с отмеченными выше многосторонними форматами при администрации Д. Байдена шла активная работа по антикитайской теме с Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром, Таиландом, другими ориентированными на США странами Индо-Тихоокеанского региона.

3. Еще одним, третьим направлением, по которому чувствовались принципиально новые нюансы китайской линии Д. Байдена, стала политика в тайваньском вопросе. По мере разрастания внутриамериканской идеологической полемики и «разбалансировки» внутривластного консенсуса между республиканцами и демократами, позиция администрации Д. Байдена по Тайваню приобретала характер все менее прагматичной и уже не ориентированной на поддержание статус-кво. Д. Байден неоднократно позволял себе неосторожные заявления по тайваньскому вопросу, как правило, дезавуировавшие его аппаратом. В августе 2022 г. спикер Конгресса США Н. Пелоси посетила с визитом Тайвань. Этот визит четко обозначил американскую направленность на форсирование тайваньской темы в «ассортименте» американо-китайских противоречий. «Демарш Пелоси» был воспринят Пекином как повышение уровня конфронтационности в самой чувствительной для Китая зоне отношений.

4. Наконец, четвертым направлением китайской линии Д. Байдена, в котором она принципиально отличалась от линии Д. Трампа — причем этот аспект приобретает все большее значение — является воздействие украинского кризиса на американо-китайские отношения.

Китай, не будучи вовлечен в конфликт России с коллективным Западом, прямо и непосредственно является интересантом в этом конфликте явно больше, чем хочет представить мировому сообществу. Не разделяя всех российских шагов, российской стратегии, не беря на себя ответственности за СВО, он продемонстрировал солидарность с Москвой в главном — в мотивах и генеалогии этого конфликта. Таковыми он считает расширение НАТО, игнорирование принципа «неделимой безопасности» для России, попытку закрепить геополитические итоги распада Советского Союза на американских условиях.

Китай не может быть сильно отстраненным от противостояния в Восточной Европе, поскольку итоги этого противостояния непосредственным образом затронут его интересы и его безопасность. Неопределенность ситуации можно выразить в виде трех вопросов, которые часто задают в китайском экспертном сообществе.

¹ Япония принимает участие в маневрах с 2015 года.

Будет ли евразийский «хартленд» находиться под контролем США; насколько и в какую сторону изменится баланс сил Россия — НАТО в Европе — важной зоне китайских товаропотоков и инвестиционных проектов?

В случае негативного сценария для Москвы будет ли ядерная Россия ослаблена и превращена в уязвимое проблемное государство с перспективой дестабилизации и внутреннего распада с неясными для мира и Китая последствиями?

Как скажется исход конфликта в Европе на Индо-Тихоокеанском театре — какие ресурсы и амбиции США могут быть экстраполированы на этот регион как главную зону американо-китайского противостояния?

Все эти сюжеты для Китая более чем актуальны. Соответственно этому украинская тема прямо встроилась в повестку американо-китайских отношений при администрации Д. Байдена и без того отягощенную соперничеством. Появились вопросы вторичных санкций, параметры и «красные линии» во взаимоотношениях с Россией в условиях западного давления, вопросы энергетической политики, продовольственной безопасности и целый ряд новых полей разногласий и торга Китая с американцами. С самого начала развернувшегося российско-украинского конфликта четко обозначилось открытое и скрытое противоборство США и КНР вокруг желательных для них сценариев и развязок российско-западного противостояния в Европе.

Библиографический список

Барановский В.Г. и др. США-Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. Научный доклад. М.: ИМЭМО, 2018. 65 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0537-6.

Воробьев В.Я. и др. Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения / В.Я. Воробьев, И.Е. Денисов, А.Д. Дикарев, А.В. Лукин; МГИМО МИД России, Институт международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 66 с.

Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная Политика. 2020. № 4. С. 42—52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047.

Кашин В.Б., Лукин А.В. Китайский подход к отношениям с США: военные аспекты // Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2021. С. 779—794.

Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность. Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118—137.

Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71—89.

Новоселова Л.В. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 76—84.

Салицкий А.И., Салицкая Е.А. США—Китай: Тупики и парадоксы торговой войны // Вестник Российской Академии Наук. 2020. № 7. С. 653—663. DOI: 10.31857/S0869587320070099.

Труш С.М. Д. Трамп и Китай: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 67—72. DOI: 10.31857/S013128120004640-5.

Труш С.М. Один год китайской политики Президента Д. Трампа // Международная жизнь. 2017. № 12. С. 106—124.

Труш С.М. Эскалация торговой войны США — КНР: американские и китайские оценки // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 12(588). С. 69—85. DOI: 10.31857/S032120680002703-7.

References

Baranovski, V.G. et al. (2018). SSHA–Kitai: borba dvyh strategii I praktik mirovogo liderstva [USA–China: the struggle of two strategies of world leadership]. Scientific report, IMEMO. 65 p. (In Russian).

Denisov, I.E. (2020). Kontseptsiya “diskursivnoi sily” i transformatsiya kitaiskoi vneshnei politiki pri Xi Jinpine [The Concept of “discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping]. Sravnitel'naya Politika, No. 4. Pp. 42—52. (In Russian).

Kashin, V. B., Lukin, A.V. (2021). Kitayskiy podkhod k otnosheniyam s SSHA: voyennyye aspekty [Chinese approach to relations with the United States: military aspects]. Ezhegodnik SIPRI 2020: vooruzheniya, razoruzheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M.: IMEMO RAS. Pp. 779—794. (In Russian).

Lukin, A.V. (2019). Diskussiya o razvitiit Kitaya i perspektivy ego vneshney politiki [Discussion about the development of China and the prospects for its foreign policy]. Polis. Politicheskiye issledovaniya, No. 1. Pp. 71—89. (In Russian).

Lukin, A. V. (2023). Amerikano-kitayskoye sopernichestvo v ATR: deklaratsii i real'nost'. Rossiya v global'noy politike [American–Chinese rivalry in the Asia-Pacific region: declarations and reality]. Rossiya v global'noy politike, Vol. 21, No. 1. Pp. 118—137. (In Russian).

Novoselova, L. (2020). Ekonomika KNR v usloviyah torgovoi voyny [Chinese economy amidst the trade war]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, No. 6. Pp. 76—84. (In Russian).

Salitski, A., Salitskaya, E. (2020). SSHA — Kitai: Toopiki i paradoksy torgovoi voyny. [Deadlocks and paradoxes of the trade war]. Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk, No. 7. Pp. 653—663. (In Russian).

Trush, S. (2017). Odin god kitaiskoi politiki presidenta D.Trump [One year of D.Trump’s China policy]. Mezhdunarodnaya zhizn, No. 12. Pp. 106—124. (In Russian).

Trush, S. (2018). Eskalatsiya torgovoi voyny SSHA — KNR: amerikanskiye i kitaiskiye otsenki [Evolving U.S. — China Trade War: American and Chinese Perspectives]. SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kultura, No 12 (588). Pp. 69—85. (In Russian).

Trush, S. (2019). Trump i Kitai: promezhutochnye itogi [Trump and China: Intermediate Results]. Problemy Dalnego Vostoka, No. 2. Pp. 67—72 (In Russian).

Vorobiev, V. et al. (2018). Prikhod administratsii D.Trampa I kitaisko-amerikanskiye otnosheniya [The Advent of the Trump Administration and the US — China Relations]. M.: IIS MGIMO University. 66 p. (In Russian).

* * *

Bolton, J. (2020). The Room Where It Happened: A White House Memoir. Simon & Schuster, New York. 592 p.

National Security Strategy. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSSFinal-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed: 30.09.2023).

SIPRI Yearbook 2021. 237 p. URL:<https://sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB21c08sI.pdf> (accessed: 30.09.2023).

Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 30.09.2023).

The “Quad”: Cooperation Among the United States, Japan, India, and Australia. Congressional Research Service. Report IF 11678. January 30, 2023. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11678> (accessed: 30.09.2023).

The AUKUS Submarine Deal Highlights a Tectonic Shift in the U.S.-Australia Alliance. URL: <https://carnegieendowment.org/2023/03/27/aukus-submarine-deal-highlights-tectonic-shift-in-u.s.-australia-alliance-pub-89383> (accessed: 30.09.2023).

The CIA. World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/static/4b7bc51de9901e725e605be0502e5e1b/CH-summary.pdf> (accessed: 30.09.2023).

U.S. and China to attempt revival of trade negotiations. URL: <https://www.ft.com/content/cea76a70-a510-11e8-8ecf-a7ae1beff35b> (accessed: 30.09.2023).

U.S.-China Relations. Congressional Research Service. August 29, 2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45898.pdf> (accessed: 30.09.2023).

Поступила в редакцию: 10.09.2023. Received: 10 September 2023.

Принята к публикации: 11.10.2023. Accepted: 11 October 2023.

К 40-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ВЫХОДА БОЛЬШОГО КИТАЙСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ

DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.44.006

Е.Ю. Стабурова

Большой китайско-русский словарь: к 40-летней годовщине

Аннотация. 40 лет тому назад произошло выдающееся для российского китаеведения событие — публикация «Большого китайско-русского словаря». Она стала результатом полувековой работы русских лексикографов и лексикологов и почти векового развития графических словарей. В статье рассматриваются история графических словарей, персоналии ученых, особенности Большого словаря, проблемы с его публикацией. Тот факт, что словарный состав охватывает период с древности до середины XX века, дает основание отдельным ученым считать это издание устаревшим. Проведенный в статье многоуровневый анализ позволил выявить ограниченность подобного подхода и сделать вывод о сохраняющейся актуальности словаря.

Ключевые слова: «Большой китайско-русский словарь», графические словари, В.П. Васильев, О.О. Розенберг, В.С. Колоколов, И.М. Ошанин, В.М. Алексеев.

Автор: Стабурова Елена Юрьевна, д.и.н. (Dr. habil. [History]), профессор, и.о. директора, Латвийский институт востоковедения. E-mail: yelena@latnet.lv

Elena Yu. Staburova

Big Chinese-Russian Dictionary: on the 40th Anniversary

Abstract. 40 years ago, an outstanding event for Russian sinology took place — the publication of the “Big Chinese-Russian Dictionary.” The dictionary was a product of half a century of work of Russian lexicographers and lexicologists and almost a century of development of graphic Chinese-Russian dictionaries. The focus of this study was the history of graphic dictionaries, personalities of researchers, distinctive characteristics of the Big Dictionary, and difficulties arising during its publication. The dictionary contains Chinese lexis and characters up to the middle of the 20th century, which allows some scholars to consider it outdated. The multilevel analysis carried out in the article made it possible to reveal the limitations of this approach and draw a conclusion about the continuing relevance of the dictionary.

Keywords: “Big Chinese-Russian Dictionary”, graphic dictionaries, V.P. Vasil'yev, O.O. Rosenberg, V.S. Kolokolov, I.M. Oshanin, V.M. Alekseyev.

Author: *Staburova Elena Yu.*, Dr. habil. (History), Professor, Acting Director, Latvian Institute of Oriental Studies (LIOS). E-mail: yelena@latnet.lv

В 2023 г. исполняется 40 лет со времени выхода в свет двух томов «Большого китайско-русского словаря» (далее — БКРС), третий и четвертый тома были изданы на год позже. И сегодня есть хороший повод вспомнить об истории создания словаря, выразить уважение авторам и дать оценку содержащегося в нем материала с точки зрения как сегодняшнего дня, так и неподвластных времени ценностей.

I Китайско-русские графические словари — предшественники БКРС

За точку отсчета истории этого словаря следует принять появление в России графической системы классификации иероглифов. Именно с этой позиции мы предлагаем рассмотреть путь российского Китаеведения по направлению к БКРС.

Термин «графическая система» впервые встречается в 1841 г. в «Китайско-латинско-французском словаре» Дж. М.М. Кэллэри (Joseph M.M. Callary, 1810—1862) [Barllow, 1995, p. 795], предложившим распределять иероглифы по первой черте. Следующий шаг в направлении группировки китайских письменных знаков по графическому принципу был сделан в 1867 г. основателем российского академического Китаеведения В.П. Васильевым. Он обратил внимание на то, что китайская письменность «разрастается» от простых начертаний к сложным, и, исходя из этого наблюдения, рекомендовал «принять для рассмотрения 19 главных черт» [Васильев, 1867, с. VIII—IX]. При этом следовало мысленно вписать иероглиф в четырехугольную рамку и исходным пунктом его анализа считать черту, расположенную в нижнем правом углу. Второй словарь по графической системе был составлен в 1891 г. Д.А. Пешуровым, работавшим в Санкт-Петербургском университете под руководством В.П. Васильева [Пешуров, 1891].

То, что В.П. Васильев и Д.А. Пешуров представили дескриптивно, петербургский востоковед О.О. Розенберг формализовал в виде комбинаторной схемы, выделив в китайских письменных знаках 24 основные черты. В 1916 г., находясь в командировке в Японии, он опубликовал в Токио на английском и японском языках исследование, посвященное классификации иероглифов на основе анализа графем [Rosenberg, 1916]. В 1918 г. в Петрограде в двух журналах вышла его статья «Опыт кодификации идеографического элемента японского языка» [Розенберг, 1918; Розенберг, 1918 а; Петров, 1982, с. 479].

Но помимо того, что он логически завершил начатое В.П. Васильевым, О.О. Розенберг создал собственную цифровую кодировку китайских письмен-

ных знаков. Сохранив верность графическому принципу и анализу иероглифа как условного четырехугольника, он предложил рассматривать его как совокупность черт в каждом углу по схеме «верхний левый — верхний правый — нижний левый — нижний правый» и в зависимости от конфигурации штрихов кодировать углы цифрами в диапазоне от 1 до 9 и 0 — так называемый «метод четырех углов».

Идею О.О. Розенберга приспособил для китайских пользователей Ван Юньу (王雲五 Wong Yeun-wu, 1888—1979), который, не изменяя сам принцип, внес корректировку в цифровую нумерацию углов. Его книга, положившая начало распространению метода четырех углов в Китае, называлась «Система китайской лексикографии Вана. Система нумерации четырех углов при расположении китайских иероглифов» [Wong, 1926]. А так как в то время он был главным редактором и фактическим руководителем до сих пор существующего шанхайского издательства Шаньу иньшугуань (商務印書館), то он выступил инициатором создания нового китайского толкового «Большого словаря Ван Юньу», в котором ввел свой (в действительности предложенный О.О. Розенбергом) порядок словарного поиска иероглифов по четырем углам. Словарь был издан в 1930 г. На его титульном листе помещен стишок известного философа и общественного деятеля Ху Ши (胡適, 1891—1962) как мнемоническое пособие для запоминания перенятой от О.О. Розенберга нумерации штрихов [Wong, 1930, t.p.].

Интерес Вана Юньу к русской китаистке, возможно, проистекал из его личного знакомства с ее представителями. В частности, достоверно известно, что у него были личные контакты с П.П. Шмидтом (1869—1938) — в присланную Шмидту в Ригу книгу «Система китайской лексикографии Вана», изданную в 1926 г., автор вложил свою визитную карточку. В китайском культурном пространстве именно Ван Юньу считается изобретателем метода кодирования иероглифов по четырем углам.

Графические китайско-русские словари стали визитной карточкой российского китаеведения. Англоязычные читатели познакомились с графической системой после выхода в свет китайско-русско-английского словаря под редакцией Б.Г. Мудрова [Мудров, 1995].

В первые годы советской власти вопрос о создании иероглифических словарей был поднят на государственный уровень, о чем свидетельствуют сохранившиеся протоколы 1-го и 2-го заседаний Комиссии по составлению идеографического китайско-японско-русско-английского словаря от 1919 г. [Скачков, 1960, с. 490]. Однако в то время дальше обсуждения дело не пошло. Словарь Д.А. Пещурова долгие годы оставался единственным портативным китайско-русским словарем [Скачков, 1977, с. 226]. Словари, появившиеся в 1920—1930-х гг. в Харбине [Скачков, 1960, с. 489], в СССР широко не использовались.

Словарь под редакцией В.С. Колоколова был издан литографическим способом в 1927 г. [Колоколов, 1927]. В 1935 г. в типографии отпечатан составленный им второй словарь. Подготовкой этого издания занималось необычайно много редакторов и корректоров [Колоколов, 1935, с. 4], возможно, потому что автор никогда не учился в русской школе. Причину создания словаря В.С. Колоколов мотивировал «полным отсутствием китайско-русских словарей для нужд наших

учебных заведений» [Колоколов, 1935, с. 5]. В этих условиях отбор лексики представлял особую сложность. Автор сетовал на то, что ограниченный объем не позволил «в достаточной мере наполнить словарь современной политико-экономической терминологией» [Там же], но сейчас бросается в глаза избыточность отражения гоминьдановских реалий, что, впрочем, объяснимо задачами подготовки практических переводчиков в институтах, где преподавал автор. Своеобразно решен вопрос с транскрипцией. Несмотря на то, что рядом с гнездовыми иероглифами в скобках кириллицей приводится транскрипция о. Палладия (П.И. Кафарова) и латиницей транскрипция Уэйда-Джайлза (Wade-Giles), основная запись звучания китайских слов произведена с помощью русского транслита китайского алфавита чжуинь цзыму (официально утвержден в Китае в 1918 г.).

Тем самым в словаре В.С. Колоколова отразился определенный этап в развитии советского китаеведения, когда параллельно латинизации китайской письменности в СССР, которая сначала сводилась к передаче латинскими буквами несколько преобразованного алфавита чжуинь цзыму, разрабатывалась по тем же правилам новая транскрипция на кириллице. Предполагаем, что В.С. Колоколова, учившегося в школе вместе с китайскими детьми и готовившегося к сдаче экзаменов на степень сюэца [Никифоров, 1970, с. 79—80], не могла не беспокоить традиционная русская транскрипция Палладия как не только не отражающая подлинного звучания китайских слов, но и ориентирующая при обучении на твердое русское произношение. Поиски В.С. Колоколова понятны любому китаеведу, однако цель — добиться буквального следования за чжуинь цзыму — изначально была утопической. Нарушив старые правила, автор словаря был вынужден ломать русский язык, что привело даже к созданию новой буквы «**ю**». Привычное эр стало обозначаться «аыр», цзе — «дье», сэ — «сыэ», цзи — «ды», цзюй — «ды^ю». Несмотря на экзотичный вид, эта транскрипция использовалась в СССР еще в середине 1950-х гг., например, она частично воспроизведена в «Учебнике китайского языка», изданном в 1954 г. и утвержденном в качестве учебного пособия для высших учебных заведений [Исаенко, Коротков, Советов-Чень, 1954]. За сто лет до В.С. Колоколова сломать устоявшуюся русскую транскрипцию уже пытался о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), предложивший писать «кхай» вместо кай, «кхынъ» вместо кэнь, «ги» вместо цзи, «кин» вместо цин, «хюань» вместо сюань. В то время активным противником изменений в русской записи китайских слов выступил З.Ф. Леонтьевский [Скачков, 1977, с. 127].

Иероглифы в словаре В.С. Колоколова располагались по графической системе: «Желание облегчить пользование словарем побудило составителя принять графическую систему расположения иероглифов, ранее предложенную О. Розенбергом» [Колоколов, 1935, с. 5]. Используя комбинаторную схему О.О. Розенберга, В.С. Колоколов создал таблицу «Указатель к отысканию иероглифов в словаре», которую разместил на открывающей том переплетной крышке и форзаце, а также закрывающей том переплетной крышке и нахзаце. «Для более точного определения местоположения иероглифа в словаре» автор словаря выделил разновидности каждой из 24 черт, всего получив 60 начертаний [Колоколов, 1935, с. 683]. С тех пор таблица стала неотъемлемой частью всех китайско-русских графических словарей.

В 1936 г. был опубликован графический словарик Н.И. Лянь-Куня под редакцией В.С. Колоколова [Скачков, 1960, с. 489—490]. Он был ориентирован на китайцев, оказавшихся в России, и его влияние на процесс развития китайско-русских словарей было ограниченным.

После окончания Великой Отечественной войны и победы над милитаристской Японией, когда усилилось противостояние политических сил в Китае, советское руководство резко нарастило количество китаистов. Создание новых словарей стало особенно актуальным. В 1946 г. фотоофсетным способом был переиздан «Краткий китайско-русский словарь» 1935 г. В.С. Колоколова. События в СССР и Китае развивались стремительно и словарь не успевал за изменениями ситуации, но, видимо, других вариантов обеспечения словарями специалистов по Китаю, быстро растущих в числе, в то время не было.

В 1952, 1955 и 1956 гг. увидели свет три издания капитального «Китайско-русского словаря» под редакцией проф. И.М. Ошанина.

После трех выпусков «ошанинского» словаря наступил двадцатилетний период, когда словарный дефицит восполнялся малыми словарями, три из которых имели графическую систему поиска и два — фонетическую. Следуя обозначенному выше формату нашей статьи, остановимся на графических словарях.

В 1956 г. вышел «Краткий китайско-русский словарь» Г.М. Григорьева под редакцией И.М. Ошанина. В 1963 г. Г.М. Григорьев выпустил его переизданную и дополненную версию. В словаре 1956 г. использовалась таблица В.С. Колоколова, но также ключевой указатель «в помощь китайцам» [Григорьев, 1956, с. 3]. В систему кодировки иероглифов по правому нижнему углу было внесено изменение — число основных черт с 24 было сокращено до 22. Автор словаря по этому поводу высказался лаконично: «За исключением третьей и девятой черты остальные 22 составляют соответствующие разделы краткого словаря» [Григорьев, 1956, с. 7]. Число вариантов основных черт было уменьшено с 60 у В.С. Колоколова до 58. Идея Г.М. Григорьева о 22 основных чертах или, в терминологии В.С. Колоколова, «штрихах» иероглифов была замечена специалистами и в дальнейшем ограничено использовалась в других словарях. Издание 1963 г. было дополнено фонетическим указателем, позволявшим осуществлять поиск слов также по латинизированной транскрипции. Откликаясь на появление в Китае сокращенных иероглифов, Г.М. Григорьев уже утвержденные упрощения ввел в словарные гнезда как основной вариант. Он привлек также употреблявшиеся, но «еще не получившие официального утверждения» графемы [Григорьев, 1963, с. 3], из-за чего в словаре оказались зафиксированы как бы «потерявшиеся во времени» знаки, процесс сокращения которых еще не был завершен.

В 1975 г. появился «Карманный китайско-русский словарь» Н.С. Араушкина и Б.Я. Надточенко, в котором иероглифы даны исключительно в современном начертании [Араушкин, Надточенко, 1975, с. 7]. Они опирались на таблицу В.С. Колоколова, но внесли в нее существенные изменения. К сожалению, авторы не проанализировали свои новшества, настаивая на том, что придерживаются сложившихся традиций [Там же].

К 1980 г. подоспел еще один словарь, о котором следует сказать особо. Его создателями были З.И. Баранова, В.А. Жаворонков, В.Е. Гладцков, Б.Г. Мудров,

издан он был под редакцией Б.Г. Мудрова [Мудров, 1980]. Это объемный словарь, включавших в себя около 60 000 слов и словосочетаний и продолжавший расти в объеме в последующие годы. Он выдержал много переизданий. Его появление знаменовало собой полную победу сокращенных иероглифов не только в КНР, но и в российском китаеведческом сообществе. В нем использовалась графическая система поиска, но переписанная под сокращенные знаки. Составили ли словарь конкуренцию явно запаздывавшему со своим выходом в свет БКРС, сказать трудно. Несомненно то, что появление словаря на основе упрощенных иероглифов было ожидаемым событием.

Сейчас два «Больших китайско-русских словаря» (после значительного увеличения объема словарь Б.Г. Мудрова тоже стал называться «Большим») существуют как бы в параллельных мирах. «Мудровский» служит для преподавателей и студентов, для подготовки переводчиков с китайского разговорного языка, для всех, кто погружен в практическую работу по поддержанию связей с КНР. Это очень хороший двуязычный словарь. БКРС нельзя назвать языковым словарем в полном смысле слова — это словарь цивилизационный.

II Большой китайско-русский словарь

1. Изменчивые условия работы

Проф. И.М. Ошанин вспоминал, что составление БКРС началось в 1956 г. [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. В 1950-е гг. советско-китайские отношения переживали подъем, поэтому как среди ученых, так и среди руководства мысль о создании капитального китайско-русского словаря находила поддержку. Но, думается, что начавшийся в те же годы беспокойный период разделения, слияния и реформирования востоковедных исследовательских центров для самого проекта был сопряжен со значительными сложностями. Постановлением Президиума АН СССР 1 июля 1950 г. Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву. И.М. Ошанин стал сотрудником заново созданного сектора Китая. Постановлением Президиума АН СССР от 13 февраля 1953 г. структура Института востоковедения была изменена — все подразделения были объединены в три отдела по регионам Востока [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 143]. Китаеведов перевели в Отдел Дальнего Востока. Постановлением Президиума АН СССР от 12 августа 1955 г. была проведена еще одна реструктуризация института, в результате чего образовался сектор языка и литературы народов Китая, заведующим которого назначили И.М. Ошанина [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 144]. Через год, 26 октября 1956 г. на базе китаеведческих секторов Института востоковедения Академии наук был создан Институт китаеведения, в который вошел и названный сектор [Сухарчук, 1958, с. 201].

По прошествии всего четырех лет после организации Института китаеведения АН СССР, в 1960 г., произошло его слияние с Институтом востоковедения, а также были созданы два новых академических научных центра — Институт народов Азии (на базе Института востоковедения) и Институт экономики мировой социалистической системы. Институт китаеведения стал Отделом Китая Инсти-

туда народов Азии РАН. В 1970 г. последний вновь переименовали в Институт востоковедения. Так И.М. Ошанин оказался сначала в секторе Китая Института востоковедения (1950), затем в Отделе Дальнего Востока того же института (1953 г.), потом — в секторе языка и литературы народов Китая Института китайского языка (1956 г.) и в конце концов — в Отделе Китая Института народов Азии (впоследствии Института востоковедения) с отдельным статусом руководителя словарной группы. Как вспоминал многолетний руководитель отдела Китая Л.П. Делюсин, «словарь, который в это время создавался под его (Ошанина — Е.С.) руководством, входил словарной группой в наш Отдел» [Делюсин, 2009, с. 30].

Такая калейдоскопическая смена названий и адресов не могла не замедлить деятельность большого коллектива и неизбежно приводила к текучести кадров. В этой ситуации в полной мере проявился необыкновенный талант проф. И.М. Ошанина не только как знатока китайского языка, но и как организатора и руководителя. На работе словарной группы не могло не сказаться и то, что в 1960 — начале 1980-х гг. были прерваны научные связи с Китаем. Надо отдать должное И.М. Ошанину за то, что в самых отчаянных ситуациях (а таких было немало) он настойчиво шел к цели. И его уход из жизни до опубликования двух первых томов не мог воспрепятствовать завершению проекта.

Последнее испытание выпало на долю словаря, когда он уже был полностью подготовлен к изданию. Выяснилось, что его невозможно было напечатать. Вот как это описывал сам И.М. Ошанин: «Когда отсутствие в типографиях нужного комплекта иероглифических шрифтов поставило под сомнение саму возможность издания БКРС, то из этого, казалось безвыходного, положения вывел нас оригинальное решение, предложенное и осуществленное кандидатом технических наук Б.В. Борисовым: применить метод оригинал-макета, а иероглифы в его буквенный текст монтировать с переводных литер» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 9]. В Великобритании было заказано на имевшемся там оборудовании нанесение иероглифов на прозрачный материал. Буквенный текст отдельно был набран в Москве и напечатан в Можайске. А к создателям Большого словаря добавились те, кто выполнял «монтаж иероглифов» — они вмонтировали китайские графемы в русский текст.

2. Люди и время

Имена создателей БКРС перечислены на первых страницах всех четырех томов. Каждый заслужил отдельного очерка, но для одной статьи это неподъемная задача, поэтому ограничимся лишь бессистемными, а иногда и субъективными рассказами о некоторых из них. Сначала характерная зарисовка о начале профессионального пути И.М. Ошанина, относящаяся приблизительно к 1921 г.: «В числе первых учеников Колоколова был один из ведущих современных китайских филологов И.М. Ошанин, в то время “красноармеец-связист”, “обмундированный” по тыловому — в папаше, в костюме, сшитом из занавесок, в веревочных лаптях разного размера и цвета» [Никифоров, 1970, с. 80]. Так начинался путь профессора И.М. Ошанина к славе. Но если серьезно, то словарь сплотил вокруг себя специалистов по лингвистике, литературе, истории, философии, религии, экономике, политике, математике, искусству, кабинетных ученых и бывших со-

трудников Коминтерна, напрямую участвовавших в выборе пути в отношении с Китаем, военных, дипломатов и даже разведчиков.

К последним относится автор упомянутых выше кратких словарей Г.М. Григорьев-Абрамсон. С 1966 г. он работал в Институте востоковедения в качестве второго редактора БКРС. Его полная резких поворотов биография заслуживает внимания. Г.М. Абрамсон с пятилетнего возраста жил в Харбине, где и закончил гимназию. Вскоре после его переезда во Владивосток, в 1920 г., город был оккупирован японцами. Он перешел на нелегальное положение под фамилией Григорьев. Почти 30 лет он прослужил в Красной армии и в советской разведке в Китае и США. Китаеведное образование получил на Восточном факультете Военной академии им. Фрунзе. Был на фронте, потом преподавал на кафедре китайского языка Военного института иностранных языков [Усов, 2002, с. 373—374].

Перед моим мысленным взором тихо сидит за столом в отделе Китая Института востоковедения оторвавший глаза от рукописи в приветственной улыбке В.С. Кузес. И только теперь приходит осознание того, что он сыграл большую роль в создании БКРС, а до этого оформлял приложения для первого и второго словарей (1952 г. и 1955 г.) под редакцией И.М. Ошанина. Л.П. Делюсин вспоминал: «Кузес после окончания работы со словарем, по моему предложению, взялся за тему компрадорской буржуазии (к сожалению, закончив работу, так и не решился сдать ее в печать)» [Делюсин, 2009, с. 30]. Слова о том, что законченное исследование «не решился сдать в печать», являются лучшей характеристикой Владимира Сергеевича и его отношения к делу. О своем многолетнем коллеге написала с большой теплотой относившаяся к нему Н.И. Фомина: «По окончании средней школы в 1941 г. В.С. Кузес поступил слушателем в Военный институт иностранных языков. Но занятия были прерваны в связи с Великой Отечественной войной... С 9 августа 1945 г. по 3 сентября 1945 г. В.С. Кузес участвовал в освобождении Маньчжурии... В 1946 г. Владимир Сергеевич вновь оказывается среди слушателей Военного института иностранных языков... С 1952 г. он — младший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР» [Фомина, 2009, с. 218].

Одним из авторов словаря была также доктор исторических наук С.А. Серова, которая получила распределение в словарную группу И.М. Ошанина сразу после окончания института в 1957 г. Проработав в ней три года, она выбрала для себя иной путь, став знаменитым ученым в области китайского традиционного театра. В ее интервью несколько слов посвящено работе в словаре [Серова, 2019, с. 9].

Кстати, есть у С.А. Серовой и упоминание о контрольном редакторе БКРС И.И. Советове-Чэне (Чэнь Чанхао), о котором она отзывется с большим уважением. Он в Московском институте востоковедения в 1930-е гг. обучал китайскому языку ее отца, а в 1950-е стал ее преподавателем [Серова, 2019, с. 5]. Помимо преподавания, он был востребован как переводчик текстов КПК.

В воспоминаниях С.А. Серовой воссоздан портрет еще одного автора и контрольного редактора словаря — Чжоу Сунюаня [Серова, 2019, с. 12]. Его назначили аспирантке второго курса преподавателем китайского языка (аспиранты

последующих лет о таком даже мечтать не могли!). Она пишет: «Оказалось, что он еще был любителем и знатоком театра. Вот тут и началась моя настоящая жизнь в аспирантуре!» [Там же].

Есть люди, которые умеют стусевываться. Таким человеком в Отделе Китая был Ду Исин, выполнявший обязанности консультанта БКРС. Его присутствие не было заметным, но он нужен был всем. Ду Исин приехал на заработки в Россию из пров. Шаньдун и не смог вернуться назад из-за революции и гражданской войны. Когда он учился в московской Военной артиллерийской академии, его объявили китайским шпионом. После реабилитации он много лет работал консультантом в Отделе Китая [Делюсин, 2009, с. 30]. Так совпало, что Ду Исин в конце 1970-х гг. жил в Москве, в Медведкове, по соседству с автором этой статьи. Как гостеприимный хозяин несколько раз приглашал меня на китайские грибы «муэр», показывал книги китайских поэтов в переводах Л.З. Эйдлина с посвящениями от переводчика и с благодарностью за совместную работу. Глубокое знание китайской культуры, проникновение в поэтику китайского классического стиха было удивительным для человека, оказавшегося в России в юности и никогда с тех пор не видевшим родины.

Цзен Сюфу — автор и контрольный редактор БКРС, был в прошлом работником Коминтерна. В 1939—1940-е гг. он визировал подлинность внутренних документов ИККИ на китайском языке, как оригинальных, так и переведенных. Он был одним из переводчиков четырехтомника Мао Цзэдуна. Уроженец пров. Цзянси, выходец из крестьянской семьи Цзен Сюфу в 1938 г. окончил Московский институт востоковедения. В 1943—1945 гг. он служил в Советской Армии. В 1957 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Профессор М.В. Крюков после окончания университета на короткий срок также оказался в группе И.М. Ошанина и внес свой вклад в работу над 2-м томом словаря. Он рассказал о своих первых впечатлениях от словарного дела: «Тогда уже начиналась эта работа, и Ошанин набирал себе молодых китаеведов, которые помогали бы ему в составлении этого словаря... Я пришел. Илья Михайлович осмотрел меня критически, он был очень строгий и требовательный. Он набрал себе несколько молодых ... и дал нам задание. Тогда была уже заготовка, ведь этот словарь начал составлять академик Алексеев. Составлялись карточки на отдельные словарные статьи, а мы должны были проверять и уточнять эти карточки. Потом давали их на просмотр Ошанину. И вот тут он почти каждый день устраивал нам “головомойку”» [Крюков, 2016, с. 21].

Над созданием словаря трудились много замечательных языковедов. Так, доктор филологических наук А.Л. Семенас, будучи авторитетным ученым в области различных аспектов лексикографии, лексикологии и семантики китайского языка, участвовала в создании 2-го, 3-го и 4-го томов.

Жизнь А.И. Мелналксниса, как и многих его сверстников, мало походила на жизнь академического ученого. В 1930 г. он окончил Ленинградский восточный институт, еще студентом имел возможность стажироваться в Пекинском университете. Был арестован, трудился на московских заводах. В 1942—1943 гг. воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Только в 1957 г. он устроился науч-

ным сотрудником в Институт китаеведения, а затем работал в Институте востоковедения, где главным его делом стал БКРС. С 1962 г. он был заместителем главного редактора словаря [Ошанин, 1983, т. 1, с. 9].

III Словарь Ошанина как лексикографическое явление

БКРС занимает особое место среди двуязычных китайско-русских словарей. Возможно даже, что среди двуязычных словарей он вообще не имеет аналогов. Как лингвистический словарь он вобрал в себя различные аспекты китайского языка, сведения о которых обычно выносятся в отдельные словари — грамматические, толковые, фразеологические, диалектные, исторические, этимологические. Вместе с тем он расширил рамки лингвистического словаря до энциклопедического, став энциклопедией культуры, общественных отношений, духовного облика Китая и даже местного колорита.

Современный китайский филолог Чэнь Юйцюн оценивает его критически, отмечая встречающиеся в переводах с китайского ошибки, но главное — что вполне естественно для ученого КНР в XXI в. — устаревшую лексику и полное написание иероглифов. По его мнению, в словаре «архаичные слова, особенно слова старого литературного языка “вэньянь”, собраны чрезмерно, например, 仁恕掾 ‘ист. Чин гуманности и кротости (об инспекторе тюрем; дин. Хань)’, 仁獸 ‘миф. единорог’, 仁寿节 ‘стар. Праздник гуманности и долголетия (2/XII по лунному календарю)’, 仁尊 ‘будд. Человеколюбивый, за человеколюбие почитаемый (один из титулов Будды)’» [Чэнь, 2023, с. 70]. С его точки зрения, это выглядит чем-то вроде курьеза. Китайский исследователь противопоставляет «ошанинскому» изданию словарь под редакцией Б.Г. Мудрова [Мудров, 1980] в качестве положительного образца. Ему пришлось по душе то, что словарь 1980 г. «включает в себя совсем немного устаревших слов» [Чэнь, 2023, с. 71]. Приводя целый список словосочетаний из БКРС, начинающихся с иероглифа и — («один»), он одобряет Б.Г. Мудрова за то, что тот не включил их в свой словарь. Нельзя не признать справедливым суждение Чэнь Юйцюна о том, что «в словаре под редакцией Б.Г. Мудрова пересмотрена техническая терминология и удалены неточные технические термины, включенные в словарь под редакцией И.М. Ошанина» [Там же]. В данном случае критика в адрес БКРС обоснована, но, представляется, что ее можно было бы переадресовать Б.Г. Мудрову как одному из авторов БКРС.

Чэнь Юйцюну импонирует также то, что китайские фразеологизмы в словаре Б.Г. Мудрова нередко переводятся с помощью русских фразеологизмов. В качестве образца он выбрал два фразеологизма на китайском: 穷乡僻壤 и 有备无患 и их русские соответствия (?) — «захолустье, медвежий угол» и «готовь сани летом, а телегу зимой».

Согласно теории фразеологизмов, их значение не сводимо к значению слов-компонентов, но представляет собой как бы единое, обобщенное значение. Поэтому поиск эквивалентных фразеологизмов в чужом языке теоретически возможен, но это довольно спорный подход, который нивелирует культурные и бы-

товые особенности народов, выраженные в языке. В БКРС первый фразеологизм переведен дословно как «бедная деревня, отдаленная земля» с пояснением «захолустье». Второй китайский фразеологизм в БКРС переведен почти дословно как «будешь подготовлен — избежишь беды», там же в скобках отмечено его дополнительное значение — «заранее остережся, подготовиться к возможным неприятностям» [Ошанин, 1984, т. 2, с. 176], что не пересекается с русским фразеологическим оборотом. То, что китайскому ученому кажется удачным решением, в действительности представляет собой довольно опасный путь подмены понятий под видом перевода. Вообразим себе, что китайский политик использовал второй фразеологизм в речи, посвященной международным вызовам, имея в виду, что надо готовиться к возможным неприятностям. Сомнительно, что смысл его речи получит адекватное отражение при появлении в русском тексте фразы «готовим сани летом, а телегу зимой».

Впрочем, свою позицию по поводу того, как переводить фразеологизмы, исчерпывающе сформулировал профессор И.М. Ошанин в предисловии к БКРС: «Переводы идиоматических выражений даны по возможности в дословном (и грамматическом) соответствии с оригиналом, дабы сохранить их колорит и не сузить значение» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 15].

Критериями оценки двух словарей для Чэнь Юйцюна являются современность, функциональность, практицизм, стандартность, простота. В лексикографии подобные словари относятся к разряду пособий для обучения чтению и пониманию современных текстов. Однако БКРС — словарь другого типа, перед которым ставилась задача выразить через словарные единицы мощь китайской цивилизации, он должен был стать средством для научной работы. Для такого словаря оправданны полные иероглифы в качестве основных и сокращенные как подспорье в работе. Конечно, нельзя не считаться с кардинальными изменениями, произошедшими в КНР после реформы письменности, ведь уже несколько поколений пользуются там только упрощенными знаками. Но для китайцев, как и для китайских историков и филологов, читающих произведения, созданные до середины XX в., полные иероглифы не теряют своей актуальности сейчас и не утратят ее в будущем. Даже при том, что в КНР используются все технологические возможности для перевода текстов, создававшихся на протяжении тысячелетий, на упрощенные иероглифы, любой профессионал скажет, что полностью полагаться на осовремененные тексты, нельзя, потому что в результате реформы некоторые иероглифы были упразднены, а некоторые оказались объединенными в одну новую графему. Критикуя БКРС за приверженность полным иероглифам, Чэнь Юйцюн упускает из виду то, что в самом Китае продолжает существовать сегмент печатной продукции, где используются полные начертания иероглифов.

По поводу содержания словарных статей БКРС надо признать, что они неравноценны как в смысле объема, так и в плане глубины проработки. Но достаточно много статей содержат в себе такой информационный объем, который способен ответить на вопросы самого взыскательного исследователя. Например, мастерски раскрыты смыслы иероглифа 不 (бу). Казалось бы, отрицание и есть отрицание во всех его проявлениях. Но автору данной статьи известен по край-

ней мере один сунский текст, в котором этот знак не предполагает отрицание. Помог БКРС, разъяснивший, что «в книжном языке различных эпох встречается не “без значения” в начале или в середине предложения» [Ошанин, 1984, т. 4, с. 584].

Абсолютно оправданно стремление составителей словаря не ограничиваться верхним слоем языка, лежащим на поверхности восприятия современным человеком, но, опираясь на письменные источники, идти как можно глубже по исторической лестнице, используя вэньянь, который в глазах современного китайского ученого представляет собой всего-навсего «архаичные слова». Лексический состав любого языка неоднороден — есть активные и пассивные языковые формы, к тому же в них постоянно происходит смещение языковых приоритетов и возникают новые формы, поэтому понятие современного китайского языка тоже является весьма относительным. Учитывая то, что политические лидеры КПК и КНР используют в своих выступлениях много вэньянизмов, причем с каждым годом расширяя их набор, попытка спрятаться в «медвежий угол» словаря только современных слов представляется наивной.

Есть у БКРС еще одно свойство, радость встречи с которым, к сожалению, способны оценить лишь люди, улавливающие тонкости русского языка. Вернемся еще раз к примерам, которые приводил Чэнь Юйцун, на сей раз с позиции русского пользователя словаря: «仁恕掾, ист. — ‘чин гуманности и кротости (об инспекторе тюрем; дин. Хань)’». Здесь сильное впечатление производит стилистическая выверенность и даже юмор при абсолютной точности перевода. «仁尊, будд. — ‘человеколюбивый, за человеколюбие почитаемый (один из титулов Будды)’». В данном случае словарь не только помогает определиться со смыслом лексической единицы, но и с исключительным тактом возвращает к старой русской лексеме «почитаемый». Присутствующая в этих переводах чуть покрытая патиной, изысканная лексика («чин», «кротость», «почитаемый») выполняет как бы двоякую функцию — воздает дань уважения великой китайской культуре и одновременно служит напоминанием читателю о безграничных возможностях русского языка.

IV Подведение итогов

БКРС — результат столетнего развития графических китайско-русских словарей. Не будет преувеличением утверждать, что он стал вершиной китаеведения в России. Он не имеет аналогов в мире. Повезло тем китаистам, которые знают русский язык, благодаря чему могут глубоко погрузиться в значения, образы китайских слов, и вместе с тем следовать за выраженной по-русски мыслью ученых, содержащей в себе точные и изящные формулировки.

Затянувшееся создание словаря тормозило всестороннее развитие советского китаеведения, однако, пройдя такой длительный путь, объединив вокруг себя сотни лучших специалистов, он поднял на недостижимую высоту планку двуязычного словаря вообще и китайско-русского в частности, но не только: словарь ознаменовал собой появление новой формы двуязычного лексикона, кото-

рую можно порекомендовать современным лексикографам в качестве объекта для изучения.

Само собой разумеется, что есть в словаре и ошибки, но относительно его объема их количество настолько мало, что стремится к нулю. В таблице поиска не всегда верно указаны отсылающие к иероглифам страницы. Некоторые опечатки были выявлены самими составителями и их список вклеен в конце 4-го тома.

Не будет преувеличением сказать, что БКРС открыл новую страницу в китаеведении. Но он же и подвел итоги нескольким тысячелетиям бытования китайского языка и китайской цивилизации, начиная с эпохи Шан-Инь и вплоть до середины XX в. В XXI в. произошла смена технологического уклада, а вместе с этим и обновление языков. В стороне от этого общемирового процесса не остались ни китайский, ни русский языки. Благодаря введению китайского алфавита на основе латиницы и компьютерному набору отпало много проблем с составлением новых китайских словарей. Да, БКРС отстал от времени, поэтому бессмысленно искать в нем слово «компьютер», потому что обозначающая его словарная единица 電腦 (diàn nǎo) калькирована с китайского языка как «электронный мозг» [Ошанин, т. 4, с. 403]. Но ведь на это можно посмотреть и с другой стороны. Околесица, которую выдают электронные переводчики, если завести в них фразу, например, из китайских классических буддийских сочинений, свидетельствует: хотя время, вместившееся в словарь, конечно же, прошло, но время самого словаря не закончилось.

Post scriptum: Феномен словарей И.М. Ошанина и ленинградцы

Без осмысления развертывания процесса создания словаря в пространстве и времени невозможно объяснить все его великолепие.

Начнем с середины процесса — с толстенных «кирпичей» «ошанинских словарей» 1950-х гг. На протяжении многих лет они верой и правдой служили ученым-китаеведам и студентам. В 1952 г. увидел свет первый «Китайско-русский словарь» на 65 000 слов и выражений под редакцией и с предисловием профессора И.М. Ошанина [Ошанин, 1952]. Отдельным изданием к нему в следующем году выпустили «Ключевой указатель к китайско-русскому словарю под редакцией профессора И.М. Ошанина» [Ошанин, 1953]. Второе издание словаря на 70 000 слов и выражений с дополнениями и исправлениями, с предисловием и под редакцией профессора И.М. Ошанина было осуществлено в 1955 г. [Ошанин, 1955]. В том же году, вслед за вторым изданием были выпущены отдельной книгой «Приложения и указатели к китайско-русскому словарю» за авторством В.С. Кузеса и И.М. Ошанина, под редакцией профессора И.М. Ошанина [Кузес, Ошанин, 1955]. В 1959 г. второе издание без изменений основного текста было напечатано еще раз, но на сей раз вместе с приложениями и указателями, а также с предисловиями ко второму и первому изданиям под редакцией профессора И.М. Ошанина [Ошанин, 1959]. За эту работу он был отмечен премией Президиума Академии наук СССР. Только на «Приложениях и указателях к китай-

ско-русскому словарю» появляется имя В.С. Кузеса. На словарях 1952, 1955 и 1959 гг. нет ни одного имени, кроме имени И.М. Ошанина.

Несомненно, словари и дополнения к ним были абсолютно необходимы китаеведческому сообществу тех лет. Удивляет другое — чудесное явление словаря в 900, а потом в 1000 страниц без обычно предваряющих такого рода события подготовки и обсуждения. Это было что-то вроде *deus ex machina*. В предисловии к первому изданию, включенном также во второе и третье издания, И.М. Ошанин объяснил, что легло в основу словаря: «Новейшую лексику в словаре составители смогли обеспечить распиской шеститомника произведений товарища Мао Цзэдуна, современной периодикой изданных в Китае словарей новых слов. В остальном использованы лексикографические работы: рукопись большого китайско-русского словаря, составлявшегося под руководством академика В.М. Алексеева, двуязычные словари проф. В.С. Колоколова (Краткий китайско-русский словарь, Москва, 1935), Rüdénberg'a (Chinesisch-deutsches Wörterbuch, Berlin, 1924), Tsang'a (A Complete Chinese-English Dictionary, Шанхай, 1938), 竹田 (Такэда 支那語新辭典, Токио, 1940) и особенно толковые одноязычные словари: 辭海 (Шанхай, 1938), 辭源合訂本 (Шанхай, 1939), 白話學生詞典 (Шанхай, 1924) и др. Весь материал сверен с восьмитомным толковым словарем китайского языка 國語詞典 (1943)» [Ошанин, 1959, с. 6]. Ознакомившись с этим списком, нетрудно понять, что ни роспись терминологии Мао Цзэдуна, ни краткие словари В.С. Колоколова, ни тем более китайско-английский и китайско-немецкий словари не могли за короткий срок обеспечить лексическую базу китайско-русского словаря на 65 000 слов и выражений. Для обработки указанных И.М. Ошаниным китайских толковых словарей требовались годы и годы. Поэтому с неизбежностью встает вопрос об упомянутой «рукописи большого китайско-русского словаря, составлявшегося под руководством академика В.М. Алексеева». Размещение «рукописи» академика между «произведениями товарища Мао Цзэ-дуна» и «двуязычными словарями проф. В.С. Колоколова» и далее по списку посылало сигнал о чем-то незначительном. «Рукопись» на фоне остальных солидных, изданных в типографиях источников, изначально оказывалась в менее важной позиции. Рукопись требует доказательства своего статуса, чтобы подняться до уровня напечатанной книги, а конечная отсылка к восьми томам китайского толкового словаря ее полностью отменяла. Для профессионального лингвиста стилистика текста не бывает случайной.

Академик В.М. Алексеев, преподававший в вузах и работавший в Институте востоковедения в Ленинграде, долгие годы занимался подготовительной работой по теоретическому осмыслению и накоплению лексического и культурологического материала для создания совершенного китайско-русского словаря, под которыми подразумевал научность в ее разных аспектах и отсутствие случайных лексем. Деятельность его на этом направлении была очень разнообразной. На протяжении всей своей кипучей жизни китаевед В.М. Алексеев создавал персональную картотеку, куда заносил библиографические, фактологические сведения и фиксировал китайскую лексику — то, что он сам называл «оборудованием информационно-справочным», а официально — «Рабочей библиографией китаиста» [Алексеев, 1982, с. 125]. Его дочь М.В. Баньковская метко заметила:

«Натура Алексеева на редкость соответствовала идеям современных компьютеров: любой вопрос, любая тема были с помощью его картотеки обеспечены литературой предмета, всеми предыдущими его работами и записями, иллюстрациями из собственных коллекций» [Баньковская, 1991, с. 114—115]. Эта картотека легла в основу задуманного им большого академического словаря.

Работу над словарем выпускники Ленинградского восточного института и сотрудники Института востоковедения в Ленинграде под руководством и при активнейшем участии В.М. Алексеева вели уже в 1920-е гг. В.М. Алексеев не только сам подбирал китайскую лексику и руководил группой, но — что особенно важно — обеспечивал теоретическое обоснование словаря. Насколько глубоко он был погружен в теоретические аспекты, можно понять из его собственных слов: «В центре всего стоял для нас вопрос о большом китайско-русском словаре... Теоретические основы для этого дела находят себе отражение все в той же рабочей библиографии Китаиста, при том как в целом, так и в деталях, каковыми можно считать такие, например, отделы, как взаимоотношения одноязычного и двуязычного синологического словарей, эрудиция Китаиста и синологический словарь, новейшие достижения китайской лексикографии, научное использование рифмолога-конкорданса “Пэйвэнь”, принципы научной организации труда в приложении к обработке новых китайских синологических словарей и к их преподаванию, новые опыты китайских грамматических, графических, синологических словарей и т. д. словарей и их европейские имитации и т. д.» [Алексеев, 1982, с. 125].

Уже к 1929 г. работа над словарем приобрела грандиозные масштабы. Вот что писал В.М. Алексеев 22 февраля 1929 г.: «Большим и необходимым предприятием, имеющим... самостоятельную ценность, считаю расформирование биномов знаменитого словаря “Пэйвэнь юньфу”, где они расположены в биномы по второму члену, в биномы по первому слову. Одно это предприятие может в корне изменить все наше понимание китайского текста... На это исключительное по важности и абсолютно механическое по исполнению предприятие, считая **полученный словоуказатель в миллион карточек** (выделено нами. — *Е.С.*), я полагаю нужным ассигновать на это не менее 5 тыс. р. Ввиду имеющихся у нас сил и явной необходимости придать проектируемому китайско-русскому словарю полноту одновременно следует предпринять составление китайских диалектологических схем, имеющих потом войти интегрально в соответствующие рубрики словаря. Считая общее число картограмм в 200 тыс. и работу по их сведению в словосхемы (около 15 тыс.), полагаю нужным ассигновать на это около 3 тыс. руб.» [Алексеев, 1982, с. 204]. Обратим внимание на то, что в 1929 г. общее число занесенных в карточки слов и словосочетаний достигло 200 тыс., а количество уже полученных карточек-словоуказателей равнялось одному миллиону.

Захваченный идеей создания самого совершенного словаря для русского пользователя, В.М. Алексеев был готов к решению любой задачи. Что означал призыв переписать биномы из словаря «Императорского фонда рифм с яшмовыми текстами» (Пэй вэнь юнь фу 佩文韻府)? Это подразумевало переписывание состава самого большого в мире фонетического словаря так, чтобы его лексику можно было включить в китайско-русский словарь по первому, нерифмуемому-

ся, слову. В.М. Алексеева не останавливало даже то, что китайский словарь насчитывает более 12 тыс. страниц и содержит 550 тыс. слов и словосочетаний.

В отчете за 1931 г. В.М. Алексеев писал о том, что китайско-русский словарь **вчерне уже закончен**: «Основной работой состава [Китайского] кабинета, далеко превысившей имевшуюся в плане 1931 г., ввиду заявленного ее ударного характера и срочного выполнения, требовавшего особого напряжения сил многих членов нашего коллектива (Алексеева, Щуцкого, Васильева, Драгунова, Флуга), была работа по редактированию китайско-русского словаря, издаваемого ЛВИ, с 1 марта с.г. не прекращавшаяся даже во время летнего отдыха. Редакторы внесли в этот словарь, вчерне уже законченный, кроме наблюдения над переводчиками, весь свой научный и преподавательский опыт» [Алексеев, 1982, с. 207]. Словарь не был напечатан, впрочем, как почти все из того, что В.М. Алексеев сдавал в издательство.

Проникновенные слова В.М. Алексеева о составителях словаря дают ясное представление о проделанной ими работе. «Как составитель нашего китайско-русского словаря Леонид Николаевич, — писал он о Л.Н. Рудове, — был образцовым сотрудником, редким по аккуратности, полноте, точности, добросовестности, трогательной и полноценной. Читать его страницы и карточки было удовольствием. И его банковская специальность нам чрезвычайно пригодилась при составлении словаря, ибо он давал консультации там, где мы все были бы беспомощны. А коммерческий язык Китая в нашем современном словаре играет огромную роль» [Алексеев, 1982, с. 98]. Несмотря на то, что Л.Н. Рудов работал бухгалтером в Госбанке и словарем ему приходилось заниматься в свободное от службы время, он «в работе был неутомим, и, например, словарная его продукция всегда и решительно в несколько раз превосходила всех других» [Алексеев, 1982, с. 100].

Не менее удивительные черты разглядел В.М. Алексеев в К.К. Флуге. По отзывам академика, «как составитель китайско-русского словаря Константин Константинович был наилучшим из всей коллегии, вносившим в наше дело научность больше, чем прочие. Его страницы полны драгоценных наблюдений, тонких определений исследователя, превосходных переводов, безукоризненной, редчайшей добросовестности. Он и здесь не старался блеснуть своею изобретательностью лексикографа и переводчика, но по точности и прочности характеристик ему не было равного, и его части выделялись из всех других» [Алексеев, 1982, с. 102].

Словарь помог раскрыться исследовательскому таланту К.И. Разумовского. В.М. Алексеев писал: «Как знаток китайского языка Константин Иванович был представителем наиболее семантического охвата, глубины, диахронической ассоциации, строгой меры в выборе переводов, и потому как составитель китайско-русского словаря он вносил в свое дело большую находчивость и изобретательность, строгость, четкость, широту и глубину» [Алексеев, 1982, с. 105].

В объективности оценок В.М. Алексеева можно убедиться на примере характеристики, данной им Ю.В. Бунакову с точки зрения его полезности словарю: «В составление китайско-русского словаря внес большую кропотливую работу и инициативу, хотя карточки его были не из удачных. Он был главным образом техническим редактором» [Алексеев, 1982, с. 111].

Особый вклад профессионального экономиста внес в словарную лексику В.М. Штейн. Будучи уже профессором экономики, он самостоятельно изучил древнекитайский язык, стал специализироваться на «Гуань-цзы». Словарь терминов из этого произведения он дополнил терминологией «Мэн-цзы» и «Трактата о соли и железе», что, по оценке В.М. Алексеева, «есть большое приобретение, которое в своих наиболее точных частях вошло в Китайско-русский словарь АН СССР, где заменило много безответственных словарных шаблонов экономическими терминами, достойными этого названия» [Алексеев, 1982, с. 113].

То, что словарь не был опубликован в 1931 г., роковым образом сказалось на его дальнейшей судьбе. В 1930-е гг. усилились голоса критиков, упрекавших академика в устаревшей, немарксистской позиции. Молодому советскому государству, оказавшемуся глубоко погруженным в китайские события, нужны были специалисты по современному Китаю, и несмотря на открытость В.М. Алексеева всему новому, к нему относились с недоверием. Советский полпред в Китае Л.М. Карахан еще в 1926 г. в Пекине упрекнул его в том, что он «не читает тексты моложе тысячи лет» [Баньковская, 2003, с. 366]. Выступавший с критикой В.М. Алексеева советский историк Г.С. Кара-Мурза позволял себе «недопустимо резкий тон» [Никифоров, 1970, с. 331]. В 1938 г. разбор якобы враждебной советскому строю позиции академика был опубликован в газете «Правда» [Там же]. В.М. Алексеев не прекращал своей научной и преподавательской деятельности, но над ним самим и над его детищем — словарем — сгустились тучи. Двое его учеников, участвовавших в работе над словарем — Ю.К. Щуцкий и Б.А. Васильев, талант которых он особенно ценил и к которым в шутку обращался «фра» (братья по ордену) [Петров, 1982, с. 400], были репрессированы.

Трагические и героические события Великой Отечественной войны разделили время на до и после. Некоторые составители словаря не пережили блокаду или погибли на фронте. Институт востоковедения эвакуировали в Ташкент, после возвращения надо было заново налаживать работу. Кроме того, с момента объявления о том, что словарь «вчерне закончен», прошло 15 лет и ему уже требовалась доработка. О состоянии дел со словарем на 1947 г. В.М. Алексеев писал: «Советская китаистика за время войны потеряла ряд лучших китаистов... Блокада и эвакуация помешала нам в Институте востоковедения закончить составление китайско-русского словаря, который к тому же сейчас придется значительно дополнить, а среди погибших были основные работники словаря. И вышло так, что к самому острому моменту в создании новых кадров нашей науки, идущих к нам с победоносным окончанием войны и с новым подъемом в жизни страны, самое нужное пособие еще не совсем готово и работников мало» [Алексеев, 1982, с. 155]. Академия наук в 1946 г. направила из Москвы на помощь двух китаистов — Л.З. Эйдлина и И.М. Ошанина, назначенного заместителем главного редактора словаря. В.М. Алексеев в стенгазете Института востоковедения, приуроченной к 1 мая, дал высокую оценку их работе: «Славный праздник трудящихся застает нас за очередной, правда, работой над китайско-русским словарем, но с новыми в ней точками и полосами достижений. Прежде всего работают по-новому наши московские товарищи по сектору, и в первую очередь д-р филол. наук, проф. Илья Михайлович Ошанин, который все время развивает свою превосход-

ную деятельность, положив в основу ее исключительно твердый, точный, многообразный, крупный, долгодетный и талантливый синологический опыт. Защитив блестящую докторскую диссертацию и утвердив свои весьма далеко идущие концепции китайского слова, он в нашем словаре играет роль организатора основной идеологии этого самого слова. Далее, докторант Лев Залманович Эйдлин только что заполнил свою передовую картотеку серьезными лакунами, а своим сравнительным анализом нашего сложного научного предприятия помог нам разобраться в довоенном хаосе картотек, разнородных по личным стремлениям их авторов» [Алексеев, 1982, с. 215].

В 1946 г. была завершена работа над первым томом. Об этом сказано в рецензиях того же года на «Большой академический китайско-русский словарь. Т. 1 под редакцией академика В.М. Алексеева». Рецензии были опубликованы в следующем году Отделением литературы и языка АН СССР в сборнике «Рефератов и исследовательских работ за 1946 г.» [Скачков, 1960, с. 488].

В 1947 г. В.М. Алексеев в прошедшем корректуру, но не дошедшем до печати труде «Советская синология» объявляет об окончании работы над **словарем для учащихся**, но при этом выражает сожаление по поводу того, что создание научного двуязычного словаря пока не удалось претворить в жизнь: «Словарь этот после долгих дискуссий и работ **составлен** (выделено нами. — *Е.С.*), и, по нашему мнению, он отражает и историю Китая, и современность. Однако даже такой словарь, составленный нашим текстоспособным коллективом и удовлетворяющий первой надобности учащихся, не решает вопроса о настоящем синологическом словаре, отражающем современность научную» [Алексеев, 1982, с. 125].

В 1948 г. были подготовлены к печати два первых тома Большого словаря. Это подтверждается изданным в том же году «пробным макетом» на 84 страницах [Алексеев, 1948], из которых 41 страницу составляло введение «Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому». Замечательный ленинградский китаевед Виктор Васильевич Петров (1929—1987), блестящие лекции которого о китайской литературе XX в. наша группа историков Китая ЛГУ имела счастье слушать, отметил, что именно в «Тезисах» В.М. Алексеев изложил принципы составления словаря «в сводном и наиболее полном виде» [Петров, 1982 а, с. 403]. Комментируя состояние словаря на 1948 г., В.М. Алексеев свидетельствовал: «Макет словаря ..., пройдя через очередное горнило испытаний, выносится в ближайшее время на суждение всех китаистов нашей страны, в том числе и товарищей, работающих в Китае. Мы просим критики перед тем, как **сдать в печать тт. I и II китайско-русского словаря** (выделено нами. — *Е.С.*) ИВАН СССР» [Алексеев, 1948, с. 215].

Между тем востоковеды не остались в стороне от развернувшейся в СССР в 1947—1951 гг. новой политической кампании — в апреле 1949 г. на расширенном заседании Тихоокеанского института совместно с Московской группой Института востоковедения был обсужден вопрос о борьбе с «буржуазным космополитизмом» [Кузнецова, Кулагина, 1970, с. 129]. По свидетельству М.В. Баньковской, «в апреле 49-го, Алексеева накрыл ставший для него последним идеологический шквал, заставивший вспомнить год 38-й. Тут были прочно приклеены “комполитизм”, “идеализм” и вообще “буржуазный объективизм”. Обошлось

как будто малой кровью, но кровь была отравлена — начала быстро развиваться раковая болезнь» [Баньковская, 2003, с. 395].

А 1 июля 1950 г. вышло постановление Президиума АН СССР о переводе Института востоковедения в Москву, что означало перемещение центра работы над словарем вместе со всеми материалами. Академик В.М. Алексеев скончался 12 мая 1951 г. И.М. Ошанин заступил на должность главного лица, ответственного за словарь. Сложное было время, китаеведы оказывались втянутыми в политический водоворот, когда, помимо профессиональных знаний, требовалось умение улавливать дальние звуки надвигающейся грозы. Самому И.М. Ошанину, видимо, тоже было непросто — в контексте начавшейся в 1950 г. в языкознании борьбы с теориями Н.Я. Марра в адрес И.М. Ошанина зазвучали упреки в том, что некоторые концепции ставшего опальным ученого он переносил на анализ китайского языка [Исаенко, Коротков, Советов-Чень, 1954, с. 21].

Зафиксируем еще раз этапы доведения до готовности **двух** словарей при жизни В.М. Алексеева — «большого» и «для учащихся». Это 1931 г., когда, по свидетельству академика, «вчерне» «большой» словарь был готов. В 1946 г. была завершена работа над первым томом «Большого китайско-русского словаря». В 1947 г. был закончен словарь «для учащихся». В 1948 г. были подготовлены к печати два первых тома «Большого словаря». Гипотетически словари И.М. Ошанина 1952, 1955 и 1959 гг., первый из которых вышел спустя год после ухода из жизни В.М. Алексеева, могли быть тем самым «словарем для учащихся», о завершении работы над которым академик объявил в 1947 г. Однако эта гипотеза не может быть подтверждена, потому что сам И.М. Ошанин об этом не оставил сообщений. Еще раз отметим, что на всех трех словарях не значится ни одного имени, кроме профессора И.М. Ошанина. Фактически это был один словарь, в который на ходу добавлялись до странности быстро возникавшие приложения. Этот словарь был переиздан в КНР и удостоился премии Президиума АН СССР.

Справедливости ради надо отметить, что проф. И.М. Ошанин не забыл В.М. Алексеева и через четверть века в трех абзацах предисловия к БКРС и в аннотации к словарю отметил заслуги академика. В БКРС появилось посвящение: «Светлой памяти академика В.М. Алексеева». В предисловии имя академика упомянуто несколько раз. И.М. Ошанин признал то, что В.М. Алексееву принадлежала **мысль** о «большом словаре», которую он **высказывал** не раз еще в 1930-е гг. [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. Он отметил огромный вклад ленинградских ученых, выразил соболезнование ленинградским коллегам, погибшим в годы войны [Там же].

Но все же некоторые факты нуждаются в уточнении. В аннотации к БКРС сказано, что в работе над словарем «также использовались материалы неопубликованной рукописи “Китайско-русского словаря”, составленной в 1938—50 гг. коллективом китаистов под руководством академика В.М. Алексеева» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 4]. Из этого следует, что ленинградцы работали над словарем в 1938—1950 гг., т. е. в течении 12 лет. Это противоречит отчету академика о том, что словарь «вчерне» был готов в далеком 1931 г. Хотя И.М. Ошанин был свидетелем и участником завершения работы над первым томом Большого китайско-русского словаря в 1946 г. и над двумя первыми томами в 1948 г., в предисло-

вии он настаивает на том, что «осуществить такую мечту [о большом китайско-русском словаре. — Е.С.] В.М. Алексееву не пришлось» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. Проф. И.М. Ошанин даже не обратил внимания на то, что, сам себе противореча, внизу страницы поместил ссылку на опубликованный в 1948 г. макет двух подготовленных к печати алексеевских томов [Там же].

В.М. Алексееву отводилась роль разработчика учебного словаря. «Тогда, — написано в предисловии, — более срочной задачей в китайско-русской лексикографии было создание достаточно полного китайско-русского учебного словаря... За составление такого словаря под руководством акад. Алексеева и принялся созданный им коллектив ленинградских китаистов, в состав которого в конце 40-х годов В.М. Алексеев включил и некоторых китаистов из Москвы» [Там же]. Далее, со слов И.М. Ошанина, ситуация складывалась следующим образом: «Рукопись еще была далека от завершения, и В.М. Алексеев не успел подготовить ее к печати. В 1950 г. он предложил мне на основе ленинградской рукописи составить и издать учебный словарь меньшего размера» [Там же]. Слова о рукописи учебного словаря, которая «еще была далека от завершения», и о завещании своего детища В.М. Алексеевым в 1950 г. проф. И.М. Ошанину, расходятся с уже процитированным сообщением академика от 1947 г. об окончании работы над словарем, «удовлетворяющим первой надобности учащихся».

Нуждается в уточнении также фраза из предисловия о том, что «работа по составлению БКРС была начата в 1956 г.» [Там же]. В спорности этого утверждения убеждает заметка от 1958 г. в журнале «Советское китаеведение», издававшимся Институтом китаеведения. В ней говорится: «Из трудов,готавливаемых сектором языков народов Китая, необходимо отметить четырехтомный Большой китайско-русский словарь, содержащий более 250 тыс. слов и выражений. Это результат многолетней работы коллектива советских китаистов-лингвистов» [Сухарчук, 1958, с. 202]. Иначе говоря, в 1958 г. уже было известно количество томов и содержащихся в словаре слов. Обычно заранее в начале работы количество томов не планируется, поэтому единственное на сегодняшний день объяснение упомянутым четырем томам заключается в том, что группой В.М. Алексеева уже было подготовлено четыре тома, два из которых были доведены до печати (но не изданы). Кроме того, свидетельство 1958 г. о том, что это «результат многолетней работы», не согласуется с сообщением о 1956 г. как времени начала работы по составлению БКРС. В плане количества томов и содержащихся в них слов изданный в 1983—1984 гг. БКРС полностью совпадает с объемом словаря, упомянутым в «Советском китаеведении».

Не только весь массив словаря академика В.М. Алексеева был уникален. В его составе были отдельные подлинные шедевры. Это, в первую очередь, следует отнести к таблице перевода китайских циклических дат на даты григорианского календаря, составленной В.Н. Казиным [Петров, 1982 а, с. 403; Петров, 1982, с. 499; Попова 2011, с. 151—191]. В.М. Алексеев в 1947 г. писал, что «у нас имеется ждущее лишь оформления предприятие... , которое явится, вероятно, на долгие времена и будет тем более ценным для нас и всех синологов мира, что в основе его лежит необыкновенно остроумно продуманная таблица, позволяющая переводить китайские циклические даты на европейские гораздо быстрее,

чем все доселе известные таблицы... Этот хронологический справочник, не списанный с других, а самостоятельно разработанный одним из лучших молодых историков (ныне покойным), будет одним из очень редких, имеющих научное значение» [Алексеев, 1982, с. 126]. Хотя В.Н. Казин отказался от участия в составлении словаря [Алексеев, 1982, с. 109], представляется, что В.М. Алексеев имел в виду включение в словарь его таблицы. Опубликованные во всех «ошанинских» словарях «Правила перевода китайского циклического летоисчисления на общую хронологию» не имеют ссылки на автора. В предисловии к БКРС профессор И.М. Ошанин, расписав работу каждого составителя 1-го тома, обошел молчанием раздел «Китайский календарь» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 8]. Вопрос о вкладе В.Н. Казина в «ошанинские» словари пока остается открытым. Надеюсь, что коллеги внесут в него ясность.

По своему содержанию БКРС является воплощением принципа, сформулированного В.М. Алексеевым: «Изучать язык без изучения культуры невозможно. Здесь существует целостное соотношение: изучай язык, чтобы изучать культуру, ибо она понятна только владеющему языком; изучай культуру, чтобы изучить язык, ибо он является ее отражением» [Серебряков, Янсон, 2006, с. 291].

Post post scriptum

Создание БКРС растянулось фактически на все время существования Советского Союза и переплелось с историей советского китаеведения, Великой Отечественной войной, политическими кампаниями, столкновениями амбиций ученых.

В.М. Алексеев был вдохновителем и локомотивом создания большого китайско-русского словаря на научной основе. Он искал такую формулу для большого двуязычного словаря, которая, несмотря на его размеры, исключала бы появление случайных слов. Это был абсолютно новаторский подход, основные принципы которого, к сожалению, до сих пор не изучены.

Ему и его соратникам удалось подготовить к печати словарь для учащихся и два тома предполагавшегося четырехтомного словаря, которые, как почти все, что готовил академик, не были опубликованы.

Материалы, собиравшиеся В.М. Алексеевым и его сподвижниками на протяжении 30 лет, начиная с 1920-х гг., в 1950 г. оказались в московском Институте востоковедения в распоряжении профессора И.М. Ошанина. Запутанная и длительная история создания БКРС привела к тому, что ни В.М. Алексееву, ни его самоотверженным ученикам и коллегам не нашлось места в списках авторов.

Авторами БКРС, достойными соответствующих премий и лауреатских званий, пусть и с опозданием, следует признать не только тех ученых, кого принимал на работу лично И.М. Ошанин, но и тех, кто работал в Ленинграде, и прежде всего самого В.М. Алексеева. Это нужно сделать для того, чтобы, не умаляя роли проф. И.М. Ошанина и его кадров, восстановить историческую справедливость и отдать долг памяти тем, кто не только заложил основу словаря, но и определил его формат, а также создал фундаментальный материальный задел, без которого

не было бы БКРС. Требуется пересмотр вклада участников этого уникального для российской науки предприятия. Следует подготовить и издать отдельным приложением к БКРС список всех составителей словаря с биографическими аннотациями.

Библиографический список

Алексеев В.М. Китайско-русский словарь, составленный коллективом китаистов. Пробный макет словаря / сост. под ред. В.М. Алексеева. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. 84 с.

Алексеев В.М. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 536 с.

Араушкин Н.С., Надточенко Б.Я. Карманный китайско-русский словарь. 8500 слов. М.: Издательство «Русский язык», 1975. 208 с.

Баньковская М.В. «Выпрямляя имена» (Послесловие к разделу «Новый Китай...») // В.М. Алексеев. Труды по китайской литературе. В 2 кн. / сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. Кн. 2. С. 366—398.

Баньковская М.В. Труденик науки о Востоке. К 110-летию со дня рождения В.М. Алексеева // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 1991. № 6. С. 112—116.

Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря / сост. для руководства студентов проф. Санкт-Петербургского университета Васильевым. СПб.: И. Таблен и Ко, 1867. XVI+456 с. (Литогр.) URL: <https://ci.spbu.ru/archive/Book/Vasilev-slovar/> (дата обращения: 10.06.2023).

Григорьев Г.М. Краткий китайско-русский словарь. Ок. 17 000 слов / сост. Г.М. Григорьев; под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 514+XX с.

Григорьев Г.М. Краткий китайско-русский словарь. Ок. 19 000 слов / сост. Г.М. Григорьев; под ред. проф. И.М. Ошанина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1962. 632 с.

Делюсин Л.П. Интервью: д.и.н., профессор Л.П. Делюсин. / Э.А. Синецкая (ИВ РАН) вела интервью и составила примечания. Дата и место: февраль—июнь 2009 г., Москва. Проект «Китаеведение — устная история». 51 с. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/004_Delusin_02-06_2009.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Исаенко Б.[С.], Коротков Н.[Н], Советов-Чэнь И.[И.]. Учебник китайского языка / под ред. Н.Н. Короткова; фонетическая часть «Вводного курса» написана И.И. Гальцевым. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1954. 540 с.+1 л. табл. слогов кит. языка.

Колоколов В.С. Краткий китайско-русский лексикон / сост. В.С. Колоколов при ближайшем участии Лянь-Кунь, Хон Ким-пио и М.Д. Кокина. М.: Издательство Восточного института им. Нариманова, 1927. IX+207 с. (литогр.)

Колоколов В.С. Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины / сост. В.С. Колоколов; под ред. М.М. Абрамсона и Ху Цзя. М.: ОГИЗ РСФСР — Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. 686 с. + 1 л. табл. словообразующих слогов.

Крюков М.В. Интервью с китаеведом, д.и.н., профессором Крюковым Михаилом Васильевичем. Дата: 17 июня 2016 г. / вела интервью: В.Ц. Головачев, М.Е. Кузнецова-Фетисова; участник: Хуан Шу-ин; примечания: В.Ц. Головачев, М.Е. Кузнецова-Фетисова [Проект «Российское китаеведение — устная история». 88 с. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Kriukovm_Mikhailom_Vasilevichem.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Кузес В.С., Ошанин И.М. Приложения и указатели к китайско-русскому словарю / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 208 с.

Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. Из истории советского востоковедения, 1917—1967. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 230 с.

Мудров Б.Г. и др. Китайско-русский словарь. Около 60000 слов и словосочетаний. = 汉俄词典 / З.И. Баранова, В.А. Жаворонков, В.Е. Гладцков, Б.Г. Мудров; под ред. Б.Г. Мудрова. М.: Издательство «Русский язык», 1980. 528 с.

Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Главная редакция издательства «Наука», 1970. 416 с.

Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. Ок. 65 000 слов и выражений / под ред. И.М. Ошанина. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1952. XIII+891 с.

Ошанин И.М. Ключевой указатель к китайско-русскому словарю = 華俄辭典部首檢字表 / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 63 с.¹

Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. Более 70 000 слов и выражений. Изд. второе, испр. и доп. / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 900 с.

Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. Более 70 000 слов и выражений. Изд. третье (репродуцировано со второго издания 1955 г.) / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 1100 с.

Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах = 華俄辭典. Ок. 250 000 слов и выражений / сост. коллективом Китаистов под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983—1984.

Петров В.В. Библиография, etc. / В.М. Алексеев. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 456—527.

Петров В.В. Примечания / В.М. Алексеев. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 389—442.

Пешуров Д.А. Китайско-русский словарь (по графической системе). СПб.: Типография имп. Академии наук, 1891. X+266 с.

Попова И.Ф., Казин В.Н. «Юн-лэ да дянь»: рукопись библиотеки ЛГУ. Дипломная работа / предисл. и публикация И.Ф. Поповой // Труды архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1: Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941—1944) / под общ. ред. И.Ф. Поповой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 151—191.

Розенберг О.О. Опыт кодификации идеографического элемента японского языка // Известия Российской Академии наук. 1918. Серия VI (Т. XII). № 16. 15 ноября. С. 1740—1746.

Розенберг О.О. Опыт кодификации идеографического элемента японского языка // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии наук. Петроград, 1918. Разд. паг.

Серебряков Е.А., Янсон Р.А. Восточный факультет Санкт-Петербургского университета и деятельность Китаеведов // Санкт-Петербург — Китай: три века контактов. СПб.: «Европейский Дом», 2006. С. 289—295.

Серова С.А. Интервью со Светланой Андреевной Серовой. Дата интервью: 03.09.2012, 01.04.2019, 22.08.2019, 28.08.2019 / Интервьюеры: Е.А. Коротков, Т.Б. Будаева; комментарии и редактирование: Т.Б. Будаева, В.Ц. Головачев [Проект «Российское Китаеведение — устная история»]. 56 с. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Serova_interview_2019.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Скачков П.Е. Библиография Китая. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 691 с.

¹ П.Е. Скачков ошибочно указал 1952 г. издания (см.: [Скачков, 1960, с. 489]).

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 505 с.

Сухарчук Г.Д. Институт Китаеведения Академии Наук СССР // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 201—202.

Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 384 с.

Фомина Н.И. Владимир Сергеевич Кузес (1923—2008). IN MEMORIAM // Восток (Oriens). Афро-Азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 218—219. URL: <https://naukarus.com/vladimir-sergeevich-kuzes-1923-2008> (дата обращения: 10.06.2023).

Чэнь Юйцюн. Об истории составления китайско-русских словарей в России и Китае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 67—77.

References

Alekseyev, V.M. (1948). *Kitaysko-russkiy slovar'*. Sost. kolektivom kitaistov. Probnyy maket slovarya [A Chinese-Russian Dictionary. Comp. by a team of sinologists. Dictionary Trial Layout], compl. by V.M. Alekseyeva. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 84 p. (In Russian and Chinese).

Alekseyev, V.M. (1982). *Nauka o Vostoke* [Science about the East]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”. 536 p. (In Russian).

Araushkin, N.S., Nadtochenko, B.Y. (1975). *Karmannyi kitaysko-russkiy slovar'*. 8 500 slov [Pocket Chinese-Russian Dictionary. 8,500 words]. M.: Izdatel'stvo “Russkiy yazyk”, 1975. 208 p. (In Russian).

Ban'kovskaya, M.V. (1991). *Truzhenik nauki o Vostoke. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya V.M. Alekseyeva* [Hard worker of science about the East. To the 110th anniversary of the birth of V.M. Alekseev]. *Vostok (Oriens)*, No. 6. Pp. 112—116. (In Russian).

Ban'kovskaya, M.V. (2003). “Vypryamlyaya imena” (Poslesloviye k razdelu “Novyy Kitay...”) [“Straightening the names”]. V.M. Alekseyev, works on Chinese literature in other books, compl. by M.V. Ban'kovskaya, resp. ed. B.L. Riftin. M.: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, Book 2. Pp. 366—398. (In Russian).

Chen, Yuqiong. (2023). *Ob istorii sostavleniya kitaysko-russkikh slovarey v Rossii i Kitaye* [On the history of compilation chinese-russian dictionaries in Russia and China]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, Vol.15, No. 1, Pp. 67—77. (In Russian).

Delyusin, L.P. (2009). *Interv'yu: d.i.n., professor L.P. Delyusin*. [Interview with Professor Lev P. Deliusin]. E.A. Sinetskaya (IV RAN) vela interv'yu i sostavila primechaniya. Data i mesto: fevral'-iyun' 2009 g., Moskva. *Proyekt “Kitayevedeniye — ustnaya istoriya”*. [E.A. Sinetskaya (IV RAS) conducted interviews and compiled notes. Date and place: February-June 2009. Moscow. “Sinology — Oral History”]. Project (The project is supported by the “The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University”). 51 p. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/004_Delusin_02-06_2009.pdf (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Fomina, N.I. (2009). *Vladimir Sergeyeovich Kuzes (1923—2008)*. IN MEMORIAM. *Vostok (Oriens)*, No. 1. Pp. 218—219. URL: <https://naukarus.com/vladimir-sergeevich-kuzes-1923-2008> (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Grigor'yev, G.M. (1956). *Kratkiy kitaysko-russkiy slovar'*. Ok. 17 000 slov [Concise Chinese-Russian Dictionary. Approx. 17,000 words], compl. G.M. Grigor'yev, under ed. by prof. I.M. Oshanina. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 514+XX p. (In Russian and Chinese).

Grigor'yev, G.M. (1962). *Kratkiy kitaysko-russkiy slovar'*. Ok. 19 000 slov [Concise Chinese-Russian Dictionary. Approx. 19,000 words], compl. by G.M. Grigor'yev, ed. by prof. I.M.

Oshanina. Second edition, revised and completed. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 632 p. (In Russian and Chinese).

Isayenko, B.[S.], Korotkov, N.[N], Sovetov-Chen, I.[I.]. (1954). Uchebnik kitayskogo yazyka [Chinese Language Textbook], ed. by N.N. Korotkov, phonetic part of the “Introductory course” written by I.I. Galtsev. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. 540 p.+1 l. tablitsy slogov kitayskogo yazyka. (In Russian and Chinese).

Kolokolov, V.S. (1927). Kratkiy kitaysko-russkiy leksikon [Concise Chinese-Russian Lexicon], compl. by V.S. Kolokolov with the close participation of Lian-Kun, Hong Kim-pio and M.D. Kokin. M.: Izdatel'stvo Vostochnogo instituta im. Narimanova. IX+207 p. (Litogr.). (In Russian and Chinese).

Kolokolov, V.S. (1935). Kratkiy kitaysko-russkiy slovar' po graficheskoy sisteme, vklyuchayushchiy vazhneyshiyе voynnyye terminy [Concise Chinese-Russian dictionary on the graphic system, including the most important military terms], compl. by V.S. Kolokolov, ed. by M.M. Abramsona i Hu Jia. M.: OGIZ RSFSR — State Institute “Sovetskaya entsiklopediya”. 686 p. + 1 table. word-forming syllables. (In Russian and Chinese).

Kryukov, M.V. (2016). Interv'yu s kitayevodom, d.i.n., professorom Kryukovym Mikhailom Vasilyevichem. Data: 17 iyunya 2016 g. [Interview with a sinologist, doctor of hist., professor Kryukov Mikhail Vasilyevich. Date: June 17, 2016]. Conducted the interview: V.C. Golovachev, M.E. Kuznetsova-Fetisova; participant: Huang Shu-ying; notes: V.C. Golovachev, M.E. Kuznetsova-Fetisova. Project “Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya”. = “Russian Sinology — Oral History” Project. 88 p. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Kriukovym_Mikhailom_Vasilevichem.pdf (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Kuzes, V.S., Oshanin I.M. (1955). Prilozheniya i ukazateli k kitaysko-russkomu slovaryu [Appendices and Indexes to the Chinese-Russian Dictionary], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 208 p. (In Russian).

Kuznetsova, N.A., Kulagina L.M. (1970). Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya, 1917—1967 [From the History of Soviet Oriental Studies, 1917—1967]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”. 230 p. (In Russian).

Mudrov, B.G. (1980). Kitaysko-russkiy slovar'. Ok. 60 000 slov i slovosochetaniy [A Chinese-Russian Dictionary. Approx. 60,000 words and phrases] 汉俄词典. Z.I. Baranova, V.A. Zhavoronkov, V.Ye. Gladtskov, B.G. Mudrov, ed. by B.G. Mudrov. M.: Izdatel'stvo “Russkiy yazyk”. 528 p. (In Russian and Chinese).

Nikiforov, V.N. (1970). Sovetskiye istoriki o problemakh Kitaya [Soviet Historians about the Problems of China]. M.: Glavnaya redaktsiya izdatel'stva “Nauka”. 416 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1952). Kitaysko-russkiy slovar'. Ok. 65 000 slov i vyrazheniy [A Chinese-Russian Dictionary. Approx. 65,000 words and expressions], ed. by I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. XIII+891 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1953). Klyuchevoy ukazatel' k kitaysko-russkomu slovaryu 華俄辭典部首檢字表 [Key Index to the Chinese-Russian Dictionary 華俄辭典部首檢字表], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 63 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1955). Kitaysko-russkiy slovar'. Boleye 70 000 slov i vyrazheniy. Izdaniye vtoroye, ispravlennoye i dopolnennoye [A Chinese-Russian Dictionary. Over 70,000 words and expressions. Second edition, corrected and enlarged], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 900 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1959). Kitaysko-russkiy slovar'. Boleye 70 000 slov i vyrazheniy. Izdaniye tret'ye (reproduktirovano so vtorogo izdaniya 1955 g.) [A Chinese-Russian Dictionary. Over 70,000 words and expressions. Third edition (reproduced from the second edition of 1955)], ed. by prof. I.M. Oshanin. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 1100 p. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1983—1984). Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' po russkoy graficheskoy sisteme v 4 tomakh 華俄辭典. Ok. 250 000 slov i vyrazheniy [Large Chinese-Russian Dictionary on the Russian Graphic System in 4 volumes 華俄辭典. Approx. 250,000 words and expressions], comp. by a team of

Sinologists under the guidance and editorship of prof. I.M. Oshanin. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka", 1983—1984. (In Russian).

Peshchurov, D.A. (1891). *Kitaysko-russkiy slovar'. (Po graficheskoy sisteme) [A Chinese-Russian Dictionary. (By graphics system)]*, SPb.: Tipografiya imp. Akademii nauk. X+266 p. (In Russian).

Petrov, V.V. (1982). *Bibliografiya, etc. [Bibliography, etc.]*. V.M. Alekseyev. Nauka o Vostoke. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka». S. 456—527. (In Russian).

Petrov, V.V. (1982 a). *Primechaniya [Comments]*. V.M. Alekseyev. Nauka o Vostoke. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka". Pp. 389—442. (In Russian).

Popova, I.F. (2011). V.N. Kazin. "Yong-le da dian": rukopis' biblioteki LGU. Diplomnaya rabota. Predisloviye i publikatsiya I.F. Popovoy ["Yun-le da dian": manuscript of the Leningrad State University library. Degree work. Foreword and publication by I.F. Popova]. Proceedings of the Archive of Orientalists of the Hebrew Academy of Sciences. Issue 1: Works of Orientalists during the siege of Leningrad (1941—1944), under the general editorship of I.F. Popova. M.: Publishing Company "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2011. Pp. 151—191. (In Russian).

Rozenberg, O.O. (1918). *Opyt kodifikatsii ideograficheskogo elementa yaponskogo yazyka [Experience of codification of the ideographic element of the Japanese language]*. Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Series VI (Vol. XII), No. 16. 15 November. Pp. 1740—1746. (In Russian).

Rozenberg, O.O. (1918 a). *Opyt kodifikatsii ideograficheskogo elementa yaponskogo yazyka [Experience of codification of the ideographic element of the Japanese language]*. Aziatskiy sbornik. Iz Izvestiy Rossiyskoy Akademii nauk. Petrograd. Razd. paginatsiya. (In Russian).

Serebryakov, Ye.A., Yanson R.A. (2006). *Vostochnyy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta i deyatel'nost' kitayevodov [Oriental Studies faculty of St. Petersburg University and the activities of sinologists]*, Sankt-Peterburg — Kitay: tri veka kontaktov. SPb.: "Yevropeyskiy Dom". Pp. 289—295. (In Russian).

Serova, S.A. (2019). *Interv'yu so Svetlanoy Andreyevnoy Serovoy. [Interview with Svetlana A. Serova]*. Interview date: 03.09.2012, 01.04.2019; 22.08.2019, 28.08.2019 / Interviewers: E.A. Korotkov, T.B. Budaeva; comments and editing: T.B. Budaeva, V.C. Golovachev. Proyekt "Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya" ["Russian Sinology — Oral History" Project]. 56 p. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Serova_interview_2019.pdf (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

Skachkov, P.Ye. (1960). *Bibliografiya Kitaya [Bibliography of China]*, M.: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. 691 p. (In Russian).

Skachkov, P.Ye. (1977). *Ocherki istorii russkogo kitayevedeniya [Essays on the History of Russian Sinology]*, M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka". 505 p. (In Russian).

Sukharchuk, G.D. (1958). *Institut Kitayevedeniya Akademii Nauk SSSR [Institute of Chinese Studies of the Academy of Sciences of the USSR]*. Sovetskoye kitayevedeniye, No. 1. Pp. 201—202. (In Russian).

Usov, V.N. (2002). *Sovetskaya razvedka v Kitaye. 20-ye gody XX veka [Soviet Intelligence in China. 20th century 20s]*. M.: OLMA-PRESS. 384 p. (In Russian).

Vasil'yev, [V.P.]. (1867). *Graficheskaya sistema kitayskikh iyeroglifov. Opyt pervogo kitaysko-russkogo slovarya [Graphic System of Chinese Characters. Experience of the First Chinese-Russian Dictionary]*. Comp. for the guidance of students by prof. St. Petersburg University Vasiliev. SPb.: I. Tablen i Ko. XVI+456 p. (Litogr.). URL: <https://ci.spbu.ru/archive/Book/Vasilev-slovar> (accessed: 10.06.2023). (In Russian).

* * *

Barllow, John S. (1995). Appendix C. A short history of the Rozenberg graphical system. A Chinese-Russian-English Dictionary: arranged by the Rosenberg graphical system (Mudrov's "Chinese-Russian Dictionary" with an English text and app. [by John S. Barllow]). Honolulu: University of Hawaii Press. Pp. 795—800.

Mudrov, B.G. (1995). A Chinese-Russian-English Dictionary: arranged by the Rosenberg graphical system (Mudrov's "Chinese-Russian Dictionary" with an English text and app [by John S. Barflow]). Honolulu: University of Hawaii Press. xxiii+830 pp. (In English, Russian, Chinese).

Rosenberg, O. (1916). Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System with Japanese Dictionary of 8,000 Characters and List of 22,000 Characters. Tokyo: Kobunsha. 15+546 pp.

Wong, Y.W. (1926). Wong's System of Chinese Lexicography. The Four-corner Numeral System in Arranging Chinese Characters. Shanghai: The Commercial Press. 48+25 p. (In English and Chinese).

Wong, Y.W. 王雲五. (1930). Wang Yin Wu da cidian 王雲五大辭典 [Big Dictionary by Wong Yeun-wu]. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1930. 1384 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 01.09.2023. Received: 1 September 2023.

Принята к публикации: 29.09.2023. Accepted: 29 September 2023.

Л.П. Черникова

Илья Михайлович Ошанин: путь китаеведа

Аннотация. И.М. Ошанин остался в памяти отечественных синологов прежде всего как главный редактор и составитель «Большого китайско-русского словаря». В статье показано, что только этим его заслуги не исчерпываются. Помимо того, что Илья Михайлович был блестящим ученым-лексикографом и педагогом, он также зарекомендовал себя талантливым переводчиком-практиком и ценным дипломатическим сотрудником, лично участвовал в событиях исторического значения. Отпрыск старинного дворянского рода, он стал убежденным революционером и интернационалистом. Как интеллектуал и полиглот он ярко проявил себя в самых разных областях деятельности, а заложенные воспитанием представления о долге помогли ему пройти сложные периоды жизни страны, сохраняя человеческое и профессиональное достоинство. Биографические материалы и сведения, почерпнутые из мемуарной литературы, в статье дополнены информацией из архивных источников.

Ключевые слова: И.М. Ошанин, отечественная синология, БКРС, сподвижник В.М. Алексеева, переводчик, дипломат.

Автор: Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН (ИВ РАН). E-mail: larisa-che@mail.ru

Larisa P. Chernikova

Ilya Mikhailovich Oshanin: the Way of a Sinologist

Abstract. I.M. Oshanin remained in the memory of Russian sinologists primarily as the editor-in-chief and compiler of the Big Chinese-Russian Dictionary. The article shows that his merits are not limited to this alone. Apart from the fact that Ilya Mikhailovich was a brilliant lexicographer and teacher, he also proved himself a talented translator-practitioner and diplomat who personally participated in events of historical significance. The scion of an old noble family, he became a convinced revolutionary and internationalist. His intellectual and linguistic talents allowed him to express himself vividly in a variety of areas. His ideas of duty laid down by his upbringing helped him get through difficult periods of the life of his country while preserving human and professional dignity. Biographical materials and memoirs are supplemented in the article with archival documents.

Keywords: I.M. Oshanin, Russian Sinology, Big Chinese-Russian Dictionary, associate of V.M. Alekseev, translator, diplomat.

Author: Chernikova Larisa P., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: larisa-che@mail.ru

В 2023 г. отечественная синология отмечает 40-летие выхода в свет первых книг знаменитого четырехтомного «Большого китайско-русского словаря» (БКРС) под ред. И.М. Ошанина (1900—1982). Участие в этой эпохальной для советской/российской науки работе и выдающийся вклад в нее подытожили предыдущие этапы яркой и наполненной событиями жизни, формировавшей профессиональные и человеческие качества замечательного ученого.

Происхождение и ранние годы

Дед будущего китаиста Павел Федорович Ошанин (1845—1911) происходил из дворян Ярославской губернии, был старшим председателем Одесской судебной палаты, а в последние годы жизни тайным советником (второй статский «генеральский» чин по Табели о рангах) и сенатором. Супруга Павла Федоровича, Христина Станиславовна, урожденная Мальдзиневич, скончалась уже после революции, в 1920 г. [Федорченко, 2018, т. 2, с. 50, 59, 66]. Их сын Михаил Павлович Ошанин (1869—1931) пошел по стопам отца, служил по судебному ведомству на территории современной Польши — в Петрокове и Варшаве, а с 1916 г. состоял на службе в Петрограде, в аппарате Сената¹. В браке Михаила Павловича с Ольгой Михайловной Бибиковой дочерью генерал-майора, предположительно бывшей фрейлиной императорского двора, 22 апреля / 5 мая 1900 г. в Ярославле родился их сын Илья Михайлович Ошанин [Воскресенский, 2000, с. 161—168; Хохлов, 2002, с. 289, 298].

И.М. Ошанин

Михаил Павлович, пережив революционное лихолетье (в 1920 г. был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве, но избежал суда и приговора) [ГАРФ. Архив Белой гвардии...], оказался в Твери, где служил бухгалтером. Ольга Михайловна, до революции бывшая земским врачом, и впоследствии не оставила профессию, а после смерти супруга вторично вышла замуж, за Дмитрия Афанасьевича Лухманова (1867—1947), капитана дальнего плавания и писателя-мариниста [Бибикова...]. Сын до последних дней ее жизни поддерживал с ней связь [Воскресенский, 2000, с. 162].

Вокруг выдающихся личностей с незаурядной судьбой часто рождаются приукрашивающие их жизнь мифы и предания. Одно из них озвучил в своем интервью его внучатый зять Егор Тимурович Гайдар: «...Илья Ошанин (он потом стал известным советским ученым-китаистом), в юности был ни больше ни меньше,

¹ Д.Н. Воскресенский сообщает, что М.П. Ошанин был переведен на работу в Сенат «с правами сенатора» [Воскресенский, 2000, с. 161], что делает очень вероятным наличие у него чина не ниже IV класса (действительного статского советника, соответствовавшего генерал-майору).

как пажом вдовствующей императрицы. Закончил Пажеский корпус¹, жил при дворе. И, насмотревшись тамошних нравов (Распутин и все такое), настолько это все возненавидел, что после революции добровольцем записался в Красную армию» [Гайдар, 2004].

Действительно, к приему в столичный Пажеский корпус, который в период детства и отрочества Ильи Михайловича готовил офицерские кадры для лейб-гвардии и армии, «допускались только лица, зачисленные в пажи Императорского двора. Воспитанники корпуса несли придворную службу». [Выпускники Пажеского...; Пажеский корпус, 2017]. Но даже если бы И.М. Ошанин был сыном сенатора (тогда он имел бы право на обучение в Пажеском корпусе), а не внуком, он не мог бы поступить в военное учебное заведение: с детства у него было плохое зрение.

Наши поиски сведений о выпускниках Пажеского корпуса по фамилии Ошанин принесли неожиданный результат: эту колыбель российской военной элиты окончил не Илья Ошанин, а Леонид, его двоюродный дядя, участник первой мировой войны, следы которого теряются в 1917 г. [Выпускники Пажеского...].

Сам Илья Михайлович сначала обучался в Варшавской гимназии, затем с отличием окончил Петроградскую гимназию № 12 (февраль 1918 г.), после чего уехал в Москву [Хохлов, 2002, с. 289].

У него рано проявились способности к языкам. Он знал польский, французский и немецкий, в гимназии изучал латынь и греческий, а со временем по долгу службы освоил английский. Впоследствии, характеризуя собственный уровень владения иностранными языками, Ошанин заполнял графы анкеты следующим образом: владеет английским, французским, немецким (читает и переводит со словарем); польским (читает и может изъясняться); китайским (владеет свободно) [ГАРФ. Ф. Р5145. Л. 1—1/об.].

Несмотря на то, что оба деда и дядя И.М. Ошанина во времена Российской империи добрались до генеральских чинов, сам он придерживался левых взглядов. Само по себе это явление для заката Российской Империи нередкое — достаточно вспомнить дочь Санкт-Петербургского губернатора Софью Перовскую и детей действительного статского советника И.Н. Ульянова. Известно, что у И.М. Ошанина были сложные отношения с отцом, но не ясно, стали ли причинами этих сложностей политические разногласия. В то же время повальное увлечение российской образованной молодежи революционными идеями не миновало и других Ошаниных: троюродная тетка Ильи Михайловича по мужу, Мария Николаевна Ошанина², входила в ядро террористической организации народо-

¹ Пажеский Его Императорского Величества корпус — престижное придворное (до 1802 г.) и военно-учебное заведение в Санкт-Петербурге. Учрежден в 1759 г. как придворный пансион, в 1802 г. преобразован в военно-учебное заведение, поставившее кадровых офицеров лейб-гвардии вплоть до Октябрьской революции [Оточкин, 1995].

² Оловенникова Мария Николаевна, видная русская революционерка, одна из руководителей партии «Народная воля», член Исполкома партии. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=4082568&oldid=130244832> (дата обращения: 08.03.2023).

вольцев, а ее дочь Елена Николаевна¹ была членом партии эсеров. Но они принадлежали к другой ветви рода.

Хотя Илья Михайлович вступил в партию только в 1950 г., его левые убеждения дали о себе знать вскоре после революции. Годы гражданской войны для него были связаны со службой в Красной Армии, куда он поступил добровольцем.

Большевицкая революция и послужной список красноармейца Ошанина

В одной из анкет И.М. Ошанин привел о себе следующие сведения: «Военная служба: в Красной Армии с 1918 по 1922 год, последняя высшая должность: дело-производитель. Отношение к воинской обязанности: состав административный; военное звание: интендант третьего ранга; военно-учетная специальность: номер 25, Киевский район города Москвы. Дата заполнения: 27 января 1948 года» [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д. Личное дело... Л. 1—2].

Указанное в анкете воинское звание, соответствующее капитанскому, Илья Михайлович мог носить в период от 1935 г., когда оно было введено, до 1943 г., когда система воинских званий в РККА была изменена. Этот факт в послевоенное время Илья Михайлович, будучи абсолютно гражданским человеком, мог не принять во внимание. Графа «отношение к воинской обязанности» показывает, что он числился в запасе, а звание интенданта запаса тогда присваивалось не только тем, кто имел отношение к службам тыла, но и носителям среднего специального и высшего образования, не проходившим военного обучения и в случае призыва назначавшимся на нестроевые должности. Но та же анкета свидетельствует, что опыт действительной службы в армии у него был, хотя и не на руководящих должностях.

В одной из автобиографий И.М. Ошанин писал: «В 1918 г. переехал в Москву и поступил делопроизводителем в реввоенсовет республики (орфография оригинала. — Л. Ч.), где проработал всю гражданскую войну. Уволен в 1922 г. для продолжения образования» [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д. ... Автобиография профессора Ошанина Ильи Михайловича. 14 декабря 1948 г. Б. паг.].

Важно отметить место прохождения службы, указанное в документе: Революционный Военный Совет Республики. Это был высший коллегиальный орган управления и одновременно политического руководства вооруженными силами страны до 1934 г. Во время гражданской войны он сочетал функции и политического руководства (через Политическое управление РВСР), и оперативного управления войсками, их комплектованием и обучением. В некотором смысле РВСР совмещал на рубеже 1920-х годов функции министерства обороны и генерального штаба. Народный комиссариат по военным и морским делам (аналог военного министерства) появился лишь в 1923 г.

Разбирая документы Реввоенсовета и Совета народных комиссаров, мы обнаружили в числе сотрудников аппарата этих органов некую Ошанину (возмож-

¹ См.: Ошанина Елена Николаевна (революционерка). URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=4086040&oldid=120856942> (дата обращения: 08.03.2023).

но, упоминавшуюся выше как эсерку Елену Николаевну) [РГАСПИ, 1917—1924. Ф. 5... Л. 29, 29а], принимавшую в СНК секретные пакеты государственной важности.

В разные годы при заполнении анкет И.М. Ошанин по-разному указывал должность, которую он занимал на службе в Реввоенсовете: «переписчик», «курьер», «рядовой-доброволец», «курьер по особым поручениям», а в документах, определяющих отношение к воинской обязанности, как мы видели, значится «делопроизводитель». За четыре года он действительно мог сменить несколько должностей. Но примечательно, что, заявив в одной из анкет о работе «переписчиком», Илья Михайлович указал ее продолжительность: 11.1918—08.1922, т. е. практически весь срок его службы в РККА.

Тем самым может подразумеваться, что должности, которые он в тот период занимал, предусматривали схожие функциональные обязанности и относились примерно к одному уровню в рамках штабной иерархии. Это не позволяет говорить о какой-то его «карьере» в прямом смысле слова. О повышении в воинском звании (а они существовали в РККА уже с 1919 г.¹) на действительной службе Илья Михайлович никогда не сообщал. Возможно, он, не вдаваясь в тонкости изменчивой штабной номенклатуры, просто называл обязанности, которые выполнял и даже мог совмещать, оставаясь рядовым красноармейцем.

По сообщению бывшего зятя И.М. Ошанина Д.Н. Воскресенского, Илья Михайлович из-за слабого зрения был признан годным к нестроевой службе и зачислен сначала в Высшую военную инспекцию РВСР (в сентябре 1919 г. преобразована в Военную и морскую инспекцию при РВСР) «письмоводителем», а потом был переведен в Управление связи при РВСР на должность «делопроизводителя» [Воскресенский, 2000, с. 162]. Служба в Управлении связи подтверждается также в некрологе И.М. Ошанина [Коротков, 1983, с. 217].

В то же время приведенные сведения показывают, что в системе высшего органа военного управления он пользовался доверием командования, которое ценило его образование и интеллект, и это доверие возрастало. Место прохождения службы и выполняемые обязанности говорят о том, что он неизбежно становился носителем государственных секретов, которые хранил настолько надежно, что за всю жизнь не обмолвился ни о них, ни даже об обстоятельствах, при которых мог с ними познакомиться.

Рост доверия со стороны командования подтверждается тем, что оно помогло ему сделать первый шаг к карьере востоковеда. Согласно одной из его анкет, он подавал рапорт о направлении его на «восточные курсы иностранных языков» [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д... Б. паг.]. В другой анкете отмечается, что он также служил в Москве «в Высшем Восточном институте РВСР» [ГАРФ. Ф. Р5145. Л. 1)]. Илья Михайлович часто был не очень точен в анкетных наименованиях должностей и учреждений. Здесь речь идет о Восточном факультете Военной академии РККА. Д.Н. Воскресенский сообщал, что Илье Михайловичу еще в период службы в РККА, в 1921 г., было позволено слушать лекции в Воен-

¹ См.: Воинские звания и знаки различия РККА 1918—1943 URL: <https://forma-odezhda.com/encyclopedia/voinskie-zvaniya-i-znaki-razlichiya-rkka-1918-1943/> (дата обращения: 20.08.2023).

ной академии [Воскресенский, 2000, с. 162]. Как мы видим, рапорт красноармейца И.М. Ошанина был удовлетворен.

Можно предположить, что идея получения востоковедного образования возникла у Ильи Михайловича под впечатлением от встреч с китайцами, которые в немалом числе служили в Красной Армии (об их участии в гражданской войне на стороне красных см., например, [Гражданская война...; Гагкуев, Чжан Юйсинь, 2019, с. 60—71; Жен Фучен /Жэнь Фучэнь/, 1998, с. 201; Каменских...; Китайцы в Красной армии...]). Но о таких встречах, о командировках Ильи Михайловича на какой-либо из фронтов гражданской войны прямых сведений нет.

Зато в пробуждении его интереса к Китаю не могла не сыграть роль международная политика партии, на рубеже 1920-х гг. переживавшая свой «поворот на Восток».

Начало востоковедной стези. Работа в Китае

В первые годы советской власти над большевистским руководством Страны Советов довлела идея скорой всемирной пролетарской революции под руководством III Интернационала (Коминтерна). Не оправдавшиеся в 1918—1919 гг. надежды на успех единомышленников в странах Европы побудили руководство ВКП(б) и Коминтерна перенести центр тяжести международных революционных усилий на Восток. Решениями II конгресса Коминтерна (июль—август 1920 г.) коммунисты были ориентированы на поддержку национальных движений, призванных подорвать колониальную базу мирового империализма. Основные ресурсы «штаб» мирового коммунистического движения бросил на Китай — крупнейшую полуколониальную страну Азии.

В Советской России стала остро ощущаться потребность в китаеведных кадрах. Помимо востоковедческих учебных подразделений Ленинграда (в первую очередь Восточного факультета ЛГУ и Центрального института живых восточных языков¹), их подготовкой занимались в Московском институте востоковедения (МИВ, бывший Лазаревский институт восточных языков, с 1921 г.) и Государственном Дальневосточном университете (ГДУ, Владивосток, 1920—1930 гг.). В 1930—1940-е гг. к этому процессу были подключены и другие учебные заведения², но в 1920-е гг. в секторе гражданского образования выбор был ограничен. Зато к подготовке специалистов по Востоку стало проявлять интерес командование РККА.

Автор статьи к 70-летию юбилею И.М. Ошанина сообщал, что в 1922 г. тот стал слушателем сектора китайского языка Дипломатического факультета Московского института востоковедения и одновременно занимался китайским язы-

¹ Центральный институт живых восточных языков, созданный в 1920 г., переименовывался в 1922 и 1924 гг. в Петроградский и Ленинградский институт живых восточных языков соответственно, в 1927—1938 гг. назывался Ленинградским восточным институтом.

² Институт внешней торговли при СНК СССР, затем при НК внешней и внутренней торговли СССР (1931 г.); Институт по подготовке дипломатических и консульских работников (1934), в 1939 г. преобразованный в Высшую дипломатическую школу при НКВД СССР; Военный институт иностранных языков (ВИИЯ, 1940 г.).

ком на Восточном факультете Военной Академии им. Фрунзе¹, где впервые встретился со своим будущим учителем профессором В.С. Колоколовым² [Калимов, 1970, с. 204].

Однако в одной из официальных анкет Ильи Михайловича называется другая дата поступления в МИВ: «дипломатический факультет, китайский сектор. Поступил: сентябрь 1921 года. Окончил: июнь 1924 года. Специальность: синолог» [Научный архив ИВ РАН. Д. Личное дело И.М. Ошанина. Л. 1—2]. То же самое он писал в автобиографии: «1921 г. Поступил в Московский институт востоковедения на китайский сектор дипломатического факультета...» [Там же. Автобиография профессора Ошанина Ильи Михайловича. 14 декабря 1948 г. Б. паг.]. Эти данные подтверждаются и в другом документе: «Еще в бытность на военной службе я стал студентом Московского института востоковедения (дипломатический факультет, китайский сектор). Курс закончил 1924 г., последний год одновременно был преподавателем китайского языка» [Научный архив ИВ РАН. Д. ... Б. паг.].

Казалось бы, все ясно — автор юбилейной статьи ошибся, и отношения И.М. Ошанина с МИВ начались уже в 1921 г. Видимо, так и есть. Но существует и другой документ за авторством Ильи Михайловича, в котором он писал: «...Так, в 1921 году я как сотрудник реввоенсовета был допущен в качестве вольнослушателя в военную академию имени Фрунзе на Восточный факультет, с чего и начались мои занятия Китаем и китайским языком. В 1922 году Красная Армия меня демобилизовала и направила на продолжение образования в Лазаревский, позже Наримановский институт восточных языков дипломатический факультет, китайский сектор (курсив мой. — Л.Ч.). Курс института я успешно закончил в 1924 году, причем в бытность на третьем курсе уже преподавал китайское письмо на первом курсе» [Там же. Из автобиографии Ошанина Ильи Михайловича от 24 июня 1976 г. ... Б. паг.].

Здесь идет речь о поступлении в МИВ после увольнения из РККА, в 1922 г., как и у А. Калимова. Так что поводы для разночтений своим биографам давал сам Илья Михайлович, не придававший большого значения точности датировок и деталям давно прошедших событий в многочисленных анкетах и автобиографиях, которые ему приходилось представлять в советские учреждения.

В 1924 г., не успев защитить диплом, Илья Михайлович был направлен на работу в Китай.

В анкете от 5 апреля 1932 г. на вопрос о пребывании за границей он ответил: «1924—1927 гг. в различных городах Китая — на работе в различных учреждениях и наркоматах» [ГАРФ. Ф. Р5145. Л. 1/1об.]. Далее И.М. Ошанин перечислил све-

¹ Восточный факультет Военной академии РККА был создан в январе 1920 г. (тогда она называлась Академией Генерального штаба РККА).

² Колоколов Всеволод Сергеевич (1896—1979), китаист, сын царского дипломата, к.ф.н., профессор. С 1918 г. в РККА. Преподавал китайский язык на Восточном факультете Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе, в МИВ, Институте красной профессуры. В 1940—1943 гг. — начальник кафедры китайского языка Высшей специальной (разведывательной) школы. Участник ВОВ (операция против Японии). После войны — преподаватель и научный сотрудник Военно-дипломатической академии, МГУ, Института востоковедения АН СССР, других вузов и научных учреждений.

дения о своих назначениях: с июля 1924 г. по июнь 1925 г. переводчик в Торгпредстве в Пекине, с июня 1925 г. по май 1926 г. — переводчик в системе НКВД в Пекине, Ханькоу, Шанхае, Калгане «и др.», а с мая 1926 г. по декабрь 1927 г. — «секретарь по китайским делам» Генконсульства СССР в Шанхае. На этом его командировка в Китай завершалась, и с января 1928 г. до момента составления анкеты он числился «драгоманом» (устным переводчиком) НКВД в Москве, при этом с марта 1928 г. до сентября 1930 г. по совместительству работал также научным сотрудником Института Китая [ГАРФ. Ф. Р5145. Л. 1об.].

Но официальные анкетные данные, фиксирующие назначения рядового дипломатического сотрудника, совершенно не отражают ту реальность, в которой он жил и действовал в тот период. Несмотря на то, что Илья Михайлович числился тогда преимущественно в аппарате НКВД, а из РККА он в 1922 г. был уволен по состоянию здоровья [Воскресенский, 2000, с. 162; Барский, 2020], «понюхать пороха» ему в Китае пришлось.

Там разворачивались бурные события, перекраивавшие ход истории. При поддержке Москвы, сделавшей серьезную ставку на успех китайской революции, партия Гоминьдан и входившие в нее коммунисты укрепляли южнокитайскую революционную базу, готовясь к сражениям за будущее Китая. На рубеже 1924—1925 гг. у Гоминьдана нашлись союзники и на Севере.

В октябре 1924 г. Пекин был занят войсками генерала (будущего маршала) Фэн Юйсяна¹, который заявил о своих симпатиях к Сунь Ятсену, подчиненные ему войска называл Национальными армиями (Гоминьцзюнь, в советских документах — Народные армии), а в начале 1925 г. обратился за помощью к СССР. По-видимому, в контактах советской стороны с ним и его подчиненными И.М. Ошанин участвовал уже в тот период. В марте 1925 г. Фэн был вынужден оставить Пекин и перенес ставку в Калган (Чжанцзякоу), который И.М. Ошанин в анкете упоминал как одну из локаций своей деятельности в тот период. В войсках Фэна работали две советнические группы: одна при 1-й Национальной армии в Калгане, которой командовал сам Фэн Юйсян, а другая, куда и был в конце концов направлен молодой китаист, — при 2-й Национальной армии со штабом в Кайфэне (пров. Хэнань) [АВП РФ. Ф. 04... Л. 7; Хохлов, 2002, с. 293] и 3-й Национальной армии, дислоцированной в пров. Шэньси [Усов, 2011, с. 244—245].

В январе—феврале 1926 г. войска Фэн Юйсяна понесли поражение и откатились на запад, в район Суйюань—Чахар—Ганьсу—Шэньси. После этого деятельность советнических миссий на севере Китая была свернута, а их персонал с Севера переведен в Гуанчжоу и вошел в состав южнокитайской советнической группы.

¹ Фэн Юйсян (1882—1948) — военный и политический деятель, маршал (с 1927 г.). Участник Синьхайской революции. С 1924 г. поддерживал национально-революционное движение, до 1926 г. в его войсках работали советские военные советники. В 1927 г. поддержал антикоммунистический переворот Чан Кайши, в 1928 г. помог ему освободить от милитаристов Центральный Китай, в 1929 г. участвовал в гоминьдановской оппозиции Чан Кайши. В 1930—1940-х гг. занимал ряд высоких государственных и армейских постов в Китайской Республике. Погиб во время пожара на теплоходе, находясь с визитом в СССР.

Но И.М. Ошанина ждали другие назначения. О них известно из скурых строк его официальной автобиографии, которые для нас сейчас выглядят как набросок сюжета шпионского романа.

«...В феврале 1926 г. я был переброшен в город Ханькоу и стал переводчиком военной миссии ЦК Компартии Китая, откуда вместе с миссией и переехал в город Шанхай, где стал переводчиком политбюро ЦК КПК, обеспечивая личную связь представителя Коминтерна профессора Г. Войтинского с генсеком КПК товарищем Чэнь Дусю. На этой должности мне пришлось принять участие в Шанхайском восстании 1926—1927 гг. в качестве связного, после чего в составе делегации Коминтерна мне удалось принять участие в работе пятого съезда КПК в городе Ханькоу.

Когда Китай разорвал отношения с СССР в декабре 1927 г., мы все были эвакуированы в Москву, где Министерство иностранных дел назначило меня своим китайским драгоманом и одновременно поручило мне организовать преподавание китайского языка в Высшей дипломатической школе МИД, назначив меня заведующим кафедрой...» [Научный архив ИВ РАН. Д. ... Из автобиографии Ошанина Ильи Михайловича от 24 июня 1976 г. ...].

Здесь в два десятка строк спрессованы два года истории китайской революции и самый опасный отрезок жизни Ильи Михайловича. Из автобиографии видно, что после разгрома Национальных армий он длительное время состоял на секретной работе, выполняя задания по линии Коминтерна. В феврале 1926 г. И.М. Ошанин был направлен в упомянутый им в анкете г. Ханькоу пров. Хубэй (входит в троеградье Ухань на Янцзы). Эта территория в то время контролировалась противниками южнокитайского гоминьдановского правительства. Ханькоу, транспортный и торговый центр, где располагались крупные западные концессии, не подлежавшие контролю со стороны китайской администрации и где проживало много иностранцев, был удобным местом для конспиративной работы. Там Ошанин выполнял обязанности переводчика при Военной комиссии ЦК КПК (ее он называл «военной миссией ЦК Компартии Китая»), помогая советским эмиссарам в координации деятельности китайских коммунистов.

Оттуда он вместе с членами комиссии отправился в Шанхай, тоже «космополитический» центр, кишевший иностранцами. Исторически там открыто или почти открыто действовали представительства всех военно-политических сил, борющихся за контроль над Китаем и его отдельными регионами. В Шанхае он работал непосредственно при Политбюро ЦК КПК, в том числе обеспечивал личные контакты руководства китайской компартии с представителем Коминтерна (см. также [Хохлов, 2002, с. 293; АВП РФ. Ф. 04. Л. 7]).

Лишь мельком он сообщал в автобиографии о своей причастности к знаменитым событиям, произошедшим в Шанхае в 1927 г. Илья Михайлович писал об одном «Шанхайском восстании 1926—1927 гг.» (см. выше), которое, конечно же, не длилось два года подряд — имелись в виду три отдельных выступления, лишь последнее из которых увенчалось успехом.

Эти события были связаны с начавшимся летом 1926 г. Северным походом Национально-революционной армии, тогда еще опиравшейся на сотрудничество Гоминьдана и КПК и помощь со стороны СССР. Военная экспедиция была при-

звана объединить Китай под флагом Гоминьдана. С осени 1927 г. НРА оперировала уже в бассейне Янцзы, и одной из главных ее военных задач становился захват Шанхая — города-порта, бывшего признанным центром наиболее развитых экономически районов страны.

Планы овладения Шанхаем строились на координации внутреннего восстания и одновременного армейского наступления. Но попытки переворотов, предпринятые в октябре 1926 г. и феврале 1927 г., оказались неудачными. В конце концов усилия подпольного городского исполкома коммунистов и гоминьдановцев увенчались победой. Это произошло 21—22 марта 1927 г. Мартовская акция, в подготовку которой внес свою лепту и И.М. Ошанин, позволила частям НРА без боя занять город.

Однако период союза Гоминьдана и КПК уже подходил к концу. Еще с осени 1926 г. наметился раскол между двумя центрами власти Гоминьдана — Национальным правительством в Ханькоу, сотрудничавшим с коммунистами, и частью ЦИК Гоминьдана, поддерживавшей Чан Кайши и утвердившейся сначала в Наньчане (пров. Цзянси), а с марта 1927 г. в Нанкине (пров. Цзянсу). 12 апреля в Шанхае правые гоминьдановцы, опиравшиеся на боевиков мафиозных организаций, и выступавшие на стороне Чан Кайши войска устроили в Шанхае резню коммунистов. Почти одновременно аналогичные акции прошли во всех крупных городах, находившихся под властью тогдашних союзников Чана. После этого конфликт двух гоминьдановских центров перешел в военную фазу, а затем стал быстро разваливаться «единый фронт» Гоминьдана и КПК.

Как писал И.М. Ошанин, довелось ему участвовать и в работе V съезда КПК (10 апреля — 27 мая 1927 г.) в Ханькоу, власти которого тогда еще продолжали сотрудничать с коммунистами. Но по возвращении в Шанхай, контролировавшийся правыми гоминьдановцами, на пароходе его вместе с представителем Коминтерна¹ задержали. Тем не менее через несколько часов он «благодаря знанию Китая и его языка» (следует читать — знакомству с нравами местной полиции и умению «договариваться» с продажными властями) был освобожден вместе с высоким гостем из Москвы [Научный архив ИВ РАН. Д. ... Из автобиографии Ошанина Ильи Михайловича от 24 июня 1976 г. ...]. После этого события И.М. Ошанину пришлось расстаться с конспиративной деятельностью. Он стал выступать исключительно в роли официального драгомана и секретаря Генконсульства СССР в Шанхае (хотя, судя по анкете, хранящейся в ГАРФ, числился им с мая 1926 г., см. выше). Там он работал до декабря 1927 г., когда по требованию китайских властей, уже повсеместно боровшихся с коммунистическими восстаниями, советские дипломаты были отозваны в СССР (см. также [Хохлов, 2002, с. 293; АВП РФ. Ф. 04... Л. 7]).

В книге китайского исследователя Ван Чжичэна «История русской эмиграции в Шанхае» упоминается случай из практики шанхайского генконсульства в

¹ Видимо, Шелехес Илья Савельевич (1891—1937). Государственный и партийный деятель. В 1926—1928 гг. — ответственный инструктор Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б), курировал Дальневосточный край. В конце жизни — зам. председателя СНК УССР, член Политбюро ЦК КП(б)У. Арестован и расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.

июне—июле 1925 г., когда секретарю-атташе И.М. Ошанину пришлось давать разъяснения корреспонденту англоязычной газеты “The China Press” по поводу ареста советского торгового представителя Я.Х. Давтяна (работал под псевдонимом З.Н. Доссер), обвиненного в коммунистической агитации. И.М. Ошанин отрицал все обвинения, назвал улики фальшивкой и заявил о необходимости выплаты арестованному компенсации от властей иностранной концессии [Ван Чжичэн, 2008, с. 246]. Это дело примечательно еще и тем, что оно связано с именем советского разведчика Е.А. Фортунатова, в то время выступавшего в роли врача дипмиссии (а еще раньше — частнопрактикующего шанхайского врача по детским и внутренним болезням). Евгений Алексеевич был схвачен в момент передачи взятки за освобождение Давтяна, и его тоже пришлось выручать из тюрьмы¹. Ошанин был женат на дочери Фортунатова Екатерине Евгеньевне (1907—1986), в 1926 г. в Шанхае у них родилась дочь Елена.

«Под занавес» своего первого пребывания в Китае, в самый юбилей Октябрьской революции, И.М. Ошанину случилось также участвовать в обороне генконсульства от разгоряченной толпы бывших соотечественников. В книге воспоминаний советского дипломата Б.Н. Верещагина упомянут рассказ Ильи Михайловича об этой осаде: «Тогда жизнь всех работников генконсульства и членов их семей буквально висела на волоске, поскольку здание консульства было окружено толпой белоэмигрантов. Здание было обесточено, а в одном из окон верхних этажей загорелась портьера... В ярости несколько человек распахнули парадную дверь, чтобы ворваться в здание генконсульства. На барке под стенами генконсульства была сооружена виселица и подожжено чучело “коммуниста”. По словам Ошанина, генконсульство спасла счастливая случайность.

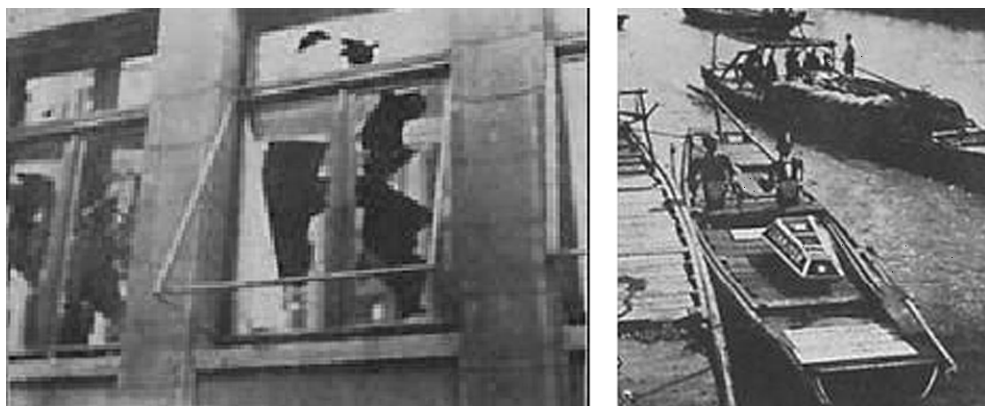

Рис. 2. Следы нападения на советское генконсульство в Шанхае. Джонки с символическими «гробами», которые должны были запугать сотрудников миссии. Ноябрь 1927 г.

¹ Фортунатов Евгений Алексеевич (1883—1938). Учился на медицинском факультете Казанского университета. Член РСДРП с 1905 г., профессиональный революционер. Во внешней разведке с 1920 г. Работал в Китае по линии ИНО ОГПУ. В 1927 г. был схвачен китайской полицией, освобожден за взятку. В 1929—1931 гг. в заграничной командировке, в дальнейшем сотрудник ИНО ОГПУ СССР. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

Внизу напротив парадного входа был установлен сломанный пулемет “Максим”..., поэтому первые белогвардейцы-эмигранты отшатнулись назад, выдавив из парадной несколько человек. Это дало возможность закрыть парадную дверь железным щитом и припереть ее стальными толстыми стержнями. В верхней комнате тем временем потушили огонь. Ошанин говорил нам, что за участие в обороне генконсульства его наградили личным оружием» [Верещагин, 1999].

Д.Н. Воскресенский писал, что И.М. Ошанин имел и китайскую награду — «военный орден Хлебного колоса» [Воскресенский, 2000, с. 163]. Видимо, речь идет об ордене «Чудесного колоса» («чудесный» в смысле «замечательный», «тучный») — Цзяхэ [сюнь] чжан 嘉禾 [勳] 章 (англ. Golden Grain), у которого было девять степеней в зависимости от ранга и статуса награждаемых. Решения о награждении этим орденом принимало и правительство, и высшие администраторы регионального уровня, претендовавшие на легитимность. Поскольку после 1929 г. в гоминьдановском Китае орден уже не значился в числе государственных наград¹, то он мог быть получен И.М. Ошаниным в период его первой заграничной командировки.

Эта часть биографии И.М. Ошанина оставила глубокий след в его жизни. Д.Н. Воскресенский писал: «Без особого преувеличения можно сказать, что двадцатье годы по своей насыщенности событиями и удивительной изменчивости обстановки являются одной из интереснейших эпох в современной социально-политической истории Китая. Непосредственный свидетель этих событий (деятельность Сунь Ятсена в последние годы жизни, взаимоотношения Гоминьдана и компартии, роль генералов типа Фэн Юйсяна, Бай Чунси² и других), Илья Михайлович впоследствии в той или иной форме рассказывал о них своим ученикам. Между прочим, его диплом (№ 81), который он защитил в 1931 году по приезде в Москву, был посвящен вовсе не филологии, а именно социально-политической теме “Пятый пленум ЦИК Гоминьдана”» [Воскресенский, 2000, с. 163].

Научно-преподавательская работа и новые командировки (1927—1939)

С марта 1928 г. И.М. Ошанин работал научным сотрудником Московского института востоковедения (МИВ) им. Нариманова, а позже по совместительству преподавал в Институте Красной профессуры [ГАРФ. Ф. Р5145. Л. 1—2] и в Высшей дипломатической школе МИД, где заведовал кафедрой. В анкете от 5 апреля 1932 г. он писал, что синологом работает уже восемь лет, в основном переводчиком [ГАРФ. Ф. Р5145. Л. 1—1/об.]. Илья Михайлович преподавал также в Ком-

¹ См.: “中华民国” 现行11种勋章, 都在这里了. URL: http://www.360doc.com/content/20/0816/12/36427266_930607356.shtml (дата обращения: 20.08.2023).

² Бай Чунси (1893—1966) — военный деятель Китайской Республики, представитель «новой гуансийской клики». Во Время Северного похода НРА (1926—1927) — зам. начальника Главного штаба. Его войска вошли в Шанхай после успешного восстания в марте 1927 г., а 12 апреля приняли участие в резне коммунистов. Участвовал в гоминьдановской военной оппозиции режиму Чан Кайши, впоследствии занимал высокие посты, вплоть до военного министра. После 1949 г. жил на Тайване.

мунистическом университете трудящихся Востока и в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена [Калимов, 1970, с. 204—205]. При этом, как отмечалось, он лишь в 1931 г. получил возможность сдать оставшиеся выпускные экзамены и успешно защитить диплом на злободневную социально-политическую тему [Воскресенский, 2000, с. 163].

Перед второй длительной командировкой в Пекин И.М. Ошанин переживал личную драму — разлад в семье, он развелся и накануне очередной заграничной командировки вступил во второй брак, со своей секретаршей Еленой Николаевной Тулиновой¹, однако, вернувшись в СССР через три года, возвратился в первую семью. Об этих болезненных для Ильи Михайловича и его близких событиях рассказывают воспоминания сослуживицы Елены Николаевны, известного историка-архивиста С.В. Житомирской² (см. [Житомирская, 2006, с. 194—195]). Там говорится, что эта история случилась в конце 20-х годов. Однако здесь, вероятно, неточность, так как в то время Е.Н. Тулинова (Ошанина), еще училась. В других источниках даются более достоверные даты: 1933—1936³. Впоследствии Елена Николаевна сделала собственную научную карьеру как специалист по русским рукописям нового времени, вновь вышла замуж.

Как бы то ни было, в 1933—1939 гг. Илья Михайлович снова в Китае, в качестве секретаря-атташе советского полпредства. Он был переводчиком на церемонии вручения верительных грамот полпредом СССР Д.В. Богомолловым официальному главе Китайской Республики председателю Национального правительства Линь Сэню в мае 1933 г. («со стороны полпредства Богомоллова сопровождали Барков, Миликовский и Ошанин» [Барский, 2020]). Когда 21 августа 1937 г. Д.В. Богомоллов и министр иностранных дел Китайской Республики Ван Чунхуэй подписывали в Нанкине советско-китайский договор о ненападении, там присутствовал и драгоман Ошанин [Там же].

В его текущие служебные обязанности входила также подготовка аналитических материалов, в том числе записок о состоянии дел в китайских регионах. В частности, сохранилась составленная им подробная записка о положении в пров. Суйюань, отправленная в Москву из Нанкина 26 апреля 1934 г. Этот служебный документ, охватывающий все основные аспекты ситуации в провинции — от экономического положения до умонастроений в обществе, помимо цифр и фактов включал также политические обобщения и прогнозы на будущее и свидетельствовал о большом опыте составителя, уверенно владевшего китайским материалом (см. [АВП РФ. Ф. 0100. 1934 г. Л. 73—78]).

¹ Тулинова Елена Николаевна (1911—1982). Историк, специалист по русским рукописям XVI—XVIII вв. К.и.н. (1954), сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Второй муж — Г.А. Новицкий (1896—1984), профессор и декан исторического факультета МГУ.

² Житомирская Сарра Владимировна (1916—2002), историк-архивист, редактор, заведующая Отделом рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, к.и.н. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Сослуживица Е.Н. Ошаниной с февраля 1945 г. по Отделу рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.

³ Из химиков в историки: Главархив знакомит с личным фондом Елены Ошаниной // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/116588073/> (дата обращения: 06.09.2023).

Работа И.М. Ошанина в Нанкине, столице Китая того времени, продолжалась до 1939 г. включительно. Служба позволила ему объехать провинции Цзянси, Шаньдун, Аньхой, Хубэй, Хунань, Сычуань и др. Он даже совершил двухмесячную поездку на автомобиле из Ханькоу через Чунцин и Сиань в Алма-Ату [Воскресенский, 2000, с. 163]. В общей сложности он провел в Китае 10 лет, побывал в 15 из 18 его провинций. Кроме пекинского он освоил другие диалекты и говоры: шанхайский, шаньдунский, шэньсийский и сычуаньский, хорошо разбирался в фонетике и грамматике среднекитайского (средневекового) языка [Там же, с. 163—164]. Характеризуя свою осведомленность о ситуации в стране, он в одной из автобиографий писал: «Знаю по работе весь правительственный аппарат в Китае, начиная с Чан Кайши и председателя правительства и кончая референтом по СССР в Министерстве иностранных дел» [Там же, с. 163].

Накануне возвращения Ошанина в СССР последовали гонения на семью его тестя Е.А. Фортунатова. Тогда погибли тесть и его сын¹ (а уже в 1950-е годы пострадали и племянники Евгения Алексеевича). Приезд И.М. Ошанина, по сути, спас его первую жену с тещей от гонений накануне Отечественной войны. Примечательно, что из Китая он вернулся досрочно «по собственному желанию» [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д. ... Л. 4].

Преподавание и научная работа в 40-е годы

По возвращении из Китая в 1939 г. для И.М. Ошанина начался новый этап его жизни, когда он смог полностью посвятить себя научной и преподавательской деятельности. Илья Михайлович продолжил преподавание в Высшей дипломатической школе (старший преподаватель и завкафедрой), одновременно работая в Московском институте востоковедения. С началом войны институт был эвакуирован в Фергану, затем в 1942 г. переведен в Ставрополь-на-Волге, а в 1943 г. возвращен в Москву.

Преподаванием Илья Михайлович особенно интенсивно занимался в Фергане (1941—1942) и с 1942 г. в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ). В 1944 г. он стал заведующим кафедрой китайского языка в ВИИЯ, вел практические занятия, читал лекции по теоретической грамматике и истории китайского языка, специальные курсы, выступал с докладами [Воскресенский, 2000, с. 165]. Один из его студентов того периода вспоминал, что лекции И.М. Ошанина «были очень интересными, отличались высоким теоретическим уровнем, широким применением эвристических методов. Я со своими математическими традициями и логическими привычками слушал их с большим увлечением. На уроках создавалась творческая атмосфера. Ошанин не пренебрегал преподаванием жизненно-бытовых терминов, видимо понимая, что от нас потребуется, когда мы прибудем в Китай. Он предупреждал нас о разных диалектах, преду-

¹ Фортунатов Евгений Евгеньевич (1904—1939), сотрудник ГУГБ НКВД СССР, старший лейтенант госбезопасности. Сын Е.А. Фортунатова. Арестован в 1939 г. по обвинению в шпионаже, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

прежде, что кантонцы не понимают пекинцев, как англичане французов, указывал, что в этой связи надо глубже овладевать иероглификой, которая дает возможность договориться с грамотным человеком в любом районе Китая» [Верещагин, 2008].

Д.Н. Воскресенский, знавший Ошанина с 1945 г., учившийся у него и считавший Илью Михайловича своим наставником, отмечал специфическую манеру его преподавания: «...Он был весь в движении, в порыве и будто бы ничего не замечал вокруг... Весь осыпанный белой меловой крошкой, он продолжал яростно писать, объясняя знаки (его иероглифы были каллиграфически безупречны) ... Он фантазировал, импровизировал. Это было небольшое представление, которое создавал на наших глазах педагог-артист, мастер своего дела... Рассказывая о Китае и погруженный в свои воспоминания, Илья Михайлович мог забыть об окружающей обстановке, отчего нередко попадал впросак...» [Воскресенский, 2000, с. 166].

Еще до войны он начал работу над кандидатской диссертацией («Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма»), а во время войны параллельно трудился над докторской («Слово и части речи в китайском языке (опыт периодизации истории китайского языка)» [ГАРФ. Ф. Р9506... Д. 438]. Обе работы он успешно защитил — соответственно в 1944 и 1947 г. Часть последнего исследования в год защиты была опубликована в «Трудах ВИИЯ» [Калимов, 1970, с. 204—206]. И.М. Ошанин показал процесс образования двусложных слов в китайском языке, установил закономерности этого процесса, разработав «теорию биномов с точки зрения плотности смыкания компонентов сложного слова, которая позволила построить шкалу двусложных образований, включающих как слова типа композита, так и производные слова» [Там же, с. 205].

После защиты докторской он, по ходатайству академика В.М. Алексеева¹, перешел на основную работу в ИВ АН СССР, стал старшим научным сотрудником. В 1948 г. Илья Михайлович получил ученое звание профессора.

Свои первые словари и учебники он издал уже в 1930—1940-е гг. [Ошанин, 1931; Ошанин, 1935; Ошанин, 1940; Ошанин, 1946а; Ошанин, 1946б]. Они были ориентированы на современный китайский язык, содержали большое количество политической и официальной, а также военной лексики [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д. ... Л. 1—2/об.]. В Высшей дипломатической школе, где он с 1938 г. заведовал кафедрой языков Дальнего Востока, Илья Михайлович создал четыре варианта учебника китайского языка. Первый из них был издан на стеклографе в 1930 г. в Институте востоковедения, а впоследствии типографским способом и использовался в разных учебных заведениях. После войны в Военном институте был опубликован (напечатан в Лейпциге) новый учебник, который использовал-

¹ Алексеев Василий Михайлович (1881—1951). Китаевед: литературовед, историк, знаток культуры Китая. Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904—1909). Преподавал в СПбУ/ЛГУ, был сотрудником Азиатского музея ИВ АН СССР. Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947 г.).

ся также в МГУ, ЛГУ и ВДШ и получил высокую оценку академика Алексеева [Воскресенский, 2000, с. 164]. В тот же период «он закончил и пособие по официальной переписке, составил цикл лекций по грамматике литературного китайского языка и написал другие работы» [Там же].

На рубеже 1940—1950-х гг. его научная работа перешла на качественно новый уровень — пришла пора решать задачи, беспрецедентные не только для отечественного, но и мирового китаеведения.

Опыт лексикографической работы в сотрудничестве с академиком В.М. Алексеевым

Подготовкой к осуществлению главного дела жизни Ильи Михайловича — созданию «Большого китайско-русского словаря» — можно считать тот словарный проект, который был начат в Ленинграде в 1930-е гг. под руководством В.М. Алексеева и возобновлен в 1946 г. Тогда Ошанин и был назначен заместителем главного редактора словаря, а в его создании стали участвовать московские китаеведы. «Однако рукопись была еще далека до завершения, и В.М. Алексеев не успел подготовить ее к печати», — впоследствии писал об этом Илья Михайлович в Предисловии к БКРС [Ошанин, 1983. Предисловие, с. 5].

Назначение состоялось по рекомендации самого академика Алексеева. Свое мнение о заместителе он сформулировал в макете словаря 1948 г.: «И.М. Ошанин — наилучший знаток официального языка, разговорного языка и политической терминологии современного Китая; лингвист, теоретик грамматики и историк китайского языка. Наиболее из всех ценный сотрудник и редактор...» [Алексеев, 1948, с. 11—13].

Илья Михайлович писал, что В.М. Алексеев предложил ему сначала «составить и издать учебный словарь меньшего размера (по сравнению с фундаментальным академическим изданием, задуманным Василием Михайловичем в соответствии с традициями питерской школы классического востоковедения. — Л.Ч.) ... который позволил бы нам обеспечить учащихся и практических работников необходимейшим пособием для перевода текстов с китайского языка» [Ошанин, 1983, с. 5]. Хотя Ошанин утверждал, что предложение было высказано в 1950 г., судя по документам, он был назначен редактором «Малого китайско-русского словаря» еще 18 ноября 1949 г. [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1... Л. 10].

Государству тогда был нужен не академический, а современный политический и деловой словарь, отвечающий актуальным запросам текущего момента. Данная задача была выполнена коллективами московских и ленинградских китаистов в рамках Института востоковедения АН СССР. Это научное учреждение, созданное в 1930 г. в Ленинграде, с 1940-х гг. «жило на два города». Еще в 1943 г. в Москве в связи с эвакуацией Института из Ленинграда стала работать Московская группа Института востоковедения, в 1946 г. преобразованная в Московское отделение ИВ АН СССР. А в соответствии с решением Президиума АН СССР, принятом в 1950 г., в следующем году Институт почти целиком был переведен из

Ленинграда в Москву, но при этом в Ленинграде остался Сектор восточных рукописей Института востоковедения (в 1956 г. преобразованный в Ленинградское отделение ИВ АН СССР¹). Как принято считать, ленинградская группа китаеведов, изначально возглавлявшаяся В.М. Алексеевым, была ориентирована на создание фундаментального словарного издания, которое было бы востребовано в том числе исследователями китайской традиции, тогда как московские специалисты более исходили из нужд изучения современности и потребностей практических организаций.

Процесс создания «Большого русско-китайского словаря» под руководством И.М. Ошанина мы уже описывали в отдельной статье [Черникова, 2018].

Еще при жизни Василия Михайловича в Ленинград была откомандирована группа китаистов из Москвы в составе зам. директора ИВ АН СССР д.и.н. В.И. Авдиева, зав. сектором Китая ИВ АН д.э.н. В.А. Масленникова, с.н.с, д.ф.н. И.М. Ошанина и м.н.с., к.ф.н. Л.З. Эйдлина на срок с 12 по 15 января 1951 г. [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1... Л. 47—48]. Видимо, они должны были ознакомиться с рабочими материалами группы Алексеева и перевезти картотеку в Москву.

В ИВ АН СССР 12 января 1951 г. был издан приказ № 3. Этот документ утверждал состав редакционной коллегии китайско-русского словаря — главный редактор И.М. Ошанин, редакторы В.С. Колоколов и Н.Н. Коротков — и коллектива, который должен был работать под оперативным руководством главного редактора: В.И. Пентковский (ученый секретарь), З.И. Горбачева, В.П. Илющечкин, Н.А. Сыромятников и Н.И. Скрыпник [Там же. Л. 48]. Приказ обязывал сотрудников выполнять работу по индивидуальному графику, а И.М. Ошанина — раз в месяц докладывать на дирекции о ходе работы [Там же], что говорило о жестких сроках выполнения проекта.

Уже в 1952 г. результатом этой деятельности стало появление «Китайско-русского словаря» (65 000 слов) под редакцией И.М. Ошанина [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д. Личное дело И.М. Ошанина. Перечень изданных трудов. Л. 21; Китайско-русский словарь, 1952]. Словарь стал надежным подспорьем для нескольких поколений отечественных китаистов. Впоследствии он переиздавался в 1955 и 1959 гг., практически одновременно в СССР и КНР (в Шанхае), и в последней редакции в него входило 70 000 слов и выражений [Китайско-русский словарь, 1955, 1959; Калимов, 1970, с. 205].

Отметим, что на рубеже 1940—1950-х гг. научные коллективы испытали на себе всплески идеологических кампаний — борьбы против космополитизма (1948—1949) и марризма² в языкознании (1950 г.) (см. [Алпатов, 2009; Алымов, 2009]). Обвинения в потворстве космополитизму отравили последние годы и ус-

¹ Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН с 2007 г. преобразован в Институт восточных рукописей РАН.

² Марризм («новая теория языка», яфетическая теория, теория стадильности) — учение о происхождении языка из «диффузных выкриков» первобытных людей, о его развитии из первобытного множества посредством «скрещивания» в направлении всемирного языка будущего и о «классовой сущности» языка. Выдвинута академиком Н.Я. Марром и до 1950 г. пользовалась государственной поддержкой в СССР. Была подвергнута И.В. Сталиным критике в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), что вызвало кампанию борьбы против марризма.

корили кончину академика В.М. Алексеева, а кампания против марризма не могла не затронуть коллективы, занимавшиеся лексикографией, так как касалась фундаментальных теорий происхождения и развития языков. К счастью, она быстро сошла на нет и не сопровождалась репрессиями, но опасения такого рода были. Среди устных преданий, имеющих хождение среди китаистов старшего поколения, есть рассказ о том, как в ходе одного из публичных обсуждений, когда в воздухе уже повис ужас перед предстоящими «чистками» и репрессивными решениями вышестоящих органов, слово взял И.М. Ошанин, по сути, принявший вину за теоретические «ошибки» коллег на себя и разрядивший накалявшуюся обстановку.

В.М. Алексеев поддерживал тесные профессиональные и дружеские контакты с Ильей Михайловичем. Как отмечалось выше, Василий Михайлович дал высокую оценку его докторской диссертации, пригласил его к участию в работе над словарем. «Будучи старше Ильи Михайловича почти на двадцать лет, почтенный мэтр [Алексеев] относился к нему как к коллеге-ровеснику и другу. Его послания, исполненные в присущем лишь ему блистательном и остроумном стиле, обильно оснащенные цитатами из китайской классики, латинскими изречениями и т. д., Илья Михайлович с восторгом читал вслух» [Воскресенский, 2000, с. 167].

Когда В.М. Алексеев бывал в Москве, то обычно останавливался у Ошаниных на Бережковской набережной. Как было принято в советское время, местом душевного общения становилась кухня. «...Все встречи проходили именно здесь, за столом, — рассказывал Д.Н. Воскресенский. — Я, например, там встречался почти со всеми китаеводами, в том числе с Василием Михайловичем Алексеевым, который сидел, довольный и расслабленный, выставив свой живот, и попивал коньячок, увлеченно рассказывая о своих путешествиях в Китае. Василий Михайлович произвел тогда на меня большое впечатление... Я был очарован им! Вот это был рассказчик! Он рассказывал о старом Китае в лицах, имитировал китайцев, китайскую речь — это было страшно интересно. Это был удивительный человек. Так что за этим столом происходило многое» [Интервью, 2018, с. 16].

После кончины Василия Михайловича (12 мая 1951 г.) эстафету методического руководства крупнейшими лексикографическими проектами в отечественном китаеведении принял И.М. Ошанин. Эту преемственность отразило посвящение на авантитуле каждого тома БКРС: «Светлой памяти академика Василия Михайловича Алексеева».

Подготовка «Большого китайско-русского словаря»

В 1956—1960 гг. Илья Михайлович возглавлял сектор языка и литературы народов Китая в существовавшем в тот период Институте китаеведения (закрыт в 1960 г. по политическим конъюнктурным мотивам). Принято считать, что работа над БКРС началась именно в 1956 г. (см., например, [Ошанин, 1983, с. 5]), хотя, как отмечалось выше, уже в приказе по ИВ АН СССР № 3 от 1951 г. говорилось о

создании редколлегии китайско-русского словаря и коллектива, который должен был этот труд готовить, под общим руководством И.М. Ошанина. А в 1960 г. в Институте востоковедения (в 1960—1970 гг. он назывался Институтом народов Азии) для реализации амбициозного лексикографического проекта было создано отдельное подразделение для подготовки «Большого китайско-русского словаря», которое до 1976 г. возглавлял И.М. Ошанин¹ [Калимов, 1970, с. 205].

В архиве ИВ РАН хранится множество папок с личными делами участников работы над словарем. «Школу БКРС в разное время и в разной степени, — писал С.Л. Тихвинский, — прошли десятки представителей старшего и среднего поколений китаистов» [Тихвинский, 1986, с. 136]. Кто-то сотрудничал с коллективом несколько месяцев, кто-то трудился в нем годами. Студентов к такой работе не привлекали, помимо маститых китаистов-практиков в подспорье им набирали только стажеров, «прошедших обкатку» в Китае.

З.М. Шалапина², долгое время заведовавшая Отделом языков народов Азии и Африки Института востоковедения, отмечает участие в работе над БКРС таких сотрудников Отдела, как Т.П. Ворожцова, Г.М. Григорьев-Абрамсон, В.С. Кузес, А.И. Мелналкснис, А.А. Москалев, Б.Г. Мудров, В.А. Панасюк, Е.В. Пузицкий, А.Л. Семенас, В.Ф. Суханов, Н.И. Тяпкина, А.Я. Шер, Е.И. Шутова, С.Б. Янкивер [Шалапина, 2018, с. 7].

Но реальный рабочий коллектив был намного шире. Китаист и бирманист Е.В. Пузицкий рассказывал своим ученикам, что под его началом была команда выпускников, которые, как и ученики И.М. Ошанина и других полноправных участников работы, составляли карточки для словаря. Материалы этих карточек затем обобщали опытные сотрудники. Таким образом, на каждого «штатного» участника приходился едва ли не десяток помощников³ (понятно, что такие работники могли быть только временными). Среди тех, кто внес свой вклад в создание словаря, были и такие китаисты, которые в этой связи почти нигде не упоминаются: например, В.И. Пентковский (первоначально — ученый секретарь редколлегии и рабочей группы), доцент И.И. Советов-Чень (участвовал в работе над БКРС в 1983—1984 гг.) и др. В.Ц. Головачев в своей статье говорит о 30 профессионалах, создававших изданный в 1960 г. в Москве макет БКРС, доработка которого продолжалась потом еще 23 года [Головачев, 2018, с. 242]. В коллективе И.М. Ошанина в ИВ АН СССР, как отмечалось выше, с 1955 г. работал также будущий выдающийся историк и лингвист М.В. Крюков, в конце 1950-х гг. оставивший ИВ АН и оставивший участие в подготовке БКРС в связи с переводом в Институт китаеведения [Там же, с. 242].

В своей критической статье о БКРС академик Б.Л. Рифтин сообщал: «После ... смерти [Алексеева В.М.] в 1951 г. вся картотека была передана в Москву про-

¹ А. Калимов в юбилейной статье, посвященной 70-летию И.М. Ошанина, писал о секторе БКРС [Калимов, 1970, с. 205], но участники и свидетели тех событий чаще говорят о группе словаря.

² Шалапина Зоя Михайловна (1946—2020), лингвист, педагог, к.ф.н. Заведовала Отделом языков народов Азии и Африки ИВ АН СССР/ РАН.

³ Из личной беседы с одним из учеников Е.В. Пузицкого. Апрель 2023 г.

фессору И.М. Ошанину, и новый большой коллектив стал дополнять словарь, пользуясь полученными из Китая новыми лексикографическими материалами» [Рифтин, 2013, с. 335—336]. Действительно, И.М. Ошанин и его группа не раз посещали КНР с целью пополнить арсенал источников новыми лексикографическими современными словарями (в 1950, 1955 и 1957 гг.) [Научный Архив ИВ РАН, Б.п.; Там же. 1955]. Проблемы подготовки словаря Илья Михайлович в переписке и при личных встречах обсуждал с китайскими учеными — лингвистами Ван Ли, Гао Минкаем, Люй Шусяном, Чжу Дэси, Чжоу Цзумо, Вэй Цзяньгуном, русистами Лю Цзэжуном, Чжао Сюнем и многими другими [Воскресенский, 2000, с. 168]. В 1958 г. журнал «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык») в первом номере опубликовал статью Ильи Михайловича (в соавторстве с Б.Г. Мудровым) «Изучение китайского языка в СССР за 40 лет» [Ошанин, 1958, с. 96—97].

Наряду с организационными проблемами, такими как текучесть и нехватка кадров, в работе над БКРС возникали также сложности теоретического и методического характера., которые преодолевались в значительной степени благодаря знаниям, опыту и творческому складу ума Ильи Михайловича.

В 1960 г. он сделал доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве «Об опыте составления, структуре словарных статей БКРС» [Калимов, 1970, с. 205]. Отметив, что работа над БКРС начата «почти четыре года назад» (т. е. в 1956 г.), первые два года докладчик обозначил как период подготовительных работ — определения объемов, отбора источников, системы транскрипции, составления пробных статей и инструкций и т. п., и указал, что составители словаря изменили изначальную парадигмальную схему расположения материала с алфавитной на графическую (Васильева-Розенберга, примененную в Малом словаре 1952—1955 гг.), а также перешли на латинизированный алфавит пиньинь, принятый в КНР как раз в 1956 г. [там же]. Таким образом, в докладе были указаны основные методологические проблемы, которые пришлось решать руководителю коллектива и его сотрудникам в первые годы работы.

В 1960 г. был опубликован макет БКРС. В предисловии «От составителей» за подписью И.М. Ошанина шла преамбула с изложением плана словаря и перечислением его источников [Ошанин, 1963, с. 128]. Там также обосновывалась причина, по которой создатели БКРС отвергли ставшую к тому времени традиционной для западного китаеведения систему членения словарных статей на основании чтения иероглифа: при работе со старыми текстами читающему часто бывает неизвестно именно чтение знака. Поэтому было принято новаторское для того времени решение в «гнездовой» статье (т. е. составленной по принципу гнезда слов — их группирования на основании отношений производности, в данном случае от морфемы, обозначенной иероглифом) значения иероглифа классифицировать по рубрикам лексико-грамматических категорий, т. е. «в известной степени подчинить фонетическую сторону иероглифа грамматическому значению воспроизводимых им на письме слов» [Ошанин, 1963, с. 128].

Одна из трудностей, с которой пришлось столкнуться на этом пути — сложность классификации лексического материала в тех случаях, когда слово древнекитайского языка, принадлежавшее некогда к одной лексикографической категории или ряду категорий, в современном языке оказалось в другой категории

или категориях. Для этого была разработана система помет, разъясняющих значение слова в разные исторические эпохи [Ошанин, 1963, с. 129]. Отдельная группа проблем была связана с необходимостью дополнительной детализации статей в той части, которая касалась глаголов — из-за их неодинаковой способности управлять словами (косвенными и прямыми объектами) и по-разному взаимодействовать с предлогами. Приходилось выявлять и фиксировать определенные ряды параллельных значений, связанных с указанной особенностью китайских глаголов (см. [Ошанин, 1963, с. 130—131]).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. трудно было предвидеть, что работа продлится еще более двух десятков лет. В условиях текучести кадров, многочисленных трудностей технического характера и необходимости придерживаться высочайших стандартов качества приходилось жертвовать количественными показателями. В личном деле И.М. Ошанина отложилось несколько грозных правительственных бумаг, напоминающих руководителю и его коллективу о госзадании и о жестких сроках выполнения работы, несколько раз переносившихся [Научный архив ИВ РАН. Оп. 1... Б. паг.].

Немалые трудности в подготовке БКРС были связаны с политической обстановкой — из-за обострения советско-китайских отношений в конце 1950-х — 1970-е годы связи со страной изучения были существенно затруднены. В частности, на упоминавшийся выше XXV Международный конгресс востоковедов в 1960 г. китайские ученые приглашены не были.

Сложности создавало и отсутствие в СССР китайских типографских шрифтов. Так, в предисловии к словарю сам И.М. Ошанин писал, что пришлось «...применить метод оригинал-макета, а иероглифы в его буквенный текст монтировать с переводных литер». Этот метод предложил и руководил его практическим применением к.т.н. Б.В. Борисов с участием работников Института востоковедения и Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 9; Головачев, 2018, с. 242—243].

Как пишет биограф Ильи Михайловича, тот выполнял «одновременно и роль общего редактора и автора многих статей и даже сверщика. Он уточнял значения слов, искал и находил подходящие русские эквиваленты... Часто он засиживался далеко за полночь и поднимался из-за стола лишь когда уставала голова или начинали болеть глаза от чтения микроскопических знаков, которые можно было разглядеть лишь в лупу» [Воскресенский, 2000, с. 168].

Помимо подготовки словаря, И.М. Ошанин был включен в работу многочисленных редколлегий журналов и научных изданий. Ему принадлежит более 50 научных публикаций по проблемам лексики и лексикографии, грамматики и истории китайского языка, китайского языкознания, обзоры, статьи в Большой советской энциклопедии (см. [Головачев, 2018, с. 242; Калимов, 1970, с. 205]). Под его редакцией издавался перевод трехтомника Люй Шусяна «Очерки китайской грамматики», целый ряд научных сборников и лексикографических трудов [Люй Шусян, 1961, 1965; Ошанин, 1961; Калимов, 1970, с. 205—206]. Он был членом Ученого совета ИВ АН СССР и его Филологической секции, членом ученых советов Института языкознания АН СССР, Института восточных языков при МГУ, Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, членом Совета при

Министерстве высшего и специального среднего образования СССР по делам иностранных студентов, обучающихся в Советском Союзе, щедро «нагружался» общественной работой, даже избирался депутатом районных советов [Калимов, 1970, с. 206].

Четырехтомник БКРС, включавший около 16 000 гнездовых иероглифов и более 250 000 производных слов и выражений, вышел в 1983 г. [Ошанин, 1983]. Последние трудоемкие работы, связанные с подготовкой рукописи к публикации и ее изданием, выполнили его ученики и соратники, руководствуясь наставлениями Учителя. Словарь был удостоен Государственной премии СССР 1986 г.¹

Вместо заключения: к оценке научного и жизненного пути И.М. Ошанина

Д.Н. Воскресенский так отвечал на вопрос интервьюера о характере И.М. Ошанина: «... это был интеллигентный, тактичный и доброжелательный человек. Он умел обращаться с людьми, с мужчинами и с дамами, дворянская кровь в нем чувствовалась. Видимо, таким он был с самого детства. Он прекрасно знал литературу и музыку, сам играл, очень любил дирижировать. Я уже говорил, что жил какое-то время в его семье. Порой, приходя вечером домой, он начинал дирижировать, вспомнив какой-то мотив. Прекрасно зная литературу, он нередко рассказывал о книгах. Он был дружелюбен, и это все чувствовали, поэтому вокруг него всегда были друзья и знакомые. Это был человек той группы людей, которых часто не хватает в нашей жизни. Люди чувствовали его благородство, тактичность, интеллект. Эти качества особенно необходимы преподавателям, и это чувствовали студенты. Илья Михайлович умел передать такие качества ученикам, которые видели его увлеченность и трудолюбие...» [Интервью, 2018, с. 17].

К своему 80-летию проф. Ошанин почти ослеп — сказалась нагрузка на и без того слабое зрение, которую он испытывал десятилетиями по роду работы. Но в ноябре 1980 г. он подал в дирекцию заявление, в котором просил Институт сохранить за ним «словарную работу над большим словарем» и заверял в готовности и впредь выполнять любые задания [Научный архив ИВ РАН, 24 ноября 1980 г.]. Незадолго до смерти Илья Михайлович успел подержать в руках сигнальный экземпляр первого тома своего детища.

Он скончался 5 сентября 1982 г. Екатерина Евгеньевна Ошанина (Фортуна-това) умерла в 1993 г. в возрасте 86 лет.

В том же году ушла из жизни их дочь Елена Ильинична. Она была китаистом, как и ее отец, работала в ИНИОН СССР/РАН. В первом браке, с лингвистом

¹ Премию вместе с И.М. Ошаниным как руководителем работы получили О.К. Дрейер (к.и.н., главный редактор Главной редакции восточной литературы издательства «Наука»), Б.В. Борисов (к.т.н.), В.С. Кузес (к.и.н., с.н.с. ИВ АН), З.И. Баранова (к.ф.н., с.н.с. ИВ АН), В.А. Панасюк (к.ф.н., н.с. ИВ АН), Т.П. Ворожцова (м.н.с. ИВ АН), Г.М. Григорьев-Абрамсон (н.с. ИВ АН), А.И. Мелналкснис (н.с. ИВ АН), Б.Г. Мудров (к.ф.н., доцент Военного института), В.Ф. Суханов (зав. кафедрой Всесоюзной академии внешней торговли), доц. И.И. Советов-Чень.

том-китаеведом Д.Н. Воскресенским, родила дочь Наталью (ныне живет в США), во втором, с переводчиком-японистом и будущим писателем-фантастом А.Н. Стругацким — дочь Марию. Та в середине 1980-х гг. вышла замуж за академического ученого Е.Т. Гайдара (второй брак у обоих), когда ничто не предвещало, что он станет государственным деятелем и российским реформатором [Ошанин / Генеалогия]. Ныне младшее поколение семьи опекает Фонд Егора Гайдара, а среднее владеет цифровым сайтом наследия братьев Стругацких (сейчас в свободном доступе). О желании потомков И.М. Ошанина пойти по востоковедческой стезе сведений нет.

История жизни И.М. Ошанина и его семьи незаурядна и в то же время отражает некие общие закономерности, проявившиеся в судьбах определенной части старой российской интеллигенции. Те ее представители, которые искренне приняли новую Россию, зачастую не просто ухитрились уцелеть и найти в ней собственное место, а обретали и максимально полно и ярко реализовали свое жизненное призвание. Не все из них создали успешные профессиональные династии, но кому-то удавалось сделать в своей области нечто такое, что и через много поколений заставит с благодарностью вспоминать о них будущих коллег. К числу таких творцов и новаторов принадлежал Илья Михайлович, и не удивительно, что он и его ближайшие потомки общались и роднились с талантливыми людьми.

Характеризуя БКРС в 2000 г., Д.Н. Воскресенский назвал его на тот момент «лучшим в мировой синологической практике словарем китайского языка (если говорить о “двуязычных словарях”», усмотрев его уникальность «в широте и синтетичности (современный и древний языки, бытовая лексика, диалектизмы и т. д.), в четкости и грамотности обозначения китайских понятий на русском языке, в богатстве русских эквивалентов» [Воскресенский, 2000, с. 168]. Думается, что в эту характеристику не скоро удастся внести кардинальные поправки.

Библиографический список

Алексеев В.М. Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому // Китайско-русский словарь / сост. коллективом китаистов Института под ред. В.М. Алексеева. Пробный макет словаря. М.; Л.: ИВ АН СССР, 1948. С. 11—13.

Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271—288.

Альмов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940—1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7—36.

Антонов В. Расстрелянная разведка. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1019502/114/Antonov_-_Rasstrelyannaya_razvedka.html (дата обращения: 29.04.2022).

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 171. Д. 114. Л. 7.

АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 18. 1934 г. П. 39. Д. 21. Л. 73—78.

Барский К. Полпредство СССР в Китае в 1933—1937 годах: сильные люди и сложные задачи, которые они решали // Международная жизнь. 2020. № 6. С. 128—164. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2364> (дата обращения: 29.04.2022).

Бибикина Ольга Михайловна. URL: <https://web.archive.org/web/20091108154255/http://www.rostmuseum.ru/genealogy/oshanin/oshanin.html> (дата обращения: 08.03.2023).

Большой китайско-русский словарь (Макет) / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. 45 с.

Большой китайско-русский словарь = 華俄大辭典: по русской графической системе в четырех томах: ок. 250 000 слов и выражений / сост. коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983—1984; Т. 1, 1983. 552 с.; Т. 2, 1983. 1100 с.; Т. 3, 1984. 1104 с.; Т. 4, 1984. 1062 с.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. М.: Русский путь, 2008. 586 с.

Верещагин Б.Н. В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М.: ИДВ РАН, 1999. 340 с. URL: <https://users.mccme.ru/smironoff/family/part3.html> (дата обращения: 29.04.2022).

Воскресенский Д.Н. И.М. Ошанин — выдающийся ученый и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 161—168.

Выпускники Пажеского Его Императорского Величества корпуса [1916]. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vsya-rossiya/voennye/polnyj-sostav-i-podrazdeleniya-vooruzhennyh-sil-rossijskoj-imperii-na-1909-g/voennye-uchrezhdeniya-i-zavedeniya/voenno-uchebnye-zavedeniya-rossijskoj-imperii/voennye-akademii/pazheskij-ego-imperatorskogo-velichestva-korpus1/vypuskniki.html> (дата обращения: 24.04.2022).

Гайдар Е.: «У меня корни, которыми можно гордиться» // Известия. 21.01.2004. 14:25. URL: <https://archive.is/20120803201705/www.izvestia.ru/person/article43296/> (дата обращения: 24.04.2022).

Гагуев Р.Г., Чжан Юйсинь. Китайские добровольцы в гражданской войне в России: между красными и белыми // Российская история. 2019. Вып. 1. С. 60—71. URL: <https://xn----7sbxcach3agmieaceq1th.xn--p1ai/archive/2019-1> (дата обращения: 24.04.2022).

ГАРФ. Архив Белой гвардии. URL: <https://web.archive.org/web/20091108154255/http://www.rostmuseum.ru/genealogy/oshanin/oshanin.html> (дата обращения: 08.03.2023).

ГАРФ. Ф. Р5145. Институт Красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики при ЦИК СССР. Оп. 2. Материалы по личному составу. 1930—1938 гг. Ошанин Илья Михайлович. Личные дела преподавателей. Д. 275; Оп. 16. Д. 68. 5 апреля 1932. Л. 1/1об.—2.

ГАРФ. Ф. Р9506. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при СМ СССР. Оп. 12. Филологические науки (доктора, профессора). 1935—1968 гг. Д. 432. Ошанин, Илья Михайлович. Л. 21об., 23; Д. 438. Ошанин Илья Михайлович, ВАК при СМ СССР, 1942—1948 гг.

Головачев В.Ц. ИВ РАН глазами китаеведов: от Армянского переуллка и Китайского проезда до Хохловского переуллка и Рождественки. Ч. I. / Вестник Института востоковедения РАН. № 3. М.: ИВ РАН, 2018. 252 с.

«Гражданская война пробудила желание броситься в огонь событий». Как китайцы помогли большевикам удержать власть // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41835972> (дата обращения: 08.03.2023).

Жен Фучен [Жэнь Фучэнь] // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 205. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/2000_UralHist.pdf (дата обращения: 28.08.2023).

Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: Росспэн, 2006. 599 с.

Житомирская С.В. URL: <http://uni-persona.src.msus.ru/site/authors/zhitomirskaja/text.htm> (Архивная копия от 6 октября 2014 на Wayback Machine).

Интервью с Воскресенским Дмитрием Николаевичем / В.Ц. Головачев (ВГ), М.С. Осташева (МО), М.Ю. Ульянов (МУ). ИВ РАН // Китаеведение. Устная история. М.: ИВ РАН, 2018. С. 14—16.

Калимов А. Илья Михайлович Ошанин (К семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 204—206.

Каменских М.С. Участие китайцев в Гражданской войне на Урале: факты и воспоминания. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/m-s-kamenskih-uchastie-kitajtsev-v-grajhdanskoj-vojne-na-urale-fakty-i-vozpominaniya.html> (дата обращения: 08.03.2023).

Китайско-русский словарь. Ок. 65 000 слов и выражений / под ред. И.М. Ошанина; АН СССР; Институт востоковедения. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 889 с.; изд. 2-е, испр. и доп., 1955. 1101 с.; изд. 3-е, более 70 000 слов и выражений, 1959. 1101 с.

Китайцы в Красной Армии — участие китайцев в рядах Красной Армии (РККА) в годы Гражданской войны в России. 1 августа 2021. URL: https://cyclowiki.org/wiki/_участие_китайцев_в_рядах_Красной_Армии (дата обращения: 08.03.2023).

Коротков Н.Н. Памяти Ильи Михайловича Ошанина // Народы Азии и Африки. 1983. № 2. С. 217—218.

Лью Шусян. Очерк грамматики кит. яз. / пер. с кит. И.М. Ошанина. Т. I. М.: ИВЛ, 1961. 266 с.; Т. II. Ч. 1, 1965. 350 с.; Т. II. Ч. 2, 1965. 280 с.

Мао Цзэдун. Избранные сочинения / пер. с кит.; ред. И.М. Ошанин. В 4 т. М.: Издательство национальных литератур, 1952—1953.

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 736 с.

Научный архив ИВ РАН. Оп. 1. Д. Личное дело И.М. Ошанина. Анкета И.М. Ошанина. Л. 1—2; Выписка из распоряжения № 36 по Московской группе Института Востоковедения АН СССР от 18.11.1949 г., г. Москва. Л. 10; Перечень изданных трудов. Л. 21; Список работ Ошанина И.М. (изданные и диссертации). Б. паг. [Без пагинации]; 1951. Выписка из Приказа № 3 по Институту Востоковедения АН СССР от 12.01.1951 г., г. Москва. Л. 48; Президиум АН СССР. Распоряжение № 46—2077 от 24.10.1955 о командировании 21 октября 1955 г. в КНР для участия в Конференции по стандартизации китайского языка: И.М. Ошанина, Н.Н. Короткова... сроком на 15 дней. Приказы по институту о командировках в КНР и ГДР. Л. 48.

Оточкин В.В. Пажеский корпус и его воспитанники Шуваловы // Бомбардир. 1995. № 1. С. 38—42. URL: <http://www.ruscadet.ru/names/cadets/other/shuvalov/comm.htm> (Дата обращения: 29.04.2022).

Ошанина (ур. Фортунатова) Екатерина Евгеньевна (1907, Киев — 14 июля 1993, Москва). URL: <https://www.geni.com/people/Екатерина-Ошанина/6000000040611319931> (дата обращения: 20.06.2020).

Ошанин / Генеалогия. URL: <https://web.archive.org/web/20091108154255/http://www>. (дата обращения: 08.03.2023).

Ошанин И.М. Учебник китайского языка байхуа. М.: Московский институт востоковедения (МИВ), 1931. 248 с.

Ошанин И.М. Учебник китайского разговорного языка «бай-хуа» / сост. группой преподавателей китайского языка МИВ на основе учебника И.М. Ошанина с переложением на транскрипцию китайской азбуки, с грамматическими комментариями, с задачами, с иероглифицированными текстами и с подстрочным словарем. Переиздание. М.; Л.: Издательство иностранных рабочих в СССР, 1935. 288 с.

Ошанин И.М. (в соавт. с Н.Н. Коротковым). Учебник китайского литературного и разговорного языка. Б.м.: Высшая дипломатическая школа НКВД, 1940. 320 с.

Ошанин И.М. Пособие по китайской официальной переписке: Для 3-го года обучения. М. (Лейпциг): Воениздат, 1946. 170 с.

Ошанин И.М. Слово и часть речи в китайском языке: опыт периодизации истории китайского языка: дисс. ... доктора филологических наук: 10.00.00. М., 1946. 444 с.

Ошанин И.М. Учебник китайского языка. Ч. I. Уроки 1—10: для 1-го года обучения / Военный институт иностранных языков. М.: Военное издательство, 1946. 252 с.

Ошанин И.М. Из опыта работы над Большим китайско-русским словарем (О структуре гнездовой статьи словаря) // Труды XXV международного конгресса востоковедов. Т. V. Секция XVI. Китаеведение. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 127—132.

Ошанин И.М. Предисловие к «Большому китайско-русскому словарю» // Большой китайско-русский словарь. Т. 1. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. С. 5—9.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Секретариат В.И. Ленина (1917—1924). Архив секретариата СНК и СТО. IV. Расписки в получении корреспонденций. Д. 96. Расписки Б.П. Нестерова, А.М. Николаева... Ошанина... [и др.]. URL: <http://rgaspi.info/fonds/5-4/?highlight=Ошанин> (дата обращения: 06.06.2023).

Репрессии в НКВД (1935—1941). URL: <http://forum.mozohin.ru/index.php?topic=1027.2125;wap2> (дата обращения: 08.03.2023).

Рифтин Б.Л. Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН. Т. 1 / сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М.: Наука Вост. лит., 2013. С. 330—432. URL: http://www.rasl.ru/e_editions/riftin_2010.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

Тихвинский С.Л. Фундаментальный лексикографический труд. [Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1983—1984] // Советское востоковедение. № 1 (16). М., 1986. С. 136—140.

Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Дом Конфуция, 2011. 384 с.

Федорченко В.И. Сенаторы Российской империи: энциклопедия биографий: в 2 т. М.: Минувшее, 2018. (Русская историческая библиотека). Т. 2. 652 с.

Хохлов А.Н. Китаист И.М. Ошанин и его служба на дипломатическом поприще в Китае // Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы. Москва, 25—26 июня 2002 г. М.: Институт языкознания РАН, 2002. С. 288—301.

Черникова Л.П. Создание Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде, сотрудничество сквозь годы и расстояния // Труды Института востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. Вып. 19. С. 55—80.

Шаляпина З.М. Исследования по языкам Южной и Юго-Восточной Азии в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6. Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.) / отв. ред. З.М. Шаляпина; сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН, 2018. С. 5—39.

References

«Grazhdanskaya voyna probudila zhelaniye brosit'sya v ogon' sobyitiy». Kak kitaytsy pomogli bol'shevikam uderzhat' vlast' [“The Civil War awakened the desire to throw ourselves into the fire of events.” How the Chinese helped the Bolsheviks retain power]. Russkaya sluzhba BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41835972> (accessed.: 08.03.2023).

Alekseev, V.M. (1948). Tezisy o sovremennom dvuyazychnom slovare sovremenno inostrannogo yazyka s prilozheniem ih k slovaryu kitajsko-russkomu [Theses on the modern bilingual dictionary of a modern foreign language with their application to the Chinese-Russian dictionary]. Chinese-Russian Dictionary, comp. the collectivist institute under order. V.M. Alexeyeva. Try a mock-up. M., L., IV AN SSSR. Pp. 11—13. (In Russian).

Alpatov, V.M. (1993). Marr, marrizm i stalinizm [Marr, Marrism and Stalinism]. Filosofskie issledovaniya, No. 4. Pp. 271—288. (In Russian).

Alymov, S. (2009). Kosmopolitizm, marrizm i prochie “grekhi”: otechestvennye etnografy i arheologi na rubezhe 1940—1950-h godov [Cosmopolitanism, Marrism and other “sins”: Russian

ethnographers and archaeologists at the Turn of the 1940s—1950s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 3 (97). Pp. 7—36. (In Russian).

Antonov, V. *Rasstrelyannaya razvedka* [Shot Intelligence] URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1019502/114/Antonov_-_Rasstrelyannaya_razvedka.html (accessed: 29.04.2022). (In Russian).

AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 04. Op. 22. P. 171. D. 114. L. 7. (In Russian).

AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. F. 0100. Op. 18. 1934 g. Pap. 39. D. 21. L. 73—78. (In Russian).

Barskij, K. (2020). *Polpredstvo SSSR v Kitae v 1933—1937 godakh: silnie lyudi i slozhnie zadachi, kotorie oni reshali* [The USSR Plenipotentiary Mission to China in 1933—1937: strong people and the difficult tasks they solved]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, No. 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2364> (accessed: 29.04.2022). (In Russian).

Bibikova Ol'ga Mihajlovna URL: <https://web.archive.org/web/20091108154255/http://www.rostmuseum.ru/genealogy/oshanin/oshanin.html> (accessed: 08.03.2023). (In Russian).

Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' 華俄大辭典 (1983—1984). Po russkoj graficheskoj sisteme: v chetyrekh tomah: ok. 250 000 slov i vyrazhenij [Big Chinese-Russian Dictionary = 華俄大辭典. According to the Russian graphic system: in 4 volumes: approx. 250,000 words and expressions], comp. by a team of Sinologists under the guidance and editorship of prof. I.M. Oshanin, The main editorial office of Oriental literature of the publishing house “Nauka”. (In Russian and Chinese).

Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' (Maket) (1960). [Big Chinese-Russian Dictionary (Layout)], ed. prof. I.M. Oshanina. M., Gos. izdatelstvo inostrannyh i nacional'nyh slovarj. Pp. 3—7. (In Russian).

Chernikova, L.P. (2018). *Sozdanie Bol'shogo rusско-kitajskogo slovarya pod rukovodstvom I.M. Oshanina. Uchastie vostokovedov-praktikov v kollektivnom trude, sotrudnichestvo skvoz' gody i rasstoyaniya* [Creation of the “Big Russian-Chinese Dictionary”. Participation of orientalist-practitioners in the collective work: cooperation through years and distances], proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Issue. 19, resp. ed. . Z. M. Shalyapina, ed.-comp. by A.S. Panina. M.: IV RAN. Pp. 55—80. (In Russian).

Fedorchenko, V.I. (2018). *Senatory Rossijskoj imperii: enciklopediya biografij: in 2 vol., Vol. 2* [Senators of the Russian Empire: Encyclopedia of Biographies: in 2 vols. Vol. 2]. M., Minushee. (Russkaya istoricheskaya biblioteka). 652 p. (In Russian).

Gagkuev, R.G., Zhang, Yuxin. (2019). *Kitajskie dobrovolcy v grazhdanskoj vojne v Rossii: mezgdu krasnymi i belymi* [Chinese Volunteers in the Russian Civil War: Between Red and White]. *Rossijskaya istoriya*, Issue. 1. Pp. 60—71. (In Russian). URL: <https://xn----7sbxcach3agmieaceq1th.xn--p1ai/archive/2019-1> (accessed: 08.03.2023). (In Russian).

Gaidar, E. “U menja korni, kotorymi možno gordit'sja” [“I have roots to be proud of...”]. *Izvestija*. 21.01.2004. 14:25. URL: <https://archive.is/20120803201705/www.izvestia.ru/person/article43296/> (accessed: 24.04.2022). (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Arhiv Beloj gvardii. URL: <https://web.archive.org/web/20091108154255/http://www.rostmuseum.ru/genealogy/oshanin/oshanin.html> (accessed: 03.08.2023). (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R5145. Institut Krasnoj professury mirovogo hozyajstva i mirovoj politiki pri CIK SSSR. Op. 2. Materialy po lichnomu sostavu. 1930—1938 gg. Oshanin Il'ya Mihajlovich. Lichnye dela prepodavatelej. D. 275; Op. 16. D. 68. 5 aprelya 1932. L. 1—2, 1/1ob. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. R9506. Vysshaya attestacionnaya komissiya (VAK) pri SM SSSR. Op. 12. Filologicheskie nauki (doktora, professora). 1935—1968 gg. D. 432. Oshanin, Il'ya Mihajlovich. L. 21ob., L. 23. (In Russian). D. 438. Oshanin Il'ya Mihajlovich, VAK pri SM SSSR, 1942—1948 gg. (In Russian).

Golovachyov, V.C. (2018). IV RAN glazami kитаеведov: ot Armyanskogo pereulka i Kitajgorodskogo proezda do Hohlovskogo pereulka i Rozhdestvenki. CHast' I. [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences through the eyes of sinologists: from Armenian Lane and Kitajgorodsky Passage to Khokhlovsky Lane and Rozhdestvenka]. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN [Journal of the Institute of Oriental Studies], No. 3. M.: IV RAN. Pp. 235—244. (In Russian).

Hohlov, A.N. (2002). Kitaist I.M. Oshanin i ego sluzhba na diplomaticheskom poprishche v Kitae [Sinologist I.M. Oshanin and his service in the diplomatic field in China]. Kitajskoe yazykoznanie. Izoliruyushchie yazyki. XI Mezhdunarodnaya konferenciya. Materialy [Chinese linguistics. Isolating languages. XI International Conference. Materials], Moscow, June 25—26, 2002. M.: Institut yazykoznaneya RAN. Pp. 288—301. (In Russian).

Interv'yu s Voskresenskim Dmitriem Nikolaevichem (2018). [Interview with Voskresensky]. V.C. Golovachyov (VG), M.S. Ostasheva (MO), M.Y. Ul'yanov (MU), IV RAN. Kitaevedenie. Ustnaya istoriya [Sinology. Oral history]. M., IV RAN. Pp. 14—16. (In Russian).

Kalimov, A. (1970). Il'ya Mihajlovich Oshanin (K semidesyatiletiyu so dnya rozhdeniya) [Ilya Mikhailovich Oshanin (On the seventieth anniversary of his birth)]. Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. No. 3. Pp. 204—206. (In Russian)

Kamenskih, M.S. Uchastie kitajcev v Grazhdanskoj vojne na Urale: fakty i vospominaniya [Participation of the Chinese in the Civil War in the Urals: Facts and Memories]. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/m-s-kamenskih-uchastie-kitajcev-v-grajhdanskoj-vojne-na-urale-fakty-i-vospominaniya.html> (accessed: 08.03.2023). (In Russian).

Kitajcy v Krasnoj Armii — uchastie kitajcev v ryadah Krasnoj Armii (RKKK) v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii [Chinese in the Red Army (WPRA) — the participation of the Chinese in the ranks of the Red Army during the Civil War in Russia]. URL: https://cyclowiki.org/wiki/_участие_китайцев_в_рядах_Красной_Армии (accessed: 08.03.2023). (In Russian).

Kitajsko-russkij slovar' (1952, 1955, 1959). Ok. 65 000 slov i vyrazhenij [Chinese-Russian Dictionary. About 65,000 words and expressions], ed. by I.M. Oshanin, AN SSSR, Institut vostokovedeniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 889 p. Ed. 2-e, corr. and ad., 1101 p. Ed. 3-e, over 70 000 words and phrases, 1101 p. (In Russian and Chinese).

Korotkov, N.N. (1983). Pamjati Iliy Mikhailovicha Oshanina [In memory of Ilya Mikhailovich Oshanin]. Narody Azii I Afriki [Peoples of Asia and Africa], No. 2. Pp. 217—218. (In Russian).

Lü, Shuxiang. (1961, 1965). Ocherk grammatiki kitaiskogo yazyka [Chinese Language Grammar Essay], tr. by. I.M. Oshanin. M., IVL, Vol. I. 266 p. Vol. II. Part. 1. 350 p. Part 2. 280 p. (In Russian).

Mao, Zedong. (1952—1953). Izbrannie sochineniya [Selected Works]: in 4 v., ed. by I.M. Oshanin. M.: Izdatel'stvo Nacionalnikh Literatur. (In Russian).

Miliband, S.D. (1975). Biobibliograficheskij slovar' sovetskih vostokovedov [Biobibliographic Dictionary of Soviet Orientalists]. M., The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka". 736 p. P. 410. (In Russian).

Nauchnyj Arhiv IV RAN [Scientific Archive of the Institute of Oriental Studies RAS]. Op. 1. D. Lichnoe delo I.M. Oshanina. Anketa L.M. Oshanina. L. 1—2. — 1949. Vypiska iz rasporyazheniya № 36 po Moskovskoj gruppe Instituta Vostokovedeniya AN SSSR ot 18.11.1949 g., g. Moskva. L. 10. — Perechen' izdannyh trudov. L. 21. — Spisok rabot Oshanin I.M. (izdannie i dissertacii). B. pag. — 1949. Vypiska iz Prikaza No. 3 po Institutu Vostokovedeniya AN SSSR ot 12.01.1951 g., g. Moskva. L. 47—48 [Scientific Archive of the IB RAS. Op. 1. D. I.M. Oshanin's personal file. Questionnaire of I.M. Oshanin. L. 1—2; Extract from Order No. 36 for the Moscow Group of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences dated 18.11.1949, Moscow. L. 10; List of published works. L. 21; List of works of I.M. Oshanin (published and dissertations). B. pag. [Without pagination]; 1951. Extract from Order No. 3 of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences dated 12.01.1951, Moscow. L. 48; Presidium of the USSR Academy of Sciences. Order No. 46—2077 of 10/24/1955 on assignment on October 21, 1955 to the People's Republic of China to participate in the Conference on

Standardization of the Chinese Language: I.M. Oshanina, N.N. Korotkova... for a period of 15 days. Orders for the Institute on business trips to China and the GDR. L. 48]. (In Russian).

Oshanin / Genealogiya. [Oshanin / Genealogy]. URL: <https://web.archive.org/web/20091108154255/http://www>. (accessed: 08.03.2023).

Oshanin, I.M. (1931). Uchebnik kitajskogo yazyka bajhua [Baihua Chinese Textbook]. M., Moscow Institute of Oriental Studies (MIV). 248 p. (18 p.l.). (In Russian and Chinese).

Oshanin, I.M. (1935). Uchebnik kitajskogo razgovornogo yazyka “vaj-hua” [Baihua Spoken Chinese Textbook], compl. by a group of teachers of the Chinese language MIV based on the textbook by I.M. Oshanin with transcription of the Chinese alphabet, with grammatical comments, with tasks, with hieroglyphic texts and with a subscript dictionary. Reissue. M.; L.: Publishing House of foreign workers in the USSR. 288 p. (In Russian and Chinese).

Oshanin, I.M. (1940) (v soavt.). Uchebnik kitajskogo literaturnogo i razgovornogo yazyka [Standard and Spoken Chinese Textbook]. S.I., Vysshaja diploimaticeskaja shkola MID. 320 p. (In Russian and Chinese).

Oshanin, I.M. (1946). Posobie po kitajskoj oficial'noj perezpiske [Chinese Official Correspondence Manual]: Dlya 1-go goda obucheniya. M. (Lejpcig), Voenizdat. 170 p. (In Russian and Chinese).

Oshanin, I.M. (1946). Slovo i chast' rechi v kitajskom yazyke: opyt periodizacii istorii kitajskogo yazyka: dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk [Word and Part of Speech in Chinese: the Experience of Periodization of the Chinese Language History: dissertation of D.Sc. (Philology)]: 10.00.00. Moskva. 444 s. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1946). Uchebnik kitajskogo yazyka [Chinese Language Textbook]. Ch. 1. Uroki 1—10: Dlya 1-go goda obucheniya. Voennij institut inostrannyh yazykov. M., Voenizdat. 252 s. (In Russian and Chinese).

Oshanin, I.M. (1963). Iz opyta raboty nad Bol'shim kitajsko-russkim slovarem: (O strukture gnezdovoj stat'i slovary) [From the experience of working on the Big Chinese-Russian Dictionary (about the Structure of the Dictionary's Nest Article)]. Trudy XXV mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov. T. V. Sekciya XVI. Kitaevdenie. M., Izdatelstvo vostochnoj literatury. Pp. 127—132. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1983). Predislovie k “Bol'shomu kitajsko-russkomu slovarju” [Preface to the “Big Chinese-Russian Dictionary”]. BKRS, Vol. . I. M., Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatelstva “Nauka”. Pp. 5—9. (In Russian).

Oshanina (ur. Fortunatova) Ekaterina Evgen'yevna (1907, Kiyev — 14 iyulya 1993, Moskva). [Oshanina (nee Fortunatova) Ekaterina Evgenievna (1907, Kyiv — July 14, 1993, Moscow)]. URL: <https://www.geni.com/people/Ekaterina-Oshanina/6000000040611319931> (accessed: 20.06.2020).

Otochkin, V.V. Pazheskij korpus i ego vospitanniki Shuvalovy [Corps of Pages and Its Pupils Shuvalovs]. URL: <http://www.ruscadet.ru/names/cadets/other/shuval/comm.htm> (accessed: 29.04.2022). (In Russian).

Repressii v NKVD (1935—1941) [Repressions in the People 's Commissariat of Internal Affairs (1935—1941)] URL: <http://forum.mozohin.ru/index.php?topic=1027.2125;wap2> (accessed: 08.03.2023). (In Russian).

RGASPI. F. 5. Op. 4. Sekretariat V.I. Lenina (1917—1924). Arhiv sekretariata SNK i STO. IV. Raspiski v poluchenii korrespondencij. D. No. 96. Raspiski B.P. Nesterova, A.M. Nikolaeva i dr., Oshanina, i drugih v poluchenii paketov ot V.I. Lenina, M.I. Ul'yanovoj, so shtampami “Predsedatel' SNK”, “Sekretar' SNK”, “Upravlenie delami SNK”. Podlinniki. 1918—1922 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 5. Op. 4. V.I. Lenin's Secretariat (1917—1924). Archive of the Secretariat of the Council of People's Commissars and the Labor and Defense Council. IV. Receipts for the correspondence. File no. 96. Receipts of B.P. Nesterov, A.M. Nikolaev, etc., Oshanin and others in receiving packages from V.I. Lenin, M.I. Ulyanova, stamped “Chairman of the SNK”, “Secretary of the SNK”, “Management of the affairs of the SNK”. Originals. 1918—1922]. L. 79. (In Russian).

Riftin, B.L. (2013). O sinologicheskikh slovaryah i spravochnikah, staryh i novyh [About sinological dictionaries and reference books, old and new]. Arhiv rossijskoj kitaistiki. In-t vostokovedeniya RAN. T.

I, compl. A.I. Kobzev; resp.ed. A.R. Vyatkin. M., Nauka — Vost. lit. Pp. 330—432. URL: http://www.rasl.ru/e_editions/riftin_2010.pdf (accessed: 04.03.2018). (In Russian).

Shalyapina, Z.M. (2018). Issledovaniya po yazykam Yuzhnoj i Yugo-Vostochnoj Azii v Otdel'e yazykov narodov Azii i Afriki Instituta vostokovedeniya RAN [Research on the Languages of South and Southeast Asia in the Department of Languages of the Peoples of Asia and Africa of the Institute of Oriental Studies RAS]. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Issue 6. Problems of General and Oriental Linguistics: Languages of South and Southeast Asia (Proceedings of the scientific conference, IB RAS, October 26, 2016), resp. ed.. Z.M. Shalyapina, compl. ed. A.S. Panina, A.I. Kogan. M.: IV RAN. 240 p. Pp. 5—39. (In Russian).

Tihvinskij, S.L. (1986). Fundamental'nyj leksikograficheskiy trud (Bol'shoj kitajsko-russkiy slovar'. V 4-h tomah. Pod red. prof. I.M. Oshanina. M.: Nauka, 1983—1984) [Fundamental lexicographic work. (Big Chinese-Russian Dictionary. In 4 vols. Ed. by prof. I.M. Oshanin. M., Nauka, 1983—1984)]. Sovetskoe vostokovedenie, M. Pp. 136—140. (In Russian).

Usov, V.N. (2011). Sovetskaya razvedka v Kitae in 20-e gody XX veka. 2-e izd., ispr. i dop. [Soviet Intelligence in China in the 20s of the Twentieth Century. 2nd ed., cor. and suppl.]. M., Dom Konfucija. 384 p. (In Russian).

Van, Zhichen (Wang, Zhicheng). (2008). Istorija russkoi emigracii v Shan'haje [The History of Russian Emigration in Shanghai], trans. from Chinese. M.: Russkiy put'. 586 p. (In Russian).

Vereshchagin, B.N. (1999). V starom i novom Kitae. Iz vospominanij diplomata [In Old and New China. From the Memoirs of a Diplomat]. M., IDV RAN. 340 p. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2364> (accessed: 29.04.2022). (In Russian).

Voskresenskij, D.N. (2000). I.M. Oshanin — vydayushchij uchenyj i pedagog (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [I.M. Oshanin — an outstanding scientist and teacher (To the 100th anniversary of his birth)]. Problemy Dal'nego Vostoka, No. 3. Pp. 161—168. (In Russian).

Vypuskniki Pazheskogo Ego Imperatorskogo Velichestva korpusa [Graduates of His Imperial Majesty's Corps of Pages]. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vsya-rossiya/voennye/polnyj-sostav-i-podrazdeleniya-vooruzhennyh-sil-rossijskoj-imperii-na-1909-g/voennye-uchrezhdeniya-i-zavedeniya/voenno-uchebnye-zavedeniya-rossijskoj-imperii/voennye-akademii/pazheskij-ego-imperatorskogo-velichestva-korpus1/vypuskniki.html> (accessed: 29.04.2022). (In Russian).

Zhen' Fuche?'n' [Ren Fucheng]. (1998). Ural'skaya istoricheskaya enciklopediya [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akadenkniga. P. 205. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/2000_UralHist.pdf (accessed: 28.08.2023). (In Russian).

Zhitomirskaya, S.V. (2006). Prosto zhizn' [Just life]. M., Rosspen. 599 p. (In Russian).

Zhitomirskaya, S.V. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/zhitomirskaja/text.htm> (Arhivnaya kopiya ot 6 oktyabrya 2014 na Wayback Machine). (In Russian).

Поступила в редакцию: 10.08.2023. Received: 10 August 2023.

Принята к публикации: 09.09.2023. Accepted: 9 September 2023.

М.К. Григорьева

**О технической стороне оцифровки
«Большого китайско-русского словаря»
под редакцией И.М. Ошанина. Воспоминания участника**

От редакции

40-летие со времени выхода фундаментального Большого китайско-русского словаря (БКРС) под редакцией И.М. Ошанина заставляет нас обратиться не только к истории создания этого труда, но и к его трансформации в век информационных технологий. Оцифровка словаря имеет непреходящее значение, сейчас им пользуются сотни и тысячи китаистов нашего времени, а ведь еще недавно он существовал только в бумажном виде. Воспоминания Марии Григорьевой, одной из первых включившейся в эту нелегкую работу, содержат уникальную информацию начала 2000-х годов, когда нашлись десятки энтузиастов, поверивших в возможность появления в русскоязычном пространстве электронного словаря, работа над которым длилась с 2003 по 2006 г. Сегодня цифровой вариант БКРС стал современным инструментом, функционирующем на мировом уровне и, вероятно, превзошел своих авторов — советских ученых-китаистов.

* * *

Я очень завидую тем, кто сегодня начинает учить иностранный язык, особенно такой сложный, как китайский. Теперь есть возможность скачать или купить любые учебники, в Интернете можно пообщаться с носителями языка в чатах или социальных сетях, смотреть фильмы и слушать песни, имеется много языковых курсов и школ. Современные технологии оказывают большую помощь в обучении: любой смартфон становится платформой для совершенствования произношения, чтения или письма. Раньше таких разнообразных ресурсов не было; когда мы 20 лет назад начинали изучать китайский язык, возможности студентов были очень ограничены. Но мы уже вступали в эпоху цифровизации, компьютеризации, социальных сетей, что дало возможность задумать и реализовать проект электронного китайско-русского словаря.

Получилось так, что будущие участники проекта в одно время оказались на интернет-форуме «Восточное полушарие», объединившем людей, которые интересовались языками, культурой и современной жизнью Китая, Японии, Кореи и других стран Азии. Именно там было положено начало работы над электронным словарем. Я попала на «Восточное полушарие» случайно: после двух лет учебы в Пекине мне было интересно продолжить обучение китайскому языку в России, познакомиться с новыми людьми. Один из участников «Полушария», Олег Панков¹, опубликовал на форуме объявление о том, что хочет отсканировать и провести электронное распознавание Большого китайско-русского словаря. Этот пост привлек мое внимание. К слову, на тот момент я ничего не знала о четырехтомном словаре, хотя училась уже несколько лет языку. Четырехтомник под редакцией И.М. Ошанина не был популярен среди молодежи и считался немного устаревшим.

Я написала Панкову, что готова присоединиться к проекту. Хочется заметить, что на тот момент в нашем распоряжении имелись только бумажные словари. И в России, и даже в Китае. Хотя в Китае, кажется, уже начали делать небольшие электронные устройства со словарями, но они были дорогие и в России еще не продавались. Печатными словарями было не всегда удобно пользоваться, но быстро развивались технологии, и уже появились компьютерные программы, такие как Lingvo, со словарями для европейских языков. Поэтому и возникла мысль сделать электронный словарь китайского языка. Чем китаисты хуже? Никто, правда, не предполагал, что работа будет довольно сложной и долгой.

Подчеркну, что начали мы не с нуля. На тот момент, когда я пришла в команду оцифровщиков словаря, там уже было несколько человек. И один из них, Алексей Дьяков, системный администратор из Санкт-Петербурга уже сделал электронную таблицу, в которую занес все иероглифы БКРС по их номерному знаку. То есть мы понимали, какие иероглифы уже имеются в системе Юникод, а каких еще нет. За 20 лет, которые прошли с тех пор, кодировка Юникод обновлялась несколько раз и сейчас в ней есть почти все знаки китайской письменности.

¹ Олег Панков оцифровал (т.е. организовал) электронную базу БКРС. Создатель интернет-сайта «Дао, выраженное словами» (daokedao), Telegram-канала «Китайская угроза» (URL: <https://t.me/daokedao>).

сти, а на тот момент очень многие иероглифы просто невозможно было набрать. Но так как в основном это были редкие знаки, мы не стали сильно беспокоиться и решили заменять их временными знаками.

Меня однажды заинтересовал вопрос: почему Алексей начал составлять эту таблицу задолго до начала нашего проекта. Он ответил, что просто ему был интересен Китай...

Так мы стартовали и появилась основа для работы. Оценив объем статей и имея таблицу А. Дьякова, участника проекта, были уверены, что мечта о цифровизации БКРС вполне осуществима.

Для оцифровки первым делом необходимо было полностью отсканировать словарь. Для этого пришлось разобрать все тома на странички, чтобы было удобнее сканировать. На тот момент технические характеристики сканеров были хуже, чем сейчас. Поэтому мы старались «выжать» максимальное качество из того уровня техники, которым располагали. Ведь от качества сканирования зависело качество оцифровки. Какие-то процессы по распознаванию текстов планировали делать автоматически с помощью программ Adobe Finereader OCR. Частично мы реализовали эту идею, и здесь хорошее качество сканов было нелишним.

Для распознавания пробных отсканированных страниц попробовали программу OCR. Эта программа неплохо обрабатывала русский текст, но совсем не видела китайские иероглифы и фонетическую транскрипцию. Мы решили, что так и будем работать: автоматически распознавать русский текст, затем вручную набирать иероглифы и пиньинь.

Необходимо было не только набрать текст БКРС на компьютере, но и сделать из этого текстового файла электронный словарь, хотя бы в формате «Lingvo», подключить его к программе, чтобы заработал поиск и была возможность пользоваться словарем на компьютере. На тот момент еще не было планшетов или мобильных телефонов, поэтому мы подразумевали установку словаря на персональные компьютеры. Для форматирования словарных статей под Lingvo нужны были определенные стандарты, которые мы стали сами формулировать и создавать.

Было ясно, что работа над словарем потребует участия большого коллектива, поэтому помимо составления технического задания, мы стали публиковать новости проекта на форуме «Восточное полушарие». В результате к нам стали присоединяться все новые и новые участники. Работу с ними и раздачу материалов для оцифровки поручили мне. Благодаря этому за несколько лет я познакомилась с очень многими людьми.

Как была организована работа? У меня на руках были отсканированные странички БКРС, распознанные программой OCR файлы и правила форматирования. Такой комплект материалов я отсылала каждому участнику. В случае с новичками обычно мы начинали с пробных одной-двух страничек, чтобы человек мог освоиться с работой. Необходимо было вычистить «мусор» из распознанного текста, а его было много: нераспознанные иероглифы, пиньинь — все превращалось в случайные знаки, которые нужно было удалять. Затем все иероглифы набирались вручную; было решено, что мы не будем упрощать оригинал и станем «вбивать» как есть, традиционными китайскими иероглифами. Следующий

этап — добавление транскрипции пиньинь. Сначала предполагалось дать всем задание прописывать пиньинь «красиво», вводя буквы уже с черточками тонов. На практике оказалось, что это сложно, и в правилах мы указали, что проставляем тона цифрами.

Набранный текст участник должен был отформатировать по заданному стандарту. Необходимо было максимально упростить наши правила, потому что сложные правила могли отпугнуть наших волонтеров. С другой стороны, регламент был составлен так, что позволял использовать набранный текст для дальнейшей работы по форматированию в программе Lingvo.

На выходе участники присылали мне готовые странички примерно вот в таком виде:

一點 yīdian3	
1) легонько тронуть, едва коснуться; при [одном] прикосновении...	2) час (напр. пополудни; также — 一點鐘)
3) один пункт; одно, нечто, кое-что 在這一點 в этом отношении (пункте)	4) немного, чуть-чуть; легонько; перед отрицанием ничуть, ни капли, нисколько. 一點兒也不錯 без малейшей ошибки, совершенно правильно

На втором этапе эти страницы я собирала и отправляла Олегу Панкову, который уже с помощью встроенных в программу Word макросов добавлял специальные теги, дополнял текст упрощенными иероглифами (мы решили, что словарные статьи будут в двух вариантах: в традиционных и упрощенных иероглифах, а примеры только в традиционных, как в БКРС), переделывал пиньинь в привычный всем вид (например, yidian). И на выходе мы имели файлы в формате DSL, потом LSD¹, которые уже можно было загружать в словарь Lingvo и использовать их.

Промежуточные итоги проекта мы выкладывали сначала на «Восточном полушарии», потом на другой интернет-площадке «Профессиональном востоковедческом форуме», где мы продолжили работу. Это демонстрировало и наш прогресс в оцифровке словаря, и являлось мотивацией для новых энтузиастов.

Нашей задачей было не терять интерес к проекту, привлечь новых людей, удерживать старых участников, и продолжать работу. Кроме технической части, были определенные сложности психологического характера по принятию нашего проекта общественностью.

Например, мы столкнулись с тем, что нам задавали вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью составителей БКРС; имеет ли право наша команда заниматься его оцифровкой; есть ли среди участников проекта профессиональные китаисты, лингвисты, которые контролируют процесс, проверяют

¹ DSL (Dictionary Specification Language) — язык описания словарей. Разработан специалистами российской компании ABBYY. LSD (Lingvo System Dictionary) — основной формат локальных словарей. Используется в Lingvo (начиная с версии 6.0).

ошибки и т. д. Многие выражали сомнения относительно необходимости нашей работы в целом, упирая на то, что БКРС устарел и для многих практических целей уже не подходит, в нем плохо отражена современная лексика, мало кто сегодня из потенциальных пользователей словаря знаком с традиционными иероглифами и т. д.

Этот трудный этап сомнений нам тоже пришлось преодолеть. Когда работа наполовину была уже проделана, несмотря на значительное снижение энтузиазма, мы все-таки были преисполнены решимости довести ее до конца. Среди наших участников остались только те, кто многое уже сделал и готов был продолжать, и мы всячески поддерживали этих людей, старались как-то морально поощрять их, помогать всем чем можем. И я очень благодарна тем, кто выполнил вместе с нами эту задачу и завершил проект.

В целом, работа по оцифровке БКРС заняла у нас около трех лет: О. Панков опубликовал свою идею в декабре 2002 г., работа началась в первые месяцы 2003 г. и продолжалась примерно до июня 2006 г. Когда мы завершили последнюю страницу, конечно, очень обрадовались. Было решено, что техническая часть закончена, хотя, конечно, на тот момент мы уже мечтали о сайте, о публикации словаря онлайн, о возможности добавлять новую лексику и т. д.

Однако технических возможностей у нас для этого не было. Продолжение проекта в подобном ключе потребовало бы и материальных вложений, и оплаты услуг программистов, и урегулирования вопросов с авторским правом. Подумав, мы решили, что выложим все полученные файлы в открытый доступ, чтобы люди могли пользоваться словарем и всей базой данных уже на свое усмотрение. Таким образом, мы отблагодарили всех за участие, за то, что провели вместе несколько прекрасных лет нашей жизни... Хотя мы все это время то ссорились, то мирились, но в результате остались друзьями на много-много лет, и главное, реализовали важный для себя и профессионального сообщества проект.

После его завершения результаты работы зажили своей жизнью. Данные были опубликованы в формате открытой энциклопедии наподобие Википедии, кто-то форматировал базу под другие словари, которые стали выходить на рынок. При появлении проекта e-БКРС и сайта bkrs.info, было понятно, что они созданы на основе именно нашей базы. Я была очень рада, потому что это было реализацией мечты, которую мы не осуществили: чтобы появился удобный сайт, чтобы имелась открытая база с возможностью пополнения новой современной лексикой.

Я благодарна создателям bkrs.info за то, что они сделали БКРС доступным для многих и китаистов, и японистов, и вообще для всех, кто как-то связан с китайскими иероглифами. К сожалению, словарь частично утратил дух академичности, некоторой даже архаичности в хорошем смысле. Как я поняла, в онлайн-словарь не вошли многие статьи БКРС, которыми редко пользуются; впоследствии все традиционные иероглифы были упрощены, но, похоже, что этот шаг был вызван технической необходимостью и удобством для пользователей.

Однако полная база, конечно, существует: она имеется и в формате DSL, и в формате вордовских файлов. Также, насколько я знаю, созданная нами словарная база практически полностью доступна на сайте jardic.ru, где размещены сло-

вари японского языка. Там сохранено традиционное написание иероглифов, за что хочется сказать спасибо автору сайта Виталию Загребельному.

Заканчивая рассказ об оцифровке БКРС, не могу не выразить благодарность всем, кто придумал и помог реализовать проект, кто вдохнул в него новую жизнь после того, как мы завершили работу.

Когда я слышу, что наш проект стал прорывом в китаеведении, мне очень лестно и я горжусь своей причастностью к этому начинанию. Во время работы над оцифровкой мы занимались интересным, новым делом в свое удовольствие. Мы были молоды, у нас было сообщество единомышленников, площадка для общения, для обмена мнениями, и, я думаю, без этой важной социальной составляющей проект не был бы реализован.

Лично для меня эта история оказалась очень важной как для человека, который приобщился к сообществу востоковедов. Мне очень приятно осознавать, что и академическая наука не воспротивилась любительскому порыву, и проявляет интерес к нашему проекту до сих пор.

Поступила в редакцию: 29.08.2023. Received: 29 August 2023.

Принята к публикации: 01.10.2023. Accepted: 1 October 2023.

Памяти И.М. Ошанина (воспоминания С.А. Серовой¹ в обработке Н.Л. Кварталовой²)

Илья Михайлович Ошанин (1900—1982) — блестящий лингвист, китаист, много лет жизни отдавший работе над «Большим китайско-русским словарем» (БКРС). И хотя сейчас активно развивается и живет своей жизнью электронная версия БКРС, все же фундамент этого словаря заложил Ошанин и его команда.

Первый словарь под редакцией Ошанина вышел гораздо раньше, в 1952 г., изданный в Институте востоковедения АН. Этот словарь еще был с русской транскрипцией иероглифов, к нему прилагались Указатель и Приложение.

Словарь уже был скомпонован по гнездовым иероглифам, но пока что используется запись чтения русскими буквами. «Издание словаря было инициировано политической ситуацией на Дальнем Востоке после войны» [Черникова, 2018, с. 61].

«В предисловии к изданному в 1952 г. “Китайско-русскому словарю” его редактор И.М. Ошанин упоминает среди отечественных работ лишь “рукопись академического большого китайско-русского словаря, составлявшегося под руководством академика В.М. Алексеева, двуязычные словари проф. В.С. Колоколова (Краткий китайско-русский словарь, Москва, 1935)” и больше никаких русских словарей. На несколько десятилетий базовым словарем в советском китаеведении стал “Краткий китайско-русский словарь” В.С. Колоколова» [Дацышен, 2018].

В 1956 Ошанин становится заведующим сектором словарей Института востоковедения, а в дальнейшем и главным редактором четырехтомного БКРС.

«Большой китайско-русский словарь» часто называют «словарем Ошанина». И это закономерно, ведь именно Илья Михайлович Ошанин был разработчиком и вдохновителем работы над этим словарем. Про личность Ильи Михайловича и его труды у нас написано до обидного мало.

Словарь Ошанин строил с учетом своей теории эволюции письменной системы Китая [об этой теории см. Кремнев Е.В., Стефановская С.В., Ван Ланьцзюй, 2016], об этом же была и его диссертация «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма» (1943). «Лексический материал расположен по русской графической системе Васильева—Пещурова—Розенберга—Колоколова» [Ошанин, 1983, с. 7].

¹ Серова Светлана Андреевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН. E-mail: tuzinat@list.ru

² Кварталова Наталия Леонидовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Мне удалось поговорить с человеком, который в самом начале своего научного пути работал у И.М. Ошанина — это доктор исторических наук, исследователь китайского театра Светлана Андреевна Серова. И именно ее воспоминания легли в основу дальнейшего рассказа.

Н.Л. Кварталова

Вот что рассказывает Светлана Андреевна:

«У меня личный сантимент к Ошанину. Я пришла работать девчонкой (в 1957 г., после окончания МГИМО С.А. пришла работать в Институт китаеведения — Н.К.) и прошла всю школу у Ошанина. Меня взяли в отдел по работе над БКРС на то место, которое было свободно — младший научно-технический сотрудник. К моему приходу над словарем работали уже несколько лет, так что я в авторском коллективе только двух томов, третьего и четвертого».

Как работали над словарем?

«Отдельный “гнездовой” иероглиф Ошанин разрабатывал сам. А мы искали все словосочетания по источникам. Ходили к философам, историкам, экономистам. Со всеми консультировались. Смотрели «Алексеевскую рукопись»¹, у нас она действительно была написанная от руки. Использовали словари, какие у нас были: “Шовэнь цзецзы”, “Гоюй цыдянь” (国语词典, “Словарь государственного языка”), достали редкий словарь Морохаси (大漢和辞典). Словарь Морохаси привез нам М.Г. Прядохин (в 1954—1961 гг. сотрудник Института востоковедения АН СССР. — Н.К.). Он ездил в командировки в Китай и привозил нам разные словари [Подробнее о словарях, использованных для составления БКРС см. Ошанин, 1983, с. 6. — Н.К.]. Мы использовали все материалы, которые были нам доступны. Но, главное, постоянные консультации с коллегами. С нами работали выдающиеся лингвисты — Вадим Михайлович Солнцев и его жена Нина Васильевна, Борис Степанович Исаенко из МГИМО. К нам приходили университетские историки, все, кто преподавал в университете, с ними Ошанин вел бурные научные обсуждения. Б.Г. Мудров также участвовал в ошанинском словаре, он как раз преподавал. В то время все сидели на работе, поскольку все справочные материалы были сосредоточены только там. У нас все время были китайцы, у которых можно было спросить какие-то вещи. И потом эти карточки просматривали редакторы, которые при необходимости приносили свои дополнения и правку.

Лексику разрабатывали досконально. “Гнездовые” иероглифы Ошанин анализировал по частям речи. Выделял восемь рубрик в зависимости от части речи. Тут еще нюанс китайского языка: имена существительные и имена собственные относились к разным рубрикам. Он скомпоновал иероглифы по ключам и чертам. Первичный поиск велся по ключам. Чтение записывали уже пиньинь, транскрипция Палладия устарела.

В словаре Ошанина очень много слов из взъяня, за это его критиковали, потому что курс был на упрощение, а не на усложнение».

¹ Речь идет о словарях, которые готовила группа В.М. Алексеева, см. статью Е.Ю. Стабуровой «Большой китайско-русский словарь: к 40-летней годовщине» // Российское китаеведение. 2023. № 3. С. 93—119.

Можете рассказать про Ошанина как человека, про Ваше с ним общение?

«Я работала с Ильей Михайловичем три года.

Апофеозом стал перевод статьи по структурной лингвистике для “Вопросов языкознания”. Я посмотрела на статью и пришла в ужас. Но делать нечего, стала переводить. Тогда только начинался “машинный перевод” (в смысле, машинный набор текстов на китайском языке). Но для этого в каждой типографии потребовался вагон иероглифики. Появились сокращенные иероглифы, полная запись уже не встраивалась в концепцию. И вот Ошанин дал мне переводить теорию. И сам стал редактором моей статьи.

А потом с этой статьей отправил меня к рецензенту — Н.И. Конраду. Конрада тогда уже знали, в основном по портретам в Ученом совете, а я была у него дома и пила с ним чай. Но тогда я этого еще не оценила, понимание пришло уже позже, когда я стала заниматься театром.

А потом я отказалась идти в аспирантуру по языкознанию и ушла заниматься театром. Ошанин меня отпустил. Этот наш диалог я помню почти дословно.

Когда я сказала, что не хочу заниматься лингвистикой, Ошанин спросил: «А чем Вы хотите заниматься?» Я замерла и тихо так: «Театром». Он помолчал и подытожил: «Ну что ж, я не снимаю своей рекомендации в аспирантуру».

И как-то Илья Михайлович пригласил меня домой. А там семья была непростая: жена — бывшая дворянка, такая дама из прошлого, дочь, которая вышла замуж за одного из братьев Стругацких (Аркадия). Был чай, мы сидели долго беседовали. А потом он мне подарил картинку-лубок с театральным сюжетом. Она и сейчас висит у меня на стене как память о моем учителе, который сначала обучил меня, а потом смог отпустить заниматься тем, чем хочу я».

И.М. Ошанин скончался в 1982 году, а словарь вышел только в 1983, работу доделывал его «правая рука» — А.И. Мелналкснис.

За разработку этого словаря И.М. Ошанин стал Лауреатом Государственной премии СССР в области науки и техники (1986).

Библиографический список

Дацышен В.Г. К проблеме словарей в русском китаеведении // Общество и государство в Китае. 2018. № 2.

Кремнев Е.В., Стефановская С.В., Ван Ланьцзюй. Фонетическая стадия эволюции китайской письменности в грамматологической теории И.М. Ошанина // Успехи современной науки и образования. 2016. № 7. С. 118—120.

Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь. В 4-х т. Т. 1. М., 1983.

Черникова Л.П. Создание Большого русско-китайского словаря под руководством И.М. Ошанина. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде, сотрудничество сквозь годы и расстояния // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 19. С. 55—80.

References

Datsyshen, V.G. (2018). K probleme slovarey v russkom kitayavedenii. [On the problem of dictionaries in Russian Sinology]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye, No. 2. (In Russian).

Kremnyov, E.V., Stefanovskaya, S.V., Van Lan'tszyuy. (2016). Foneticheskaya stadiya evolyutsii kitayskoy pis'mennosti v grammatologicheskoy teorii I.M. Oshanina [The phonetic stage of the evolution of Chinese writing in the grammatological theory of I.M. Oshanin]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*, No. 7. Pp. 118—120. (In Russian).

Oshanin, I.M. (1983). *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar'* [Big Chinese Russian Dictionary], in 4 vol., Vol. 1. (In Russian).

Chernikova, L.P. (2018). Sozdaniye Bol'shogo russko-kitayskogo slovarya pod rukovodstvom I.M. Oshanina. Uchastiye vostokovedov-praktikov v kollektivnom trude, sotrudnichestvo skvoz' gody i rasstoyaniya [Creation of the Big Russian-Chinese Dictionary under the leadership of I.M. Oshanin. Participation of orientalist practitioners in collective work, cooperation across years and distances]. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, No.19. Pp. 55—80.

Поступила в редакцию: 25.08.2023. Received: 25 August 2023.

Принята к публикации: 01.10.2023. Accepted: 1 October 2023.

Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет!

15 октября 2023 г. исполнилось 70 лет выдающемуся российскому китаеведу, специалисту по китайской философии Артему Игоревичу Кобзеву. Артем Игоревич — уникальное и крайне колоритное явление не только в российском китаеведении, но и во всей науке и общественной жизни нашей страны. Я познакомился с ним еще в 80-е гг. прошлого века, сначала как с исследователем, а затем и лично. Тогда, будучи студентом МГИМО, я начал ходить на самую значительную в России китаеведческую конференцию «Общество и государство в Китае», которую проводил Отдел

Китая Института востоковедения АН СССР. Конференция была одним из заметных ежегодных событий не только науки, но и всей общественной жизни позднего СССР, она собирала не только лучших китаеведов страны, но и многих, как тогда говорили, «представителей общественности». В основном это было потому, что старшее поколение китаеведов, говоря здесь о Китае, часто в действительности имело в виду не только Китай, но мир социализма в целом, а значит и свою страну, серьезно судить о которой напрямую в то время возможности не было. Эти разговоры интересовали и меня, но я также заметил, что на конференции сформировалось новое поколение китаеведов, которые хотели разговаривать о Китае самом по себе, а не в связи со своими политическими или общественными взглядами, считая, что китайская культура того достойна. Между ними шла постоянная научная дискуссия, но объединяло их именно это — стремление к академической объективности и понимание того, что китайская цивилизация — явление в той или иной мере уникальное и заслуживает того, чтобы посвятить свою жизнь ее изучению. Тогда я не очень хорошо разбирался во всех деталях этих дискуссий, затрагивавших философию, филологию, историю, экономику и многое другое, но именно наблюдая их, ясно понял, что востоковед — человек особый и должен быть специалистом во всех этих вопросах и подходить к избранной для изучения страны комплексно. Артем Игоревич был одним из ярчайших представителей этого молодого поколения. Если представить его идеи в очень упрощенном виде, он говорил от том, что в Китае не развилась метафизическая философия западного типа, и китайская мысль представляет собой многовековое развитие натурфилософии типа древнегреческой, но, естественно, гораздо более глубокое и многогранное. По этому и многим другим вопросам с ним тогда спорили некоторые, как тогда мне казалось, вполне сформировавшиеся китаеведы, которые в действительности были еще довольно молодыми людьми:

Е.А. Торчинов, В.В. Малявин, С.Н. Гончаров. Всем им тогда было около 30-ти. Иногда к их дискуссиям подключались и более почтенные ученые, которые говорили с ним вполне на равных.

В 1988 г., приехав из Китая, после двух лет работы в советском посольстве, я поступил младшим научным сотрудником в это сакральное место для молодых китайедов место — Отдел Китая Института востоковедения — и даже оказался в одном секторе с Артемом Игоревичем — секторе китайской идеологии. К сожалению, буквально через год меня затянула бурная в то время общественная жизнь, но с Артемом Игоревичем мы продолжали поддерживать отношения. Помню, что я как-то заходил к нему в общежитие Пекинского университета, где он пребывал на стажировке, а за несколько лет до этого жил и я. Встречались мы и в других местах, но не очень часто. Тем не менее я, естественно, следил за его работами. Я заметил, что его подходы развивались и не вылились в обычную для западных философов XVIII—XIX вв. идею о том, что в Китае, в связи с отсутствием метафизики, вообще не было философии или она тысячи лет пребывала в каком-то недоразвитом состоянии. Напротив, Артем Игоревич сформулировал целую теорию развития китайской мысли в собственном направлении, отличном от европейского или индийского, которое было основано на иной методологии — не европейской формальной логике, но логике иного типа, которую он назвал нумерологией. Идеи об этом уникальном типе мышления пронизывают все его основные работы: «Учение Ван Янмина и классическая китайская философия» (1983), «Учение о символах и числах в китайской классической философии» (1994), «Философия китайского неоконфуцианства» (2002), «Традиционная наука в Китае» (2014) и другие.

Конечно, этим не ограничивается вклад Артема Игоревича в мировую и российскую науку. Его труды охватывают самые различные сферы Китаеведения: историю Китая, развитие его науки и общественной мысли, политику, литературу, этику, эстетику и даже эротику. Он автор и редактор многочисленных переводов, в последние десятилетия — организатор конференции «Общество и государство в Китае», сборники материалов которой он превратил из небольших брошюр в полноценное периодическое издание весьма внушительного размера и вида.

Артем Игоревич проявил себя как недюжинный организатор науки и образования и как человек истинно государственного мышления — он постоянно генерирует предложения о том, как необходимо развивать Китаеведение с пользой для России. Выступая за то, чтобы из российских вузов выпускались не только Китаеведы-гуманитарии, но и специалисты по конкретным отраслям экономики и естественным наукам, он фактически с нуля создал цикл гуманитарного образования в МФТИ. Преподавал он также и в других вузах, где составлял собственные программы. Кроме Института востоковедения, он также работал в институтах философии и Дальнего Востока РАН. Много труда он положил и для воссоздания истории российского Китаеведения, издания трудов и жизнеописаний ушедших коллег. Под его руководством был создан интернет-сайт synologia.ru, где в открытом доступе собраны основные работы многих российских Китаеведов. Полное описание его научной, образовательной и организационной деятельности заняло бы много страниц.

К сожалению, государство не всегда прислушивалось к его советам. Конечно, нельзя сказать, что его труд остается совершенно неопределенным. Артем Игоревич — обладатель многих наград и званий, в 2010 г. ему была присуждена Государственная премия за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии «Духовная культура Китая». Оценили его многолетний труд и в Китае: в 2020 г. он был награжден Национальной премией КНР за особый вклад в литературу, присуждаемой иностранным переводчикам, писателям и издателям за популяризацию китайской литературы и развитие культурных контактов с другими странами. По его предложению на развитие китаеведения государство выделяло определенные средства.

Однако суть его идей, которые сводятся к превращению китаеведения в отдельное направление науки, активно поддерживаемое государством материально и институционально, несмотря на его многочисленные официальные письма и предложения, пока осуществлена не была. Относится Артем Игоревич к этому обстоятельству, насколько я могу судить, как и должно истинному философу, философски. Здесь он остается оптимистом и идеалистом. Когда я говорю ему, что некоторые его идеи в отношении государственной поддержки являются слишком идеальными и непрактичными, он обычно отвечает, что необходимо зафиксировать свою позицию, а что уж сделает руководство — это дело его.

Зная активность и размах деятельности Артема Игоревича, можно с уверенностью сказать, что он еще очень многое делает для российской и мировой науки. Но уже сейчас ясно, что он войдет в историю так же, как вошли в нее наши выдающиеся китаеведы: о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), архимандрит Палладий (П.И. Кафаров), академики В.П. Васильев и В.М. Алексеев. Возможно, некоторые научные выводы Артема Игоревича, в особенности в части уникальности китайской цивилизации, некоторым кажутся чрезмерно радикальными, а его отдельные оценки своих коллег-китаеведов — слишком резкими, но для того и существует наука, чтобы не застыть, а развиваться, в том числе в ходе бурных дискуссий и откровенных обсуждений.

Поздравляем Артема Игоревича со славным юбилеем и желаем дальнейших успехов в его многотрудной деятельности!

*Главный редактор журнала «Российское китаеведение»
А.В. Лукин*

*До Лимэй**

Российские студенты в Китае и распространение китайского фарфора в России в XVIII веке**

Введение

Основание Императорского фарфорового завода в России тесно связано с Китаем. Российское правительство использовало студентов, сопровождавших дипломатические посольства, торговые караваны и духовные миссии в Китай, внедряя в их ряды информаторов, одной из целей которых было получение рецепта фарфора, чтобы по возвращении помочь в создании казенного фарфорового производства на родине. Изготовление китайского фарфора, о котором мечтал Петр Великий, было налажено в елизаветинскую эпоху. Но уже в правление Петра I Россия сформировала в Китае широкую сеть осведомителей, некоторые из них занимались тайным сбором сведений о фарфоре в течение 15 и более лет. Они пытались скрытно выведывать промышленную информацию, проникая даже в императорский дворец. В начале производства собственного российского фарфора он полностью имитировал китайский по внешней форме и росписи, но вследствие непонимания сути заложенных в «китайском стиле» смыслов имел только внешнее сходство с ним, более соответствуя местным идеалам роскоши. В результате многолетнего развития этого производства были изготовлены фарфоровые изделия, отвечающие эстетическим представлениям русской культуры и «совмещающие китайский и русский стили». Как бы то ни было, распространение фарфора в России является важной составляющей истории китайско-рос-

* До Лимэй — младший научный сотрудник Музея Гугун (Императорского дворца в Пекине).

** Данная статья была опубликована на китайском языке в журнале 俄罗斯学刊 (2023年第2期第24—36页) [Академический журнал исследований России. 2023. № 2. С. 24—36]. Журнал издается Хэйлунцзянским университетом в издательстве Хаэрбинь ши шицзяо инью юсян гунсы под ред. Лю Яна, Цзинь Хуэйсиня, Ли Шихуа и Ху Вэйвэй. На русском языке статья публикуется с аннотацией автора. Перевод и примечания А.В. Минеевой.

сийского взаимодействия в сфере материальной культуры. Фарфоровые изделия в «китайском стиле» сопровождали династию Романовых до конца ее правления, и таким образом посредством фарфора культура, мысль и искусство Китая тоже получали возможность распространения в России и во всем мире.

Фарфор стал визитной карточкой Китая во внешнем мире, сыграв важную роль в соединении китайской и западной культур. В значительной степени именно фарфор знакомил Запад с китайской культурой. В средние века попавшие в Европу фарфоровые изделия приводили в восторг местное население. Еще в XV в. правители Египта и Судана преподносили китайский фарфор в качестве подарков венецианскому дожу Франческо Фоскари (1442)¹ и королю Франции Карлу VII (1447)². В 1553 г. коллекция итальянского дома Медичи насчитывала 373 предмета китайского фарфора, будучи самой богатой в Европе³. Однако по причине большого спроса и высокой себестоимости доставки почти все страны региона начали собственные изыскания в этой области, а также предпринимали попытки получить рецепты и технологии обжига китайского фарфора.

Успехи в обжиге европейского фарфора были тесно связаны с деятельностью Франсуа-Ксавье Д'Антреколя, французского миссионера-иезуита, подвизавшегося также в сфере промышленного шпионажа. Прибыв в Китай в 1698 г., он взял себе китайское имя Инь Хунсюй (殷弘緒). Чтобы получить соответствующие рецепты и технологии, он прожил в Цзиндэжэне⁴ семь лет. В 1712 и 1722 гг. Инь Хунсюй дважды направлял европейскому руководству Общества Иисуса отчеты с описанием деталей процесса изготовления фарфора, которые он наблюдал и смог выведать в Цзиндэжэне, а также образцы соответствующих материалов и изделий. Это позволило французам наладить по данным образцам производство фарфора в собственной стране, а позднее — распространить их по всей Европе⁵.

Схожим образом фарфор появился и в России, но знают об этом немногие. В настоящее время исследования китайских ученых по истории китайско-российских отношений редко затрагивают деятельность русской промышленной разведки. До основания Императорского фарфорового завода российские студенты⁶ в Китае много лет занимались сбором разведывательных данных, чтобы получить технологии производства и рецепта фарфоровой глины. В изданной в 1906 г. в России книге «Императорский фарфоровый завод. 1906»⁷ упоминаются рядовые архивные записи, показывающие, как тайны китайского фарфора выведывались членами российских дипломатических посольств, персоналом торговых караванов и студентами. Российский историк Писаренко, основываясь на архивных материалах, рассказывает о том, какую роль сыграли сведения, собранные обучавшимся в Китае студентом Владыкиным⁸, для производства фарфора в России⁹. В статье Юрия Душкина «Курсины в Иркутске» разобран процесс сбора информации серебряником и торговцем Курсиным¹⁰ во время его поездки в Китай, а также упомянут тот факт, что в азиатской части России только город Иркутск имеет вековые традиции производства фарфора, и начало этому положила семья Курсиных 250 лет назад¹¹.

Автор упорядочила архивные и историографические материалы, обращая особое внимание на процесс получения рецепта китайского фарфора российскими студентами в Китае, под новым углом зрения проанализировала взаимодействие и связи Китая и России в сфере материальной культуры.

Интерес к китайскому фарфору в России

Взаимное узнавание Китая и России началось в период Золотой Орды. Влияние ее более чем 240-летнего господства над Русью на последующие события было масштабным и глубоким. Отношения, которые связывали эти две стороны, не сводились к примитивной схеме притеснения и противостояния, которая традиционно описывается в работах российских историков, в большей степени это были отношения покровительства и симбиоза. Россия в значительной степени усвоила монгольские элементы быта, строй, культуру и идеологию¹². В результате археологических раскопок в подземных помещениях московского Кремля были обнаружены изделия из персидского фаянса из Золотой Орды, Самарканда и «Султанабада», а также датируемые XIII—XIV вв. памятники китайской «зеленой керамики»¹³. Помимо этого, по всей территории Поволжья, находившегося под управлением Золотой Орды, был распространен так называемый «селадон» (*celaton*) — бирюзовый фарфор лунцюаньского обжига¹⁴, множество фрагментов предметов из селадона было обнаружено в ходе археологических изысканий. На основании имеющихся в настоящее время исторических материалов наиболее ранним периодом знакомства Руси с китайским фарфором следует признать золотоордынский.

В дворцовых собраниях императорской династии Романовых было множество предметов китайского фарфора, их передачу в порядке наследования можно проследить до эпохи Ивана IV¹⁵. В коллекции Музеев Московского Кремля хранится фарфоровая ваза с синим цветочным орнаментом под названием «сулея»¹⁶ — раритет, принадлежавший старшему сыну Ивана IV царевичу Ивану Ивановичу. Инвентарный номер данного памятника — Ф-1159. Высота вазы — 34,5 см, по форме она представляет собой шестигранник, с небольшим изгибом у края, удлиненным горлом, скошенными плечами, широким туловом, расширением в нижней части ко дну в виде шестигранника, с синим цветочным орнаментом по всей поверхности сосуда. Верхняя часть горла оправлена позолоченным серебром, на оправе — надпись на древнерусском «СУЛЕЯ ЦАРЕВИЧА КНЯЗЯ ИВАНА ИВАНОВИЧА». Сотрудники музея определили данный памятник как китайский фарфор с синим цветочным орнаментом эпохи Мин¹⁷. Так как предмет был предназначен специально для цесаревича, он является очевидным доказательством тяги российских правителей к китайскому фарфору.

На Руси до Петра I¹⁸ в повседневной жизни в основном использовали деревянную и керамическую посуду, металлической утвари было относительно мало, фарфоровые же предметы встречались совсем редко, считаясь настоящей драгоценностью. Тогда изделия из фарфора не были предметом первой необходимости, в обычных семьях не использовали и изразцовые плитки для обкладки печей. В те времена русские люди не имели представления даже о чае. На Западе

фарфор и чай вошли в моду одновременно, в конце XVII в. По мере реформ Петра I в России вслед за Западом появилась «мода на Китай»¹⁹, китайский фарфор, разумеется, был встречен особенно благосклонно²⁰. Только в 1699 г. страна закупила более 500 предметов китайского фарфора, после доставки на корабле «Апостол Петр» они были размещены во дворце Марли²¹ в Петергофе. К сожалению, большая часть этих предметов утеряна²².

В целях развития торговых связей Петр I постоянно отправлял в Китай дипломатические посольства и торговые караваны. В составе последних многократно приезжал в Пекин торговый агент Лоренц Лауг²³. Он привозил царю множество произведений китайского традиционного искусства, в том числе доставил фарфоровую печь, которой Петр I был очень доволен²⁴. Эти предметы искусства стали основой китайской коллекции первого государственного музея — «кабинета редкостей» — Кунсткамеры, основанной в 1714 г. Рост спроса привел Петра I к мысли о производстве фарфора в России. Он даже выделил значительную сумму для заказа в Китае аптекарских фарфоровых банок с изображением государственного герба — двуглавого орла, а также столового сервиза, чтобы использовать их в опытах по разгадке секрета фарфора²⁵. В своей незавершенной «Истории Петра I» А.С. Пушкин писал: «5 декабря 1707 г. Петр прибыл в Москву, подарив тамошней аптеке множество китайского фарфора»²⁶. Фарфоровая аптекарская банка имеет высоту 19,5 см, верх горлышка — с наклоном, далее по короткому горлышку идет сужение; у нее широкие плечи и прямое тулово, ближе ко дну на сосуде появляется выступ, выделенный линейным орнаментом, дно прямое. Все тулово расписано красной, зеленой и черной красками. На нем изображены две головы орла с коронами, между головами расположена большая императорская корона, посередине — тулова зеленая кайма, в которую вписан традиционный китайский орнамент *жуи*. Одна из нижних лап орла держит меч, другая — ветвь. Таких аптекарских фарфоровых сосудов множество, сейчас они хранятся в российском музее Эрмитаж.

Русский ученый Ломоносов²⁷ пытался обжигать фарфор в своей химической лаборатории, однако результат не оправдал ожиданий. В своей оде под названием «Письмо о пользе стекла», созданной в 1752 г., Ломоносов щедро восхваляет удивительные свойства стекла, полагая, что только фарфор, созданный китайцами, может с ним сравниться:

Хоть вместо оного [стекла] замысловаты хины
Сосуды составлять нашли из чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобразив в Фарфор,
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают²⁸.

Это произведение показывает, насколько Ломоносов был восхищен умом, способностями и смекалкой китайского народа, проявившимися в изготовлении фарфора. Одновременно можно видеть, с какой колоссальной силой этот материал притягивал к себе россиян.

Деятельность России, нацеленная на получение «секрета китайского фарфора»

Китайский рецепт изготовления фарфора долго оставался секретом для внешнего мира. Российская императрица Елизавета Петровна²⁹ после восшествия на престол, чтобы исполнить заветное желание Петра Великого, сделала разгадку «секрета китайского фарфора» важной государственной задачей, обязательной к исполнению. В документе, который 17 октября 1746 г. из Иркутска направил императрице директор пятого российского торгового каравана Лебратовский³⁰, четко прописана тема — «об узнавании секрета китайского фарфора»³¹.

В 1715 г. в Пекине официально была учреждена Русская духовная миссия. В Китай стали приходить торговые караваны. Российское правительство превратило миссию в собственное представительство в Пекине. Миссия не ставила акцент на религиозной проповеди, главными ее достижениями были передача знаний о Китае в Россию и подготовка китаеведов. Информаторы, претворявшие в жизнь план раскрытия «тайны китайского фарфора», скрывались среди миссионеров и участников торговых караванов, перемещавшихся между странами.

В 1725 г. Россия направила в Китай посольство во главе с Владиславичем³². Во время его пребывания в Пекине с Китаем был подписан Кяхтинский трактат³³, который заложил основы длившихся более чем столетие стабильных китайско-российских отношений и базис для установления границы между странами, а также гарантировал официальный статус православной миссии в Пекине. В состав посольства Владиславича входил серебряник Мясников³⁴, основная цель которого как раз и состояла в том, чтобы по прибытии в Пекин собирать сведения о фарфоре. В 1739 г. российское правительство повторно направило Мясникова в составе четвертого купеческого каравана в Пекин для изучения «художеств» и наук. Во время своего пребывания в китайской столице Мясников покупал «полезные вещицы», осваивал техники работы с медью, изготовления изделий из фарфора и яшмы. В ноябре 1739 г. от Правительствующего Сената России поступило указание, по которому Мясникову из караванной казны было выделено 300 рублей на научные изыскания в Китае и сбор «куриозных» вещей³⁵. В 1743 г. Мясников в секретном докладе писал, что не сможет самостоятельно осуществить свою главную задачу, обвиняя тогдашнего директора четвертого каравана Фирсова³⁶ в том, что тот «не дал денег, чтобы заплатить китайцу, соглашавшемуся сообщить секрет фарфора»³⁷. Мясников в своем донесении также упомянул, что в Китае он научился технике починки фарфора при помощи металлических скоб, а также проявил большой интерес к глазури для фарфоровых изделий³⁸. Описанная выше история подтверждает, что Мясников в статусе серебряника³⁹ был послан в Китай прежде всего в качестве российского агента для сбора информации о секрете китайского фарфора.

Вслед за четвертым пятый российский купеческий караван продолжил работать над задачей выведывания «тайны китайского фарфора». В секретном донесении его директор Лебратовский докладывал, что, несмотря на многократное посещение Китая Мясниковым, тот так и не освоил технику изготовления фарфора. Чтобы выполнить эту задачу, Лебратовский в Кяхте нашел серебряника

Курсина, который ранее уже предпринимал попытки самостоятельного обжига фарфора. Для претворения данного плана в жизнь из караванной казны была выделена большая сумма денег. В начале 1740 г. Курсин в окрестностях Кяхты, в районе реки Буреи, выявил месторождение белой глины и других материалов, из которых изготовил фарфороподобный черепок без глазури, так как еще не знал секрета ее изготовления⁴⁰. По прибытии Курсина вместе с караваном в Пекин ученики духовной миссии Алексей Владыкин и Иван Быков⁴¹ представили ему мастера по изготовлению фарфора из мастерской императорского дворца, с которым Владыкину удалось познакомиться по рекомендации своего учителя из Гоцзыцзяня⁴². Они неоднократно вместе выезжали за 35 верст от Пекина, где мастер втайне демонстрировал технику обжига фарфора и его рецепт. После того как Курсин всему научился, он по договоренности выплатил китайскому мастеру вознаграждение в сумме 3286 рублей 10 копеек. Курсин, имея на руках «разные рецепты», «план завода и образцы необходимых для фарфорового дела материалов»⁴³, вернулся в Россию. В Иркутске с использованием местных материалов он провел «секретный опыт выделки фарфора», успешный результат которого был отправлен в Петербург⁴⁴. Таким образом, в реализации задачи по выведыванию «тайны китайского фарфора» Курсин оказался довольно успешен.

Однако ключевые для выполнения этого плана фигуры, которые также отвечали за поддержание контактов внутри Китая и за его пределами, все время находились в Пекине. Это были сопровождавшие миссии студенты. Начиная с 1727 г. российское правительство начало отправлять их в цинскую империю для изучения китайского и маньчжурского языков. Упомянутые выше Владыкин и Быков как раз и были такими школярами, которые в 1732 г. прибыли в Китай со второй духовной миссией. К тому времени торговый агент Ланг находился там пять месяцев и семь дней. Покидая Пекин, он забрал с собой двух студентов, проходивших там обучение: Ивана Пухарта и Федора Третьякова. На место двух выбывших приехали выходцы из знатных московских родов: Иван Быков и Алексей Владыкин⁴⁵. В архивах на маньчжурском языке есть запись: «Согласно докладу Ланга: сему человеку по прибытии было поручено из шести российских учеников, изучающих в Китае маньчжурский, китайский языки, выбрать двух, способных к переводам, на их место оставить двух других учеников. Посему забраны два ученика — Иван и Федор, на замену им сей человек привез двух — Ивана Быкова и Алексея Владыкина... составлено в десятый год правления Юнчжэн, пятый месяц високосного года, третий день. Высочайшее повеление: быть посему»⁴⁶. С марта по май 1746 г. во время сложных и длительных переговоров директора русского торгового каравана Лебратовского с чиновниками цинского двора о ротации духовных миссий Владыкин отвечал за переводческую работу⁴⁷. Сяо Юйцю в работе «Российские студенты в Китае до 1864 г.» упоминает, что «Россохин, А. Владыкин, А. Леонтьев»⁴⁸ также были учителями русского языка в Школе русского языка при Императорской канцелярии, а в Лифаньюане⁴⁹ переводили переписку между китайскими и российскими правительствами»⁵⁰. Можно видеть, что особый статус Владыкина, работавшего в Лифаньюане, помог ему получить информацию о цинском правительстве, необходимую для российских тор-

говых караванов и посольств, чтобы выполнить задачу по выведыванию «тайны китайского фарфора».

Чтобы разгадать этот секрет, Владыкин и Быков постоянно находились в Китае в течение более 15 лет, вплоть до 1746 г., когда, получив одобрение Лифаньюаня, смогли вернуться в Россию с пятым торговым караваном. Во время пребывания в Китае они воспользовались своим преимуществом — совершенным владением маньчжурским и китайским языками, чтобы успешно собрать информацию о фарфоре. В частности, они помогали Мясникову и Курсину выполнить их миссию по промышленной разведке.

«Директор купеческого каравана решил взять их обоих с собой обратно, потому что они передали ему довольно важную секретную информацию, которая для Российской империи была чрезвычайно полезна»⁵¹. Однако в архивах не содержится записей о том, какая конкретно это была информация. Известно только «о денежной премии, выданной отправленному в Пекин для изучения китайского языка и фарфора прапорщику Алексею Владыкину»⁵². По данным материалам можно сделать вывод о том, что тайная информация, о которой говорится в документе, касается обучения Владыкина производству китайского фарфора — за это он и получил денежную премию, так как другая его задача — изучение китайского языка, — отнюдь не была секретной. На самом деле уже в 1742 г., когда в Китай прибыл четвертый купеческий караван, Владыкин пытался вернуться вместе с ним на родину, но цинское правительство не согласовало его отъезд. Можно уверенно утверждать, что Владыкин тогда очень переживал, что китайцы знают о его попытках выведать рецепт фарфора. Он с опаской сообщил директору четвертого купеческого каравана Фирсову действительную причину своего желания как можно скорее покинуть китайскую столицу, и в то же время получил поддержку Быкова. Но все это не помогло им уехать в 1742 г., они вынуждены были провести в Пекине еще четыре года. К счастью, стало очевидно, что опасения были надуманны, китайцы и не собирались подозревать его. Наконец, 27 ноября 1745 г. прибыл пятый караван. Директор Лебратовский легко получил у китайского императора разрешение для обоих — Владыкина и Быкова — вернуться на родину (23 мая 1746 г.), 6 июня они покинули Пекин⁵³.

Российский ученый Писаренко рассуждает: «В 1741 г. директор китайской императорской фарфоровой фабрики в Чин-те-Чине Танг Йинг (1682—1754) подготовил трактат с подробным описанием технологии производства фарфора. Мог ли переводчик китайского трибунала А.М. Владыкин как-либо ознакомиться с ним и скопировать целиком или выборочно?»⁵⁴. Владыкин после получения этого труда мог опасаться, что все обнаружится, потому и торопился вернуться на родину в 1742 г. В статье Писаренко имеется в виду работа Тан Ина «Изыяснение керамического дела с иллюстрациями» («陶冶图说», «Тао е ту шо») — первый в литературном наследии Китая трактат, в котором полностью описана технология производства фарфора в Цзиндэчжэне. Основное его содержание посвящено технологии изготовления фарфора с синим орнаментом. Однако «Изыяснение керамического дела с иллюстрациями» было завершено в 8-м году правления под девизом Цяньлун, т. е. в 1743 г. Таким образом, Писаренко ошибся в расчетах, в 1741 г. данный трактат еще не существовал. Владыкин вернулся на родину только

в 1746 г., скорее всего, у него была возможность получить эту книгу, однако соответствующих свидетельств не обнаружено.

Владыкин родился в Пензенской губернии в дворянской семье, он и Быков прошли обучение в созданной Петром Великим Навигацкой школе. После выполнения задачи по выведыванию «тайны китайского фарфора» они получили награду от императрицы и повышение по службе. В 1753—1756 гг., когда Владыкин занимал должность директора шестого купеческого каравана, он вернулся в Пекин, но данная экспедиция не была успешной: из-за личного «недостойного» поведения ему был запрещен въезд в Китай цинским правительством, он стал персоной нон грата⁵⁵. Несмотря на отсутствие расположения со стороны двора, Владыкин продолжал использовать выгоды своего статуса для сбора информации. В 1755 г. он передал Тайному совету⁵⁶ карту Китая с делением на провинции и план Пекина, одновременно сообщив, что эти карты он скопировал с материалов, взятых из императорского книгохранилища, на что истратил 1500 рублей серебром⁵⁷. Это показывает, что у Владыкина оставались возможности доступа во дворец для сбора сведений.

Основание Императорского фарфорового завода в России

До основания Императорского фарфорового завода⁵⁸ в России в Европе уже существовало две фарфоровые мануфактуры. Первая из них была основана в 1710 г. в немецком⁵⁹ Мейсене. Вскоре австрийский агент получил из Мейсена важнейшую для того времени разведывательную информацию — секрет изготовления фарфора, и по дипломатическим каналам переманил часть мастеров Мейсенской фарфоровой мануфактуры. В 1718 г. в Европе появилась вторая аналогичная мануфактура — Венская. На этом фоне, с учетом успешного завершения многолетней работы в Китае по плану выведывания «тайны китайского фарфора» российская императрица посчитала достаточными условия для основания такого же предприятия в России и начала подготовку к созданию собственного производства. Во-первых, императорским указом кабинет-секретарь Черкасов⁶⁰ был назначен ответственным за координацию взаимодействия специалистов и мануфактуры, а также за предоставление императрице своевременной отчетности. Во-вторых, формировалась группа специалистов — исследователей и разработчиков: для создания фарфора пригласили Христофора Гунгера из немецкого Мейсена и местного химика Виноградова⁶¹. И в-третьих, вернувшихся из Пекина информаторов командировали на фарфоровое производство в качестве советников, чтобы они проявили себя на этом поприще.

Что касается группы специалистов, то вскоре выяснилось: Гунгер, несмотря на опыт работы в Мейсене и совместный труд с изобретателем немецкого фарфора Беттгером⁶², обманул ожидания российского правительства. Он не смог сделать даже копии мейсенского фарфора, и потому был скоро выдворен из России. Все надежды были возложены на Дмитрия Ивановича Виноградова, который с 12 лет учился в московской Славяно-греко-латинской академии. В 1736 г. он был отобран для учебы в Императорской Петербургской академии наук⁶³. Летом того

же года вместе с Ломоносовым он был отправлен в Марбургский университет в Германии для изучения физики и химии, затем в немецком Фрайберге они постигали горное дело и металлургию. По завершении учебы в феврале 1744 г. Виноградов вернулся на родину, в октябре того же года ему был присвоен чин техника горного дела, соответствовавший 9-му классу по Табели о рангах⁶⁴, и, как и положено, через полгода — звание горного инженера — бергмейстера (соответствовало 8-му классу). В конце концов именно Дмитрий Иванович стал «отцом российского фарфора», его вклад и роль сопоставимы с Веджвудом⁶⁵ для английского фарфорового производства и Беттгером — для немецкого.

В 1744 г. российская императрица направила Виноградова для участия в подготовительных работах по созданию фарфоровой мануфактуры, а в 1745 г. он и Гунгер начали опыты, которые продолжались до января 1747 г., когда русский исследователь в результате многократных экспериментов наконец отыскал способ обжига фарфора. Он смог идентифицировать основные компоненты для этого производства: каолиновую глину, кварц и полевой шпат, а также установил, что месторождения лучшего фарфорового сырья в России находятся в районах Гжели, Олонца и Казани. В том же году он преподнес императрице первую партию успешно обожженных мелких фарфоровых изделий.

Как же ему удалось в такой короткий срок освоить технологию производства фарфора, так строго охраняемую в Китае и Европе? Согласно исследованию Писаренко, это тесно связано с разведывательной деятельностью Владыкина в Китае⁶⁶.

Почему российский ученый менее чем за год смог успешно обжечь фарфор? Даже учителю Гунгера Беттгеру понадобилось несколько лет, чтобы преуспеть в своих экспериментах. «Судя по всему, мастеру что-то помогло в разы сократить срок поиска, а именно информация извне — либо из Саксонии, либо из Китая, полученная в Петербурге примерно в ноябре—декабре 1746 г. Такая информация действительно пришла в Петербург в указанное время... из Китая, от директора возвращавшегося из Пекина пятого китайского каравана Г.К. Лебратовского. 6 октября 1746 г. караван достиг Иркутска, откуда курьеру не составляло труда за месяц-полтора привезти рапорт с важными приложениями на берега Невы. Что касается источника информации — прапорщика Алексея Матвеевича Владыкина, то он появился в Санкт-Петербурге 7 апреля 1747 г.»⁶⁷. Прибывший вместе с караваном Курсин также внес вклад в усовершенствование технологии изготовления фарфора. В мае 1747 г., приехав в Петербург, он поставил опыт с использованием глины, собранной в окрестностях Пулково⁶⁸, но эксперимент не удался. Тогда же Курсин предположил, что рецепт и план печи для обжига, полученные от китайского мастера, неверны⁶⁹. А 13 июля 1747 г. Курсин был на фарфоровой мануфактуре. Разумеется, он оказался там, чтобы стать советником по техническим вопросам и разъяснить Виноградову то, что тот не мог понять в рецепте китайского фарфора⁷⁰.

В марте 1748 г. императрица отправила хорошо знакомого с технологией производства фарфора Владыкина на фарфоровую мануфактуру в Пулково⁷¹. Его невероятные усилия, предпринятые ради создания фарфорового производства, были щедро вознаграждены императрицей. После возвращения он получил по-

вышение сразу на пять рангов — чин капитан-поручика (соответствует 9-му классу⁷², до этого имел 14-й). Одновременно 20 февраля 1753 г. императрица издала указ о назначении Владыкина директором шестого торгового каравана. «Взаимная торговля в Пекине» после подписания Нерчинского трактата⁷³ в течение более чем 60 лет была основной формой китайско-российских торговых отношений, и закономерно, что должность директора купеческого каравана считалась почетной⁷⁴.

Благодаря информации Владыкина и Курсина Виноградов заметно сократил срок исследований производства фарфора. Однако по поводу его собственного вклада в создание российского фарфора существуют расхождения и споры. При наличии поддержки со стороны кабинет-секретаря Черкасова Дмитрий Иванович так и не получил повышения по службе. Он умер 25 августа 1758 г. в возрасте 38 лет, будучи всего лишь бергмейстером.

Российский фарфор и влияние Китая

Основание императорского фарфорового завода как раз совпало с расцветом «моды на Китай» в России XVIII века. Начальный период работ по обжигу фарфора сопровождался ограничениями, связанными с особенностями печей, техникой обжига, уровнем мастерства росписи и формования. Тогда производились только мелкие фарфоровые предметы. С одной стороны, они не могли избежать китайского влияния. Многие произведения напрямую копировали образцы фарфора, произведенного в Китае и на Мейсенской мануфактуре. С другой стороны, они оказались под влиянием французского стиля рококо, которому покровительствовала мадам де Помпадур, — стилю преклонения перед роскошью. Причем художественные особенности рококо подверглись существенному китайскому влиянию и постепенно интегрировались с новыми характерными чертами. Таким образом, «китайский стиль» елизаветинского периода по форме визуального воплощения представлял собой «китайщину», соединенную с красочным, тщательно прописанным до деталей, избыточным декором. Такой стиль тяготел к изяществу классики, приторности и мягкости. В композиции умышленно подчеркивалась асимметрия, использовались жизнеутверждающие цвета, например, синий, зеленый, розовый; линии в большинстве были декорированы. Уровень мастерства росписи нельзя назвать зрелым, однако Императорский фарфоровый завод работал с чистой фарфоровой глиной, для декорирования использовал золото, цветную глазурь, все выглядело нарочито дорогим и роскошным.

В период правления Екатерины II⁷⁵ при дворе доминировало подражание политическому облику и стилю жизни французской аристократии до Революции⁷⁶, прикрывавшееся именем «Просвещения», но в реальности бывшее «самодержавием». Во внешней политике продолжалась экспансия, были присоединены обширные земли на востоке. На Императорском фарфоровом заводе наступил период максимального расцвета «китайского стиля». В то время фарфоровый завод уже не довольствовался простым копированием китайских изделий из фарфора и начал уделять внимание качеству, делать упор на самостоятельное

творчество и повышение художественного уровня. Изделия, произведенные на Императорском фарфоровом заводе, постепенно выделились среди множества достойных конкурентов, представленных европейскими фарфоровыми мануфактурами. Вырос и объем производства, который смог удовлетворить потребности в фарфоре в масштабах страны. Академик Петербургской академии наук Георги⁷⁷ в 1794 г., упоминая изделия Императорского фарфорового завода в своей статье, писал: «Сегодняшний фарфор не только по чистоте заготовок из фарфоровой глины, но и по формовке, декорированию и росписи изделий в равной степени приобрел высочайшую художественную ценность. Теперь магазины фарфора в шеренгу выстроились по улицам, первоклассные художественные изделия, что называется, прельщают взор»⁷⁸.

В период правления Александра I⁷⁹ особенностью русского фарфора было изображение на изделиях элементов китайской архитектуры. Серия «Китайская деревня» Бабигонского сервиза, произведенного Императорским фарфоровым заводом в 1823—1824 гг., сейчас хранится в Царском Селе. Данная серия была изготовлена для Петровского дворца на юго-западе Петербурга⁸⁰, общее количество предметов достигало 1500. К 1838 г. число предметов серийного сервиза увеличилось кратно, часть его была перевезена в Царское Село, а в 1857 г. другая часть — на Бабигонские высоты⁸¹, от которых и произошло название сервиза. Каждый раз во время приемов и торжественных банкетов в царском дворце использовали посуду этого столового набора, который постоянно пополнялся вплоть до конца правления императора Николая II⁸². Посередине каждой тарелки изображены строения в «китайском стиле» — группа зданий из «Китайской деревеньки», построенной в Александровском парке при Екатерине II (1780 г.). Группа состояла из восьмиугольной пагоды, вокруг которой были сгруппированы домики, копировавшие тот же стиль. Открытая тарелка с небольшим дугообразным углублением по внешнему контуру декорирована золотом, по краям тарелки на сером фоне золотом нарисованы листья плюща, которые окаймляют изображение; по внутреннему кругу идет позолоченный декор из геометрических фигур, а по центру — постройки в китайском стиле в окружении российской природы. Изображение композиционно правильно структурировано, декоративные элементы выглядят в высшей степени изящно⁸³.

К XIX в. в России начали использоваться собственные фарфоровые изделия в «китайском стиле» для изготовления одного распространенного в Европе предмета роскоши. Карсельская лампа была изобретением французского часовщика Бернара Гийома Карселя, которое он сделал в 1800 г., она по праву считается выдающимся продуктом научно-технического творчества первой половины XIX в. Лампа представляла собой осветительный прибор, заводной механизм в нижней части которого нагнетал горячее вещество к фитилю, в результате чего фитиль загорался⁸⁴; интенсивность света можно было регулировать. Хранящиеся в Царском Селе карсельские лампы были спроектированы в 1840 г. петербургским бронзолитейщиком Феликсом Шопеном. Фарфоровая часть лампы изготовлена Императорским фарфоровым заводом, нанесенный на ее поверхность орнамент имитирует графику изображений с китайского фарфора. Для фарфоровой части сначала при высокой температуре обжигалась заготовка, которая затем разрисо-

вывалась разными цветами и помещалась в печь для обжига при низкой температуре до готовности. На средней части светильника изображены китаец и попугай, будто бы вступившие в диалог. По сравнению с изображениями на китайском фарфоре у персонажа-китайца с фарфоровой части карсельской лампы преувеличенные размеры шляпы, а цвета его одежды гиперболизировано яркие⁸⁵. Данная лампа экспонируется в Китайской гостиной Царского Села, она относится к изделиям середины XIX в., когда в России широкое распространение получил стиль шинуазри.

Идея китайской культуры о «выражении учения в сосуде» визуальна как нигде ярко воплощена именно в фарфоровых изделиях. Распространенная в Китае утварь с «благопожелательными» изображениями и орнаментами через принцип «в картинке заложен смысл, а в смысле заложено пожелание счастья и радости» отражает богатый духовный подтекст китайской культуры. Русские люди в большинстве ничего не знают об этом. Российские умельцы, воплощая «китайский стиль», «стремились только к внешнему сходству, не умея достичь сходства по духу». Декорирование фарфора — это классический пример синтеза двух культур, в котором представлено и тяготение России к роскоши, и специфическая «имитация Китая». В плане использования русский фарфор больше подходит для оформления интерьеров и экспонирования, а китайский — для практического применения.

Подводя итоги, следует сказать, что фарфор в России появился и развивался благодаря многовековой неизменной поддержке, которую оказывали Императорскому фарфоровому заводу правители империи. Он возник хотя и на несколько десятилетий позднее, чем Мейсенская фарфоровая мануфактура, но зато использовал местную глину, очень похожую на китайскую каолиновую. На его себестоимости не экономили, приглашая к участию известных в художественных кругах мастеров. По качеству он не уступал ранее ставшему известным миру немецкому мейсенскому фарфору. Если мы посмотрим ретроспективно на процесс развития фарфорового производства в Российской империи, то увидим: пройдя в самый ранний период своего существования через полное копирование китайских «художеств», местные изделия постепенно вобрали в себя элементы русской традиционной культуры, наполнив их иным духовным и религиозным содержанием. Так появился русский фарфор, видоизмененный, использующий большое количество золота, применяющий роскошный декор, соответствующий органичным именно в рамках этой эстетики и духовности представлениям о «совмещении русского и китайского стилей».

Заключение

В петровский период Россия создала в Китае широкую сеть информаторов, в ходе дальнейшего взаимодействия двух стран она только расширялась за счет «школяров», которым поручали сбор сведений, полезных для нужд родины. Среди посланцев были те, кто тайно выведывал данные о производстве фарфора, долгие годы проживая в стране. Сейчас с позиций эпохи глобализации можно ут-

верждать, что XVIII в. стал тем временным отрезком, когда восточная и западная культуры разрушали разделявшие их барьеры, и Запад по своей инициативе вступил с Китаем во взаимодействие и диалог. В тот период Россия использовала те же способы сбора промышленной информации в Китае, что и Франция, их эмиссары проникали даже в императорские покои, однако русские действовали более скрытными методами. Ни о чем не подозревавшее Цинское правительство не считало нужным прибегать к предосторожностям, что было обусловлено особенностями эпохи и спецификой социально-экономического развития Китая того времени. За внешним благополучием династии Цин уже тогда можно было разглядеть кризис и увядание, признаки которых становились все более явными. В истории взаимодействия Китая и России в сфере материальной культуры, описанной в настоящей статье, заслуживает внимания прежде всего то, что китайский фарфор был воспринят в России как сокровище, фарфоровые изделия в «китайском стиле» сопровождали династию Романовых до конца ее правления и что фарфор стал одним из проводников, посредством которых культура, мысль и искусство Китая получили возможность распространения в России и во всем мире.

Примечания

¹ Фишман О.Л. Китай в Европе: Миф и реальность (XIII—XVIII вв.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 410.

² Тройницкий С.Н. Фарфор и быт. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 13.

³ Impey O. Chinoiserie: The Impact of Oriental Styles on Western Art and Decoration. London, etc.: Oxford University Press, 1977. P. 89.

⁴ Город Цзиндэчжэнь (景德镇) является главным центром фарфорового производства в Китае (пров. Цзянси). В этом регионе находятся залежи наиболее подходящих для изготовления фарфора сортов каолиновой глины (от топонима Гаолин — названия местности в пров. Цзянси) и «фарфорового камня» (природного соединения кварца и слюды). (Прим. пер.)

⁵ Автору важно подчеркнуть роль «промышленного шпионажа» в распространении фарфора, поэтому она здесь не уточняет, что первое европейское фарфоровое производство появилось уже в 1710 г. в саксонском Мейсене благодаря экспериментам немецких специалистов, потом в 1718 г. в Вене (об этом читателю станет известно в конце статьи), тогда как во Франции — только в 1740 г., через пять лет после опубликования записок д'Антреколя и на 30 лет позднее, чем в Саксонии. (Прим. пер.)

⁶ В российских документах и историографии — «ученики», «академические ученики». (Прим. пер.)

⁷ В тексте оригинала ссылка на источник отсутствует. Вероятнее всего, имеется в виду упоминаемое далее издание: Вольф Н.Б. Императорский фарфоровый завод. 1744—1904: Исторический очерк. СПб.: Т-во Р. Голиге и А. Вильборг, 1906. VIII, 422, 64 с., 1 л. Далее в ссылках на данную публикацию библиографические записи, представленные в тексте оригинала, соответствующим образом скорректированы. (Прим. Пер.)

⁸ Так в тексте оригинала. Алексей Матвеевич Владыкин — один из академических учеников, отправленных Российской империей в Китай, совмещал изучение маньчжурского и китайского языков с работой переводчика. Сыграл важную роль в получении информации о производстве китайского фарфора, а позднее — в организации самого производства в России. Был директором торгового каравана в 1753—1756 гг. (Прим. пер.)

⁹ Писаренко К.А. К истории создания русского фарфора: челобитная А.М. Владыкина // Российский архив. Т. XIX. М.: Российский фонд культуры. Студия «Тритэ» Никиты Михалкова «Российский архив», 2010. С. 26—40. См. текст статьи в сетевом ресурсе: URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/raj/raj-0262.htm> (дата обращения: 03.08.2023).

¹⁰ Так, в тексте оригинала Андрей Курсин — серебряных дел мастер из Иркутска. В составе торгового каравана прибыл в Китай в надежде выведать рецепт изготовления китайского фарфора. При посредничестве А. Владыкина и И. Быкова (русских академических учеников в Пекине) выкупил предполагаемый секрет у китайского мастера, однако, по некоторым версиям, по возвращении в Россию обнаружил, что был обманут. См. ссылку 11. (Прим. пер.).

¹¹ Душкин Ю.С. Курсины в Иркутске // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 13—15. В китайской статье ссылка на источник отсутствует. См. текст статьи Ю.С. Душкина в сетевом ресурсе: http://irkipedia.ru/content/kursiny_statya_dushkina_yu_2001 (дата обращения: 03.08.2023). (Прим. пер.).

¹² Feng Yujun 冯玉军. Yixiang zhong de “dada zhi e”: Menggu diguo dui e yingxiang zai kao 臆想中的“鞑鞑之鞑”: 蒙古帝国对俄影响再考 [The Imaginary “Tartar Yoke”: Revising the Mongol Empire’s Impact on Russia] // Shijie zhishi 世界知识. 2020. Vol. 5.

¹³ Трошинская А.В. Китайский фарфор в допетровской Руси: на пересечении культур Востока и Запада // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Вып. 16. 2013. С. 246—269. «Зеленая керамика» (цзинцы 青瓷) считается непосредственным предшественником фарфора. Представляет собой изделия из каолиновых глин в смеси с песком, покрытые глазурью серо-зеленого, зеленовато-коричневого и коричнево-серого цветов. (Прим. пер.).

¹⁴ Керамика, выпускавшаяся в мастерских Лунцюаня (龙泉) пров. Чжэцзян, является предшественницей селадонов — фарфоровых изделий, покрытых серовато-зеленой и голубовато-зеленой глазурью. Термин «селадон» первыми применили в XIX в. французские исследователи китайского фарфора, назвав такие изделия по имени героя пасторального романа XVII в. пастушка Селадона, любившего серо-зеленоватые цвета в одежде. (Прим. пер.).

¹⁵ Иван IV правил в 1547—1584 гг. (Прим. пер.).

¹⁶ Сулея — на Руси широкогорлая фляга для вина или масла. (Прим. Пер.).

¹⁷ Династия Мин правила в 1368—1643 гг. (Прим. пер.).

¹⁸ Петр I правил в 1682—1725 гг. (Прим. пер.).

¹⁹ «Мода на Китай», шинуазри (от франц. *chinoiserie*, «китайщина») — стиль, сложившийся в европейском искусстве XVII—XVIII вв., в основе которого лежит многокомпонентный сплав черт, отразивший увлечение Западом Китаем и другими экзотическими культурами (японской, индийской, ближневосточной). Появился во Франции, после чего распространился и в других западных странах. (Прим. пер.).

²⁰ Трошинская А.В. Китайский фарфор в допетровской Руси... С. 246—269.

²¹ В оригинале 彼得夏宫玛丽厅 (*Бидэ сягун малитин*). Вероятно, имеется в виду любимый загородный дворец Петра I «Монплеизир», построенный в 1714—1723 гг., где специально для экспонирования коллекции китайского фарфора был создан Лаковый кабинет. Дворец «Марли» был построен в 1720—1723 гг., сведения о хранении там фарфора отсутствуют. (Прим. пер.).

²² Arapova Tatiana V. Chinese and Japanese Porcelain in St Petersburg’s Palaces in the 18th and 19th centuries. Collections and their collectors. P. 12. — Так библиографическое описание представлено в китайском оригинале статьи До Лимэй. См. статью Т.Б. Араповой на английском языке в сетевом издании: Haughton International. June 11, 2000. <https://www.haughton.com/articles/2017/4/11/chinese-and-japanese-porcelain-in-st-petersburgs-palaces> (дата обращения: 03.08.2023). (Прим. пер.)

²³ Лоренц Ланг (1690-е—1752) — русский дипломат шведского происхождения, участник дипломатических посольств (посольство Л.В. Измайлова в 1719—1720 гг., консул русских купцов и торговый агент Петра I; посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского в 1725 г.), директор трех китайских караванов (1727—1728 гг., 1731—1733 гг., 1735—1738 гг.), с мая 1739 г. — статский советник и глава Иркутского края в ранге вице-губернатора. (Прим. пер.)

²⁴ Березницкий С.В. Караванная торговля с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб.: Кунсткамера, 2017. С. 53. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-325-5/ (дата обращения: 03.08.2023).

²⁵ Вольф Н.Б. Императорский фарфоровый завод, 1744—1904 гг. СПб.: Т-во Р. Голиге и А. Вильборг, 1906. Приложения. С. 4—5. Док. № 5. Такую ссылку дает До Лимэй. В источнике на указанных До Лимэй страницах содержится «Всеподданнейшее доношение директора китайского каравана Герасима Лебратовского об узнании им секрета китайского фарфора, из Иркутска, 17 октября 1746 г.», в котором нет сведений о заказе Петром I фарфоровых изделий из Китая для экспериментов с их составом. Подлинный источник использованной автором информации установить не удалось. (Прим. пер.)

²⁶ Арапова Т.Б. и др. Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI—XIX в. СПб.: Славия, 2003. С. 57.

²⁷ Так в тексте оригинала. Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765).

²⁸ Yan Guodong 阎国栋. Shi ba shiji eguo wenhua jingying yan zhong de zhongguo 十八世纪俄国文化精英眼中的中国 [China in the Eyes of Russian Cultural Elites in the 18th Century] // Zhongguo shehui kexue bao 中国社会科学报. 2013.04.17. В оригинале автор цитирует оду М.В. Ломоносова, переведенную на китайский язык. Здесь в тексте использован отрывок из оды «Письмо о пользе стекла» на русском языке. (Прим. пер.)

²⁹ Елизавета I правила в 1741—1761 гг. (Прим. пер.)

³⁰ Герасим Кириллович Лебратовский — директор китайского каравана 1744—1746 гг. (Прим. пер.).

³¹ Всеподданнейшее доношение директора китайского каравана Герасима Лебратовского об узнавании им секрета китайского фарфора // Вольф Н.Б. Императорский фарфоровый завод, 1744—1904 гг. Приложения. С. 4—5. Док. № 5.

³² Савва Лукич Владиславич-Рагузинский — глава российского посольства в Китай в 1725—1728 гг. (Прим. пер.).

³³ Кяхтинский трактат (договор) подписан представителями Российской империи и империи Цин 27 октября (1 ноября) 1727 г., но введен в действие после 14 (25) июня 1728 г., когда на р. Кяхта состоялся обмен текстами (китайский текст утверждался в Пекине), поэтому в литературе иногда датируется 1728 годом. (Прим. пер.)

³⁴ Осип Семенович Мясников — серебряник, который в первой половине XVIII в. многократно бывал в Пекине с торговыми караванами. В задачи Мясникова входило изучение «китайских художеств», в том числе выведывание сведений о производстве фарфора (что ему не удалось). (Прим. пер.)

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 183. Ч. 1. Л. 206—214 об. Цит. по: Березницкий С.В. Караванная торговля с Китаем и отечественная наука XVIII в. С. 74.

³⁶ Ерофей Фирсов возглавлял торговый караван в 1739—1742 гг. (Прим. пер.).

³⁷ Вольф Н.Б. Императорский фарфоровый завод, 1744—1904 гг. С. 4.

³⁸ Болотина Н.Ю. «Еду я для торгового своего промыслу». Китайские товары в России в XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 196—198.

³⁹ В составе караванов Мясников официально находился в статусе целовальника (представитель исполнительной власти, обычно выборный, здесь — временный, который целовал крест в подтверждение клятвы честно исполнять свои обязанности). (Прим. пер.).

⁴⁰ Душкин Ю.С. Курсины в Иркутске (см. ссылку 11).

⁴¹ Иван Быков — академический ученик в Китае (1731—1746 гг.), соратник А. Владыкина. (Прим. пер.).

⁴² Гоцзыцзянь (国子监) — Ведомство государственных училищ, или Высшее государственное училище. Осуществляло контроль над учебными заведениями, организацию столичного экза-

мена для кандидатов в чиновники и подготовку кадров для государственного аппарата. (Прим. пер.).

⁴³ Вольф Н.Б. Императорский фарфоровый завод, 1744—1904 гг. С. 4.

⁴⁴ Там же. С. 5. По другой версии, Курсина ожидала неудача. См. ссылку 10. (Прим. пер.).

⁴⁵ Nigula·Bandishen-Kamiansiji 尼古拉·班蒂什-卡姆斯基. E Zhong lianguo wajiao wenxian huibian 俄中两国外交文献汇编. Zhongguo renmin daxue eyu jiaoyanshi yi 中国人民大学俄语教研室译. Shangwu yinshu guan, 1982. P. 227. Автор ссылается на издание на китайском языке. Оригинальное издание на русском языке: Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российскими и Китайскими государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Типография Императорского Университета, 1882. С. 198. По поводу А.М. Владыкина, здесь причисленного к московскому дворянскому роду, далее в статье указывается, что он родился в Пензенской губернии. (Прим. пер.).

⁴⁶ Zhongguo di yi lishi dang an guan bian: “Qing dai Zhong E guanxi dang an shi liao xuan bian” di yi bian xia ce 中国第一历史档案馆编: “清代中俄关系档案史料选编”. 第一遍下册 [The First Historical Archives of China: Selected Archive Materials on Sino-Russian Relations During Qing Period. Vol. 2. Chapt. 1]. Zhonghua shuju, 1981. P. 575. Цит. по китайскому тексту До Лимэй. (Прим. пер.).

⁴⁷ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. Т. VI А. С. 664; Скачков П.Е. Очерки русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 40, 63.

⁴⁸ Так в тексте оригинала. Илларион Калинович Россохин (1717—1771) — переводчик фундаментальных исторических трудов, карт и географических материалов в Академии, преподаватель китайского и маньчжурского языков для русских учащихся, а также русского — для китайцев, составитель первой русской транскрипции китайских иероглифов. В Китае в составе дипломатической и торговых миссий пробыл с 1729 по 1737 г. Об А. Владыкине см. прим. в ссылке 8. Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716—1786) состоял при Духовной миссии в Пекине с 1742 г. до середины 1750-х годов. По возвращении из Пекина был переводчиком при Коллегии иностранных дел (с 1770 г. — секретарем), преподавателем китайского и маньчжурского языков. (Прим. пер.).

⁴⁹ Лифаньюань (理藩院) — Палата по делам внешних сношений, иди Трибунал внешних сношений, учреждение, созданное для урегулирования дел с правителями соседних с Китаем владений (с Монголией — до включения последней в состав Цинской империи в 1690 г., Джунгарским ханством, владениями ходжей в Восточном Туркестане, Кукунором). В соответствии с Кяхтинским трактатом, через Лифаньюань велась дипломатическая переписка с Россией. (Прим. пер.).

⁵⁰ Xiao Yuqiu 肖玉秋. 1864 nian yi qian de Eguo lai hua liuxuesheng 1864年以前的俄国来华留学生 [Russian Students in China Before 1864] // Lishi dangan 历史档案. 2007. Vol. 1. Juan 1.

⁵¹ Nigula·Bandishen-Kamiansiji 尼古拉·班蒂什-卡姆斯基. E Zhong lianguo wajiao wenxian huibian 俄中两国外交文献汇编. Zhongguo renmin daxue eyu jiaoyanshi yi 中国人民大学俄语教研室译. Shangwu yinshu guan, 1982. P. 285. Автор цитирует издание на китайском языке, в котором не очень точно передается смысл оригинала. Текст оригинала на русском языке выглядит так: «Директор каравана решил их обоих взять с собою за некоторый полученный чрез них немалый, полезный Российской Империи секрет (но в чем онный состоял, не видно по делам)» (Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российскими и Китайскими государствами с 1619 по 1792-й год. С. 253, прим. 1). Полное библиографическое описание русского издания см. в ссылке 45. (Прим. пер.).

⁵² Документ хранится в РГАДА, в фонде Сената (№ 248, оп. 113, д. 968, л. 17—18). Цит. по: Писаренко К.А. К истории создания русского фарфора: челобитная А.М. Владыкина. С. 32.

⁵³ Писаренко К.А. К истории создания русского фарфора: челобитная А.М. Владыкина. С. 28.

⁵⁴ Там же. В статье К.А. Писаренко китайские имена собственные приводятся в том написании, с которым он сталкивался в документах XVIII в. Под фарфоровой фабрикой в Чин-ге-Чине следует понимать производства в Цзиндэчжэне, Танг Йинг согласно современ-

ным нормам транскрипции пишется как Тан Ин (唐英), под китайским трибуналом К.А. Писаренко имеет в виду Лифаньюань (см. примечание 49). (Прим. пер.).

⁵⁵ Nigula-Bandishen-Kamiansiji 尼古拉·班蒂什-卡彌斯基. E Zhong liangguo wajiao wenxian huibian 俄中两国外交文献汇编. Zhongguo renmin daxue eyu jiaoyanshi yi 中国人民大学俄语教研室译. Shangwu yinshu guan, 1982. P. 295. Автор ссылается на издание на китайском языке. Оригинальный текст на русском языке выглядит так: «Владыкин, будучи в Пекине, не мог приобрести себе богдыхановой благосклонности, и поведением своим навел неудовольство и нареkanie на себя; ибо во всяких делах упрямоствовал, производил разнообразные следствия и за одну украденную лошадь требовал десяти, для одной только своей корысти. А как он при торгах человек небывалый и глупый, то Трибунал желает, дабы впредь подобных ему людей, а особливо тех, кои в Пекине учениками были и кои в торгах не искусны, предводителями караванов не присылали» (Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российскими и Китайскими государствами с 1619 по 1792-й год. С. 262.). Последующие исследователи по-другому оценивали источник сложностей, с которыми столкнулся Владыкин в статусе директора торгового каравана: «...назначение А. Владыкина на такую ответственную должность было выгодно российской стороне, так как он владел китайским и маньчжурским языками и, что особенно ценно, знал хитрости китайских купцов, тайны и уловки китайского двора. Соответственно такой директор был невыгоден китайской стороне. Китайские чиновники не ожидали, что бывший ученик стал не только переводчиком, но и большим руководителем с отличными организаторскими способностями» (Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1947. С. 75. Цит. по: Березницкий С.В. Караванная торговля с Китаем и отечественная наука XVIII в. С. 106—107). (Прим. пер.).

⁵⁶ В оригинале 枢密院 (*Шу ми юань*). Автор могла иметь в виду Верховный тайный совет, однако тот существовал как высшее государственное совещательное учреждение в 1726—1730 гг. В 1755 г. Владыкин мог передавать информацию непосредственно в Правительствующий Сенат. Вряд ли речь идет о Тайной канцелярии, так как основной сферой ее деятельности было обеспечение политической стабильности внутри Российской империи. (Прим. пер.).

⁵⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 24. Гл. 2. 1851—1879. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1911. Разд. 974 (С. 497).

⁵⁸ Для описываемой эпохи уместнее употреблять название «порцелиновая мануфактура», так как первое фарфоровое производство в Российской империи называлось Невская порцелиновая мануфактура (1744—1762). Новый статус и название «Императорский фарфоровый завод» появились только в 1765 г. (Прим. пер.).

⁵⁹ В оригинале здесь и далее 德国 (*Дэго*) — Германия, немецкий. В российской историографии для Мейсена данного периода чаще используют уточнения «Саксония», «саксонский». (Прим. пер.).

⁶⁰ Иван Антонович Черкасов (1692—1758).

⁶¹ Дмитрий Иванович Виноградов (1720—1758) — общепризнанный создатель русского фарфора. (Прим. пер.).

⁶² Иоган Фридрих Беттгер (1682—1719) — первый европейский естествоиспытатель, получивший фарфор. (Прим. пер.).

⁶³ В тексте оригинала 俄罗斯圣彼得堡国家科学院 (*Элосы Шэнбидэбао гоцяя кэсюэюань*) — букв. «Российская Петербургская государственная академия наук». В российской историографии употребляются названия: Петербургская академия наук, Императорская Петербургская академия наук, Императорская Академия наук и художеств (после 1747 г.).

⁶⁴ «Табель о рангах» (1722) — таблица соответствий между военными, гражданскими и придворными чинами. (Прим. пер.).

⁶⁵ Джозайя Веджвуд (1730—1795) — английский мастер гончарного ремесла, технолог и предприниматель. (Прим. пер.).

⁶⁶ Писаренко К.А. К истории создания русского фарфора: челобитная А.М. Владыкина. С. 26—27.

- ⁶⁷ Там же. С. 27.
- ⁶⁸ Пулковские высоты. (Прим. пер.)
- ⁶⁹ Вольф Н.Б. Императорский фарфоровый завод, 1744—1904 гг. С. 5.
- ⁷⁰ Xiao Yuqiu 肖玉秋. 1864 nian yi qian de Eguo lai hua liuxuesheng 1864年以前的俄国来华留学生 [Russian Students in China Before 1864].
- ⁷¹ В то время Д.И. Виноградов экспериментировал на будущей Невской фарфоровой мануфактуре. Параллельно ресурсами Собственной вотчинной канцелярии под руководством Г.Г. Замятина в Пулково было организовано второе опытное производство фарфора. (Прим. пер.).
- ⁷² Автор несколько переоценила карьерный рост А.М. Владыкина. В то время чин капитан-поручика (с 1797 г. — штабс-капитана) относился к более низкому, 10-му классу, и только с 1884 г. штабс-капитан и приравненные к нему чины стали соответствовать 9-му классу. (Прим. пер.).
- ⁷³ Нерчинский трактат (договор) был заключен в 1689 г. (Прим. пер.).
- ⁷⁴ Левшенков В.В. Императорский фарфор (1744—1917). СПб: Санкт-Петербург Оркестр, 2009. С. 38.
- ⁷⁵ Екатерина II правила в 1762—1796 гг. (Прим. пер.).
- ⁷⁶ Т.е. до Французской революции 1789—1799 гг. (Прим. пер.).
- ⁷⁷ В тексте оригинала: 圣彼得堡科学院院士乔治 (*Шэнбидэбао кэсюэюань юаньши Цяочжи*). Предположительно, это Иоган Готлиб (Иван Иванович) Георги (1729—1802). (Прим. пер.).
- ⁷⁸ Цит. по: Левшенков В.В. Императорский фарфор (1744—1917). С. 38.
- ⁷⁹ Александр I правил в 1801—1825 гг. (Прим. пер.).
- ⁸⁰ Имеется в виду Петровский дворец в Стрельне. (Прим. пер.).
- ⁸¹ Бабигонские высоты — местность к югу от Петергофа, где в 1850-е годы был построен дворец «Бельведер». (Прим. пер.).
- ⁸² Николай II правил в 1894—1917 гг. (Прим. пер.).
- ⁸³ Huangcun guibao: Eluosi gongting wenwu zhan 黄村瑰宝: 俄罗斯宫廷文物展. [The Treasures of Tsarskoye Selo: Russian Court's Cultural Relic Exhibition]. Xianggang lishi bowuguan, 2014. P. 231.
- ⁸⁴ Так в тексте оригинала. Карсельская лампа работает за счет того, что масло из резервуара нагнетается к горелке с помощью насоса, приводимого в действие часовым механизмом. (Прим. пер.).
- ⁸⁵ Huangcun guibao: Eluosi gongting wenwu zhan. P. 169.

(Ответственные редакторы Цзинь Хуэйсинь и Лю Ян)

Поступила в редакцию: 18.08.2023. Received: 18 August 2023.

Принята к публикации: 10.09.2023. Accepted: 10 September 2023.

Об итогах совещания коммунистических и рабочих партий. (Проект доклада М.А. Сулова на Пленуме ЦК КПСС). Отрывки из документа

От редакции

В этом номере мы впервые публикуем отрывок из проекта доклада члена Президиума ЦК КПСС, ответственного за идеологическую работу, М.А. Сулова об итогах подготовки и проведения Совещания коммунистических и рабочих партий, прошедшего в Москве с 11 по 25 ноября 1960 г. Публикуемый отрывок затрагивает проблемы отношений КПСС с КПК, он занимает больше половины текста документа. В нем подробнейшим образом излагается суть разногласий между КПСС и КПК и советская позиция по ним. Как хорошо видно из документа, на совещании, созванном в период выхода дискуссии между двумя партиями в публичную плоскость, стороны представили свои позиции и вели по ним длительные споры. Большинство партий, участвовавших в совещании, поддержали КПСС, но были и занявшие промежуточную позицию, а Албанская партия труда открыто выступила вместе с КПК и даже еще более резко. После долгих споров и дискуссий китайская делегация во главе с Лю Шаоци предпочла пойти на значительные уступки почти по всем спорным вопросам и подписать итоговое заявление. Как хорошо видно из документа, руководство КПСС надеялось на разрешение противоречий, но только при условии практически полного признания КПК своей неправоты. Уступки китайской делегации в Москве восприняли как знак такого признания и начали надеяться на новый этап сближения, продолжение тесных связей 50-х гг. Однако этого не произошло, в КНР через некоторое время возобновили критику СССР и его лидеров, и отношения начали двигаться в сторону полного разрыва.

Согласно сопроводительной записке, проект доклада предполагалось отпечатать в 50 экземплярах и разослать членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС 12.01.1961, то есть уже в дни пленума ЦК, проходившего с 10 по 18 января, для того чтобы они могли высказать свои замечания. Примечательно, что, согласно опубликованному стенографическому отчету, М.А. Сулов выступил на пленуме с докладом этого названия в последний день заседания 18 января. Однако опубликованный текст его доклада принципиально отличен от публикуемого нами варианта. Никакой критики КПК он не содержит, ее позиции осуждаются лишь в общем виде без упоминания о том, кто их конкретно придерживается, и утверждается, что совещание «еще более укрепило братскую дружбу» между советскими и китайскими коммунистами¹.

Публикуемый отрывок включает вторую часть текста проекта (разделы 2 и 3). Документ представляет собой машинописный текст с ручной правкой, по всей видимости, выполненной рукой М.А. Сулова. Правка, где это возможно, была

¹ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. 10—18 января 1961 г. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 636.

внесена нами в текст. Также в текст были внесены некоторые незначительные изменения в соответствии с современной пунктуацией. Написание китайских имен дается в принятой в то время транскрипции, как они написаны в самом документе.

Место хранения документа: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ): фонд 2, опись 1, дело 495.

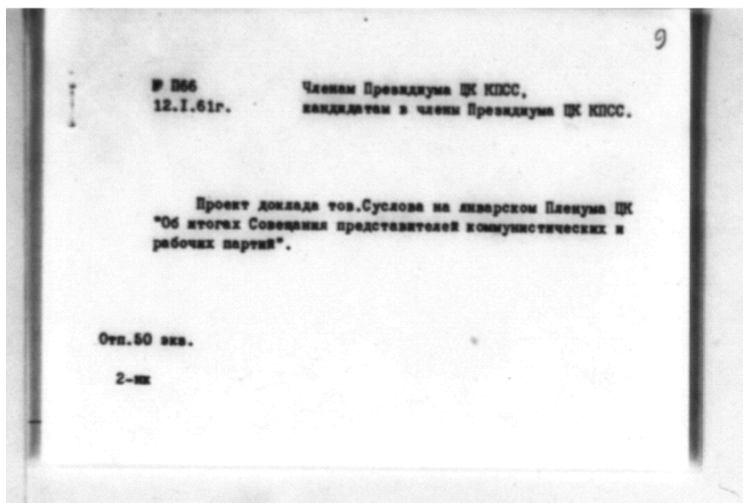

Рис. 1. Заглавная страница проекта доклада М.А. Суслова на Пленуме ЦК КПСС 10—18 января 1961 г.

Х Х Х

.....

II

Товарищи! О характере расхождений, сложившихся между КПК, с одной стороны, и всеми коммунистическими и рабочими партиями, с другой, Пленуму ЦК КПСС докладывалось дважды: в декабре 1959 года и в июле 1960 года.

Как известно, уже к лету прошлого года у руководства Коммунистической партии Китая фактически сложилась определенная концепция ошибочных взглядов по вопросам оценки современной международной обстановки и задач международного коммунистического и рабочего движения.

Теоретической основой этой концепции является неправильное, догматическое понимание современной эпохи, как эпохи империализма, войн и революций. При таком понимании эпохи империализм рассматривается в наше время как безраздельно господствующая сила или, во всяком случае, как такая сила, которая определяет главное содержание, главное направление и главные особенности развития человеческого общества. В подтверждение китайские теоретики ссылались на то, что будто бы и теперь 2/3 населения земного шара живут под

властью и под контролем империализма. Так, например, один из таких теоретиков Тянь Тань Сюэ в газете «Гуйчжоу жибао» за 1 июля 1960 года писал: «Факты все-таки остаются фактами, империализм держит под контролем почти около двух третей районов земного шара».

Подобное представление абсолютно не соответствует действительности. Факты как раз говорят о другом. В настоящее время на страны социалистической системы приходится примерно 35 процентов населения земного шара (свыше 1 миллиарда человек), 40 процентов населения (1200 миллионов человек) приходится на страны, освободившиеся от колониального рабства или борющиеся за свое освобождение. И только 25 процентов населения земли (примерно 750 миллионов человек) имеют империалистические державы.

Вследствие переоценки сил империализма и недооценки сил мира и социализма китайские теоретики делали вывод о неизбежности империалистических войн, а следовательно, о невозможности их предотвращения. Отсюда китайские руководители и теоретики “логически” приходили к ошибочным выводам и в отношении внешней политики социалистических государств, а также тактики и стратегии коммунистических партий стран капитализма.

Если войны по-прежнему остаются неизбежными, если империализм все еще определяет главное направление мировых событий, то мирное сосуществование государств с различным социальным строем невозможно или возможно лишь как кратковременная передышка между войнами, подлинное разоружение государств также невозможно. Поэтому подчеркивать возможность мирного сосуществования и выдвигать лозунг всеобщего разоружения, по мнению китайцев, лишь создавать иллюзии у трудящихся. Так, например, член ЦК Компартии Китая т. Лю Нин-и назвал антиленинским, антимарксистским утверждение о возможности мирного сосуществования. Он заявил, что «разговоры о мирном сосуществовании лишь разоружают рабочий класс и льют воду на мельницу империализма».

Неправильно представляя себе важные международные проблемы, в особенности проблемы мирного сосуществования, китайские товарищи допустили серьезные ошибки в своей политике по отношению к нейтральным странам, в том числе в Индии, Индонезии и другим. Преследуя узконационалистические интересы, руководство КНР затеяло вредный спор с Индией по пограничным вопросам и пыталось втянуть в этот спор Советский Союз и весь социалистический лагерь. Как известно, ЦК КПСС не поддержал мероприятий правительства КНР в китайско-индийском пограничном конфликте. Жизнь полностью подтвердила правильность политики нашего ЦК. На ноябрьском Совещании многие ораторы и прежде всего представитель компартии Индии отмечали мудрость этой политики, разочаровавшей врагов коммунизма и поднявшей еще выше международный престиж Советского Союза.

Неправильная позиция руководства КПК по индо-китайскому конфликту является не случайной, она вытекала из ошибочных взглядов китайских товарищей, противоречащих общей позиции международного коммунистического движения и изложенных в статьях китайской печати в связи с 90-летием со дня рождения В.И. Ленина в апреле 1960 года.

Из-за неправильного понимания эпохи и открывающихся новых возможностей в борьбе за мир, мирное сосуществование и всеобщее разоружение, а также в борьбе за социализм и национальное освобождение китайские товарищи делали неправильные выводы в отношении задач международных демократических организаций (движение сторонников мира, Всемирная федерация профсоюзов, Всемирная федерация демократической молодежи и др.) и навязывали компартиям капиталистических и колониальных стран авантюристические взгляды о вооруженной форме борьбы, как единственной форме борьбы за достижение своих основных целей.

Китайские товарищи не ограничивались изложением своих концепций в статьях. В июне 1960 года во время проходившей в Пекине сессии Генсовета Всемирной федерации профсоюзов они перешли в открытую атаку на позиции КПСС и других коммунистических партий, при этом апеллировали к беспартийной массовой организации на якобы ошибочные взгляды братских партий. Китайцы получили решительный отпор со стороны коммунистических и беспартийных представителей во Всемирной федерации профсоюзов. Накануне Совещания в Бухаресте ЦК КПСС ознакомил делегатов братских партий со своей Информационной запиской от 21 июня 1960 года. Содержание этой записки не выходило за рамки проблем, поднятых в апреле — июне 1960 года самими китайскими товарищами в их статьях в связи с 90-летием со дня рождения В.И. Ленина и выступлениях перед участниками Пекинской сессии Генерального Совета Всемирной федерации профсоюзов. Записка была глубоко аргументирована, составлена в спокойной товарищеском тоне.

Ознакомившись с запиской, представители братских партий подвергли критике китайских товарищей за их отход от ряда важных положений Декларации 1957 года и Манифеста мира. Там же в Бухаресте было решено созвать в Москве в ноябре 1960 года Совещание представителей коммунистических и рабочих партий и была создана Редакционная комиссия для подготовки проекта документа, выражающего общие позиции международного коммунистического движения.

После Бухарестского Совещания руководители КПК не только не пересмотрели свои ошибочные взгляды, а, напротив, с еще большей силой стали настаивать на них и еще активнее развернули закулисную раскольническую деятельность в рядах коммунистического движения. Они рассылали через голову Центральных Комитетов братских партий свою литературу, излагавшую ошибочные взгляды, стремились с помощью посольств и своих представителей в международных демократических организациях оказывать влияние на кадры братских партий. Ясно, что такой путь подготовки к Совещанию вел не к устранению, а к разжиганию разногласий, мог лишь затруднить подготовку и проведение Совещания.

В интересах успешного проведения Совещания и правильного решения всех задач, стоящих перед социалистическим лагерем и международным коммунистическим движением, Президиум ЦК КПСС считал необходимым приложить максимум усилий для того, чтобы на основе принципов марксизма-ленинизма преодолеть разногласия с руководством Компартии Китая. В этих целях по инициативе Н.С. Хрущева было принято решение обратиться к Центральному Комитету

КПК с предложением провести до Совещания двусторонние переговоры представителей наших партий. При этом учитывались также пожелания руководителей некоторых братских партий, высказывающих нам мнение о том, что предварительная встреча делегаций КПСС и КПК могла бы способствовать лучшей подготовке и проведению Совещания. Соответствующее письмо ЦК КПСС было направлено ЦК КПК 13 августа 1960 года. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая принял наше предложение, однако свою делегацию направил в Москву лишь месяц спустя.

Перед приездом делегации ЦК Компартии Китая в Москву в ЦК Компартии поступило письмо Центрального Комитета Компартии Китая от 10 сентября, которое китайские товарищи направили одновременно в Центральные Комитеты коммунистических и рабочих партий социалистических стран и в свои посольства в капиталистических странах для ознакомления с ним руководящих кадров других братских партий. Свое письмо — весьма пространное сочинение на 109 страницах — они называли ответом на Информационную записку ЦК КПСС от 21 июня. На самом же деле, и по существу и по форме, это письмо не было просто ответом на нашу записку.

Следует отметить, что ЦК КПК в своем письме по некоторым принципиальным вопросам фактически отступал от прежних ошибочных взглядов, давая новые формулировки своих оценок и позиций. Однако это делалось со множеством противоречивых и непоследовательных оговорок и недомолвок, без малейшего намека на самокритику, с упорным желанием доказать, что такие именно позиции у них были и раньше.

Письмо ЦК КПК от 10 сентября было написано в нетоварищеском, взвинченном, высокомерном тоне, сплошь и рядом оскорбительном для нашей партии. Это письмо свидетельствовало о том, что китайские товарищи, вместо объективного и принципиального отношения к нашей записке и к выступлениям делегатов братских партий в Бухаресте, занялись высказыванием и нагромождением новых и новых препятствий на пути преодоления разногласий и сближения точек зрения. В письме отсутствовало стремление идти навстречу предложениям и пожеланиям КПСС и других братских партий. Более того, в нем содержалось откровенное и высокомерное заявление, что руководство КПК не намерено считаться с желанием большинства братских партий, если оно не будет совпадать со взглядами китайских товарищей. Между тем, на Совещании в Бухаресте т. Пын Чжэнь заявлял, что, если большинство компартий не согласится с позициями китайских товарищей, то они пересмотрят их.

Китайские товарищи в своем письме игнорировали приведенные в Редакционной записке факты и доводы, выдержки из документов и продолжали основанно отстаивать свои ошибочные взгляды по важным принципиальным вопросам. Письмо не ограничивалось вопросами, которые затрагивались в нашей записке, а поднимало много других вопросов, давно уже практически решенных или же не имевших никакого отношения к принципиальным проблемам, ставших предметом дискуссии, как, например, о венгерских событиях, о советско-польских отношениях в 1956 году, о критике культа личности Сталина на XX съезде КПСС и т. д.

В письме содержались клеветнические обвинения, построенные на приписывании Центральному Комитету КПСС действий, которых никогда наша партия не проводила, и положений, которых она никогда не выдвигала. Авторы письма дошли, например, до такого чудовищного утверждения, будто ЦК КПСС «по целому ряду важнейших принципиальных вопросов все более и более явно отходит от правильного пути — марксизма-ленинизма и Московской Декларации». Письмо изобиловало нападками на ЦК КПСС и лично тов. Хрущева.

Двухсторонние переговоры между представителями КПК и КПСС состоялись 17—22 сентября 1960 года. В делегацию Коммунистической партии Китая входили: генеральный секретарь ЦК т. Дэн Сяо-пин, член Политбюро ЦК т. Пын Чжэнь, кандидаты в члены Политбюро т.т. Чэнь Бо-да и Кан Шэн, члены ЦК т. т. Ян Шан-кунь, Ху Цяо-му, Ляо Чэн-чжи, У Сюцюань и Лю-Сяо. Для участия в переговорах Президиум ЦК КПСС выделил делегацию в составе т. т. Сулова, Козлова, Куусинена, Поспелова, Пономарева, Андропова, Ильичева, Константинова, Гришина и Червоненко.

На первой же встрече с китайцами наша делегация подвергла решительной критике письмо ЦК КПК от 10 сентября. Мы сказали им, что их письмо не свидетельствует о желании ЦК КПК устранить возникающие разногласия на принципиальной марксистско-ленинской основе. Наоборот, письмо разжигает разногласия, нагромождая новые и новые неверные положения, утверждения, не считаясь с интересами наших партий, с интересами международного коммунистического движения. Категорически отвергая и разоблачая клеветнические обвинения в адрес нашей партии, ее ЦК, наша делегация заявила, что после троцкистов подобных вещей никогда не позволяли себе говорить какие-либо противники нашей партии, кроме открытых врагов из империалистического лагеря.

Наша делегация самым решительным образом отменила попытку с негодными средствами противопоставить товарища Хрущева Центральному Комитету, вбить клин между КПСС и другими братскими партиями. Мы твердо и ясно сказали китайским товарищам, что позиция тов. Хрущева выражает мнение и взгляды Президиума ЦК, Центрального Комитета и всей нашей партии, что тов. Хрущев — наш признанный руководитель. Он, выражая коллективную волю ЦК КПСС, снискал себе огромный и заслуженный авторитет в нашей партии, в стране и во всем мире своей верностью марксизму-ленинизму, своей борьбой за построение коммунизма в СССР, за сохранение мира во всем мире, в защиту интересов всех людей труда.

Вместе с тем, наша делегация с самого начала и последовательно вела линию на то, чтобы сделать главным предметом на встрече обсуждение вопросов предстоящего Совещания коммунистических и рабочих партий, рассмотреть прежде всего актуальные вопросы международного положения, проанализировать задачи, стоящие перед коммунистическим движением.

Напротив, делегация ЦК КПК по существу стремилась уйти от рассмотрения принципиальных существенных вопросов и выпячивала второстепенные для наших межгосударственных отношений, продолжая тем самым линию, намеченную в письме ЦК КПК. Часть этих вопросов вполне можно было выяснить по линии министерств и посольств, а другая часть вообще уже была решена. В каче-

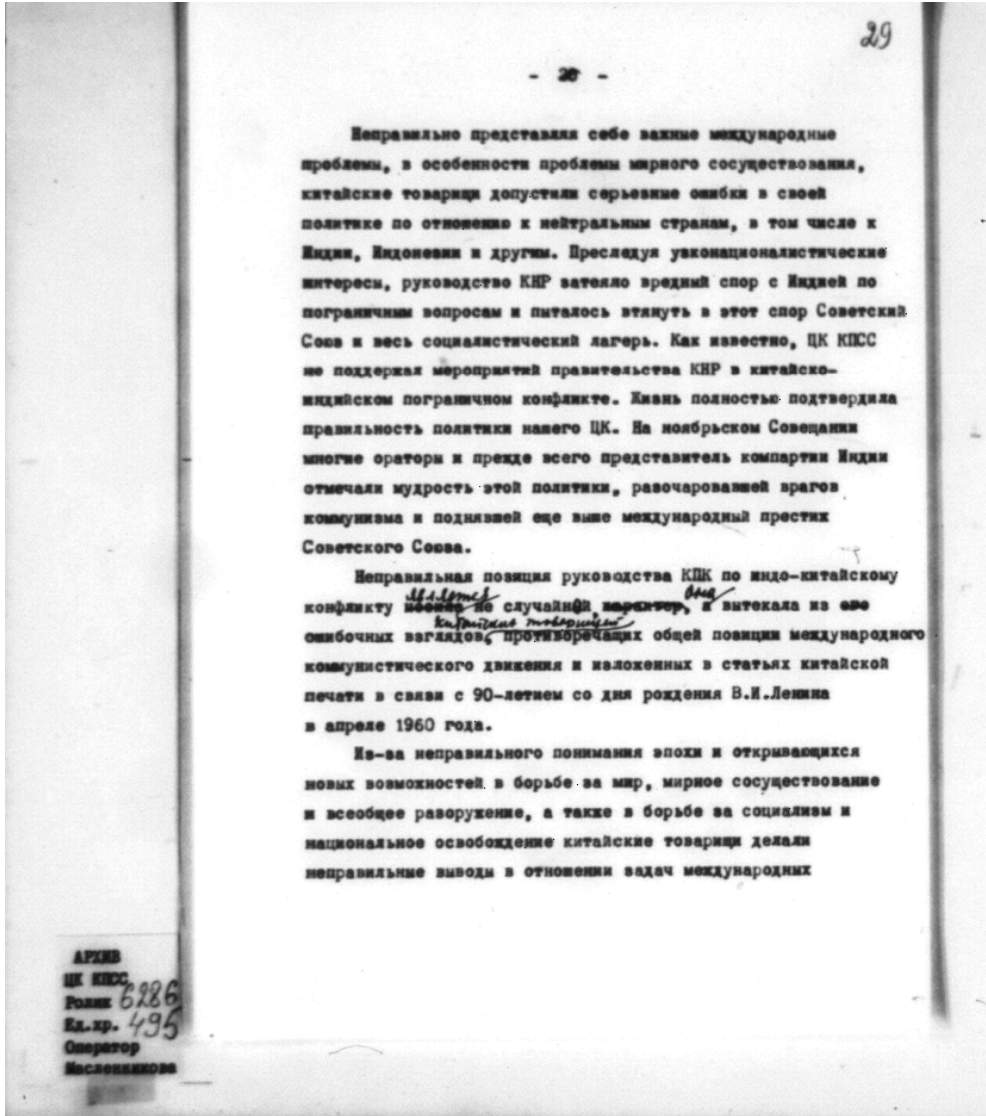

Рис. 2. Страница проекта доклада М.А. Сулова с авторскими пометками

стве курьеза приведу такой пример: в пылу обвинений нашей партии в мнимом великодержавном отношении к КНР китайские товарищи приписали советским организациям намерение построить в Порт-Артуре памятники царским генералам — Куропаткину и Алексееву!

Пространные выступления т. Дэн Сяо-пина и т. Пын Чжэня снова и снова заставляли нас возвращаться к разъяснению давно уже выясненных вопросов, причем после того, как мы давали ответ на один вопрос, китайские товарищи выдвигали новые вопросы. Переговоры носили острый характер.

После пятидневной дискуссии между двумя делегациями разногласия с китайскими товарищами не были преодолены. У нас создалось впечатление, что китайцы и не хотели этого, а встречу делегаций рассматривали лишь как своеобразную «разведку боем» к предстоящей борьбе за свои ошибочные взгляды на Редакционной комиссии и на Совещании.

Через несколько дней по окончании переговоров с делегацией КПК должна была начать свою работу Редакционная комиссия, выделенная на Бухарестском Совещании для подготовки документов, которые должны были приняты ноябрьским Совещанием.

Каждая партия отнеслась с большим сознанием ответственности за успех подготовительной работы к Совещанию, выделив в состав Комиссии секретарей ЦК и членов Политбюро. От компартии Китая прибыла большая группа товарищей во главе с генеральным секретарем ЦК т. Дэн Сяо-пином. ЦК КПСС выделил для работы в Комиссии делегацию в составе т.т. Суслова, Козлова, Мухутдинова, Поспелова, Пономарева, Андропова, Ильичева.

Центральный Комитет КПСС подготовил проект Заявления представителей коммунистических и рабочих партий и представил его на рассмотрение Редакционной Комиссии.

Всего в работе Редакционной Комиссии участвовало 67 представителей от 26 братских партий. В этом, кстати сказать, состоит важная отличительная черта по сравнению с Совещанием 1957 года. Тогда проект документа, тоже подготовленный ЦК КПСС, после согласования с китайскими товарищами, был внесен от имени КПСС и КПК на обсуждение представителей компартий социалистических стран. На этот раз в обсуждении нашего проекта Заявления принимали широкое участие делегации компартий как социалистических, так и капиталистических стран. Это обстоятельство с особым удовлетворением отмечали товарищи из братских партий.

Редакционная Комиссия работала в Москве с 1 по 22 сентября.

Как выяснилось в первый же день работы Комиссии, ни одна из прибывших делегаций не имела своего проекта Заявления. Ознакомившись с проектом Заявления, подготовленным ЦК КПСС, члены Комиссии единогласно приняли его за основу. При этом почти все выступающие товарищи давали высокую оценку проекту, отмечали, что в нем все проблемы современности освещаются правильно, с марксистско-ленинских позиций и в полном соответствии с декларацией 1957 года. Видя настроение участников Комиссии, представители ЦК КПК, хотя и с оговорками, что затем внесут к проекту свои изменения и дополнения, тоже согласились с принятием за основу для обсуждения проекта ЦК КПСС, в то же время пытались делать хорошую мину при плохой игре и изобразить дело таким образом, будто бы ЦК КПСС в проекте Заявления по некоторым вопросам приблизилась к позициям китайцев. Развязную критику проекта дал албанец (Хюсни Капо), заявив, что в проекте много неправильных формулировок и выводов, проявлено примиренчество к ревизионизму, слабо разоблачается империализм, слишком много говорится о мирном сосуществовании. Вопрос о переходе к социализму якобы освещается не в революционном духе.

В течение первых нескольких дней работы проходила деловая дискуссия по общим проблемам, выдвинутым в проекте Заявления. Ход дискуссии резко изменился после выступления представителя КПК. Тов. Дэн Сяо-пин в своей речи выразил несогласие с рядом положений проекта, назвал их “несовершенными” и направленными якобы против КПК. Его речь подтвердила наличие у китайских товарищей ошибочных взглядов, подвергнутых критике в Информационной записке ЦК КПСС и на Бухарестском Совещании. [Китайцы по-прежнему придерживались своих позиций о неизбежности войны, невозможности мирного существования, неосуществимости разоружения, невозможности мирного перехода к социализму и т. д.]¹.

В своих двух речах в Комиссии представитель КПК снова и снова говорил о необходимости считаться одинаково как с возможностью избежать войны, так и с возможностью развязывания ее империалистами, повторил, что не мы, мол, являемся начальниками генеральных штабов империалистов и потому не можем решать за них, быть или не быть войны. Империализм по-прежнему именовался «бумажным тигром» — Не настаивая более в прямой форме на тезисе о неизбежности мировой войны, т. Дэн Сяо-пин выдвинул новый тезис — о неизбежности локальных войн.

Тов. Дэн Сяо-пин выступил против указания в Заявлениях о тяжелых последствиях, которые может принести термоядерная война, и требовал «не пропагандировать об ужасах войны» т. е. по существу требовал скрывать от народа правду об этой войне якобы в интересах поддержания его морального состояния. Касаясь формы перехода от капитализма к социализму, он опять полемизировал с выводами XX съезда КПСС, заявляя, что о мирном переходе следует говорить только “из тактических соображений”, и выражая явное неверие в возможность мирового исхода социалистической революции где бы то ни было в современных условиях.

Говоря о взаимоотношениях между компартиями, делегат КПК категорически отклонил содержащийся в проекте Заявления пункт о недопустимости групповой и фракционной деятельности. Этот пункт и указание в проекте Заявления на обязательность уважения мнения большинства и некоторые другие положения проекта китайский представитель упрямо называл «минами раскола», давая понять, что руководство КПК не пойдет на принятие этих положений. При этом он высокомерно выражал уверенность в том, что в споре КПК со всеми другими братскими партиями «в конце концов история сделает свои выводы».

Представитель КПК использовал трибуну Комиссии для прямых нападок на нашу партию, говоря о мнимом «навязывании другим странам и другим партиям» мнений одной партии, насаждении среди компартий «неравноправных отношений между партией-отцом и партией-сыном» и т. п. Все эти нелепые выдумки по адресу нашей партии были приправлены лицемерными заявлениями о том, что китайские руководители якобы «считают, что Советский Союз должен стоять во главе социалистического лагеря, а КПСС должна быть центром международного коммунистического движения».

¹ Данная фраза в проекте зачеркнута (ред.).

Речи т. Дэн Сяо-пина произвели на всех удручающее впечатление: стало ясно, что руководство КПК решило использовать работу Комиссии для того, чтобы настаивать на своих ошибочных взглядах, добиться для себя свободы действий в международном коммунистическом движении, если даже большинство партий осудит эти взгляды, и одновременно предпринять поход против политики КПСС, против ее международного авторитета.

Товарищи, я привожу эти ссылки на выступления китайской делегации в Комиссии для того, чтобы показать, почему понадобилось так много времени и усилия для полемики с ними, почему так много внимания этим вопросам было уделено в известном вам письме ЦК КПСС от 5 ноября 1960 г. и в выступлениях тов. Хрущева на Совещании.

В течение трех недель в Комиссии шла непрерывная дискуссия, главным образом, вокруг формулировок китайских товарищей, с которыми большинство ее членов не соглашалось. К нашему проекту Заявления каждая делегация представила свои поправки и дополнения. Больше всего — 40 страниц поправок — было получено от делегации КПК. Всего поступило от членов Комиссии до трехсот предложений — 174 страницы текста. Многие из них не носили принципиального характера, в известной мере дополняли и уточняли отдельные тезисы и фразы проекта. Было, правда, немало предложений, которые могли бы лишь ухудшить проект, и после обмена мнениями они снимались самими авторами.

Как правило, каждое положение проекта обсуждалось всесторонне и тщательно. Приведу такой пример: по вопросу об определении эпохи было 120 выступлений, о новом этапе общего кризиса капитализма — 66, о формах перехода к социализму — 29 выступлений и т. д. Вопрос о борьбе с ревизионизмом и догматизмом обсуждался в течение двух дней.

Наша делегация непрерывно отстаивала позиции, изложенные в проекте Заявления, и терпеливо доказывала неправильность взглядов китайских и албанских товарищей. Это дало свои результаты. Представители братских партий убеждались в правильности позиции КПСС и в порочности линии КПК по ряду важнейших проблем. Подавляющее большинство членов Комиссии проявило понимание стоящих перед нами задач, стремление к единству и в то же время должную принципиальность и сплоченность на основе проекта ЦК КПСС. Но некоторые из них проявили и колебания, особенно когда дело доходило до жарких споров с китайскими товарищами.

Приведу такой пример. Делегации ПОРП и КПЧ предложили включить в проект новый абзац о международном значении опыта КПСС, ее XX и XXI съездов для развития мирового рабочего движения. Китайские товарищи сразу же выдвинули свою формулу, в которой говорилось лишь «о передовом опыте КПСС», в то же время опускались слова о том, что ее пример и братская солидарность является «выражением применения революционных принципов пролетарского интернационализма на практике», а также исключалось всякое упоминание о XX и XXI съездах.

По этому вопросу разгорелась весьма оживленная дискуссия. Большинство членов Комиссии упрекали представителей КПК в неискреннем отношении к КПСС и категорически отстаивали предложение польских и чехословацких то-

варишей. Индонезийский товарищ Аджитороп попытался найти выход, высказавшись в том духе, что, хотя в принципе его партия в своих документах указывает на международное значение съездов КПСС, но в проекте Заявления о них лучше бы не упоминать, поскольку, мол, это вызывает возражения китайской делегации. В таком же духе по ряду других спорных вопросов вели себя иногда вьетнамские, корейские, японские делегаты. Однако это не было выражением солидарности этих делегаций с позициями китайских товарищей по существу, а лишь проявлением желания найти в любом случае компромиссы. Следует отметить, что никто из них не поддержал ни в одном случае клеветнических заявлений в адрес КПСС. По существу спорных принципиальных вопросов солидарными с представителями КПК, во всем согласными с ними были лишь албанские представители.

В процессе своей многодневной работы Комиссии удалось отредактировать и согласовать в основном текст проекта Заявления. При этом все сколько-нибудь принципиальные положения ЦК КПСС сохранились. Остались, однако, несогласованными в тексте Заявления несколько важнейших принципиальных положений, которые, несмотря на длительную дискуссию, проходившую в отдельные дни в весьма накаленной атмосфере, Комиссии пришлось вынести на обсуждение Совещания.

Во-первых, не было достигнуто единства относительно формулировки о недопущении фракционной и групповой деятельности в рядах коммунистического движения.

Представители КПК упорно настаивали на том, что принцип недопустимости фракционности действителен только внутри самих партий, но не может быть распространен на взаимоотношения между ними, которые должны якобы основываться исключительно на принципе единогласия. Иначе, утверждали они, будет навязывание мнение «временного большинства временному меньшинству», а еще, мол, неизвестно, чьи взгляды окажутся более правильными, ибо окончательный приговор вынесет «история». Против такого извращения ленинских принципов категорически выступили мы и представители братских партий, доказывая, что коммунисты не имеют права возлагать решение спорных вопросов теории и политики на историю, что у международного коммунистического движения не может быть двух политических позиций и двух линий в стратегии и тактике. Все выступавшие в Комиссии товарищи справедливо расценивали возражения делегации КПК против тезиса о недопустимости фракционности как серьезную угрозу единству коммунистического движения, как ее нежелание считаться с мнением подавляющего большинства коммунистических партий мира.

В ходе упорной дискуссии по вопросу о фракционности китайские товарищи в весьма резкой и нервной форме объявили неприемлемой первоначальную формулировку нашего проекта. Тогда кубинский, бразильский и польский товарищи не без нашей помощи предложили несколько измененный вариант, который гласил: «Интересы коммунистического движения требуют солидарного и неуклонного соблюдения каждой коммунистической партией решений, коллективно разработанных братскими партиями на своих совещаниях. Нарушение этих принципов может привести к ослаблению сил коммунизма. Решительная защита

марксистско-ленинского единства международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, недопустимость групповой и фракционной деятельности, которая нарушает это единство, представляет собой обязательное условие победы в борьбе за национальную независимость, демократию и мир, успешное решение задач социалистической революции и строительства социализма и коммунизма».

Когда появилась эта формула, все вздохнули с облегчением, казалось, что выход найден. Но делегация КПК наотрез отказалась одобрить как эту, так всякую иную фразу, говорящую о недопустимости деятельности, подрывающей единство коммунистических рядов. Бурные споры в Комиссии ни к чему не привели, и этот важный вопрос пришлось отложить до Совещания.

Во-вторых, остался несогласованным вопрос о международном значении XX и XXI съездов КПСС. Китайцы категорически настаивали исключить из проекта Заявления упоминания о XX и XXI съездах КПСС.

В-третьих, не было достигнуто единства мнений по вопросу о преодолении вредных последствий культа личности. Делегация КПК предложила снять формулировку о культе личности. Выступавшие товарищи приводили примеры из жизни своих партий и энергично доказывали, насколько плодотворной была для них начатая по инициативе ЦК КПСС борьба за восстановление ленинских норм партийной жизни и преодоление вредных последствий нарушения принципа коллективного руководства. Всем было понятно, что китайская делегация возражает против этого пункта, т. к. он направлен против всякого культа личности, в том числе и в Китайской компартии.

В процесс многодневной работы Редакционной Комиссии происходило все большее сплочение делегаций братских партий на принципиальной основе проекта Заявления, разработанного ЦК КПСС. Ошибочность позиции китайцев по принципиальным вопросам становилась для всех делегаций все более ясной. Тем не менее делегация КПК продолжала проявлять неуступчивость, видимо, еще надеясь «дать бой» на Совещании и там найти поддержку своих взглядов.

На заключительном заседании Комиссии 22 октября проект Заявления был одобрен с оговорками относительно перечисленных выше, несогласованных пунктов, и делегации КПСС было поручено представить Совещанию доклад о проделанной работе.

Таким образом, товарищи, как вы можете судить сами, подготовка к Совещанию коммунистических и рабочих партий проходила с большими боями, в обстановке острых дискуссий.

Президиум ЦК КПСС выделил на предстоящее Совещание делегацию в составе тов. Хрущева Н. С. (глава делегации), члены делегации т.т. Брежнев Л.И., Козлов Ф. Р., Куусинен О.В., Микоян А.И., Мухутдинов Н.А., Суслов М.А., Поспелов П.Н., Пономарев Б.Н., Андропов Ю.В., Ильичев Л.Ф.

Стремясь расчистить путь к преодолению разногласий с китайскими товарищами, снять все, что могло бы помешать нормальной работе Совещания, ЦК КПСС направил 5 ноября ЦК Компартии Китая письмо, целью которого было дать ответ на вопросы, поставленные в письме ЦК КПК от 10 сентября. Таким образом, мы рассчитывали создать условия для спокойного обсуждения на Сове-

шании главных, принципиальных вопросов мирового коммунистического движения.

В дни празднования 43 годовщины Октября в Москве собрались все приглашенные ЦК КПСС делегации братских партий. Президиум ЦК учитывал, что успех работы Совещания в значительной мере будет зависеть от степени согласованности позиций двух партий — КПСС и КПК. Между тем, хотя делегация КПК во главе с т. Лю Шао-ци находилась в Москве уже несколько дней, мы не имели никаких сведений о намерениях китайских товарищей относительно работы Совещания. Китайские товарищи не проявляли желания побеседовать с нами по этим вопросам, как это обычно бывало прежде.

В президиуме ЦК по инициативе тов. Хрущева было признано целесообразным, чтобы делегация КПСС всемерно стремилась к тому, чтобы сосредоточить все внимание Совещания на обсуждении важнейших принципиальных вопросов международного положения и задач коммунистического движения, стремилась к тому, чтобы второстепенные вопросы не оказались в центре дискуссии и не отвлекали Совещание от главных задач. Было признано желательным провести встречу двух делегаций и откровенно изложить китайским товарищам мнение Президиума ЦК КПСС о направлении работы Совещания. Посетить делегацию КПК было поручено т.т. Козлову, Микояну, Сулову, Пономареву и Андропову.

Встреча состоялась 9 ноября в резиденции т. Лю Шао-ци. Китайским товарищам было сообщено мнение ЦК КПСС относительно направления работы Совещания. Им было сказано, что выступление главы делегации КПСС тов. Н.С. Хрущева на Совещании будет выдержано в спокойном, деловом и товарищеском тоне, носить позитивный характер, без полемики с ними, что в нем будут затронуты только вопросы, поставленные в проекте Заявления. Нам было заявлено, что ЦК КПСС исходит при этом из необходимости добиться на принципах марксизма-ленинизма сплоченности коммунистических партий перед лицом нашего общего врага — империализма, что в ходе Совещания и после него мы будем делать все, чтобы устранять разногласия и нормализовывать наши отношения с КПК.

Китайские товарищи сразу же подняли вопрос о нашем письме от 5 ноября, заявив, что расценивают его как главное выступление делегации КПСС на Совещании. Это была, разумеется, явная неправда, тем более, что сами же китайские товарищи признались, что они ожидали нашего ответа на их письмо от 10 сентября и не сомневались в том, что такой ответ будет дан.

Мы подтвердили, что письмо ЦК КПСС от 5 ноября есть всего лишь ответ на письмо ЦК КПК, так как в этом последнем поставлен значительно более широкий круг вопросов, чем в нашей информационной записке. Китайские товарищи продолжали знакомить с содержанием своего письма иностранных товарищей, и если бы ЦК КПСС не дал на него ответ, то это могли бы расценить, как наше согласие с его содержанием.

К тому времени от многих иностранных товарищей нам было известно, что в беседах с ними представители КПК совершенно неверно освещают вопрос об отзыве советских специалистов из КНР, изображая дело так, что эта вынужденная мера Советского правительства вызвала якобы тяжелые последствия для экономики страны, нарушила все хозяйственные планы и т. п. Поскольку и в беседе с

нами делегация КПК вновь подняла вопрос об отзыве из Китая советских специалистов, ей было заявлено, что если действительно наши специалисты им так нужны, как они утверждают, и если со стороны Правительства КНР поступит соответствующая просьба, то мы отнесемся к ней положительно, при условии, конечно, что советским людям в Китае будет обеспечена нормальная обстановка и их не будут пытаться настраивать против линии ЦК КПСС. Кстати сказать, с тех пор китайские товарищи к вопросу о посылке специалистов в КПК более не возвращались.

С большим сожалением приходится сказать, что делегация КПК не оценила инициативы Президиума ЦК КПСС, вела беседу с нами в недружественном, непримиримом тоне и не воспользовалась возможностью договориться об общей линии на Совещании.

Еще более недружелюбно и грубо вели себя прибывшие в Москву албанские руководители. Они упорно уклонялись от встреч с представителями ЦК КПСС.

Таким образом, накануне Совещания перед Президиумом ЦК и нашей делегацией во главе с т. Хрущевым стоял вопрос: как начать и в каком направлении повести работу Совещания? Встать на путь, которым хотели следовать китайские и албанские товарищи, и таким образом снизить идейный уровень предстоящей дискуссии, рискуя еще более обострить разногласия, отвлечь Совещание от стоящих перед ним задач или твердо придерживаться линии принципиального обсуждения наиболее актуальных проблем современности, чтобы дать ответ на вопросы, которые волнуют всех коммунистов мира, все прогрессивное человечество?

Президиум ЦК по предложению тов. Хрущева избрал второй путь. При этом мы руководствовались указанием В.И. Ленина, который говорил: «Бывают такие споры и такая борьба мнений в печати, которые помогают читателям яснее понять вопросы политики, глубже дать себе отчет в их значении, тверже решить их. Бывают споры, которые вырождаются в перебранку, в сплетни и дразги. Передовым рабочим, которые знают свою ответственность за ход работы, просвещающей и организующей пролетариат, надо внимательнейшим образом смотреть за тем, чтобы неизбежные споры, неизбежная борьба мнений не вырождались в перебранку, сплетни, дразги, клеветы» (Соч., т.19, стр. 446).

Совещание открылось 10 ноября в торжественной обстановке при участии 262 ответственных представителей 81 братской партии, прибывших со всех концов земного шара.

По поручению Редакционной комиссии представитель КПСС сделал доклад о работе Редакционной комиссии.

Обсуждение проекта Заявления в тот же день началось выступлением товарища Хрущева Никиты Сергеевича.

В речи главы делегации КПСС были поставлены наиболее важные вопросы современного мирового развития и международного коммунистического движения, дано принципиальное марксистско-ленинское обоснование проекта Заявления. Научное определение сущности современной эпохи; раскрытие все возрастающей международной роли мировой социалистической системы; определение главных задач стран социалистического лагеря в деле дальнейшего строительства социализма и коммунизма; определение путей развития самой жгучей проблемы

нашего времени — проблемы предотвращения мировой термоядерной катастрофы; освещение перспектив дальнейшего развития стран и народов, освободившихся от империалистического и колониального господства; всесторонний разбор коренных проблем коммунистического и рабочего движения капиталистических стран, задач идеологической работы марксистско-ленинских партий, принципов взаимоотношений между коммунистическими и рабочими партиями — все эти вопросы, которыми живет ныне международное революционное и освободительное движение, нашли в выступлении т. Хрущева глубокое, всестороннее освещение. Это было подлинно программное выступление, осветившее с позиций революционной марксистско-ленинской мысли пути дальнейшего развития общества и деятельности коммунистических и рабочих партий.

Волнующую картину можно было наблюдать в Георгиевском зале Кремля после окончания речи Никиты Сергеевича. Едва он закончил свое выступление, как в зале вспыхнула овация. Делегации братских партий вставали и бурными аплодисментами приветствовали первого секретаря ЦК КПСС и в его лице нашу великую ленинскую партию. Лишь члены одной делегации неподвижно сидели в напряженных позах: это были делегаты Компартии Китая и в замешательстве была делегация Албанской партии труда. Участники Совещания расценили их поведение как демонстрацию по отношению к делегации КПСС, к другим представителям коммунистического движения, как признак того, что предстоит немалая борьба.

Выражая позицию ЦК нашей партии, тов. Хрущев в заключение своего выступления сказал: «От имени Коммунистической партии Советского Союза я заявляю, дорогие товарищи, что со своей стороны мы сделаем все для того, чтобы еще больше укрепить тесные братские узы со всеми коммунистическими партиями, в том числе и с теми, которые иначе, чем мы, понимали отдельные вопросы международного коммунистического и рабочего движения. Наша задача теперь заключается в том, чтобы еще крепче стал социалистический лагерь, еще крепче стал коммунистический мировой фронт, чтобы каждая партия вносила свой вклад в наше общее дело».

Эта линия ЦК КПСС, которую твердо проводила наша делегация, была единственно правильная линия, обеспечивающая успех Совещания, и мы можем с удовлетворением отметить, что она полностью себя оправдала.

Выступлением тов. Хрущева был в сущности задан тон выступлениям других ораторов. Почти все товарищи в своих речах заявляли, что выступление руководителя делегации КПСС, характеризовавшееся исключительной принципиальностью и глубокой заботой о единстве социалистического лагеря, в значительной мере предопределило плодотворную работу Совещания. «Тов. Хрущев, — заявил в своей речи тов. Ульбрихт, — дал превосходное теоретическое обоснование совместного Заявления. Его выступление характеризуется тем, что он направил взоры всех партий в будущее и показал, какие методы и какая конкретная аргументация нужна для преодоления существующих еще разногласий на основе марксизма-ленинизма».

В своем выступлении на Совещании первый секретарь ЦК Компартии Уругвая тов. Арисменди, говоря о речи тов. Хрущева, также подчеркнул: «Эта речь,

отличающаяся глубоким анализом вопросов, развернутыми в ней перспективами, высокой принципиальностью, стойкой и последовательной защитой ленинизма, умением учитывать все оттенки современного положения, глубокой, стоящей выше мелочей, заботой как о судьбах нашего движения, так и о сплоченности коммунистов, является ценным вкладом в работу нашего Совещания».

Первые четыре дня Совещания прошли под знаком делового обсуждения коренных вопросов международного коммунистического и рабочего движения. Выступающие в эти дни т.т. Тим Бак (КП Канады), Гиольди (КП Аргентины), Живков (КП Болгарии), Нури (КП Ирака), Кадар (ВСРП), Колиянис (КП Греции) и другие всесторонне анализировали новые возможности борьбы с империализмом, проблемы социалистического строительства, национально-освободительного движения, пути сохранения и упрочения мира. Все выступления подчеркивали важность и ценность проекта Заявления, отмечали, что принятие Совещанием такого документа открывает рабочему классу новые вдохновляющие перспективы борьбы за мир и за социализм.

14 ноября плодотворная работа Совещания была нарушена речью т. Дэн Сяо-пина, хотя до этого было объявлено, что записывался для выступления т. Ли Шао-ци. Все ораторы, взявшие слово после него, отмечали, что это выступление прозвучало полным диссонансом с речью тов. Хрущева.

Представитель делегации КПК в своей четырехчасовой речи, самой длинной на Совещании, обошел полным молчанием речь тов. Хрущева. В выступлении тов. Дэн Сяо-пина, в значительной части повторяющем его выступления в Редакционной комиссии, отсутствовала какая-либо конструктивная программа, оно было посвящено полемике с письмом ЦК КПСС от 5 ноября и клеветническим нападкам на КПСС. В нем были вновь предприняты попытки представить в искаженном виде ленинскую миролюбивую политику нашей партии и правительства. Китайский представитель продолжал путать в вопросах о сущности и классовой направленности политики мирного сосуществования, о всеобщем и полном разоружении, а также в вопросе о войнах освободительных и войнах агрессивных, искажил выводы XX съезда КПСС о возможности мирных и немирных форм перехода к социализму, защищал неправильную позицию правительства КНР в пограничном конфликте с Индией и осуждал известное Заявление ТАСС об этом конфликте, обвиняя КПСС в ее якобы неравноправном отношении с другими братскими партиями, в приукрашивании империализма и т. п.

Выступление китайского делегата вызвало резко отрицательную реакцию у участников Совещания. Его речь была встречена полным молчанием. Взявшие после него слово иностранные товарищи выражали свое решительное несогласие с содержанием и тоном этой речи. Председатель КП Австрии тов. Копленг заявил, что она глубоко потрясла делегацию Компартии Австрии. Тов. Горез констатировал, что речь т. Дэн Сяо-Пина «противоречит общей линии, определенной в Декларации 1957 года, которая была принята всем международным коммунистическим движением».

Весьма острую критическую оценку выступлению т. Дэн Сяопина дал т. Гомулка. Он заявил, что в свете этой речи проявились с еще большей остротой разногласия Компартии Китая с международным коммунистическим движением.

«Китайские товарищи, — сказал он, не верят в разоружение, не верят в возможность упрочнения мира, оспаривают именно те внешнеполитические мероприятия Советского Союза, которые составляют практическое выражение политики мирного сосуществования и которые принесли нашему лагерю чрезвычайно положительные результаты». «Во имя каких целей, — говорил т. Гомулка, обращаясь к китайской делегации, — вы с таким упорством, используя недостойные приемы, пытались умалить значение мероприятий, которые подняли авторитет социализма в мире, завоевали ему симпатии, привлекли сторонников дела мира и разоружения, расширили круг друзей Советского Союза и других социалистических стран среди простых людей труда в твердыне капитала?»

Обстановка на Совещании еще больше обострилась, когда 16 ноября выступил с речью руководитель албанской делегации т. Энвер Ходжа. Это было поистине восхитительное выступление. Тов. Долорес Ибаррури, взявшая слово сразу после Ходжа, сказала: «Со времени борьбы против троцкистов в коммунистическом движении не применялся подобный язык. Выступление Энвера Ходжа не может быть названо иначе, как провокационным и клеветническим, которое ничего хорошего не говорит об его авторе и о тех, кто его толкнул на это».

И действительно, выступление т. Ходжа было глубоко оскорбительным не только для КПСС и советского народа, но и для всего коммунистического движения. Так его и расценило Совещание. Это было выступление озлобленного человека, который пытался очернить все хорошее и светлое, что имеется в отношениях между КПСС и Албанской партией труда, между народами Советского Союза и Албании. Он чудовищным образом извратил политику нашей партии, дойдя до обвинения КПСС в том, что она якобы относится к Албании великодержавно, проводит политику неравноправных отношений с этой страной. И это говорится о стране, которая оказывает Албании помощь, пожалуй, несравнимую с помощью ни одной другой стране социалистического лагеря!

Известно, что Советский Союз предоставил Албанию кредитов на самых льготных условиях на общую сумму 1243 миллиона рублей и оказал ей безвозмездную помощь на сумму 1121 миллиона рублей. Из предоставленного кредита 342 миллиона рублей списано, а построенные на эти кредиты с помощью Советского Союза предприятия переданы в качестве дара советского народа албанскому народу. За период с 1951 по 1960 г. в Албанию для оказания технической помощи выехало свыше трех тысяч советских специалистов. Советский Союз по существу бесплатно обеспечивает Народную армию Албании всем необходимым, включая новейшую технику.

Попытка очернить политику КПСС нашла свое выражение также в извращении албанским делегатом позиции нашей партии в связи с нормализацией отношений с Югославией в 1954—1955 гг. Накануне поездки советской партийно-правительственной делегации в Белград в мае 1955 года, ЦК КПСС согласовал этот шаг с братскими партиями и получил их полное одобрение. На Совещании же Ходжа лицемерно заявил, что АПТ была тогда будто бы поставлена перед совершившимся фактом.

В связи с этим ЦК КПСС представил участникам Совещания копии полученных им в свое время писем Центрального Комитета Албанской партии труда

по этому вопросу, из которых видно, что руководители Албанской партии труда, после некоторых колебаний, тоже поддержали тогда инициативу ЦК КПСС. Действия ЦК КПСС они тогда характеризовали как “исторический шаг Коммунистической партии Советского Союза”, а известное Белградское соглашение 1955 года — как «событие огромной важности для дела социализма и мира, и, в частности, для нашей страны, как исключительно ценный вклад в укрепление нашего международного и внутреннего положения».

Естественно, что весьма нечистоплотная попытка очернить нашу партию не могла не вызвать гневного осуждения участников Совещания. «То, что мы услышали здесь из уст представителя Албанской партии труда, — с возмущением говорил т. Гомулка, — можно назвать просто безответственным, грязным, хулиганским выпадом против Советского Союза, против КПСС, против тов. Хрущева. Нам всем стыдно, что такой беспримерный провокационный выпад мог иметь место на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий. Выступления в таком тоне, таких выпадов не мог себе позволить ни один ответственный человек, не говоря уже — коммунист. Я глубоко убежден, что, если бы Албанская партия труда и албанский народ услышали это выступление, им также было стыдно, как и всем нам, присутствующим на этом Совещании». Генеральный секретарь Компартии Марокко т. Али Ята говорил: «Речь Энвера Ходжа крайне нарушила ход работы нашего Совещания. Это позор, чтобы из уст коммуниста исходило столько неправдоподобных, клеветнических измышлений и грубостей. И в чей адрес? В адрес родины социализма, в адрес старшей партии-руководителя, в адрес лидера, несущего ответственность за мировое коммунистическое движение!».

Гневные речи ораторов настолько сильно действовали на албанскую делегацию, которая, кстати сказать, по случайности располагалась рядом с трибуной, что нервы Энвера Ходжи и Мехмет Шеху явно не выдержали и они в течение нескольких дней не посещали заседаний.

Необходимо отметить, товарищи, что хотя представители братских партий, выступавшие после Дэн Сяо-пина и Ходжа, давали отпор их неправильным утверждениям, основное внимание в своих выступлениях они уделяли рассмотрению коренных проблем международного коммунистического движения. Особенно подчеркивалось, что неопределимое значение для коммунистических и рабочих партий всего мира имеет использование гигантского опыта нашей ленинской партии, новых теоретических и политических положений, разработанных XX и XXI съездами КПСС.

Товарищи из коммунистических партий социалистических стран отмечали, что интернационалистическая политика КПСС представляет собой основную опору взаимоотношений нового типа, установившихся между странами социалистического лагеря, что пример КПСС, последовательно применяющей революционные принципы пролетарского интернационализма на практике, имеет для всего нашего движения огромное значение.

Коммунисты из капиталистических стран говорили о том, что для рабочего класса и трудящихся масс в их странах последовательно отстаиваемый нашей партией ленинский курс на мирное сосуществование государств с различным со-

циальным строем представляет собой активную поддержку сил рабочего и национально-освободительного движения. В условиях развернувшейся в те дни на Совещании острой полемики принципиальное значение имел тот факт, что десятки товарищей из различных стран и районов мира единодушно одобрили активную деятельность ЦК КПСС, направленную на смягчение международной напряженности и всемерное развитие контактов между государственными деятелями социалистических и капиталистических стран.

Особенно характерным в этом отношении было свидетельство тов. Джексона — делегата Компартии США. Характеризуя деятельность Никиты Сергеевича Хрущева во время его двух поездок в США, представитель американских коммунистов говорил: «Товарищ Хрущев вел битву за мир на арене Организации Объединенных Наций, к которой было приковано внимание всего мира. Он вел ее также на тротуарах Нью-Йорка, среди колышущихся толп и выстроившихся в боевой порядок пикетов как враждебных, так и дружественных. Он боролся за мир на улицах негритянского Гарлема, рука об руку с Фиделем Кастро. Он боролся за мир на экранах телевизоров в домах десятков миллионов американцев... товарищ Хрущев проник в среду наших соотечественников-американцев и прорвался сквозь все преграды предрассудков. И миллионы слушали его, и на миллионы он произвел впечатление... Мы говорим — Спасибо, товарищ Хрущев! Спасибо за то, что вы поехали в Америку! Приезжайте снова! Пусть государственные деятели — коммунисты делают постоянные вылазки во владения буржуазии и сводят на нет их усилия, направленные на изоляцию коммунистов от трудящихся масс капиталистических стран».

«Народы Азии и Африки, — отметил генеральный секретарь Компартии Индии тов. Гхош, — которые завоевали политическую независимость и которые стремятся защитить и укрепить ее, а также те, кто еще не борется за свою свободу, всегда видели в Советском Союзе верного друга и надежного союзника». Позицию Советского Союза в связи с индийско-китайским пограничным конфликтом тов. Гхош охарактеризовал как «абсолютно правильную». Эта позиция, говорил он, «помогала нам вести борьбу против реакционеров в нашей стране, которые хотели разорвать дружеские отношения Индии с социалистическими странами и толкнуть ее в объятия империализма». И, наоборот, руководители КПК в этом конфликте, по его словам, «не действовали во имя укрепления зоны мира. Их позиция способствовала ослаблению зоны мира».

Представители коммунистических партий капиталистических стран Европы на примере борьбы рабочего класса и трудящихся масс своих стран убедительно доказали, что КПСС, особенно на своих XX и XXI съездах, раскрыла перед рабочим движением стран капитала новые горизонты. Ограничусь лишь одним высказыванием тов. Лонго, в котором отмечалось, что политика ЦК КПСС и Советского правительства, усилия СССР и других социалистических стран «пришли за последние годы к колоссальному росту в каждой стране активности и боевого духа коммунистов, к росту симпатий широких трудящихся масс и интереса всех слоев народа к идеям коммунизма и деятельности коммунистов. Все это является исключительно политическими моментами, подтверждающим, в частности, по нашему собственному опыту, действенность и правильность реше-

ний XX и XXI съездов КПСС и их претворения в жизнь во все эти годы руководителям КПСС».

Весьма большое значение для хода Совещания имело второе выступление тов. Н.С. Хрущева 23 ноября. В этом выступлении был дан отпор неправильным и не соответствующим действительности и политике нашей партии утверждениям в речи т. Дэн Сяо-пина и в особенности в развязном выступлении т. Ходжа, отмечены клевета, попытки очернить нашу партию. Однако, как и в своей первой речи тов. Хрущев сосредоточил все внимание на решающих вопросах, отмел попытки китайских и албанских товарищей увлечь Совещание на гнилую тропу, которая вела в трясины. "... Это не путь коммунистического движения, не путь к достижению единства коммунистических партий", — указывал Никита Сергеевич.

Тов. Хрущев и на этот раз стремился нацелить участников Совещания на глубокое обсуждение того, как лучше использовать новые возможности, открывающиеся ныне, для предотвращения войны, развития освободившихся от колониального гнета народов по пути социального прогресса и других вопросов, волнующих всех коммунистов. Вся его речь была пронизана стремлением нашей партии укрепить мировое коммунистическое движение и в то же время помочь китайским товарищам покинуть путь, чреватый вредными последствиями для нашего общего дела.

Спокойная, хорошо аргументированная речь тов. Хрущева произвела сильное впечатление на участников Совещания. Делегаты вновь поднялись и проводили тов. Хрущева горячим аплодисментами. Лишь китайская и албанская делегации составили исключение.

Нежелание китайских товарищей считаться с мнением большинства нашло свое выражение и во второй речи т. Дэн Сяо-пина, произнесенной 24 ноября. Правда, эта речь носила уже преимущественно оборонительный характер. Чувствовалось, что твердая принципиальная позиция огромного большинства партий, выраженная в десятках речей, полных горячих призывов к сплочению и единству и в то же время смелой и обличительной критики их позиций, начинает оказывать воздействие на членов китайской делегации. Правда, они все еще пытались отстаивать свою неправильную линию. Их представитель не только утверждал, что известные три статьи, опубликованные в апреле 1960 года, соответствовали Декларации 1957 года, но даже пытался изобразить дело таким образом, что эти статьи преследовали цель предотвратить отход от Декларации, будто бы наметившийся в международном коммунистическом движении. По-прежнему в категорическом тоне отклонялись требованиям подавляющего большинства участников Совещания включить в Заявление пункт о недопустимости групповой и фракционной деятельности.

Выявившееся в новой речи т. Дэн Сяо-пина полное отсутствие у китайских представителей намерений искать путей к преодолению разногласий с участниками Совещания вызвало еще большее возмущение. Обстановка на Совещании снова обострилась. Едва китайский делегат закончил свою речь, как вторично потребовали слова т.т. Торез, Лонго, Гомулка, Живков, Барак, Ибаррури, Цеденбал, Эскаланте, Багдаш, Джексон и многие другие товарищи.

Выступления товарищей по второму кругу были краткими, но весьма острыми и требовательными. Тов.Торез заявил: «Подумайте еще раз, товарищи из Коммунистической партии Китая. Невозможно, чтобы вы совсем не учитывали мнение подавляющего большинства присутствующих на Совещании партий. Невозможно, чтобы вы упорствовали на позиции, столь вредной для нашего общего дела. Мы просим вас сообщить Центральному Комитету вашей партии эту настойчивую просьбу, с которой мы обращаемся к вам». Тов. Ибаррури говорила: «Китайская делегация еще имеет время для того, чтобы исправить свои ошибочные позиции, прислушаться к голосу всех партий, которые призвали ее не разрывать коммунистического движения. Если она этого не сделает, то она берет на себя огромную ответственность перед трудящимися всех стран, перед своим народом и перед историей».

Хочется привести также выступление руководителя делегации Компартии Бразилии т. Луиса Престеса: «Все имеет свои пределы, — сказал он. — Мы считаем, что наступил такой момент, когда китайские товарищи должны себя скромно спросить: правильна ли позиция, на которой они стоят, являются ли они единственными защитниками марксизма-ленинизма? Неужели все мы, подавляющее большинство представителей коммунистических партий, присутствующих здесь, ошибаемся? Неужели ошибочна позиция, которую занимает КПСС, или китайские товарищи считают всех нас “сателлитами” КПСС? Не является ли это ошибкой и оскорблением для всех нас? Чем объясняется столь враждебное отношение к КПСС со стороны китайских и албанских товарищей? Не в этом ли как раз и состоит исходный пункт их ошибок?».

Всего после т. Дэн Сяо-пина выступили представители 24 братских партий. Ораторы резко критиковали позицию делегации КПК, говоря, что она создает угрозу раскола.

Многие выступавшие на Совещании прямо или косвенно касались вопроса о том, каковы источники ошибочных взглядов китайских товарищей?

Идейным источником этих взглядов является доктринерский, догматический подход к вопросам теории, подмена творческого изучения живой действительности начетничеством, отрыв теории от практики.

Жизнь ставит перед коммунистическим движением немало таких вопросов, на которые напрасно было бы искать готовые ответы. Коммунистические партии решают эти вопросы на основе глубокого, строго научного анализа объективной обстановки, исходя из существа и духа, а не буквы марксистско-ленинской теории.

Под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории китайские товарищи продолжали цепляться за букву марксизма, повторять правильные для своего времени, но уже устаревшие и не отвечающие современной обстановке положения и лозунги. В то же время они рассматривали новые выводы и положения, вытекающие из марксистско-ленинского анализа изменившихся условий, как отступление от марксизма-ленинизма.

Участники Совещания отмечали, что догматизм и начетничество лежат в основе сектантской позиции китайских товарищей, особенно отчетливо проявившейся в действиях представителей Китая в международных демократических организациях. Отмечалось, что, если бы линия китайских товарищей вос-

торжествовала, это, безусловно, привело бы к резкому сужению массовой базы демократических организаций, к превращению их в замкнутые секты.

В свое время В.И. Ленин вскрыл социальные источники догматизма, сектантства и “левой” революционности. Эти источники — классовая незрелость и недостаточная закаленность отдельных отрядов рабочего класса, давление на революционные партии рабочего класса мелкобуржуазной идеологии.

Пережитки этой идеологии, особенно в странах с преобладающим крестьянским населением и многочисленными слоями городской мелкой буржуазии, продолжают оказывать давление на рабочий класс и коммунистические партии. Это давление особенно усиливается в связи с возникающими в ходе социалистического строительства трудностями и чаще всего проявляется в виде мелкобуржуазной беспочвенной ультрареволюционности, в попытках перескакивать через этапы и искусственно ускорять темпы развития. «Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы». (В.И. Ленин, Соч., т.27, стр.1).

Ошибочные взгляды китайских товарищей находятся также в прямой связи с их претензией на особую роль в развитии марксистско-ленинской теории. Эта претензия особенно проявлялась в том, что в Китае была выдвинута формула о «китаизации марксизма».

Тов. Дэн Сяо-пин стремился доказать, что эта формула в популярной форме выражает тезис о «сочетании всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой в Китае». Однако в действительности формула о «китаизации марксизма» имеет иной смысл. Так, газета «Жэньминь жибао» 4 января 1960 года писала, что: «Идеи Мао Цзэ-дуна от мировоззрения до методов мышления и методов работы — это развивающийся и совершенствующийся китаизированный марксизм, научная теория социалистической революции и строительства социализма и коммунизма». В одной из статей, опубликованных в журнале «Лиши яньцао», утверждалось, что произведения тов. Мао Цзэ-дуна представляют «сливки духа эпохи» и «знаменуют собой маоцэдуновский этап марксистской философии». В статье кандидата в члены ЦК КПК тов. Ван Жэн-чжуна говорится, что идеи Мао Цзэ-дуна «являются новым развитием марксизма-ленинизма в новый исторический период, они имеют новое всеобщее значение для революции на Востоке и для мировой революции». Таких, в корне неверных утверждений в китайской печати имеется немало.

Совершенно очевидно, что, выдвинув формулу «о китаизации марксизма», китайские товарищи имели в виду не применение основных, общих для всех стран марксистско-ленинских принципов к историческим и национальным особенностям Китая, а особый этап развития марксистско-ленинской теории, связанной с именем Мао-Цзэ-дуна. Эта формула тянет назад, к временам культа личности, когда считалось, что развитие марксистско-ленинской теории является монополией только “избранных” лидеров коммунистического движения.

Раздувая культ личности тов. Мао Цзэ-дуна, объявляя его самым великим марксистом-ленинцем нашего времени» («Жэньминь жибао» от 7 октября

1960 г.), китайская печать, вряд ли без ведома руководства КПК, пытается отвести Мао Цзэ-дуну особую роль в международном коммунистическом движении. Неслучайно и в действиях руководителей КПК за последний год, несомненно, проявлялись претензии на лидерство среди братских коммунистических партий.

Питательной почвой отхода от принципов марксизма-ленинизма, от пролетарского интернационализма является влияние национализма на коммунистическую партию. Нет сомнения, что это нашло выражение в ошибочных взглядах и неправильных действиях китайских товарищей.

«Китаизация» марксизма-ленинизма, неправильная политика обострения отношений с Индией в связи с пограничным конфликтом, высокомерное отношение китайских товарищей к опыту и взглядам большинства участников Совещания нельзя не охарактеризовать как проявление национализма. В выступлениях представителей многих партий отмечалось, что никто не собирается отрицать заслуг Компартии Китая и ее руководителей в творческом применении общих принципов марксизма-ленинизма к китайской действительности. Но нельзя преувеличивать значение национальных особенностей и отходить от общих принципов марксизма-ленинизма. Тем более неправильно навязывать всем другим партиям методы и формы работы, характерные для китайских условий, как общие принципы и закономерности.

[Нельзя считать случайным, что китайские товарищи упорно настаивали на исключении из текста Заявления всякого упоминания о «национал-коммунизме»]¹.

Большинство партий считало необходимым подчеркнуть в Заявлении, что с установлением социалистического строя проявления национализма и национальной ограниченности не исчезают автоматически, что необходима решительная борьба с этим злом. Пережитки национализма продолжают оставаться серьезной опасностью для единства социалистических стран и братских партий.

В ходе длительной дискуссии на Совещании все проблемы были подробно рассмотрены. Но делегация КПК продолжала настаивать на своих формулировках некоторых важных положений Заявления. Тогда было решено поручить Редакционной комиссии в прежнем ее составе провести работу по редактированию Заявления на основе прений на Совещании.

Комиссия снова рассматривала проект Заявления страницу за страницей, с учетом новых предложений делегаций и за несколько дней согласовала и отредактировала почти весь текст Заявления. Однако несогласованными и на этот раз остались те же вопросы о недопустимости какой-либо деятельности, нарушающей единство и сплоченность в рядах мирового коммунистического движения, о международном значении XX и XXI съездов КПСС, о культе личности.

Товарищи из братских партий говорили нам о той закулисной работе, которую усиленно вела среди участников Совещания китайская делегация. Рассказывали, что китайские товарищи угрожали отказом подписать документ. Тем не менее подавляющее большинство делегаций держалось до конца твердо и последовательно отстаивало общую линию. Наша делегация в многочисленных беседах с

¹ Фраза зачеркнута (ред.).

товарищами из братских партий, разумеется, разъяснила позиции КПСС, отстаивала проект Заявления и показывала неверность позиций китайской и албанской делегаций.

Надо сказать, что выявилась и небольшая группа колеблющихся. Кроме албанцев, обычно следовали за китайскими товарищами бирманский и малайский представители. Причины этого ясны, они уже давно живут и работают в Пекине. Кроме них, проявляли колебания делегаты из Вьетнамской партии трудящихся, компартий Индонезии, Японии и Австралии. У этих партий из стран, географически близких к КНР, имеются тесные традиционные связи с КПК. На их представителей оказывался особенный нажим.

Представители компартий Вьетнама, Японии, Индонезии, Кореи и Австралии обратились с просьбой к тов. Хрущеву принять их для беседы. Они настаивали на необходимости во что бы то ни стало договориться с китайской делегацией по несогласованным формулировкам, указывали, что если китайские товарищи не подпишут Заявление, то это будет тяжелым ударом по международному коммунистическому движению и в особенности по их партиям. В ходе беседы тов. Хрущев, выразив готовность ЦК КПСС достигнуть единства и принять согласованные формулировки, в то же время решительно заявил, что делегация КПСС не подпишет документ, если в нем не будет содержаться формулировок о значении XX съезда КПСС и недопустимости действий в рядах коммунистического движения, ведущих к подрыву его единства.

В этих условиях Комиссия по нашему предложению приняла решение, чтобы все ее члены доложили о создавшемся положении руководителям своих делегаций, а затем снова собрались и высказали окончательное мнение. После перерыва в работе Комиссии дискуссия развернулась с новой силой. По инициативе польских, венгерских и других товарищей, с согласия делегации ЦК КПСС было признано возможным не настаивать на упоминании в Заявлении о XXI съезде КПСС. Вместе с тем большинство делегаций высказывалось за то, что положение о международном значении XX съезда имеет исключительное, принципиальное значение. Они вновь и вновь заявляли, что изъятие из проекта документа положения о XX съезде КПСС было бы отступлением от Декларации 1957 года.

Твердость и принципиальность делегации КПСС и подавляющего большинства представителей братских партий сыграли решающую роль в том, что те немногие товарищи, которые ранее в Комиссии, а потом на Совещании проявляли некоторые колебания, склонность к компромиссным формулировкам, снова начали занимать более определенную линию в спорных вопросах и переходить на позиции большинства. Так, например, руководитель делегации Компартии Индонезии т. Лукман, обращаясь к делегации КПК, стал призывать ее прислушаться к мнению большинства. В таком же духе выступил представитель Вьетнамской партии трудящихся т. Ле Зуан.

Делегация Венгерской социалистической рабочей партии внесла предложение принять закрытое, не подлежащее оглашению Решение Совещания, в котором было бы зафиксировано положение о недоступности фракционной деятельности, а также определены правила, которыми все братские партии должны руководствоваться в своих взаимоотношениях.

Все это оказывало свое действие на китайскую делегацию. По-видимому, делегация КПК приходила уже к выводу, что дальнейшее продолжение дискуссии становится все более неблагоприятным для нее. Рухнули не только претензии на лидерство, но и создавалась угроза полной политической изоляции делегации КПК на Совещании. Тогда делегация КПК попросила объявить внеурочный перерыв.

Сразу после перерыва делегация КПК направилась к делегации КПСС и попросила о встрече. Беседа состоялась в Большом Кремлевском зале, вот здесь, где располагается Президиум. Когда обе делегации направлялись сюда из Георгиевского зала, мы, указав на скульптуру Владимира Ильича, полушутя заметили: «К Ленину, к Ленину идемте!»

В этой беседе китайская делегация была уже совсем иной, чем во всех предшествующих встречах с ней. Тов. Пын Чжэнь заявил нам, что КПСС и КПК являются самыми крупными коммунистическими партиями, поэтому если между КПСС и КПК будет достигнута договоренность, то и Совещание сможет успешно закончить свою работу и принять согласованное Заявление. Он дал понять, что делегация КПК готова прекратить дискуссию и не настаивает на своих предпочтениях. Видно было, что китайская делегация решила искать каких-либо компромиссных соглашений. Она заявила, что согласна принять формулировку о значении XX съезда КПСС в любом виде, как ее сформулируют советские товарищи. В целях избежания в дальнейшем расхождений между советскими и китайскими представителями в международных демократических организациях они предложили восстановить прежний метод предварительного согласования общих позиций и обещали дать своим представителям соответствующие инструкции.

Все же делегация КПК продолжала упорно возражать против формулировки о недопустимости фракционной и групповой деятельности даже в виде закрытого решения. Кроме того, делегация КПК настойчиво предлагала внести пункт о том, что решения на Совещании компартий должны приниматься только в том случае, если все компартии, а не только большинство, будут с ними согласны. Мы заявили, что подобный «принцип единогласия» давал бы каждой партии право вето и что это несовместимо с принципами марксизма-ленинизма.

В результате обмена мнениями была принята согласованная формулировка относительно путей укрепления единства международного коммунистического движения и решительной защиты этого единства на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма; в ней, как известно, с полной силой указывается на недопущение каких-либо действий, могущих подорвать единство коммунистических рядов. В этой формулировке полностью отражены все основные положения об укреплении единства коммунистического движения, которые содержались в проекте Заявления. Хотя китайские товарищи возражали против этих положений, не без основания видя, что последние своим острием направлены как раз против фракционной деятельности, которой в последнее время они усиленно занимались в международном коммунистическом движении, но они были в конце концов поставлены перед необходимостью: или считаться с коллективной волей всех компартий или предстать перед всем мировым рабочим движением в роли раскольников.

Что касается вопроса о культе личности, то в конце концов была достигнута договоренность и по этой формулировке.

Вся беседа проходила в дружеской обстановке. По поручению китайской делегации т. Пын Чжэнь обратился с просьбой о том, чтобы тов. Лю Шао-ци смог на следующий день встретиться с тов. Н.С. Хрущевым и что до этой встречи они хотели бы уладить все спорные вопросы, которые могли бы ей повредить.

30 ноября тов. Н.С. Хрущев принял в ЦК КПСС тов. Лю Шао-ци. Тов. Хрущев прямо сказал, что нас, советских коммунистов, очень огорчило возникновение такой обстановки в отношениях между нашими партиями и странами. В настоящее время по большинству вопросов мы снова едины. Поэтому нам нужно вместе подписать документ Совещания с тем, чтобы не дать врагам возможности искать цели.

Тов. Лю Шао-ци заявил, что китайские товарищи разделяют мнение о том, что мы должны быть едины в вопросах борьбы против империализма, в строительстве социалистического и коммунистического общества, в деле оказания помощи национально-освободительному движению и в борьбе за мир, против войны. Заявив о согласии делегации КПК на включение в проект Заявления положения о роли XX съезда КПСС, он снова просил исключить формулировку относительно культа личности. При этом т. Лю Шао-ци сказал, что этот вопрос для китайцев не имеет большого значения, но “очень большую чувствительность к нему проявляют корейские товарищи”. [Надо ради сплоченности с ними пойти им навстречу]¹. Никита Сергеевич обратил внимание китайских товарищей на то, что у нас, в Советском Союзе, положение таково, что нет надобности вновь подтверждать решения XX съезда, в том числе и по вопросу о культе личности, но против снятия этой формулировки решительно выступают представители братских партий Польши, Венгрии, Франции, Италии и других стран, а с их желанием нельзя не считаться. Тов. Хрущев подробно рассказал китайским делегатам, какие огромные успехи достигнуты в нашей стране после ликвидации последствий культа личности, какую важную роль сыграли решения XX съезда в развитии нашей экономики, культуры, в укреплении нашей партии. На примере действий албанских руководителей он показал, как культ личности может затормозить развитие и укрепление социализма, к каким печальным последствиям может он привести.

После этих разъяснений китайские товарищи больше не настаивали на своем предложении о снятии из Заявления формулировки о культе личности.

Беседа прошла в теплой и дружеской обстановке. Тов. Лю Шао-ци сообщил, что сразу же после окончания работы Совещания китайская делегация совершит поездку по Советскому Союзу. Во время беседы договорились и о порядке завершения работы Совещания.

В тот же день — 30 ноября — состоялось последнее заседание Редакционной комиссии. Сразу все почувствовали наступивший перелом. Комиссия единодушно приняла формулировки, представленные подкомиссией. Тов. Пын Чжэнь

¹ Фраза зачеркнута (ред.).

предложил, чтобы представителю КПСС было поручено сделать доклад Совещанию от имени Комиссии.

1 декабря участники Совещания собрались на заключительное заседание. Редакционная комиссия доложила о завершении своей работы. Затем, в исключительно приподнятой торжественной обстановке состоялось голосование и подписание документов Совещания.

С краткой речью к участникам Совещания обратился глава делегации Компартии Китая тов. Лю Шао-ци. Он отметил, что хотя работа Совещания шла по “зигзагообразному пути”, тем не менее, благодаря стремлению всех братских партий к сплоченности, трудности в конечном счете были преодолены, и Совещание привело к положительным результатам. В заключение оратор отметил, что замыслы империалистов, стремящихся внести раскол в социалистический лагерь, никогда не осуществляются, и что Компартия Китая будет всегда вместе с КПСС прилагать все усилия для укрепления великой дружбы социалистических стран.

Впервые за все время работы Совещания выступление китайского представителя было встречено аплодисментами. Первыми товарищу Лю Шао-ци начали аплодировать тов. Хрущев и вся наша делегация.

С заключительной речью на Совещании выступил тов. Н.С. Хрущев. Кратко охарактеризовав принятые Совещанием документы, он отметил, что, руководствуясь высшими интересами коммунизма, участники Совещания сделали все необходимое, чтобы разрешить спорные вопросы на основе принципов марксизма-ленинизма, добиться еще большей сплоченности коммунистического фронта. Тов. Хрущев подчеркнул, что теперь, когда решения выработаны и единодушно приняты, нужно, как этому учил В.И. Ленин, идти вперед под знаменем коллективно выработанных решений, выразил твердую уверенность в том, что все партии будут неуклонно и солидарно руководствоваться этими решениями, выполнять совместно разработанную программу, бороться за воплощение ее в практические дела. От имени КПСС глава нашей делегации заявил, что мы приложим все усилия к тому, чтобы неуклонно проводить в жизнь принятые Совещанием решения, что наша партия все сделает для того, чтобы отношения с братской Коммунистической партией Китая были хорошими, подлинно товарищескими отношениями, какими они были долгое время.

Речь тов. Н.С. Хрущева была встречена бурными аплодисментами. Все участники Совещания, стоя, долго аплодировали, в зале на многих языках зазвучал “Интернационал”. Это была волнующая, незабываемая демонстрация сплоченности и единства всех коммунистических партий мира, их решимости довести до победного конца великое дело Маркса-Энгельса-Ленина.

Товарищи! Из обзора событий, связанных с подготовкой и проведением Совещания, видно, что тот успех, которым оно в конце концов увенчалось, явился итогом довольно напряженной политической борьбы.

Сплочению Совещания на марксистско-ленинских принципах по общему признанию делегаций братских партий в огромной мере способствовали глубоко принципиальные выступления тов. Хрущева и вся деятельность делегации КПСС в период Совещания. Выступления тов. Хрущева были проникнуты вели-

кой верой в победу нашего великого дела, глубоким знанием современной обстановки и задач, стоящих перед мировым коммунистическим движением.

Деятельность Центрального Комитета КПСС во главе с тов. Хрущевым Н. С. имела выдающееся значение для обеспечения успеха исторического Совещания коммунистических и рабочих партий. Наша ленинская партия еще раз внесла крупный вклад в дело творческого развития марксизма-ленинизма, в дело создания прочной идейной основы единства мирового коммунистического движения. Наша партия на Совещании высоко держала знамя марксизма-ленинизма.

Основу документа, принятого Совещанием, составил проект Заявления, подготовленный ЦК КПСС. Все новые идеи и положения, выдвинутые нашей партией и представляющей собой цельную научную систему воззрений по всем важнейшим проблемам современного международного развития, вошли в Заявление и составляют его творческий фундамент. Руководство Компартии Китая, выступившее с критикой позиций нашей партии по ряду проблем, не смогло противопоставить идейной платформе КПСС никакой обоснованной, конструктивной линии и, подписав Заявление, встало на общие позиции всего международного коммунистического движения.

Сплочение братских партий на идейной платформе, которой явился проект Заявления, было достигнуто также в результате большой организационной работы, проделанной ЦК КПСС. Президиум ЦК уделил много внимания работе с делегациями других партий в дни работы Комиссии и Совещания. Важное значение имели многочисленные встречи и дружеские беседы с делегациями братских партий, в которых принимали участие тов. Хрущев и другие члены Президиума ЦК КПСС. В результате таких встреч и бесед у делегаций, стоящих и ранее на правильных позициях, укрепилась уверенность в своей правоте, у колеблющихся вырабатывалась правильные взгляды, а все это в целом способствовало сплочению братских партий.

Мы с полным основанием можем доложить Пленуму ЦК, что наша партия добилась в итоге Совещания большой морально-политической победы.

Совещание дало очень высокую оценку нашей Коммунистической партии. В заявлении, принятом Совещанием, говорится: «Коммунистические и рабочие партии единодушно заявляют, что общепризнанным авангардом мирового коммунистического движения была и остается Коммунистическая партия Советского Союза как наиболее опытный и закаленный отряд международного коммунистического движения».

Делегаты Совещания с большей любовью говорили о нашей партии, подчеркивали исключительное значение ее опыта для всего международного революционного движения, указывали на особое значение решений XX съезда КПСС. В своем Заявлении Совещание подчеркнуло, что «исторические решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма».

Таким образом, Совещание еще раз подтвердило, каким непререкаемым авторитетом среди братских коммунистических и рабочих партий всех стран пользуется наша великая ленинская партия.

В связи с многочисленными теплыми выступлениями братских делегаций в адрес КПСС Н.С. Хрущев на Совещании сказал: «Центральный Комитет нашей партии выражает горячую, братскую благодарность всем коммунистическим и рабочим партиям, которые выступали на данном Совещании и выразили доверие нашей партии — партии великого Ленина. За это доверие мы приносим искреннюю благодарность и заявляем, что оправдываем доверие и надежды, что КПСС все свои силы, опыт, революционную энергию отдаст делу коммунизма, делу нашей общей великой борьбы».

Итоги Совещания представителей коммунистических и рабочих партий нашли широкий отклик во всем мире, среди всех слоев населения.

Коммунисты всего мира с огромным воодушевлением встретили документы Совещания. Итоги Совещания и его документы горячо приветствуют трудящиеся всех стран, прогрессивные люди всего мира. Они видят в коммунистах выразителей их дум и надежд, все более убеждаются, что мир, социальный прогресс и коммунизм неотделимы. Нет сомнения, что исторические документы Совещания привлекут на сторону коммунизма новые миллионы честных людей во всем мире.

Буржуазные круги и их пресса по-разному реагируют на результаты Московского Совещания. Среди наиболее реакционной части империалистов и их прислужников полный успех Совещания вызвал явное замешательство и раздражение. Агрессивные круги империалистов пытаются приуменьшить его значение, извратить подлинный смысл принятых документов. Та же часть буржуазии, которая более трезво смотрит на вещи, признает, что эти документы имеют важное значение для поддержания и сохранения мира. Искреннее стремление коммунистов к миру и мирному сосуществованию, выраженное в документах Совещания, признают многие государственные деятели капиталистических стран.

Одним из важнейших итогов Московского Совещания явилось возобновление тесных контактов между ЦК КПСС и ЦК Компартии Китая, способствующих дальнейшему укреплению советско-китайской дружбы. В связи с этим надо напомнить, что лишь в 1960 г. ЦК КПСС дважды направлял ЦК КПК приглашение направить в Советский Союз партийно-правительственную делегацию. Но руководство ЦК КПК уклонилось от этого. Только перед окончанием работы Совещания, когда были решены все спорные вопросы, китайская партийно-правительственная делегация по своей инициативе вернулась к этому вопросу и затем совершила поездку по Советскому Союзу. [Повсюду — в Ленинграде, в Иркутске, в Москве — трудящиеся оказывали ей сердечный прием]¹. Тов. Лю Шао-ци, выступая во время поездки на митингах трудящихся, подчеркивал, что китайские коммунисты, китайский народ будут неустанно укреплять дружбу с КПСС и с советским народом, со всеми социалистическими странами, со всеми братскими партиями.

¹ Фраза зачеркнута (ред.)

Товарищи! Со времени окончания работы Совещания прошло почти полтора месяца. Во многих странах уже состоялись пленумы Центральных Комитетов коммунистических и рабочих партий. Проходят партийные активы и собрания в партийных организациях. Документы Совещания широко и подробно освещаются с печати. Братские партии горячо приветствуют успех Совещания, выражают полное одобрение и поддержку Заявления и Обращения к народам всего мира, делают на основе их практические выводы. Они подчеркивают в своих решениях, что Заявление, принятое Совещанием, открывает перед коммунистическими и рабочими партиями огромные перспективы в борьбе за победу дела мира, демократии, национальной независимости и коммунизма.

Естественно, нас интересуют отклики на итоги Совещания в Коммунистической партии Китая и Албанской партии труда, их реакции на ту принципиальную критику, которой они подверглись на Совещании, их практическая действительность после Совещания.

Пленум Центрального Комитета Компартии Китая пока не обсуждал итоги Совещания. Как сообщил нам посол, в беседе с ним т. Мао Цзе-дун заявил, что Совещание прошло хорошо. Поступают такие сообщения, что после Совещания и поездки партийно-правительственной делегации Китая по Советскому Союзу большинство китайских товарищей, с которыми общаются советские работники, с искренним удовлетворением, а иные даже со слезами радости встретили сообщение о начале нового дружественного этапа в советско-китайских отношениях.

Представляют интерес и сведения о том, что в последнее время руководство Компартии Китая принимает ряд мер по реорганизации структуры народных коммун и в деле организации труда на предприятиях. В отношении народных коммун, в частности, предусматривается борьба с голым администрированием и бюрократизмом, повышение материальной заинтересованности крестьян в народных коммунах: предлагается придерживаться принципа “от каждого по способности, каждому по труду”; членам коммун разрешается иметь небольшой участок земли в личном пользовании; предусматривается в течение трех лет возместить членам коммун стоимость домашнего скота и птицы, мелкого инвентаря и другого имущества, обобщественного в свое время.

Не лишено интереса сообщение одного из советников делегации Компартии Китая на Совещании. Делясь своими впечатлениями о Московском Совещании, он сказал нашему работнику в Пекине: «Работа китайской делегации на Совещании в Москве была крайне напряженной и довольно неприятной потому, — аргументировал он свои выводы, — что нас там крепко и единодушно били, причем была не столько делегация КПСС, сколько представители других братских партий. Но вместе с тем я очень доволен, что прошел такую большую школу и даже не школу, а настоящую академию, которую я не забуду всю жизнь».

Пожалуй, нельзя не согласиться с тем, что этот товарищ действительно вынес правильное впечатление о Совещании.

В деятельности китайских товарищей есть истораживающие моменты, в частности, некоторая тенденциозность в освещении итогов Совещания в китайской печати. В этих выступлениях в завуалированном виде проводится мысль, что все положения документов, принятых Совещанием, подтверждают высказы-

вания руководящих деятелей КПК. Так, в передовой статье «Жэньминь жибао» от 12 декабря 1960 года подчеркивалось, что т. Мао Цзэ-дун уже много лет назад говорил о возможности предотвращения новой мировой войны. Приводят даже цитаты, но совершенно умалчивают о том, что сама «Жэньминь жибао» всего несколько месяцев назад писала по этим вопросам прямо противоположное. Но об этом хорошо теперь знают коммунисты и народы всех стран. И как бы искусно ни выворачивали шубу, каждый легко определит, где ее лицевая сторона, а где ее изнанка. Конечно, мы, товарищи, должны войти в положение китайцев: им труднее, чем нам, докладывать партийным массам об итогах Совещания.

Возможно, что еще не все понятно китайскими товарищами до конца и для этого им потребуется известное время. И мы обязаны проявлять должное терпение, быть предельно тактичными и делать все для укрепления единства наших партий на принципиальной основе марксизма-ленинизма.

Несколько слов о позиции албанского руководства. Недавно состоявшийся пленум ЦК Албанской партии труда, обсудив вопрос о Совещании, ободрил деятельность делегации АПТ. Видимо, руководители АПТ не сказали албанским коммунистам всей правды о своем поведении на Совещании и о критике их братскими партиями.

Какова позиция Центрального Комитета нашей партии в отношении к Компартии Китая и Албанской партии труда?

Нам надо и впредь проводить курс на всемерное укрепление советско-китайской дружбы на базе принципов марксизма-ленинизма. Целесообразно систематически проводить консультации с правительством КНР по важнейшим международным вопросам, затрагивающим общие интересы, обмениваться внешнеполитической информацией по вопросам, касающимся наших государств. Необходимо стремиться к тому, чтобы советские и китайские представители в международных демократических организациях действовали согласованно, в духе решений Совещания. Президиум ЦК КПСС считает необходимым и впредь оказывать КНР возможную материально-техническую помощь в строительстве социализма.

Мы должны проявлять инициативу и в усилении межпартийных связей, приглашать на принципах взаимности делегации работников КПК для обмена опытом в области партийного строительства, идеологической работы, партийной пропаганды и т. д. В нашей печати необходимо значительно шире, чем это было до сих пор, освещать хозяйственные и культурные успехи китайского народа, равно как и народов других социалистических стран. Необходимо также регулярно обмениваться делегациями общественных и культурных организаций, словом не жалеть усилия для закрепления упрочения результатов, достигнутых в ходе работы Совещания, в деле укрепления советско-китайской дружбы.

Что касается Албании, то в данном случае в основном все зависит от того, как поведут себя дальше албанские руководители, от того, проявят ли они искреннее стремление к укреплению советско-албанской дружбы.

Гаоянь Цююй¹, Д.П. Новиков²

Российско-китайская чайная торговля в китайском преломлении: о книге Лю Цзайци «Купечество Шаньси и Великий чайный путь»

Исследование в части Д.П. Новикова выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21-514-93002 «Сравнительный анализ концептуальных школ внешнеполитической мысли России и КНР».

О проблеме изучения Великого чайного пути

В 2020 г. в издательстве «Жэньминь чубаньшэ» вышла в свет новая книга профессора кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Уханьского университета Лю Цзайци «Купечество Шаньси и Великий чайный путь» [Liu Zaiqi, 2020a]. Данная монография стала продолжением предыдущей работы автора — «Провинция Хубэй и китайско-российский Великий чайный путь» [Liu Zaiqi, 2018] — и второй книгой из планируемой трилогии монографий, посвященных истории российско-китайской чайной торговле.

В 1727 г. с Буринского и Кяхтинского трактатов началась регулярная двусторонняя торговля, центром которой стал г. Кяхта. Значение этой торговли и роли чая в ней в России понимали с самого ее возникновения [Миллер, 1755; Радищев, 1941].

Чайная торговля тесно переплетена с развитием российской общественной культуры, неотъемлемой частью которой стал чай и чаепитие. По мере развития российской культуры чаепития и роста связанных с этим экономических контак-

¹ Гаоянь Цююй, аспирант и приглашенный исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: qgaoyan1@gmail.com

² Новиков Дмитрий Павлович, заместитель заведующего и старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель Центра центральноазиатских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: dp.novikov@hse.ru

тов, торговля и сопутствующая ей инфраструктура расширялась, формируя то, что потом войдет в историю как Великий чайный путь.

Наконец, изучение Великого чайного пути представляется особенно актуальным в свете активного развития российско-китайского экономического сотрудничества на современном этапе. Этот интересный эпизод истории двусторонних отношений является хорошим примером того, как торгово-экономические контакты приводят к взаимному культурному обогащению.

При этом в российской историографии изученность феномена Великого чайного пути остается сравнительно небольшой, хотя в последние годы и появилось несколько исследований по этой проблеме. Вероятно, наиболее серьезным исследованием дореволюционного периода, во многом заложившим основы исследования чайной торговли, стала книга известного экономиста А.П. Субботина «Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение» [Субботин, 1898]. Данный труд долгое время оставался основным в изучении чайной торговли, в том числе Великого чайного пути. В советский период внимание к исследованию российско-китайской частной торговли снизилось — в том числе ввиду сложностей в советско-китайских отношениях. В условиях советско-китайского раскола тема экономико-культурных связей между странами была по понятным причинам невостребованной.

В современный период внимание к этой проблематике вернулось. Так, в 2010 г. была защищена диссертация «Чай и чайная торговля в Российской империи в XIX — начале XX века» [Соколов, 2010], в которой частично рассматривается и феномен российской чайной культуры, и особенности развития российско-китайской чайной торговли. В последние годы вышел ряд публикаций, посвященных непосредственно Великому чайному пути в российском преломлении — об изучении российских торговых практик и институтов, а также отдельных людях, задействованных в российско-китайской торговле [Шаронова, 2019]. Отдельной интересной проблемой, попавшей в поле зрения российских авторов, стало изучение влияния Великого чайного пути на идентичность и культурное развитие отдельных городов, включенных в систему российско-китайской чайной торговли [Крос, 2015; Мушкалов, 2019]. Более практикоориентированным направлением российских исследований Великого чайного пути стало изучение возможного влияния его исторического наследия на современное экономическое развитие, в частности на развитие туризма [Се, 2017].

Однако в целом, несмотря на рост внимания к истории и даже современному влиянию Великого чайного пути, эта проблема остается в российской литературе все еще сравнительно малоизученной. Показательно, что даже в русскоязычной литературе большую роль играют опубликованные в российских журналах работы китайских авторов, посвященные данной проблеме [Лю, 2009; Го, 2020]. Тем интереснее и важнее появление более детального исследования китайского автора, одного из крупнейших специалистов по Великому чайному пути. Новая монография профессора Лю дает замечательную возможность ознакомиться с китайским взглядом на развитие важнейшего аспекта истории российско-китайских торгово-экономических отношений.

Общая характеристика книги и ее научное значение

Книга профессора Лю представляет собой синтез исторического анализа конкретной проблемы — роль купцов Шаньси в развитии чайной торговли — с более широким контекстом внешнеэкономической истории Китая в течение весьма длительного периода. Монография разделена на шесть глав. Первая глава, «Создание Великого чайного пути», знакомит с зарождением и началом воплощения идеи торгового пути, рассматривает историю российско-китайской чайной торговли на разных этапах и предполагает, что чайная культура, как своего рода мягкая сила, играла определенную роль в содействии развитию торговли чаем между Китаем и Россией.

Вторая глава, «Статус и роль цзиньских (пров. Шаньси) торговцев в Великом чайном пути», предполагает, что шаньсийские торговцы не только привнесли значительные инновации в способы приготовления чая, а также составляющую чайную торговлю финансовую систему и технологии, логистику и транспорт, но также сформировали вдоль Великого чайного пути обширную инфраструктуру, составляющую сегодня историческое наследие той эпохи. Третья глава, «Упадок Великого чайного пути», описывает причины прекращения деятельности этой торговой артерии и анализирует их с точки зрения влияния иностранных государств, действий Цинского правительства и торговцев из Шаньси.

Начиная с четвертой главы автор проводит анализ влияния исторического наследия Великого чайного пути на инициативу «Пояс и путь». В четвертой главе «Разнообразие маршрутов Великого чайного пути и строительство “Пояса и пути”» анализируются историческое наследие шаньсийских торговцев и перспективы развития новых торговых связей в пров. Шаньси в контексте реализации китайских инициатив «Экономического пояса Шелкового пути», «Морского Шелкового пути», а также экономического коридора Китай—Монголия—Россия.

В пятой главе «Великий чайный путь и дух купечества Шаньси» анализируются духовные ценности и философия торговых отношений шаньсийских торговцев. Шестая глава «Купечество провинции Шаньси в российских публикациях» посвящена исследованиям российских ученых по истории купечества Шаньси. В своей книге автор указывает, что с XVI в. постепенная глобализация экономики, интеграция в нее Китая, географические открытия и вызванная ими эволюция экономического порядка стали предпосылками для развития Великого чайного пути и одним из важных каналов торговли Китая с европейской державой, минуя традиционное взаимодействие с западноевропейскими странами. Это может служить определенным примером для развития особых российско-китайских экономических связей в современную эпоху.

Книга профессора Лю, таким образом, не просто фокусируется на сравнительно узком вопросе купечества пров. Шаньси, но дает широкую политическую и экономическую картину истории внешней торговли Китая, особенно истории китайско-российской чайной торговли при династиях Мин и Цин. В ней также описывается распространение глобального цивилизационного воздействия китайской торговли, представленной духовными ценностями шаньсийского купечества, а также влияние китайского чая и традиционной китайской чайной куль-

туры на мировую экономическую модель той эпохи. Работа представляет собой междисциплинарное исследование, объединяя такие направления, как международная торговля, международные отношения, мировая экономика, экономическая история, чайная культура и другие междисциплинарные области. По сути, книга через призму конкретного анализа роли купечества пров. Шаньси в создании и функционировании Великий чайный путь рассматривает комплекс проблем внешней торговли Китая, китайско-российских отношений и эволюции мировой экономической модели. В этом ее безусловное преимущество — это не только историческое исследование, но и попытка проследить тесную связь между историей и современностью.

Одним из ключевых тезисов книги является то, что с древних времен Китай был державой, ориентированной на открытую внешнюю торговлю. Некоторый изоляционизм цинской династии были лишь небольшим эпизодом в истории внешней торговли страны. Основным же лейтмотивом оставалось движение в направлении открытой внешней торговли, которая являлась и остается нормой внешнеэкономического поведения Китая. По-видимому, этим объясняется то, почему в работе профессора Лю такое большое внимание уделяется деятельности шаньсийских купцов, первыми начавших использовать Великий чайный путь в торговле между Китаем и Россией, а также изложению истории внешней торговли китайским чаем, которая проходила по этому маршруту. Все эти аспекты служат подтверждением тезиса о стремлении китайского купечества к открытым отношениям с внешним миром.

Книга также охватывает различные исторические этапы китайской истории с древнейших времен до наших дней и характеризуется широким видением предмета исследования. В работе отмечается, что «Китайско-российский Великий чайный путь — это прошлое и настоящее древнего Шелкового пути, предвосхитившее постепенную экономическую глобализацию Азии и Европы, начавшуюся в XVI веке» (с. 1). Эту точку зрения можно назвать новаторской. В отличие от идеи глобализации, распространяемой США после Второй мировой войны, в книге предлагается считать началом глобализации именно становление и развитие Великого чайного пути в XVI—XVII вв., стимулировавшего развитие глобального разделения труда и постепенное формирование глобального рынка. Хотя данный тезис и представляется несколько дискуссионным, тем не менее он имеет под собой определенную основу. Как раз на этот период приходится и активная фаза новых географических открытий и последовавшей за ней колонизация и включение новых регионов в мировую систему торговли. Великий чайный путь определенно был частью этого общего процесса.

Идея о центральной или как минимум значимой роли Великого чайного пути в процессе глобализации мировой торговли XVI—XVII вв. обосновывается масштабами описываемых автором процессов. Торговцы из Шаньси как люди предприимчивые отправили выросший на юге чай в северные регионы и совместно с российскими сибирскими купцами создали Великий чайный путь, который превратился в крупнейший рынок международной торговли в Китае, России и даже Центральной Европе, что имело далекие исторические последствия. Тем не менее самой ранней крупной торговой страной, в которую шаньсийские тор-

говцы экспортировали чай, была не Россия, да и сама китайско-российская торговля чаем не была налажена в одночасье. В этом смысле Великий чайный путь следует рассматривать как важную, хотя и едва ли центральную артерию глобализационных процессов. Тем не менее такой взгляд автора на глобализацию (незападную по своей природе и географической принадлежности) хорошо ложится в общую современную тенденцию отхода от западоцентризма в изложении коренных исторических процессов и тем самым представляет большой интерес.

Историческая составляющая исследования

Историческая часть книги также представляет немалый интерес, в том числе с точки зрения изучения китайского взгляда на глобальную экономическую историю. Сама история торговли чаем шаньсийскими купцами разделена в книге на пять этапов: начальный, после подписания Нерчинского договора (1689), после подписания Кяхтинского трактата (1727), после подписания Кяхтинского договора (1792) и на последствия подписания китайско-российских договоров в торговле чаем в наше время. В книге отмечается, что «под взаимным воздействием многих сложных внешних и внутренних факторов деятельность купечества Шаньси и Великого чайного пути, длившаяся более 260 лет, окончательно сошла с исторической сцены. Это, по-видимому, неизбежная тенденция экономической глобализации» (с. 180). Под этими «неизбежными факторами» автор подразумевает западный империализм и вынужденное подписание Китаем ряда «неравноправных договоров», а также развитие промышленной революции на Западе и другие международные политические и экономические процессы. Отмечает автор также коррупцию и отсталость правительства династии Цин, и подавление им деятельности шаньсийских торговцев. В книге проводится глубокий и тщательный анализ исторических предпосылок этих внутренних и внешних проблем, применяется методология междисциплинарных исследований, чтобы дать читателям многомерную и всеобъемлющую интерпретацию некогда процветающего, но угасшего проекта Великого чайного пути, равно как и взлетов и падений Китая в мировой внешнеторговой деятельности. В целом, излагаемые в книге тезисы отражают общие тенденции эволюции взглядов на глобальную экономическую историю в КНР — стремление «вписать» Китай в глобальные экономические процессы как важный элемент мировой торговли, причем задолго до XIX в.

В связи с этим развитие купечества отдельной провинции как бы вписывается в глобальный экономический процесс. «Основной заботой шаньсийских купцов стала доставка на продажу чая, произведенного в Китае, главным образом в бассейне реки Янцзы, включая Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Аньхой и даже в юго-западных районах... Чай перевозился по суше и воде через восточный чайный порт Ханькоу (ныне — часть города Ухань) в Россию, Монголию, Центральную Азию и другие регионы реализации чая, чтобы эффективно связать основные районы производства китайского чая с основными торговыми площадками. Это способствовало масштабному развитию чайной промышленности Китая в новое время, особенно стимулированию выращивания, развитию переработки и внешней

торговли чаем в регионе Хунань и Хубэй... Торговцы из Шаньси внесли неоценимый вклад в разработку, производство и продажу знаменитого черного чая “Хунань Аньхуа”, зеленого плиточного чая “Линьсян” (округ в пров. Хубэй), зелено-го плиточного чая “Хубэй Янлоудун” и рисового плиточного чая» (с. 3, 93, 160).

При этом описание быта и особенностей торговой деятельности исследуемой эпохи является, пожалуй, самой сильной частью работы. Идя по следам шаньсийских торговцев, автор и его команда провели полевые исследования в основных торговых биржах, палатах, чайных домиках, финансовых конторах, поселениях на торговых путях, древних каналах, изучили древние паромы и другие реликвии Великого чайного пути, посетили музеи и памятные исторические места в странах, участвовавших в системе торговли. Чтобы объективно и точно представить разнообразные маршруты Великого чайного пути, были проведены интервью с китайскими и зарубежными учеными, китайскими бизнесменами, работающими за рубежом, и потомками торговцев чаем. В книге последовательно излагаются все эти факты, объясняется культурное значение Великого чайного пути, а также приводится множество новых фактов, способствующих изучению экономической и торговой истории. Все это вносит значительный вклад в исследование затронутых в книге проблем.

Значительный вклад вносит труд Лю Цзайци и в историю провинций Шаньси и Хубэй. Чтобы подтвердить важную роль и выдающийся вклад шаньсийских торговцев в историю расположенного здесь чайного района Янлоудун пров.Хубэй, автор приводит большое количество исторических материалов и данных, в том числе отчеты о таможенной торговле из разных мест, отчеты об исследованиях рынка чая и документы китайских и зарубежных ученых. В книге также показано, что «первыми шаньсийскими торговыми домами, которые открыли и управляли чайными домиками в районах Янлоудун и Янлоуси, были Дашэнкуй, Саньючуань и Цзюйшэнчуань» (с. 62).

В ней по аналогии присутствует также описание текущей ситуации с богатым наследием и ресурсами шаньсийских купцов периода Великого чайного пути: комплекс Цяоцзя в деревне Цяоцзябао уезда Цисянь (пров. Шаньси) является самым известным из тридцати четырех торговых представительств (торговых палат) купцов из Шаньси, которые относительно хорошо сохранились до наших дней. Он известен как «жемчужина жилой архитектуры жителей северных районов династии Цин» и в настоящее время преобразован в народный музей Северного Китая. Пройдя через столетия превратностей судьбы, здания торговой палаты Шаньси-Шэньси и храм императора Гуаня воплотили в себе всеобщий дух предпринимательства шаньсийских торговцев, поклонявшихся своему господину, императору Гуаню, почитавших честность и беззаветную преданность долгу и использовавших торговые палаты как связующее звено, объединяющее соотечественников и создающее совместную коммерческую империю. В настоящее время сохранилось лишь чуть более 50 залов торговых палат шаньсийских купцов, которые относительно неплохо защищены. Торговая лавка Цзинлун, основанная в 1718 г. кланом Цзоу и кланом шаньсийских купцов Чан в деревне Сямэй на горе Уишань, стала первой остановкой Великого чайного пути. Этот археологический памятник до сих пор находится в хорошем состоянии. Можно

сказать, что подобные торговые дома, палаты и лавки хорошо известны как памятники архитектуры, но практически мало кто знает, что все они являются драгоценными историческими реликвиями шаньсийского купечества, торговавшего разными товарами, особенно чаем, и важными историческими свидетельствами открытого шаньсийскими торговцами Великого чайного пути. Используя обширную литературу, автор красочно представил собранный воедино материал и это в определенной степени сыграло связующую роль в объединении важных памятников истории и культуры, разбросанных по Великому чайному пути, и научных достижений предшественников.

Цзиньский «дух капитализма»

Одним из наиболее интересных аспектов книги представляется не только ее собственно историческая часть, но и попытка автора сформулировать на базе собранного обширного исторического материала своеобразную концепцию, которую можно назвать одной из наиболее значимых и центральных идей книги. Это идея о самобытном, пользуясь веберовской терминологией, «духе капитализма», сформировавшемся в рамках или как минимум под влиянием культуры чайной торговли.

В рамках разработки этой концепции в книге подробно рассказывается об историческом вкладе шаньсийских торговцев в создание Великого чайного пути и их богатом духовном наследии. Автор называет их «пионерами современной финансовой и логистической индустрии» (с. 105). Они усовершенствовали финансовую систему, способы управления бизнесом, методы расчетов и логистику. То, что такие более современные методы управления смогли зародиться в то время среди торговцев пров. Шаньси, возможно, удивит западных экономистов наших дней. Автор отмечает, что «возникновение купечества Шаньси в значительной степени поспособствовало синтезу традиций древней цивилизации и практик современного менеджмента» (с. 272), а идеи управления бизнесом шаньсийских торговцев, их философия деловой активности и созданная ими торговая система заслуживают изучения и даже использования в наши дни. По мнению автора, благодаря своей духовной и культурной позиции, шаньсийские торговцы сыграли важную роль в развитии капиталистической по своей сути культуры отношений при династиях Мин и Цин. Эти выводы вполне сравнимы с веберовскими идеями о протестантской этике и духе капитализма в Европе. И раскрываемая в книге глубина торговой культуры и этики, присущих цзиньскому купечеству, возможно, позволяет проводить такое сравнение.

При этом дух шаньсийского купечества все же исходит из сути традиционной китайской культуры как с точки зрения внутреннего содержания, так и на идеологическом уровне. Его основа, по мнению автора — это упорство и целеустремленность первопроходцев, предприимчивость и новаторство, пренебрежение трудностями и лишениями, а также честность, надежность и сплоченное стремление вперед. Все это, по его утверждению, весьма поучительно для современного делового управления. В книге рассказывается о доверии и честности

шансийского купечества, что соответствует экономической идеологии, основанной на философии китайской цивилизации и конфуцианской культуры.

Данные тезисы Лю Цзайци не являются бесспорными. Однако они составляют интересную мысль о выработке своеобразной капиталистической этики в китайской деловой культуре еще в XVI-XVII вв. и непосредственном влиянии, которое эта торговая культура оказывала на включение Китая в мировую систему экономических связей. Более того, можно предположить, что развитие исследуемой автором деловой культуры в немалой степени связано с активизацией китайских внешнеэкономических связей сегодня. Во всяком случае, к таким выводам можно прийти исходя из изложенного в книге исторического материала. Как отмечает автор, «Великий чайный путь шаньсийских купцов полностью отражает грандиозность обменов китайского народа с зарубежными странами на современном этапе и представляет превосходный дух деловой культуры китайского народа, воплощенный торговцами Шаньси» (с. 240).

Заключение

Известное изречение кочевников гласит: «Можно прожить три дня без еды, но без чая не прожить и дня». Рассматриваемая в статье книга в полной мере следует этому тезису, будучи пропитанной искренней любовью и уважением к чайной культуре и чаю — не просто товару, но продукту-символу, тесно связанному с судьбой китайского народа и страны. Яркие описания китайской чайной культуры, культуры чаепития в степных районах, русской культуры потребления чая усиливают исследовательскую составляющую работы, в какой-то степени придает занимательности чисто научным выводам, формулируемым автором. Книга представляет собой не просто сухое научное исследование, но крайне интересное и местами эмоциональное изложение увлекательной истории чая — в этом смысле прочитать ее стоит хотя бы поэтому.

Безусловно, чай и его история представляют собой важный элемент мягкой силы Китая, потому определенный пафос рассматриваемой монографии был неизбежен как в Китае, так и за рубежом. Неслучайно предыдущая книга автора была переведена на английский язык [Liu Zaiqi, 2020b]. Вполне вероятно, что будет переведено и рассматриваемое исследование. Однако трудно отрицать, что Великий чайный путь стал символом и основой масштабного экономического взаимодействия, которое в свою очередь стимулировало культурный диалог и взаимопроникновение культурных практик и идей между народами, вовлеченными в чайную торговлю. Масштабное экономическое взаимодействие и специфика продукта породили необычную торговую культуру и стимулировали развитие социальных связей. Безусловно, это способствовало и определенному сближению России и Китая, как экономическому, так в не меньшей степени и социально-культурному.

Таким образом, второе исследование Лю Цзайци о Великом чайном пути получилось даже более комплексным, чем первое. В своей новой книге автор разбирает взлеты и падения Великого чайного пути, обращает внимание на истори-

ческий вклад и духовные ценности купечества провинции Шаньси, излагает историческое происхождение и развитие Великого чайного пути и его идейную связь с современной инициативой «Один пояс, один путь». В книге подчеркивается важность традиционного пути чайной торговли как исторического, делового, торгового и культурного маршрута для сегодняшнего построения бизнеса в этом регионе, создания экономического и культурного коридора Китай-Монголия-Россия и соединения различных стратегий внутреннего развития в целях содействия международному сотрудничеству. Хотя некоторые аналитические выводы книги представляются небесспорными, содержащийся в ней междисциплинарный подход к изучению феномена Великого чайного пути и оригинальные идеи представляют безусловную научную ценность и вызывают интерес. Книгу, несомненно, можно рекомендовать как специалистам по истории российско-китайских отношений, так и просто интересующимся рассматриваемой исторической эпохой и ее влиянием на современность.

本文是2019年国家社科重大项目“‘万里茶道’茶业资料搜集整理与研究”（项目编号19ZDA179）的阶段性成果。

Библиографический список

Го Ю. Чайная торговля между Китаем и Россией в XVIII—XIX вв. в Кяхте и создание российской культуры чая // Современная научная мысль. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chaunaya-torgovlya-mezhdu-kitaem-i-rossiyev-v-xviii--vv-v-kyah-te-i-sozdanie-rossiyskoy-kultury-chaya> (дата обращения: 16.09.2023).

Кросс Р.А. Великий чайный путь и формирование идентичности на примере городов Иркутска и Ханькоу // Вестник Пермского университета. История. № 3 (30). 2015. С. 128—134.

Лю Ц. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chaunaya-torgovlya-mezhdu-kitaem-i-rossiyev> (дата обращения: 16.09.2023).

Миллер Г.Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755.

Мушкалов С.М. Томск на Великом чайном пути: малоизвестные страницы истории / Сибирское наследие: истоки, деятельность, наследие. Материалы Третьей всероссийской конференции. Томск, 2019. С. 185—187.

Радищев А.Н. [Письмо о Китайском торге] / Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938—1952. Т. 2 (1941). С. 3—35.

Се Е., Апрелькова В.В. Великий чайный путь: вызовы и возможности для российского приграничья (на примере Забайкальского края) // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 1. С. 47—47.

Соколов А.И. Чай и чайная торговля в Российской империи в XIX — начале XX в. // автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2010. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004604325?ysclid=lm9yb6i9i101571942> (дата обращения: 16.09.2023)

Шаронова В.Г. Русские торговые дома и фабрики в южных провинциях Китая — форпосты русско-китайской торговли (1870 г. — первое десятилетие XX в.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-torgovye-doma-i-fabriki-v-yuzhnyh-provintsiyah-kitaya-forposty-russko-kitayskoy-torgovli-1870-g-pervoe-desyatiletie-xx-v> (дата обращения: 16.09.2023).

References

Go, Yu. (2020). Chaynaya trgovlya mezhdru Kitayem i Rossiyei v XVIII—XIX vv. v Kyakhte i sozdaniye rossiyskoy kul'tury Chaya [Tea Trade between China and Russia in the 18th-19th centuries in Kyakhta and the Creation of Russian Tea Culture]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, No 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chaynaya-torgovlya-mezhdru-kitaem-i-rossiey-v-xviii--vv-v-kyakhte-i-sozdanie-rossiyskoy-kultury-cha-ya> (accessed: 16.09.2023). (In Russian).

Kross, R.A. (2015). Velikiy chaynyy put' i formirovaniye identichnosti na primere gorodov Irkutsk i Khan'kou [The Great Tea Road and the Formation of Identity Using the Example of the Cities of Irkutsk and Hankou]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, No. 3 (30). Pp. 128—134. (In Russian).

Lyu, Ts. (2009). Chaynaya trgovlya mezhdru Kitayem i Rossiyei [Tea trade between China and Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chaynaya-torgovlya-mezhdru-kitaem-i-rossiey> (accessed: 16.09.2023). (In Russian).

Miller, G.F. (1755). O pervykh rossiyskikh puteshestviyakh i posol'stvakh v Kitay [About the first Russian Travels and Embassies to China]. *Ezhemesyachnyye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye*. (In Russian).

Mushkalov, S.M. (2019). Tomsk na Velikom chaynom puti: maloizvestnyye stranitsy istorii [Tomsk on the Great Tea Route: Little-known Pages of History]. *Sibirskoye nasledie: istoki, deyatelnost', nasledie. Materialy Tret'yey vserossiyskoy konferentsii*. Tomsk. Pp. 185—187.

Radishchev, A.N. (1941). Pis'mo o Kitayskom torge [Letter about the Chinese trade]. Radishchev A.N. (1938—1952). *Polnoye sobraniye sochineniy* [The complete works]. M.-L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, Vol. 2. Pp. 3—35. (In Russian).

Se, E., Aprelkova, V.V. (2017). Velikiy chaynyy put': vyzovy i vozmozhnosti dlya rossiyskogo prigranich'ya (na primere Zabaykal'skogo kraya) [The Great Tea Road: challenges and opportunities for the Russian border region (using the example of the Trans-Baikal Territory)]. *Aziatsko-tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, No. 1. Pp. 47—47. (In Russian).

Sharonova, V. G. (2019). Russkiye trgovyye doma i fabriki v yuzhnykh provintsiyakh Kitaya — forposty russko-kitayskoy trgovli (1870 g. — pervoye desyatiletie XX v.) [Russian trading houses and factories in the southern provinces of China — outposts of Russian-Chinese trade (1870 — the first decade of the 20th century)]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, No. 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-torgovye-doma-i-fabriki-v-yuzhnykh-provintsiyah-kitaya-forposty-russko-kitayskoy-torgovli-1870-g-pervoe-desyatiletie-xx-v> (accessed: 16.09.2023). (In Russian).

Sokolov, A.I. (2010). Chay i chaynaya trgovlya v Rossiyskoy imperii v XIX — nachale XX v. // avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk [Tea and tea trade in the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries // abstract of dissertation. ... Ph.D. in History]. M URL: <https://search.rsl.ru/record/01004604325?ysclid=imm9y6ci9i101571942> (accessed: 16.09.2023). (In Russian).

* * *

Liu, Zaiqi. (2020b). *Hubei and the Tea Road*. San Jose, CA: Horizon Research Publishing.

Liu, Zaiqi 刘再起. (2018). *Hubei yu zhong e wanli chadao 湖北与中俄万里茶道 [Hubei and China-Russia Wanli Tea Ceremony]*. Beijing: People's Publishing House. (In Chinese).

Liu, Zaiqi 刘再起. (2020a). *Jin shang yu wanli chadao 晋商与万里茶道 [Shanxi Merchants and the Wanli Tea Ceremony]*. Beijing: People's Publishing House. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.09.2023. Received: 2 September 2023.

Принята к публикации: 05.10.2023. Accepted: 5 October 2023.

А.С. Исаев¹

Соотечественники в Восточной Азии: чтобы понять, надо знать и помнить. Читая Роман Якова Ловича «Шанхайцы»

Желание написать эссе на эту тему возникло давно. И вот недавно появился новый стимул. Я вернулся к самой идее поговорить о проблеме соотечественников, когда прочитал роман Якова Ловича «Шанхайцы», написанный в конце 1940-х гг., который опубликовало издательство «Престиж бук» в 2022 г. [Лович, Т. 1, Т. 2, 2022]. Роман мне очень понравился глубиной понимания описываемых событий, поступков и мотивации особой жизни людей, которые в силу жизненных обстоятельств оказались далеко за пределами своего отечества. Роман этот написан в самом благодарном, вызывающем повышенный интерес у читателей, жанре, который я для себя определяю, как «приключения жизни».

Под псевдонимом Якова Ловича скрылся писатель Яков Львович Дейч, автор нескольких романов о жизни русской эмиграции за рубежом, в том числе в Китае и других странах Восточной Азии [Там же]. Роман «Шанхайцы» отличается подробным описанием жизни и борьбы за свое существование наших соотечественников, покинувших после 1917 г. Россию и обосновавшихся в Китае, сначала на северо-востоке страны, а затем в Шанхае. Оттуда позднее они расселились дальше по всему миру. Это история психологических и интеллектуальных метаний людей, которые так и не смогли смириться с потерей родины и приспособиться к жизни на чужбине. Рассказ о бедах и страданиях, о добывании средств к существованию в условиях, когда жизнь непрерывно создает для тебя череду непреодолимых препятствий и преград, разворачивается на фоне событий Второй мировой войны на Дальнем Востоке после того, как Япония сначала оккупировала Северо-восточный Китай, а затем захватила Шанхай.

В описываемый в романе период в Шанхае проживало около 16 тысяч русских эмигрантов [Аблова, 1999, с. 218]. Для них почти не было работы, катастрофически не хватало жилья. При таких трагических условиях наши соотечественники не перестали помнить и заботиться друг о друге. А самое главное, помнить и любить оставшуюся далеко на севере родину — Россию, которая в этот же период переживала разруху, смерть, голод и собирала силы для изгнания со своей земли фашистских захватчиков. Это трагическая повесть о наших соотечественниках, которые не только продемонстрировали чудеса выживаемости, невероятную верность своим идеалам, но и удивительные таланты и способности приспосабливаться к самым сложным жизненным обстоятельствам, сохраняя при этом верность долгу, православию, отечеству, русскому миру и готовность пойти сно-

¹ Исаев Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: isaev51@mail.ru

ва их защищать, когда фашистская Германия 22 июня 1941 г. напала на Советскую Россию.

Писатель не был сторонником советской власти, но стремился объективно и обстоятельно показывать, как жизненные трудности не сломили наших людей, живших в Китае, многие из которых впоследствии поверили новой власти и постарались взглянуть на свою многострадальную Родину объективными глазами. Не все проявили твердость духа и воли, приверженность идеалам, некоторые согласились на сотрудничество с японскими оккупантами. К таким относились с презрением и считали позором нации. Показательно, что среди соотечественников были не только русские, но и евреи, украинцы, буряты и прочие представители нашей многонациональной страны, простые крестьяне, купцы, бывшие военнослужащие, учителя и т. д. Лович описывал то, что очень хорошо знал и прочувствовал: в начале 1920-х он эмигрировал в Харбин, а в 1937 г. переехал в Шанхай, где работал в газете «Шанхайская заря» [Кравцов, 2022].

Среди героев этой книги мы встретим «девушек с низкой социальной ответственностью», карточных игроков, журналиста, бывшего белогвардейского офицера, комдива Красной Армии, сбежавшего от преследования ОГПУ. Рядом с мужчинами находятся и поддерживают их в жизни верные жены, которые из последних сил, как и их мужья, стремятся к выживанию и точно так же переживают за свою родину, покинутую ими после революции. В романе нет счастливого конца. Его главные герои нашли способ жить вне своей страны, но Китай так и не стал для них второй родиной. Многие из них впоследствии внесли свою лепту в строительство нового Китая, хотя новые власти, подобно послевоенному руководству Советского Союза, так и не смогли поверить им.

Несколько слов об авторе этого незаурядного произведения. Яков Львович Дейч, который больше известен под псевдонимом Яков Лович, вырос в России. Он родился в семье политических ссыльных впоследствии известного меньшевика Л.Г. Дейча и народницы М.А. Ананьиной 28 декабря 1898 г. и детство провел в каторжном крае под Благовещенском. В 1915 г. окончил благовещенскую мужскую гимназию. Образование продолжил в Московском университете. В 1916 г. будущий писатель был призван действующую армию, прошел обучение в царцынском учебном батальоне, затем — в Третьей московской школе прапорщиков, после чего был направлен на фронт, где, как утверждают сохранившиеся письменные источники, проявил незаурядную храбрость и мужество. Летом 1917 г. в бою под Ригой был контужен в голову, а позже, уже находясь в армии Колчака, в боях с красными получил легкое ранение. До 1920 г. служил следователем при военно-полевом суде, прокурором по политическим и уголовным делам. В 1920 г. переехал в Харбин, где работал в Амурском обществе пароходства и торговли и библиотеке, а затем в газете «Рупор» и литературно-художественном журнале «Рубеж». В 1926 г. изменил свою фамилию на Лович (от отчества Львович).

В 1930-е гг. журнал «Рубеж» регулярно публиковал криминальные рассказы Якова Ловича. Его первые литературные опыты описывали отношения в рамках любовного треугольника, другие любовные перипетии. Постепенно он все чаще и чаще пишет о русских беженцах и эмигрантах — богатых и бедных, грустных и ве-

сельских, объединенных общей судьбой полуотверженных скитальцев, которые оказались далеко от Родины, вдали от родных лесов и берегов, полей и рек. Заметим, что в конце 1930-х — начале 1940-х гг. в Маньчжурии и Харбине проживало 80—100 тысяч выходцев из России [Аблова, С. 218]. Лович написал несколько романов и большое число рассказов и повестей. В 1951 г., после прихода к власти в Китае коммунистов, он переехал в США, где и скончался в 1956 г. от рака легких.

Для рассказов Якова Ловича характерна ярко выраженная авантюрная, детективная интрига, борьба героев в сложнейших условиях изгнания в далекой чужой стране, а их жизнь наполнена каждодневной схваткой за преодоление беззащитности и психологических страданий, нищеты и унижительного положения никчемных и никому не нужных иностранцев.

Именно об этом рассказывает роман «Шанхайцы». Красной нитью по жизни этих людей проходит любовь к вынужденно покинутой стране, к ее народу, готовность сражаться за счастье и справедливую жизнь, к которым стремились многие поколения русских интеллигентов. Жизненные трудности, голод, психологические страдания, болезни постоянно и незаслуженно преследуют их. Несмотря на все это, герои романа не теряют внутреннюю связь с Родиной. Они всегда помнят о ней, сочувствуют людям, оставшимся в красной России. Понятно, что Лович не был поклонником советской власти, но в своем романе он достаточно ярко показал, как трансформировались оценки и отношение эмигрантов к меняющейся России, которая яростно боролась за промышленное развитие, а затем героически противостояла фашистской Германии. Герои книги внимательно следят за событиями в СССР и соперничают с народом, который, испытывая нищету и лишения, с энтузиазмом строил никем не виданное новое будущее всеобщего счастья и равенства. Бывшие враги советской власти, а теперь никому не нужные изгнанники и эмигранты, оставались патриотами своей родины, даже несмотря на то, что родина не торопилась принять их обратно и не всегда была к ним благосклонна.

В России роман был издан фрагментарно лишь в 2000 г. Его появление в полном виде сегодня напоминает нам всем, что наши предки всегда честно, по справедливости, с искренней любовью относились к своей стране и к своему народу. Этот роман напомнил также и о том, что наши люди даже в сложнейших условиях эмигрантского бытия не теряли надежды на лучшее будущее, сохраняли творческие порывы своих сердец, любовь к своим корням. Мне он напомнил и о том, что в условиях старого эмигрантского Харбина сложилась невероятная, загадочная и даже, как считают некоторые литературоведы, мистическая литературная школа, о которой мы сегодня имеем весьма слабое представление.

Уместно в связи с этим напомнить о китайском профессоре из Цицикарского университета Ли Яньлине (李延齡) [Литература русских эмигрантов в Китае, Т. 1], который по крупницам с подросткового возраста, копаясь в мусорках на помойках, собирал рваные обложки и тетрадки поэтических сборников и рассказов, написанных русскими людьми, которые жили и работали на северо-востоке Китая. Именно благодаря подвижничеству этого китайского профессора до нас дошли многочисленные произведения русских эмигрантов. Это он исследовал и скрупулезно собирал газеты журналы, издания и брошюры с литературными

произведениями русских эмигрантов, именно он во время культурной революции сохранил произведения наших соотечественников. В 2005 г. он издал удивительное собрание произведений русских эмигрантов, живших и творивших в изгнании на северо-востоке Китая. Это 10 томов в роскошных переплетах по 500—600 страниц в каждом томе энциклопедического формата [Литература русских эмигрантов в Китае, Т. 1—10]. Китайский энтузиаст нашел спонсоров и переиздал большую часть спасенных им произведений и в переводе на китайском языке в Харбине, назвав это собрание «Рассвет над Сунгари».

Профессор Ли Яньлин подарил 10-томник спасенных им литературных памятников Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. Иначе как подвиг, я не могу оценить деятельность нашего далекого китайского друга. Его работа была замечена в Москве, и в 2006 г. президент России В.В. Путин, находясь с визитом в Китае, торжественно вручил китайскому профессору орден Дружбы народов. «Мне доставляет особое удовольствие, и я считаю большой честью наградить человека, который так преданно относится к своему делу на протяжении всей своей жизни», — сказал В.В. Путин на церемонии вручения ордена¹. Позднее, в 2011 г., Ли Яньлин был избран иностранным членом Российской академии наук. Теперь у нас есть прекрасная возможность изучить поэтическое и прозаическое наследие наших соотечественников, живших в Китае почти 100 лет тому назад.

Хотел бы также заметить: я попытался собрать библиографию исследований литературного наследия российскими синологами и литературоведами. И, к своему стыду, кроме единственной, изданной довольно давно небольшой брошюры С.И. Якимовой «Литература русского зарубежья Дальнего Востока» [Якимова, 2009], нашел лишь несколько статей и монографию, которые написали китайские исследователи Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн [Мяо Хуэй 2015, 2016; Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн, 2019].

Китайские литературоведы склонны рассматривать русскую эмигрантскую литературу в качестве составной части исторического развития собственно китайской литературы. В интернет-базе Института Китая и современной Азии РАН находится хранилище оцифрованных эмигрантских газет и журналов, переданных китайскими партнерами. Это самое настоящее богатство, которое надо тщательно изучать. Причем эта база интересна не только с точки зрения изучения русской эмигрантской журналистики. В ней содержатся уникальные данные по истории русской эмиграции в Китае в целом. Там можно найти и немало информации о литературном творчестве наших соотечественников. Это дает прекрасную возможность представить русским людям настоящую палитру прозаических и поэтических произведений наших соотечественников, которые в сложных условиях вынужденной эмиграции сумели еще раз продемонстрировать творческий потенциал наших людей, таланты, верность любви к своей стране и ее народу. Этого нельзя забывать. Следует тщательно исследовать эту базу, не пропус-

¹ Президент России вручил орден Дружбы профессору университета китайского города Цицикар Ли Яньлину// РИА Новости, 15.10.2004. URL: <https://ria.ru/20041015/707642.html> (дата обращения: 10.06.2023).

кая ни одного имени. Да, русская эмиграция не была идеальной средой. В ней действовали и враги нашей страны, и пособники фашистов и японских оккупантов. За это русских эмигрантов в Китае преследовали и старались предать забвению. Но среди них было немало и тех, кто готов был в любой момент отдать свою жизнь за Россию. И чтобы понять этих людей, надо просто помнить о них.

В связи с этим хотел бы рассказать несколько историй из моей личной жизни в Китае, точнее, в Пекине. Я приехал в Китай в 1994 г. Это было не лучшее время для нашей страны, но уже тогда в российско-китайских отношениях начали зарождаться первые элементы того, что в наши дни эксперты назовут «стратегическим партнерством и всеобъемлющим сотрудничеством». В тот период я уже работал в Посольстве России в Пекине, в мои обязанности входили контакты с китайскими средствами массовой информации и китайскими журналистами. Однажды мне позвонили из протокольного отдела и сообщили, что один китайский тележурналист добивается встречи с пресс-атташе посольства. Свободное время было, и я согласился. Гостем оказался худощавый молодой человек, который представлял телевидение пров. Сычуань, родины архитектора экономических реформ Дэн Сяопина. Парень подарил мне видеокассету и рассказал удивительную историю. В поисках интересных сюжетов его команда вышла на одного русского старика и его жену, которые вот уже многие десятилетия жили в одной из деревень далекой юго-западной провинции КНР. Китайские журналисты общались с ним на китайском языке, поскольку этот уже достаточно старый человек говорил на прекрасном и правильном путунхуа. Просматривая видеокассету, я увидел красивого седого старика с окладистой бородой, в длинной холщовой белой рубашке, подпоясанной простой веревкой, который общался с детьми. Мой молодой китайский гость взахлеб рассказывал о невероятной судьбе этого статного старца, так похожего на Льва Николаевича Толстого на известной классической фотографии. Оказалось, этот старик, бывший казак, служивший у атамана Семенова, вместе с женой эмигрировал из России в 1920-е гг. Какое-то время они жили в северо-восточном Китае. Но по прошествии нескольких лет казачья семья переехала на юго-запад страны, в пров. Сычуань, где они и дожили до начала 1990-х. Русский старик умело пахал землю и выращивал пшеницу и жил на заработанное какое-то время. Потом поменял профессию: учитель местной деревенской школы серьезно заболел и уехал в Чэнду, чтобы подлечиться. Произошло это в начале 1950-х гг., и наш соотечественник решил заняться школой. Для начала он ее отремонтировал за свой счет, а затем стал учительствовать. Русский человек с седой бородой, так похожий на Льва Толстого, учил детей китайских крестьян китайскому языку, а также математике, географии и другим предметам. Я был поражен: русский человек в преклонном возрасте, не имея высшего образования, сумел найти в себе силы и талант, чтобы учительствовать и нести знания детям в отдаленной китайской деревне. История поразила не только меня, но и местное население, когда репортаж об этом человеке был показан по телевидению.

Мой собеседник, пришедший в российское посольство в Пекине, дополнил этот рассказ еще одной историей. Во времена «культурной революции» хунвэйбины преследовали иностранцев, в первую очередь русских, обвиняя их в шпио-

наже в пользу советских ревизионистов, и пытались расправиться над ними. Эта беда не обошла стороной и нашего соотечественника, осевшего в глухой сычуаньской деревне. Но когда хунвэйбины схватили русского учителя, чтобы расправиться с ним, дети сообщили о случившемся своим родителям, и очень быстро школа была окружена крестьянами, которые вооружившись батогами, вилами и граблями, не позволили «красным защитникам» расправиться с учителем. Вся китайская деревня встала на защиту нашего соотечественника. В стране, где по отношению к иностранцам издревле проявлялось недоверие, такой поступок простых людей очень дорогого стоит. У меня скопилось немало подобных историй. Но здесь я расскажу еще лишь об одном эпизоде.

В центре Пекина есть один очень примечательный переулок, он называется Цзиньйу хутун, «Переулок золотой рыбки». С утра и по вечерам, особенно в выходные дни сюда стремятся попасть многие иностранные и китайские туристы. Неподалеку расположены Центральная академия художеств и Музей изобразительных искусств. И здесь же существовало нечто вроде протяженного рынка уличной еды. Примерно к шести вечера сюда стекались многие торговцы уличной едой, привозили на велосипедных платформах компоненты для ее приготовления и огромные чаны с водой, и начиналась готовка еды прямо под открытым небом. Улица мгновенно заполнялась невероятными ароматами и запахами, на велосипедных платформах выставлялись удивительные экзотические блюда, аппетитные десерты, приготовленные прямо на глазах туристов.

Огромные толпы людей бродили вдоль этих прилавков на колесах со спицами. Они пробовали еду, восхищались ее вкусом и удивлялись невероятным способом приготовления из не менее невероятных компонентов. Здесь можно было увидеть барбекю из морских коньков, личинок тутовых шелкопрядов, скорпионов, саранчи, здесь же готовились популярные блюда, в том числе знаменитый ламянь — растянутая лапша.

Как-то мы всей семьей зашли сюда попробовать настоящую острую лапшу по-сычуаньски «даньданьянь». Уличный повар за полминуты приготовил нам ее, выдал палочки и ложки с душистой от специй едой. Мы отошли чуть-чуть в сторонку, ближе к проезжей части улицы, которая также была забита людьми. И тут мы заметили в нескольких шагах от нас двух человек: европейского вида мужчину в сером длинном плаще по моде конца 1950-х гг., в старой, слегка помятой шляпе, и женщину в цветастом платочке с прической кудельками, как любили причесываться в начале 1960-х. Они тоже с аппетитом ели лапшу и о чем-то оживленно разговаривали. Мужчина время от времени бросал взгляды на нашу семью. Проходивший мимо них молодой китаец неловко подтолкнул мужчину. Тот сердито повернулся к нему и сделал замечание, сопроводив его сочными и яркими крепкими выражениями на чистейшем китайском языке. Молодой человек от неожиданности споткнулся и пробормотал извинения, втянул голову в плечи и под смех китайцев постарался затеряться в толпе. Моя жена Людмила, рассмеявшись, повернулась к странной паре, и мы, не сговариваясь, подошли к друг другу. Оказалось, что мужчина и его жена — русские. Они спросили нас по-русски, русские ли мы. Так мы разговорились. Выяснилось, что они родились и выросли в Харбине. Там же мужчина закончил Харбинский политехнический

институт железнодорожного транспорта, а женщина, оказавшаяся его женой, филологический факультет Хэйлунцзянского университета. Поступили на работу. Но после начала в Китае политики «большого скачка» жить стало сложнее, да и бывших русских эмигрантов стали преследовать местные власти. В конечном итоге мужчина и женщина, которые к тому времени поженились, решили покинуть Китай. Сначала они перебрались в Шанхай, а затем в Австралию.

В тот период этим путем из Поднебесной выехали не менее 12 тысяч русских людей¹. Им заново надо было налаживать свою жизнь. Мужчина пошел на работу в крупнейшую австралийскую железнодорожную компанию, где дослужился до заместителя управляющего железной дорогой. А его жена устроилась преподавателем в Университет Канберры, где вела английский язык и английскую литературу!

Вот такими были наши соотечественники! Это их интеллектуальный уровень и профессионализм. А сколько их было еще. Давайте вспомним несколько имен: Василий Васильевич Леонтьев — первый и единственный русский по происхождению ученый, получивший Нобелевскую премию в области экономики (премии по экономике памяти Альфреда Нобеля)², который, кстати, в конце 1920-х гг. несколько лет работал советником министерства железных дорог Китая. В начале 1990-х гг. он несколько раз приезжал на родину, чтобы помочь России провести экономические реформы преодолеть кризис и решить многочисленные проблемы, но его идеи не были востребованы. Вернувшись в США, он заявил репортерам, что российские реформаторы не хотят его слушать. Вспомним и поэта Василия Ерошенко, родившегося на Белгородчине, а потом в силу жизненных обстоятельств оказавшегося в далеком Китае, и несколько лет прожившего в Японии. Сегодня мало кто помнит, что это он первым стал преподавать в Пекинском университете эсперанто³, сам изучил китайский язык, будучи слепым. Мало того, он прославился тем, что писал стихи на японском языке.

Чем больше я размышляю на эту тему, тем больше убеждаюсь, что мы теряем наши лучшие имена. Таким же примером может стать знаменитый купец и предприниматель Иван Яковлевич Чуринов (1834—1895)⁴. Сибиряк из Иркутска, он за 10 лет создал мощную международную торговую империю, с отделениями во всех городах российского Дальнего Востока, северо-восточного Китая, в Японии и в США в Сан-Франциско. И сегодня имя купца Чуринова неразрывно связано с современным Харбином. В России эта фамилия известна немногим специалистам, но даже из них лишь единицы могут более или менее подробно рассказать о жизни и деятельности этого замечательного человека, имя которого превратилось в самый настоящий торговый бренд в северо-восточном Китае. Многие ки-

¹ Большая энциклопедия русского народа. Сетевая публикация. URL: <http://www.rusinst.ru> (дата обращения: 10.06.2023)

² Нобелевская премия присуждена Василию Васильевичу Леонтьеву. URL: <https://spbu.ru/history/nobelovskaya-premiya-prisuzhdena-vasiliju-vasilevichu-leontevu> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Писатель Василий Ерошенко: светлый путь в полной темноте. URL: <https://diletant.media/articles/45278382/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Сибирский купец Иван Чуринов. Его забыли на родине, но до сих пор помнят в Китае. И едят его хлеб. URL: <https://dzen.ru/a/YY5MNrCh-ARXhbo1> (дата обращения: 29.05.2023).

тайцы, проживающие на северо-востоке страны, назовут такие продукты, как чуринаская колбаса, чуринский хлеб, чуринские шоколадные конфеты с ликером и многое другое. Его имя (по-китайски 秋林) сохранено в названиях универмагов в Харбине и некоторых других китайских городах, занимающих исторические здания магазинов Чурина. Более того, китайские предприниматели и сегодня продолжают применять на практике маркетинговые наработки Ивана Чурина, о которых в России многие забыли. Мы уступили этот бренд нашим китайским соседям, но я надеюсь, что они надолго сэберегут это имя. Нам же надо набраться сил и терпения, чтобы рассказать подробно о жизни и деятельности этого удивительно успешного человека. Много ли мы знаем о судьбах советских советников, помогавших создавать после победы революции в 1949 г. индустриально-промышленную базу и социально значимые отрасли — здравоохранение, образование и т. п.? Очень мало. Мы почти ничего не знаем о похороненных в Китае советских летчиках, сражавшихся во время Корейской войны (1950—1953).

Нельзя терять имена. Забывая имена, мы безвозвратно теряем частицу самих себя. Порой мне кажется, что чем дальше уходит время, тем больше мы теряем имен наших знаменитых соотечественников. Я уверен, что сегодня нет более важной задачи, чем попытаться по-новому взглянуть на наших соотечественников, живших в Китае и других странах Азии. У них была нелегкая судьба, многие из них подверглись давлению, имена были преданы забвению, как, впрочем, были искажены и их дела. Им давались несправедливые оценки, значения их работы плохо понимали. Но даже в таких условиях наши соотечественники продолжали любить родину, которая, к сожалению, не всегда отвечала им взаимностью.

Чтобы понимать и оценивать, нужно помнить и знать, а чтобы знать, надо исследовать, собирать крупицы знаний об этих удивительных людях, и только так мы сможем глубоко понять и оценить величие нашего русского народа, наших предков, оказавшихся в непростых жизненных обстоятельствах, а также народов, которые населяют нашу страну.

Библиографический список

Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Минск: БГУ, 1999. 316 с.

Кодзис Б. Литературная жизнь русской эмиграции в Харбине (1917—1945). URL: <https://voplit.ru/article/literaturnaya-zhizn-russkoj-emigratsii-v-harbine-1917-1945/> (дата обращения: 12.06.2023).

Кравцов А.Н. Мастер короткой прозы Яков Лович. В книге Лович Яков. Шанхайцы. Том 1. М.: Издательство «Престиж бук», 2022. С. 421—430.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 1. Харбин — мой Оазис. Составитель тома Ли Янлен [Ли Янлин]. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 508 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 10. Сладкое или Горькое. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 708 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 2. Паровозы гудят у Цицикара. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 702 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 3. Соната над Хинганом. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 602 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 4. Заря над Сунгари. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 704 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 5. Волны Хуанпуцзяна Шанхая. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 688 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 6. Тройка, мчащаяся в памяти. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 572 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 8. Я береза России. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 568 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 9. Вялые лепестки розы. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 672 с.

Литература русских эмигрантов в Китае. Том 7. Волга, текущая в сердце. Пекин: Издательство «Китайская молодежь», 2005. 502 с.

Литературное Приамурье. URL: http://priamure.libamur.ru/avtor_priamure/6 (дата обращения: 18.06.2023)

Лович Яков. Шанхайцы. Том 1. М.: Издательство «Престиж бук», 2022. 432 с. ISBN 978-5-4459-0238-6

Лович Яков. Шанхайцы. Том 2. М.: Издательство «Престиж бук», 2022. 400 с. ISBN 978-54459-0239-3

Мяо Хуэй, Ван Чжуншэн. Творческая специфика русской эмигрантской литературы в Китае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12 (7). С. 50—55.

Мяо Хуэй. Традиционная китайская культура в русской эмигрантской литературе в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2016. 194 с.

Мяо Хуэй. Характерные черты литературного творчества русских эмигрантов в Китае. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 8 (58): в 3 ч. Ч. 2.

References

Ablova, N. E. (1999). *Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitaye. (Pervaya polovina KhKh veka)* [History of the CER and Russian emigration in China. (First half of the twentieth century)]. Minsk: BGU, 1999. 316 p. (In Russian).

Kodzis, B. *Literaturnaya zhizn' russkoy emigratsii v Kharbine (1917—1945)* [Literary life of the Russian emigration in Harbin (1917—1945)]. URL: <https://voplit.ru/article/literaturnaya-zhizn-russkoj-emigratsii-v-harbine-1917-1945/> (accessed: 12.06.2023). (In Russian).

Kravtsov, A.N. (2022). *Master korotkoj prozy Yakov Lovich. V knige Lovich Yakov. Shankhaytsy* [Master of short prose Yakov Lovich. In the book Lovich Yakov. Shanghaiense], Vol. 1, M.: Publishing house “Prestige Book”. Pp. 421—430. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 10. Sladkoye ili Gor'koye [Literature of Russian emigrants in China. Volume 10. Sweet or Bitter], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 708 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 8. Ya bereza Rossii [Literature of Russian emigrants in China. Volume 8. I am the birch of Russia], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 568 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 9. Vyalye lepestki rozy [Literature of Russian emigrants in China. Volume 9. Withered rose petals], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 672 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom. 2. Parovozy gudyat u Tsitsikara [Literature of Russian emigrants in China. Volume 2. Steam locomotives hum near Qiqihar], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 702 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 3. Sonata nad Khinganom [Literature of Russian emigrants in China. Volume 3. Sonata over Khingan], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 602 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 4. Zarya nad Sungari [Literature of Russian emigrants in China. Volume 4. Dawn over the Sungari], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 704 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 5. Volny Khuangpuzyana Shankhaya [Literature of Russian emigrants in China. Volume 5. Waves of Huangpujiang Shanghai], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 688 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 6. Troyka, mchashchayasya v pamyati. [Literature of Russian emigrants in China. Volume 6. Troika, racing in memory], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 572 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 1. Kharbin — moy Oasis [Literature of Russian emigrants in China. Volume 1. Harbin is my Oasis]. Compiled by Li Yanlen [Li Yanlin], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 508 p. (In Russian).

Literatura russkikh emigrantov v Kitaye. Tom 7. Volga, tekushchaya v serdtse. Literature of Russian emigrants in China. Volume 7. Volga flowing in the heart], Beijing: China Youth Publishing House, 2005. 502 p. (In Russian).

Literaturnoye Priamur'ye [Literary Amur Region]. URL: http://priamure.libamur.ru/avtor_priamure/6 (accessed: 18.06.2023). (In Russian).

Lovich, Yakov. (2022). Shankhaytsy [Shanghaihese], Vol. 1. M.: Publishing house "Prestige Book". 432 p. (In Russian). ISBN 978-5-4459-0238-6

Lovich, Yakov. (2022). Shankhaytsy [Shanghaihese], Vol. 2. M.: Publishing house "Prestige Book". 400 p. (In Russian). ISBN 978-54459-0239-3

Miao, Hui. (2015). Kharakternyye cherty literaturnogo tvorchestva russkikh emigrantov v Kitaye [Characteristic features of the literary creativity of Russian emigrants in China]. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 8 (58): in 3 vol. Vol. 2. (In Russian).

Miao, Hui. (2016). Traditsionnaya kitayskaya kul'tura v russkoy emigrantskoy literature v Kitaye [Traditional Chinese culture in Russian emigrant literature in China], Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House. 194 p. (In Russian).

Miao, Hui, Wang, Zhongsheng. (2019). Tvorcheskaya spetsifika russkoy emigrantskoy literatury v Kitaye [Creative specificity of Russian emigrant literature in China]. Philological sciences. Questions of theory and practice, No. 12 (7). Pp. 50—55. (In Russian).

Приложение

Шанхайцы¹ От автора

Этот роман мною задуман, написан и почти закончен в период японского владычества в Шанхае. И в этот период самым трагическим для меня был момент, когда ко мне пришел агент японской контрразведки (он так и отрекомендовался и показал соответствующую карточку). В те мрачные времена (1944) такой визит мне показался многообещающим: кроме романа, который японской

¹ Печатается по: URL: <https://www.livelib.ru/book/1005466120-shanhajtsy-yakov-lovich> (дата обращения: 18.09.2023).

контрразведке понравиться не мог, у меня, в скромной комнате российского эмигранта, были еще спрятаны документы одного американского банка, которые русский служащий этого банка доверил мне, т. к. война на Тихом океане разразилась внезапно и какие-то документы (запечатанные) нужно было спрятать. Японец-контрразведчик сидел на том диване, в котором лежали мой роман и американские документы. Но, благодарение богу, японская контрразведка была ребенком по сравнению хотя бы с ГПУ. Японец выкурил десять сигарет, которыми я его угостил, убедился, что я правоверный эмигрант, и мирно удалился. И роман, и документы, и я — остались целы. Теперь я этот роман предлагаю вниманию читателей. Не мудрствуя лукаво, ничуть не поэтизируя родную мне эмиграцию, я пытаюсь изобразить жизнь русских людей, заброшенных нашей «Великой, бескровной» в далекий и чуждый Шанхай. Я изображаю то, что видел в период между 1937—49 гг., то есть до «великого исхода» эмиграции из этого города. Я надеюсь, что каждый русский шанхаец, читая роман, снова переживет то, что переживал когда-то. Но и не шанхаец, а всякий русский человек, проживший какое-то время вне своей родины, вероятно, найдет в романе то, что он переживал и перечувствовал, где бы он ни жил за последние десять—пятнадцать лет. Может быть, и для американцев роман будет интересен, ибо он, возможно, ответит на вопросы: да кто мы такие, эти русские эмигранты, эти самые ДиПи, что мы пережили, почему не признаем коммунизма, почему мы так стремились в свободную Америку и почему так счастливы, что попали сюда. Я не скрывал всех наших ошибок, наших ссор, наших сомнений. Мои персонажи — не герои, они обыкновенные люди, но это те самые десятки тысяч русских людей, которые приехали в Северную и Южную Америку. Я старался взять их фотографически из жизни: в моем романе выдуманных фактов нет — все это взято из шанхайской жизни, а почти всех действующих лиц я знал лично.

Я. Лович

Поступила в редакцию: 29.08.2023. Received: 29 August 2023.

Принята к публикации: 05.10.2023. Accepted: 5 October 2023.

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции:
journal@iccaras.ru**